

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ *NEW YORK TIMES*

Р.Э. САЛЬВАТОРЕ

БЕЗ
ГРАНИЦ

Героями нового романа станут оружейник Закнафейн До'Урден, отец Дзирта, и его друг Джарлакс Бэнр. Втроем с Героем Севера они будут противостоять новой угрозе вторжения демонов и амбициям Ллос. Но вначале мы заглянем в далёкое прошлое и познакомимся с Верховной матерью дома До'Урден, Мэлис.

О переводе

Перевод выполнен командой форума «Долина Теней» (shadowdale.ru), посвящённого переводам художественной и игровой литературы по сеттингу Dungeons & Dragons "Forgotten Realms". Перевод выполнен исключительно с целью углубленного изучения английского языка.

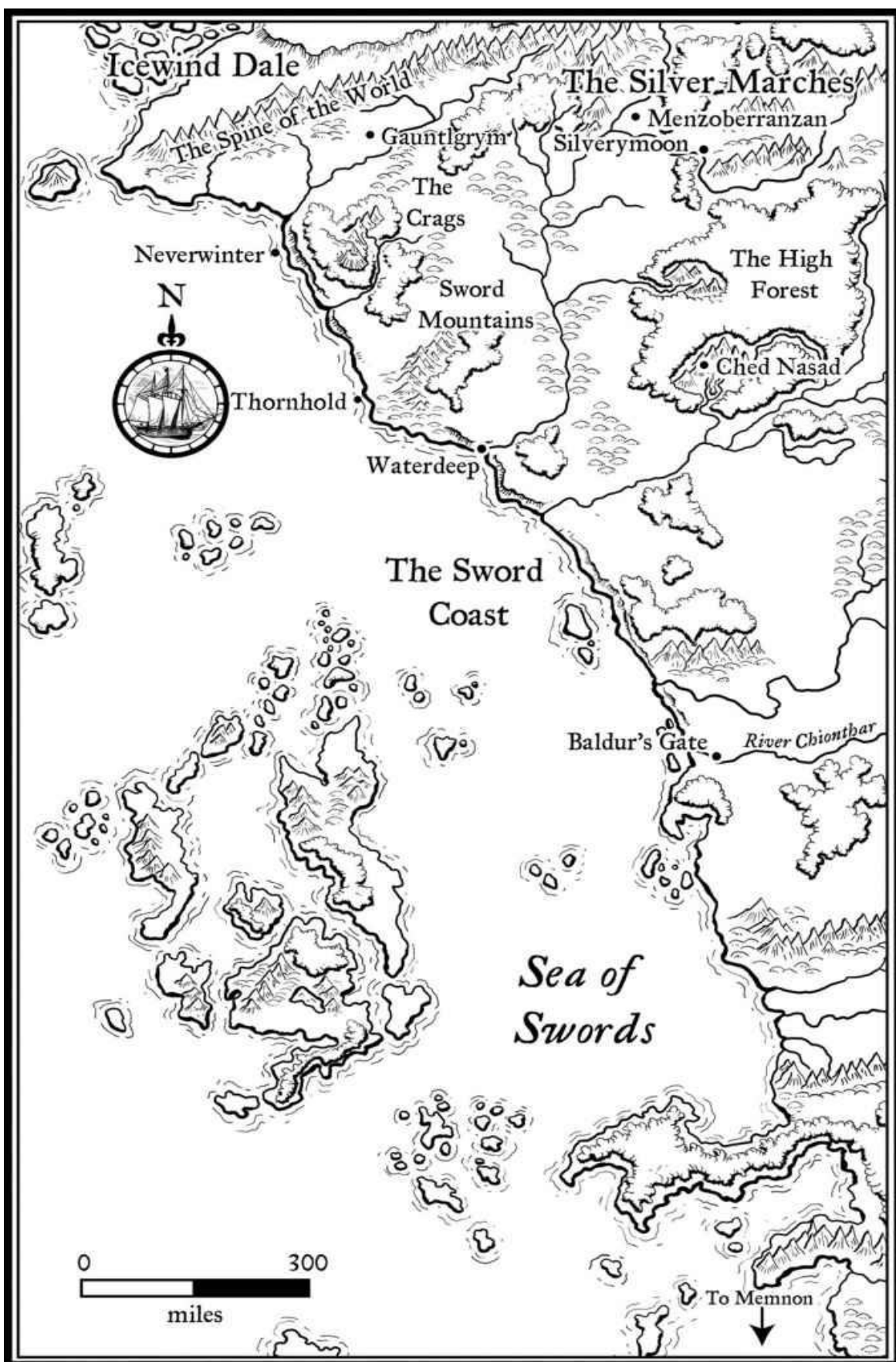
Спонсоры перевода: **Далия До'Урден, Андрианов Сергей, Екатерина Мукамаева, Николай Савинов, Михаил Дубик, Екатерина Титова, Mugen, darkwolf, Макс Мазалов, Эрмарион, Den4ig, Pretorianec, Сергей Иванов, Никита Степанов, Валерий, VyachyNOS, инкогнито х6**

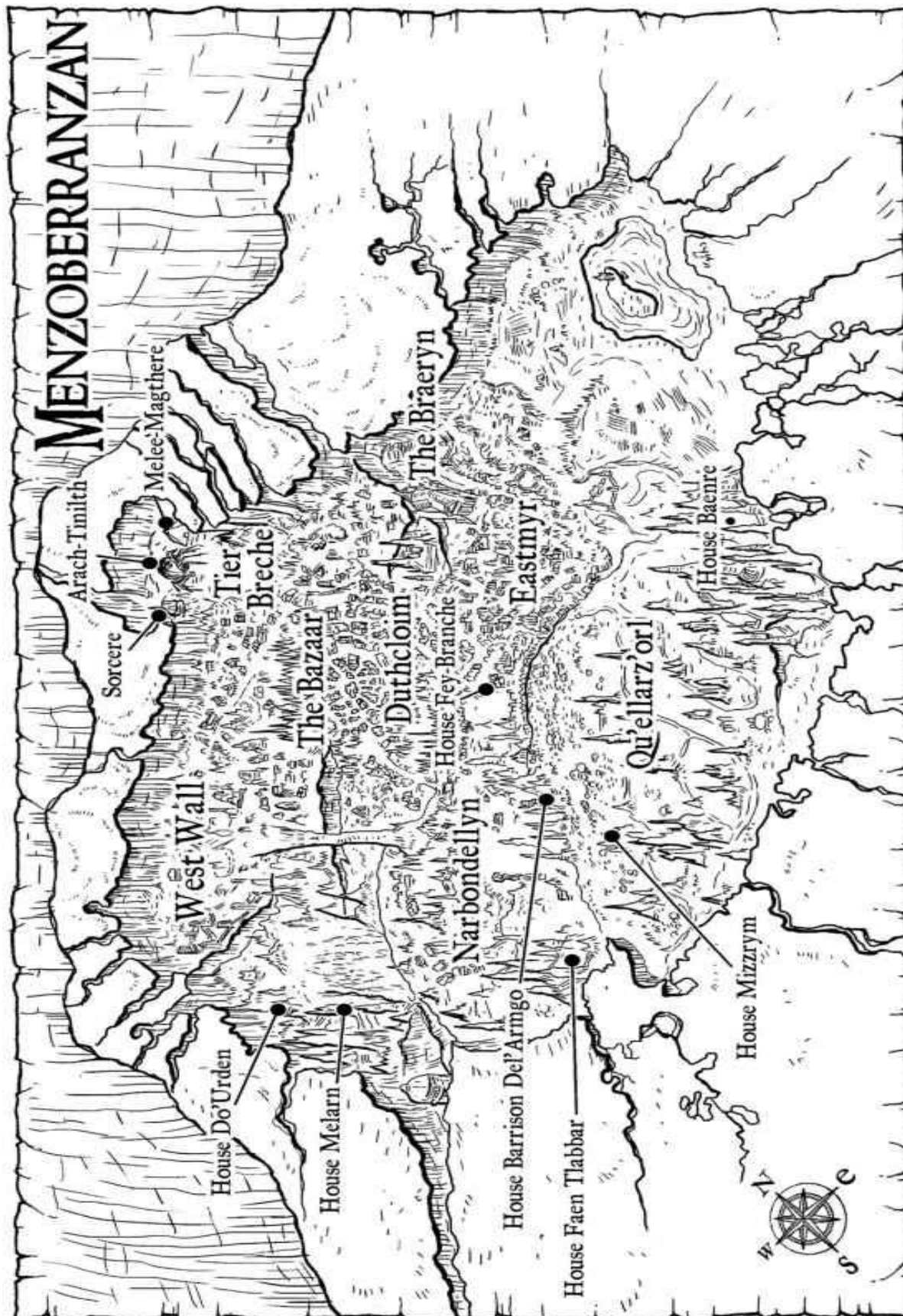
Переводчик: **Redrick**

Русская обложка: **nikola26**

Вёрстка и форматирование: **nikola26**

Обо всех замеченных неточностях или ошибках просьба сообщать переводчику в ЛС через форум «Долина Теней». Если Вам понравился перевод, просто зарегистрируйтесь и скажите «спасибо» — этого будет достаточно. ;-)

РОБЕРТ САЛЬВАТОРЕ

«БЕЗ ГРАНИЦ»

Посвящение

Диане. И Джулиану, Камилло, Доминику, Чарли и Оуэну, новому поколению в нашем чудесном путешествии.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

В прошлом... все они дроу.

Дом До'Урден

ВЕРХОВНАЯ МАТЬ МЭЛИС ДО'УРДЕН: молодая и жестокая глава дома До'Урден. Амбициозная и ненасытная, она полна решимости подняться в иерархии почти восьмидесяти благородных домов Мензоберранзана, чтобы однажды занять место в правящем совете, где заседают главные восемь домов.

ЗАКНАФЕЙН ДО'УРДЕН: Закнафейна, бывшего оружейника дома Симфрей, похитили из битвы, в которой погиб его дом, и отдали ненасытной и амбициозной матери Мэлис До'Урден в качестве оружейника и консорта. С Закнафейном в своих рядах дом До'Урден стал считаться настоящей угрозой для многих вышестоящих домов.

ПАТРОН РИЗЗЕН: публичный консорт Мэлис, отец Нальфейна. Амбициозная Мэлис считает его невероятной посредственностью.

НАЛЬФЕЙН ДО'УРДЕН: старший сын Мэлис и старший принц дома, Нальфейн именно таков, каким должно быть порождение чресел Риззена.

БРИЗА ДО'УРДЕН: старшая дочь Мэлис. Крупная и грозная.

Дом Ксорларрин

ВЕРХОВНАЯ МАТЬ ЗИРИТ КСОРЛАРРИН: влиятельная глава четвертого дома Мензоберранзана.

ХОРУДИССМОТ КСОРЛАРРИН: волшебник дома Ксорларрин и бывший магистр Сорцере, магической академии дроу.

КИРИЙ: жрица Ллос, дочь Зирит и Хорудиссомота.

Дом Симфрей

ВЕРХОВНАЯ МАТЬ ДИВАЙН СИМФРЕЙ: глава младшего дома.

Дом Тр'Арах

ВЕРХОВНАЯ МАТЬ ХАУЦЦ ТР'АРАХ: почившая глава младшего дома.

ДУВОН ТР'АРАХ: сын матери Хауцц, бывший оружейник дома, желающий проявить себя.

ДОНГЕЛИНА ТР'АРАХ: старшая дочь матери Хауцц и первая жрица младшего дома.

ДАБ'НЕЙ ТР'АРАХ: дочь матери Хауцц. После падения дома служит Джарлаксу.

Дом Бэнр

ВЕРХОВНАЯ МАТЬ ИВОННЕЛЬ БЭНР: также известная под именем Ивоннель Вечной, верховная мать Бэнр — бесспорный правитель не только первого дома, но и всего города. Другие семьи могут называть своих матерей «верховными», но весь город использует этот титул для Ивоннель Бэнр. Она — старейшая из живущих дроу, и никто уже не помнит, как давно она занимает своё высокое положение.

ГРОМФ БЭНР: старший ребёнок матери Бэнр, архимаг Мензоберранзана, самый высокопоставленный мужчина города и по мнению многих самый грозный волшебник всего Подземья.

ДАНТРАГ БЭНР: сын верховной матери Бэнр, оружейник великого дома, считается одним из лучших воинов в городе.

ТРИЛЬ, КВЕНТЛ И СОС'АМПУ БЭНР: три жрицы Ллос, дочери верховной матери Бэнр.

Другие персонажи

К'ЙОРЛ ОДРАН: мать дома Облодра, известного своим использованием странной магии разума, именуемой псионикой.

ДЖАРЛАКС: безродный бродяга, создавший Бреган Д'эрт, отряд наёмников, втайне служащих многим домам дроу, но в первую очередь — самим себе.

АРАТИС ХЬЮН: лейтенант Джарлакса и непревзойдённый ассасин. Как и многие другие, принят в Бреган Д'эрт после падения своего дома.

* * * * *

В настоящем... различные расы.

ДЗИРТ ДО'УРДЕН: родился в Мензоберранзане и сбежал от злобных обычаев тёмных эльфов. Воин-дроу, герой севера и Компаньон Халла, как и четвёрка его лучших друзей.

КЭТТИ-БРИ: человеческая жена Дзирта, Избранная богини Миликки, владеющая волшебством и божественной магией. Компаньон Халла.

РЕДЖИС (ПАУК ПАРРАФИН): полурослик, муж Доннолы Тополино. Глава деревни полуросликов Кровоточащие Лозы и компаньон Халла.

КОРОЛЬ БРЕНОР БОЕВОЙ ТОПОР: восьмой король Мифрил-Халла, десятый король Мифрил-Халла, ныне король Гонтлгрима, древнего дварфийского города, который Бренор отвоевал вместе со своими собратьями. Компаньон Халла. Приёмный отец Вульфгара и Кэтти-бри.

ВУЛЬФГАР: этот огромный человеческий мужчина родился в племени Лося в Долине Ледяного Ветра. Его взял в плен, а затем усыновил король дварфов Бренор. Компаньон Халла.

АРТЕМИС ЭНТРЕРИ: бывшая немезида Дзирта, человек-ассасин, боевые навыки которого, возможно, не уступают воину-дроу. Сейчас он вступил в Бреган Д'эрт Джарлакса и считает Дзирта и других Компаньонов друзьями.

ГВЕНВИВАР: волшебная пантера, спутница Дзирта, приходящая к нему с астрального плана.

АНДАХАР: волшебный единорог, скакун Дзирта. В отличие от живой Гвенвивар, Андахар — чисто магическое создание.

ЛОРД ДАГУЛЬТ НЕВЕРЭМБЕР: публичный лорд Глубоководья и лорд-защитник Невервинтера. Харизматичный и амбициозный мужчина.

ПЕНЕЛОПА ГАРПЕЛЛ: глава эксцентричных волшебников-Гарпеллов, пригладывающих за городком Длинная Седловина из своего поместья, Особняка Плюща. Пенелопа — могущественная волшебница, обучающая Кэтти-Бри и когда-то встречавшаяся с Вульфгаром.

ДОННОЛА ТОПОЛИНО: полурослица. Жена Реджиса, правителя города полуросликов в Кровоточащих Лозах. Родом из Агларонда на далёком востоке, где когда-то возглавляла воровскую гильдию.

ИНКЕРИ МАРГАСТЕР: знатная дама из Глубоководья. Считается главой глубоководской семьи Маргастер.

АЛВИЛДА МАРГАСТЕР: кузина Инкери. Тоже знатная дама из Глубоководья.

БРЕНВИНДОН МАРГАСТЕР: брат Инкери, ещё один представитель знати Глубоководья.

ВЕРХОВНЫЙ МАГИСТР КЕЙН: человек, монах, отринувший брENNую плоть и взошедший до уровня бытия за пределами материального плана. Кейн — верховный магистр цветов в монастыре Жёлтой Розы в далёкой Дамаре. Он друг Дриззта и наставник в его поисках долгого мира на трудном жизненном пути.

ДАЛИЯ СИН'ДЕЛЕЙ (ДАЛИЯ СИН'ФЕЛЛ): высокая и красивая синеглазая эльфийка. Далия стремится производить впечатление на окружающих не только своей внешностью, но и безупречными боевыми навыками. В прошлом любовница Дриззта, сейчас она стала спутницей Артемиса Энтрери. Вдвоём им лучше, чем когда-либо по одиночке.

ТИББЛДОРФ ПВЕНТ: ходячее оружие в шипастых и остроугольных доспехах. Пвент — закалённый в боях дварф, чья преданность не уступает исходящему от него аромату по крепости. Каждую самоубийственную с виду атаку он начинает кличем «Мой король!». Отдал жизнь за короля Бренора в недрах Гонтлгрима, но смерть не

стала для него концом — ведь Тибблдорф пал жертвой вампира. Теперь он стал вампиром сам — проклятым и жалким созданием, что рыщет по нижним тоннелям Гонтлгрима и утоляет бесконечный голод гоблинами.

БРАТЬЯ ВАЛУНОПЛЕЧЬЕ, АЙВЕН И ПАЙКЕЛ: Айвен Валуноплечий — суровый пожилой ветеран многочисленных битв, простых и магических. Ему доверили важный пост командира в гонтлгримской гвардии Бренора. Зеленоволосый Пайкел, более эксцентричный и резкий, считает себя друидом, или «ду-дидом», помогая Донноле Тополино выращивать чудесные виноградники в Кровоточащих Лозах. Его ограниченный словарный запас лишь усиливает кажущуюся невинность этого весьма могущественного дварфа.

КИММУРИЭЛЬ ОБЛОДРА: сильный псионик-дроу. Киммуриэль служит вторым командиром Бреган Д'эрт бок о бок с Джарлаксом. Его холодная логика служит прекрасным дополнением к эмоциональности Джарлакса, и Джарлакс знает об этом.

Вечные сущности

ЛЛОС, ЛЕДИ ХАОСА, ДЕМОНИЧЕСКАЯ ПАУЧЬЯ КОРОЛЕВА, КОРОЛЕВА БЕЗДН ДЕМОНИЧЕСКОЙ ПАУТИНЫ: могучая демонесса Ллос занимает место самой влиятельной богини дроу, особенно в величайшем городе тёмных эльфов — Мензоберранзане, известном как Город Пауков из-за религиозности горожан. Подтверждая своё имя, Госпожа Хаоса постоянно изумляет своих последователей, скрывая свои истинные планы под сетью более очевидных и доступных пониманию замыслов. Хаос — её конечная цель.

ЭСКВИДНЕ И ЙИККАРДАРИЯ: младшие демоны йоклол, прислужницы Ллос. Эта пара оказалась такой находчивой и умелой, что Ллос наделила их немалой свободой в общении с дроу и создании неразберихи.

ПРОЛОГ

*Год Возрождения Дварфийского Рода
1488 по Летосчислению Долин*

Реджис слышал тяжёлое дыхание своего бедного пони, но не смел сбавлять ход. Ведь тени внутри теней были уже рядом — черные, уродливые существа, огромные и изуродованные злом и неослабевающей яростью.

Демоны. Лес полон демонов.

Полурослик уворачивался от веток, подстёгивая бедного Рамблбелли. Обогнув камень, тропа сворачивала южнее и вела к поляне. Он вздрогнул, заметив блеск пота на коричневой с белым шерсти его пегой лошади.

По крайней мере, теперь можно было остановиться — но ненадолго, и только лишь потому, что с другой стороны на маленькой поляне появился «Покажи-всё» Тердиди, командир Ухмыляющихся Пони.

- Где Дорегардо? - спросил Реджис, подъехав к другу.

Покажи-всё кивнул назад, туда, откуда примчался.

- Лес полон извергов, - сказал он. - Мы не пройдем.

- И все они движутся в одну сторону, - заметил Реджис.

Покажи-всё кивнул.

- Дорегардо уверен, что этих монстров ведёт высшая цель, и они знают о Кровоточащих Лозах, - пояснил он. - Твари движутся широкой дугой, передают приказы по цепочке, и нападут на город все разом.

- Тогда ты должен успеть туда раньше, - приказал Реджис. - Вы все повернёте обратно и поскачете так, как будто жизни всех обитателей Кровоточащих Лоз зависят от вас — потому что это правда.

- Фермы... деревни...

Реджис покачал головой.

- Вы не сможете добраться к ним — а если бы смогли, то просто привели бы демонов к новым жертвам. Фермеры услышат чудовищ. Они всю жизнь провели в глуши. Они найдут укрытие и затаятся. Вы должны добраться в Кровоточащие Лозы. Все вы.

- Все мы, Паук Паррафин, - поправил его Покажи-всё.

Реджис снова покачал головой.

- Нужно сообщить в Глубоководье, - пояснил он. Было ужасно трудно говорить эти слова. Больше всего он хотел развернуться и скакать в Кровоточащие Лозы, а затем сесть на трамвай вместе со своей любимой Доннолой и милым Рамблбелли, чтобы скрыться в недрах Гонтлгрима. Но не мог. Не сейчас.

Не в этой жизни.

В своей прошлой жизни Реджис был обузой и слишком часто вместо того, чтобы помочь, лишь усложнял победу для своих дорогих компаньонов Халла — по крайней мере, так ему казалось. В те давние годы Реджис меньше всего был похож на героя. На сей раз, в этой реинкарнации, он решил всё изменить. Он не будет бременем. Он будет жить как герой, достойный дружбы Дзирта, Бренора, Кэтти-бри и Вульфгара.

Путь был ясен. Он должен добраться в Глубоководье, великий Город Роскоши, Корону Севера, самый влиятельный и могущественный мегаполис во всем Фазруне. Лорды Глубоководья могли повернуть вспять прилив демонов, и Реджис должен был попасть к ним.

- Если ты едешь в Глубоководье, значит, едешь не один, - заявил Покажи-всё, подвигая своего пони к Рамблбелли.

- Иди и скажи Ухмыляющимся Пони возвращаться в Кровоточащие Лозы, - приказал Реджис. - Эта миссия тоже очень важна.

Раздавшийся в стороне за деревьями шум заставил их обернуться.

Демоны.

- Иди! - приказал Реджис и хлопнул пони Покажи-всё по крупу, отправив животное в галоп, затем торопливо развернул Рамблбелли и помчался в ночь — в противоположную сторону.

Тяжёлые шаги преследовали его, пока он мчался между деревьями, а наверху, над кронами, висело настойчивое жужжание.

- Знаю, знаю, дружище, - прошептал он на ухо бедного пони. - Выдержи эту скачку, и тогда я дам тебе отдохнуть.

Реджис сам в это не верил. Он знал, что Рамблбелли сделает всё, о чём просит наездник, но понимал, что скорее всего загонит этого прекрасного синеглазого пони буквально до смерти.

Но выбора не было.

Они были повсюду. Они были наверху, и — как он с огромным огорчением обнаружил — были даже под ним: земля сбоку неожиданно взорвалась, огромные клещи с лёгкостью рассекли древесные корни, и из-под земли выкопался высоченный демон. Огромный четырёхрукий глабрезу длинными скачущими шагами легко поспедал за Рамблбелли.

Позади Реджиса выскочила похожая на стервятника тварь и принялась гнаться за ним, наполовину бегом, наполовину — в полёте.

Рамблбелли начал хрипеть, и Реджис понял, что пони больше не может обгонять демона.

Но всё-таки он сказал «Нет» и опустил голову, подстрекая несчастное животное бежать ещё быстрее, без оглядки, и надеясь, что они не врежутся в дерево.

Покажи-всё Тердиди истово верил, что ни один полурослик не ездит на пони лучше, чем Дорегардо, и его драгоценный друг снова подтверждал эту точку зрения.

Дорегардо легко провёл своего чёрного скакуна сквозь лабиринт леса, огибая преграды и ветви, заранее зная каждый поворот, пригнувшись к гриве и понукая пони мчаться быстрее, не сомневаясь, что животное подчинится. Было очевидно, что пони полностью доверяет всаднику.

За Дорегардо гналось целое войско демонов — в том числе несколько тех, кого он хитроумно отвлек от преследования Покажи-всё. Покажи-всё верил, что они не догонят его друга.

Никто не мог догнать великого Дорегардо из Ухмыляющихся Пони.

Он провёл своего скакуна вниз по склону в очередную рощу. Демоны спустились следом. Несмотря на свою уверенность, Покажи-всё задержал дыхание и поморщился, когда увидел, как сильно трясутся деревья и услышал рёв, рычание и вопли извергов.

Но сбоку показался мчащийся Дорегардо, на нём и на его пони не было ни единой царапины, насколько видел Покажи-всё, и погони за ними тоже было не видать — на самом деле, в роще продолжалась схватка.

Покажи-всё Тердиди улыбнулся, несмотря на отчаянное положение. Дорегардо натравил демонов друг на друга — в запутанное месиво царапающегося, кусающегося, беспорядочного безумия.

Когда двое встретились на небольшой полянке, стало ясно, что Дорегардо выиграл им немного времени.

- Наши товарищи все повернули к Кровоточащим Лозам, - сказал Дорегардо своему заместителю. - Все целы, но это ненадолго.

- Слишком много чудовищ, - согласился Покази-всё.

И как по команде, кусты позади них затряслись, и на поляну вырвалась пара взъерошенных демонов. Но оба полурослика была уже далеко — Дорегардо позволил Покази-всё помчаться к далёкому поселению по прямой, а сам вернулся к своему лесному танцу.

Но новые тени возникли у них по бокам, и громкое жужжание преследовало их наверху. Несмотря на все их усилия и безупречные манёвры Дорегардо, когда пара снова встретилась на широкой дороге дальше в лесу, стало ясно, что они крепко влипли. Вскоре после этого они опять оказались рядом на новой прогалине, осознав всю серьёзность своего положения.

- Другие справятся, - обречённо сказал Дорегардо другу.

- Мы тоже справимся! - возразил Покази-всё.

Дорегардо кивнул, но было ясно, что он в это не верит. Как и Покази-всё, ведь впереди них, слева и справа в деревьях, уже шевелились тени.

- Ну ладно, - сказал Дорегардо. - Мчись во весь опор. Пригнись и скачи, насколько хватит сил у твоего пони. Я задержу наших мерзких друзей-извергов. Передай мою любовь Пауку и госпоже Донноле, ладно?

Он ударил пятками пони и двинулся прочь, но Покази-всё тут же перехватил его поводья, удерживая друга и его коня.

Дорегардо с любопытством взглянул на него.

- Ты дашь мне оторваться лишь затем, чтобы меня поймали чуть позже, - пояснил Покази-всё. - Сам знаешь. Только Дорегардо может успеть в Кровоточащие Лозы, и только в одиночку.

- Туда доберутся другие, - настаивал Дорегардо.

- Может быть, но неужели ты хочешь рисковать? Сколько будет смертей, если их не предупредить?

- Ну так предупреди их, а я догоню!

- Нет, - мягко сказал Покази-всё. - Скачи ты. Во весь опор.

- Я дам тебе фору.

Два полурослика, которые всю жизнь были друзьями, десятки лет — товарищами по оружию, обменялись долгими взглядами, полными дружбы и братской любви.

И смирения.

- Скачи, - произнёс Покази-всё.

Но Дорегардо опять покачал головой.

- Из-за тебя мой подвиг пропадёт впустую, - сказал Покази-всё.

Дорегардо начал отвечать, но на самом деле ему было нечего сказать. Он не верил, что кто-то из них выберется из леса живым, но если у кого и был шанс, то, конечно же, у него.

- Молюсь, чтобы Реджис — Паук — добрался до Глубоководья живым, - сказал он.

- Молюсь, чтобы Дорегардо добрался до Кровоточащих Лоз, - ответил Покази-всё. - И молюсь, чтобы он увёл госпожу Доннолу и всех остальных вниз, под защиту могучих врат короля Бренора.

- Увидимся там, друг мой, - сказал Дорегардо. - В Гонтлгриме, где орда демонов будет повергнута.

Покажи-всё кивнул, но не нашёл в себе сил произнести что-то вслух. Он натянул поводья, потом хлопнул по крупу чёрного пони Дорегардо, когда тот прошёл мимо.

Дорегардо поскакал вперёд, а Покажи-всё Тердиди достал свой меч.

Тот казался слабым оружием по сравнению с огромными тушами, рыскающими в тенях.

Ну и пусть.

Несмотря на погоню, Реджису пришлось придержать Рамблбелли, спускаясь по крутому склону. Крепко стиснув поводья левой рукой, полурослик схватил маленький ручной арбалет, висящий у него на шее, продолжая оглядываться, ожидая, что вот-вот на него прыгнет огромный демон. Реджис знал, что они близко, но ни один пока что на него не напал.

Он вздохнул с некоторым облегчением, когда земля выровнялась, и обогнул булыжник у основания склона, готовясь снова пустить пони галопом на ровной тропе.

Но здесь он ехал вслепую, по незнакомой местности, и тропа оказалась ложной — она заканчивалась тупиком. Впереди возвышалась стена деревьев. Бежать было некуда.

Он резко остановился и развернул пони. Единственным выбором было возвращаться обратно или бросить Рамблбелли и продираться сквозь лес на своих двоих.

Из-за булыжника неподалеку от него показалась пара чудовищ; огромный четырёхрукий собакомордый демон втрое выше полурослика, и другой, немногим ниже товарища, похожий на странный гибрид крупного человека и стервятника.

Реджис взглянул на своё жалкое оружие, абсолютно убеждённый, что любой из этих монстров запросто разорвёт его на части.

- Мы погибнем вместе, Рамблбелли, - сказал он, когда демоны начали медленно приближаться под скоординированным углом, не оставляя ему места, чтобы броситься мимо них и сбежать. - Мне не найти спутника благороднее, чтобы разделить эти последние, самые славные мгновения. Вот так!

Рамблбелли встал на дыбы и заржал, как будто в знак согласия, и когда пони снова опустился на все четыре копыта, Реджис хотел ударить его пятками.

Но остановился и натянул поводья сильнее, удерживая потеющего жеребца, ведь демоны впереди повернули — не назад, а друг на друга!

Потасовку начал демон-стервятник, врок, неожиданно замахнувшись на товарища — так резко, что упал на спутника, испустив какой-то странный, придушенный вопль, затем высоко подпрыгнул, взмахнув своими руками-крылышками, и с силой налетел на четырёхрукое чудовище, ударив головой и вонзив острый клюв в демоническую плоть. Он целился в шею и почти попал — это стало бы немедленным концом драки — но глабрезу развернулся как раз достаточно, чтобы принять удар в плечо. Его обе клешни сомкнулись на врое, и более массивный глабрезу продолжил разворот, выводя себя и противника из

равновесия — чтобы упасть на землю одной грудой, где они принялись кататься и колотить, пинать, кусать и клевать друг друга. А эти огромные и страшные клешни драли и щёлкали, оставляя впроку глубокие раны, из которых хлестала зелёная жижа и чёрная кровь.

Реджис не знал, как понять развернувшуюся перед ним сцену. Он знал, что демоны непредсказуемы до крайности, знал, что они готовы убивать всех, даже друг друга. Но на такой неожиданный поворот, когда прямо перед демонами была лёгкая добыча в лице пухлого полурослика и ещё более пухлого пони, он не мог даже надеяться.

Он был так потрясён, что долгие мгновения бездействовал, пока два жутких исполина по-демонически самозабвенно катались и рвали друг друга. Но жуткие звуки омерзительной схватки не раз и не два заставили его вздрогнуть, а Рамблбелли прижал уши и нервно попятился. Реджис был достаточно опытным ездоком, чтобы понять — его несчастный пони готов рухнуть прямо здесь — от страха, если не от усталости.

Это вырвало полурослика из транса. Он подался вперёд и ободряюще зашептал на ухо скакуну.

- Давай, Рамблбелли, - сказал он. - Осторожно пройдем мимо двух этих тварей.

Он заставил пони шагнуть вперёд, обходя драку стороной, и если пони могут ходить на цыпочках, то Рамблбелли сейчас именно так и делал.

Реджис не стал оборачиваться, чтобы взглянуть на катающихся по земле демонов. Он держался тише воды, ниже травы, продолжая шептать Рамблбелли на ухо, готовясь бросить пони галопом. Он как раз собирался так и поступить, когда они с пони одновременно вздрогнули от испуга. Реджис выпрямился, а Рамблбелли снова отчаянно попятился, от неожиданности и страха высоко вскинув голову, когда перед ними мелькнула тёмная фигура.

Эта фигура, туша врока, ударилась о дерево и наполовину обернулась вокруг ствола, скользнув на землю у его основания. Тело изошло чёрным дымом, погружаясь сквозь планы бытия обратно в Бездну.

А значит, остался глабрезу. Демон выпрямился в полный рост, потрепанный, но вполне живой, и очень, очень разгневанный.

Демон сошёл с обочины тропы, широко расставив свои четыре руки, как будто понукая полурослика попытаться промчаться мимо.

Реджис знал, что у него не получится. Он хотел спешиться и атаковать, открыв дорогу своему любимому пони.

Но куда пойдёт Рамблбелли?

- Мы будем сражаться, мой доблестный скакун, - громко заявил он, пытаясь звучать уверенно, и поднял свою рапиру перед собой. - За Рамблбелли, за Кровоточащие Лозы, за компаньонов Халла!

К тому времени, как Дорегардо вернул себе полную власть над своим напуганным пони, они уже оторвались от Покажи-всё на значительное расстояние, и его друг пропал из виду, когда пони обогнул несколько деревьев, потом пересёк короткий гребень холма и спустился по склону. Предводитель Ухмыляющихся Пони

с силой натянул поводья, и его скакун резко остановился. При помощи ног и умелого контроля уздечки Дорегардо заставил коня пойти быстрым галопом.

Затем лошадь и наездника едва не переехали, когда мимо промчался пони Покази-всё.

Пони Покази-всё без наездника.

Лишь тогда Дорегардо обратил внимание на крики позади него, на стоны друга. Он ударил пони пятками и бросился прочь, но снова остановил скакуна, услышав последний, отчаянный смертельный вопль.

Дружба Дорегардо требовала, чтобы он вернулся за Покази-всё.

Ответственность Дорегардо перед своим народом требовала, чтобы он продолжал скачку, собирая и организуя всех союзников, которых сможет найти.

Однако клятва, которую Дорегардо принёс госпоже Донноле, не оставляла ему выбора. Необходимо предупредить Кровоточащие Лозы, иначе погибнут сотни.

- До встречи на Зелёных полях горы Целестия, дружище, - прошептал он ночному ветру, снова развернул скакуна и помчался к городу полуросликов.

Несмотря на все его сожаления — которые были поистине велики — Дорегардо понял, что сделал правильный выбор, когда увидел, как приветствуют его ночные часовые Кровоточащих Лоз, которые, как он вскоре узнал, ничего не ведали о надвигающейся армии демонов.

- К оружию! К оружию! - кричали часовые-полурослики, передавая приказ по рядам, вокруг деревни, а затем по ней, когда в каждом доме стали зажигаться свечи.

Дорегардо направил скакуна напрямик к скромному дому госпожи Доннолы и встретил её, выходящей наружу.

- Мы не можем с ними сражаться, - выкрикнул он, не успев даже обменяться приветствиями. - Никакого «К оружию!» В Гонтлгрим, иначе мы все погибнем!

- С ними?

- С демонами, миледи. Я никогда не видел такой орды — и не слышал о таких даже в песнях бардов. Столько демонов, что они могут сравниться со стаями драконов, опустошавшими Ваасу во времена Короля-Ведьмака!

Госпожа Доннола, которая прекрасно знала о склонности Дорегардо к преувеличению, подняла бровь.

- Покази-всё мёртв, миледи, - угрюмо сообщил ей Дорегардо, и по случайному совпадению пони Покази-всё был как раз неподалёку, всеми забытый — его не привязали и не позаботились снять седло.

- Где Реджис? - спросила она с неожиданной тревогой.

- Собирается оповестить Глубоководье.

- Ты хочешь сказать... - начала она, но умолкла.

Дорегардо понимал её смирение, ведь они оба знали, что Реджиса так просто не отговоришь от подобной миссии, раз было ясно, что она критически важна для выживания Кровоточащих Лоз.

- Мы не можем с ними сражаться, - сказал ей Дорегардо. - Мы не можем их остановить. В Гонтлгрим, прошу — и будем молиться, чтобы оборона короля Бренора смогла удержать орду.

- Ты сомневаешься в могуществе Гонтлгрима? - спросила Доннола, качая головой.

Дорегардо не отвечал, просто сидел с каменным лицом на своём пони.

- Так много?

- Спасайтесь, госпожа, прошу. Даже не пытайтесь остановить или задержать их. Просто бегите.

Доннола сообщила своим личным стражникам, а те передали часовым. И так по небольшому поселению стали раздаваться призывы к отступлению в Гонтлгрим. Полурослики хватали всё, что могли унести, и бежали ко входу в дварфийский город, где всегда стоял наготове один трамвай, а второй мог быстро прибыть из горных недр.

По приказу Доннолы, Дорегардо прискакал на трамвайную платформу, чтобы управлять отступлением в самой узкой его точке.

Другие члены Ухмыляющихся Пони и Коленеломов просочились в город из окружающих лесов и холмов. У многих были раны от стычек с демоническим войском. Все, кто был в силах, вносили свою лепту — организованный отряд помогал другим полуросликам загружать повозки, затем отправлял трамвай в тёмные недра Гонтлгрима, как только в другом тоннеле замечали огни возвращающегося трамвая.

В каждой группе были семьи, дети, лошади, скот, домашние животные и сокровища — все торопились успеть на трамвай, и несмотря на сложности с оповещением, эвакуация шла гладко.

Но потом раздался кличи демонов, разносящиеся на ветру. Громкий жужжащий звук наполнил небо, когда стая летучих чазмов обрушилась на обречённую деревню.

Дорегардо выкрикивал приказы, его подчинённые передавали их во все концы.

- Летающие монстры! - предупредил его один.

- Собирай парней и девчонок, - быстро решил Дорегардо. - Будем сражаться до последнего, чтобы наши друзья спаслись.

Ни один из Ухмыляющихся Пони, ни один Коленелом не дрогнул от этого приказа — его ожидали, и Дорегардо не нужно было даже его озвучивать. Они построились без единого возражения.

Все пони в отряде прижали уши, когда над ближайшим холмом возникло тёмное облако чазмов, чёрное на фоне звёздного неба, и в это мгновение Дорегардо испугался, что большую часть деревни перебьют.

Это чувство лишь усилилось, когда возникло другое чёрное облако — на этот раз прямо над головой, подсвеченное вспышками молний.

- Что за демоническая магия? - воскликнул один из полуросликов.

- Не, - раздался хриплый ответ, который заставил полуросликов, включая Дорегардо, оглянуться на трамвай и увидеть старого дварфа, который смотрел на них в ответ. - Эт мой братишка, - пояснил Айвен Валуноплечий, когда зарокотал гром.

Поднялся сильный ветер, подул прямо в уродливые морды летающих демонов, замедляя их приближение. Разряды молний ударили из тучи — по целям, а не случайно, и рассекли стаю чудовищ.

- Мой братишка, - повторил с гордой улыбкой Айвен Валуноплечий, подражая странному говору Пайкела.

Второй загруженный трамвай съехал с поднятой станции в тёмную пещеру, погрузившись в гору. Наверх поднялся третий, с грохотом остановился, и этот был полон дварфийских воинов, солдат клана Боевого Топора, которые выскочили наружу и построились в защитный порядок, подгоняя спасающихся полуросликов.

Грудь Дорегардо раздулась от гордости и надежды при виде точности и выучки его собственных парней и их храбрых соседей. Но он знал, что вскоре им предстоит отчаянная битва, ведь волшебной тучи не хватит, чтобы остановить воздушный налёт демонов.

Войско дварфов с тяжёлыми арбалетами в руках бегом выстроилось перед защитной кавалерийской линией Дорегардо. Они одновременно упали на одно колено, оставляя между собой достаточно места, чтобы проехал пони, и подняли оружие в сторону надвигающейся угрозы. На правом конце ряда, недалеко от Дорегардо, дварфийская командирша пролаяла приказ выжидать.

Несмотря на отчаянное положение, Дорегардо не смог сдержать улыбку, когда взглянул на дварфийку. Он не мог сказать, кто это из близняшек-королев Гонтлгрима, Кулак или Фурия, Таннабричес или Малабричес. Но это была одна из них, жена самого короля Бренора, на линии фронта, готовая сдерживать орду демонов.

Чазмы приближались. Ударил ещё одна молния, прочертив линию разрушения посередине стаи, взорвав несколько чудовищ на куски и опалив тонкие крылья многим прочим — эти рухнули, кружась, на землю. Но облако Пайкела уже рассеивалось, а демонов оставалось ещё немало.

- Пли! - скомандовала командирша дварфов, и арбалетчики сделали залп. Рой тяжёлых болтов взметнулся в ночное небо. Немногие снаряды попадали в одну и ту же жертву, ведь умелые воины Боевых Топоров распределяли свои цели. Ещё дюжина чазмов рухнула вниз.

- Заряжай! - моментально раздался новый приказ, который уже выполняли.

- За королеву Малабричес! - выкрикнул один из дварфов рядом с Дорегардо, прояснив для него личность командирши.

- Урра! - закричали остальные дварфы, и полурослики к ним присоединились.

Демоны устремились вниз, и конные полурослики бросились в атаку.

- По четвёркам! - закричал Дорегардо. Наездники разбились на группы в форме алмазов.

- Боевые Топоры, встать! - проревела королева. - Тех, кто сверху, уложить!

Дорегардо толком не знал, что означает этот приказ, и был слишком занят, чтобы сейчас над этим раздумывать. Возглавив свою четвёрку, он устремился на трех чазмов. Демоны вздыбились, их длинные жала дрожали в предвкушении крови.

Двое остались у земли, чтобы вступить в бой с полуросликами, но третий, тот, что посередине, на которого мчался Дорегардо, внезапно поднялся выше, а его товарищи ринулись на Дорегардо.

Он умело развернул пони, с одной стороны отразил мечом атаку чазма, а его пони лягнул копытами в другую, отбросив второго.

И тогда Дорегардо понял приказ королевы дварфов, ведь в воздухе над ними засвистел град арбалетных болтов, ударив во взлетевшего демона, как только тот

поднялся выше головы Дорегардо, моментально прикончив тварь, «уложив того, кто сверху», как она и приказала.

Трое спутников Дорегардо яростно вступили в бой — двое занялись чазмом, атаку которого он отразил мечом, сбросили своими длинными копьями вниз уродливого получеловека-полунасекомое, где его затоптали дрессированные пони. С другого бока поднялся чазм, оглушённый пони Дорегардо, но взлетел слишком высоко, и его разорвал залп арбалетчиков.

Начало было хорошим. Но Дорегардо понимал, что это только начало, и на его группу напали снова, прежде чем они успели хотя бы возобновить построение. Справа раздались крики о помощи от других всадников — кавалерия пыталась справиться с более манёвренными и быстрыми чазмами.

Но многие из этих демонов пронеслись прямо над полуросликами, рискуя попасть под очередной арбалетный залп, пытаясь добраться до дварфов. Прорвалось достаточно, и Дорегардо понял, что его воздушной поддержке пришёл конец, когда королева Малабричес скомандовала «Топоры!»

Полурослик воткнул свой меч в тело нападающего, затем вырвал его как раз вовремя, чтобы помешать неожиданному удару другого — взмах мечом отрезал его длинный хоботок. Дорегардо использовал мгновение передышки, чтобы оглянуться на отряд Малабричес и проверить, не нужна ли им помощь. Однако его взгляд протянулся за линию дварфов, несмотря на идущие вдоль неё тяжёлые бои, и он увидел, как ещё один трамвай исчезает в горе на пути в Гонтлгрим. Его практически сразу заменил четвёртый, наполненный воинами Боевого Топора — и не просто воинами, но знаменитой бригадой Кишкодёров. Эти элитные свирепые берсерки выскочили наружу, пока трамвай ещё не успел остановиться, приземлились на бегу, перекатываясь, прыгая — неважно, главное любым способом попасть в бой как можно быстрее.

Конечно, Дорегардо приободрился, но в то же время — испугался. Он считал, что их единственный шанс спастись — прикрыть отход последних жителей деревни, а затем как можно быстрее отступить под защиту Гонлгрима самим.

Но верные своей репутации берсерки выглядели так, как будто не собираются отступать. Упрямые глупцы наверняка останутся здесь в своём боевом задоре даже после того, как эвакуируются невинные. Если так, решил предводитель полуросликов, они будут здесь сами по себе.

Он повернул со своей командой назад, алмаз ушёл вправо, где семья полуросликов бежала, спасая свои жизни, от преследующего их летающего демона.

Когда они двинулись наперерез, Дорегардо услышал шум среди далёких деревьев. Пришла орда, и теперь она мчалась на них — уродливые человекоподобные фигуры, младшие демоны-маны выбирались из кустарника, как будто человеческая армия, восставшая из мёртвых. Позади них и между ними виднелись их хозяева, настоящие демоны всех сортов, которых и так было достаточно — не считая манов и чазмов — чтобы считать это войско сокрушительной силой.

- Быстрее, прикройте их! - приказал он своим спутникам.

Они только успели оказаться между полуросликами и преследующими тварями, вовлекая в бой чазма, как громкий треск снова привлёк взгляд командира наездников к линии деревьев.

Он боялся, что это новый враг. Но вместо этого Дорегардо увидел одинокую фигуру, вставшую перед надвигающейся ордой — дварфа в зелёных одеждах, который махал одной рукой. Дварф взывает к траве и деревьям, понял Дорегардо... и растения слушали!

Ветви изогнулись, чтобы вцепиться в демонов; трава хватала манов за лодыжки, замедляя некоторых, останавливая других. Появилась надежда — но только на мгновение. Конец заклинанию друида положил огромный демон. Явился могучий балор, величайший среди демонов, кроме самих демонических лордов. Могучее создание, целиком из огня и тьмы, топнуло ногой, и наружу разошлось ревущее пламя, карая траву и кустарник, что попытались схватить его. Балор устремился к одинокому дварфу. Он высоко занёс свой огненный кнут и хлестнул им вперёд, разбрызгивая смертельный огонь.

Кнут щёлкнул прямо над дварфом, Пайкелом Валуноплечим, и породил ужасный огненный шар.

Жар от взрыва достиг Дорегардо, несмотря на приличное расстояние. Полурослик прищурился, пытаясь разглядеть в дыму дварфа.

Но нет. Пайкела, сомелье Кровоточащих Лоз, зеленорукого друида, возрадившего чудесный виноградник, следовало считать убитым.

И Дорегардо знал, что не может забрать Пайкела — или его тело. У них закончилось время. Он приказал своему отряду развернуться, прокричал общий приказ отступать, и помчался назад к трамвайной станции. Другие алмазные отряды присоединялись к ним, и они соответствующим образом изменили построение, продолжая скакать тесной группой, обороняясь, подняв множество мечей и копий, чтобы встретить любого чазма, который окажется слишком близко. У трамваев скакали и вертелись берсерки, бросая себя на демонов и просто превращая чудовищ в лоскуты краями своих острых доспехов — настолько эффективно, что королева Малабричес приказала почти половине своих солдат снова взяться за арбалеты, пока остальные собирали павших — таковых было больше дюжины — и тащили их к трамваю.

Трамвай тронулся, и наверх прибыл другой. В бой вступили новые дварфы, и здесь, в полукруге прямо перед трамвайной станцией, держали оборону дварфы и полурослики, пока последние жители Кровоточащих Лоз, включая саму госпожу Доннолу, уезжали в укрытие Гонтлгрима.

- Теперь мы погибнем, - сказал своим солдатам Дорегардо, - так что погибайте хорошо, - и обменялся мрачными кивками с королевой Малабричес.

- Вам следует уходить, добрая королева, - сказал он ей.

- Бренору родит наследников сеструха, - сказала та, улыбнулась и подмигнула, и ударила молотом по щиту.

Навалились маны, и полурослики с дварфами косили их по двадцать на одного — но этих проклятых тварей было слишком много, чтобы одержать победу даже с таким соотношением.

На поверхность прибыл новый трамвай, хотя на этот раз dwarфов внутри было мало, поскольку Гонтлгрим, очевидно, приказал полное отступление.

- Пони! - прокричал Дорегардо, и приказ передали по рядам. В такой тесноте пони станут обузой, но конечно же, среди Ухмыляющихся Пони или Коленеломов не было такого, кто не отдал бы собственную жизнь за любимых животных. Так что они спешили — многие уже это сделали — и начали вести коней к трамваю.

Но загрузить пони в трамвай и в спокойное-то время было непросто, а с бушующей вокруг битвой это было опаснее, чем драться с демонами.

У Дорегардо не было готового решения, и он приуныл, подумав, что его любимый скакун, скорее всего, обречён. Эти меланхоличные мысли угрожали раздавить его, но воздух наполнился мелодией дудочки, которая перекрыла шум битвы, стук оружия, демонические вопли, и полурослик с изумлением увидел, как dwarf — единственный и неповторимый Пайкел Валуноплечий — выходит из дерева. Не из-за дерева, а из дерева, играя на дудочке с необычайным мастерством. Эта музыка успокоила пони, и они послушно забрались в трамвай, пока Пайкел бежал вверх и вниз вдоль рядов, закрывая двери каждого вагона.

Трамвай отбыл со станции, и Дорегардо порадовался, что его любимый пони может пережить этот ужасный день. Потом он развернулся и бросил себя на демона-мана, абсолютно уверенный, что ему-то пережить эту битву не суждено.

Демон ответил собственным словом, хриплым, лязгающим сочетанием грубых слогов, которые казались Реджису похожими на дикообраза, которого трут о шкуру огромной лягушки.

Он хотел подразнить демона, но вдруг неожиданно у него в голове осталась лишь одна мысль — тщетно стараться удержать оружие, когда оглушающая магия слова адского чудовища вцепилась в его сознание.

Оглушённый, он едва не упал. Оглушённый, Рамблбелли шагнул в сторону.

Собакомордый демон злобно оскалился и шагнул вперёд...

Затем забился, когда воздух перед ним внезапно наполнился вертящимися магическими клинками, стеной свистящего оружия, режущего и рвущего демоническую плоть. Клешни чудовища захлопали и защёлкали, а парящие магические клинки зазвенели, рассыпая искры. Некоторые из них отлетели в сторону и рассеялись. Но другие сделали своё дело, и полосы крови расчертили глабрезу — однако тот не отступил, упрямо сражаясь с мечами, уменьшая их число, по одному за раз вырывая их из этой стены призванной ярости.

Реджис не знал, что происходит, не знал, откуда взялся этот могущественный двомер. Зато знал, что это лишь временная передышка, и мог лишь надеяться, что к тому времени, как тот преодолеет стену клинков, демона ранит ещё серьёзнее. Полурослик огляделся вокруг, пытаясь отыскать путь к бегству, и увидел её.

Она вышла из-за деревьев позади Реджиса, позади его пони, так испугав полурослика, что он снова едва не выпал из седла. Она была прекрасна, ужасающая и могущественна, но для Реджиса — в первую очередь прекрасна.

Ведь он знал эту молодую женщину, эту могущественную дроу по имени Ивоннель, дочь Громфа, подругу Дзирта, и его охватило облегчение. Он был уверен, что не сможет победить глабрезу.

Но Ивоннель, наверное, сможет.

Она прошла мимо него, не обратив на полурослика внимания. Её взгляд был прикован к демону, который смотрел на девушку в ответ полными ненависти глазами, расшвыривая последние магические клинки. Его шкура висела клочьями, одна клешня была коротко обрублена, лапы — окровавлены.

Однако было не похоже, чтобы демон был готов упасть и умереть.

Ивоннель всё равно не замедлила шаг.

- *Эканти'ту Рефнорель, деспер носферат*, - сказала она, затем повторила.

Глабрезу зарычал.

- *Эканти'ту Рефнорель, деспер носферат*.

Реджис не понимал этих слов, и даже не верил, что это язык дроу, но он чувствовал их силу.

Демон снова зарычал, но выпрямился из своей агрессивной стойки, практически откинулся назад.

Ивоннель продолжала приближаться — спокойно и уверенно.

- *Эканти'ту Рефнорель, деспер носферат*, - снова повторила она, и у Реджиса широко распахнулись глаза, когда он понял, что мощь в этих словах — Ивоннель выдыхала их, как будто волшебный дракон — была нацелена специально на жизненную силу демона. «Рефнорель» казалось похожим на имя — имя демона, решил Реджис.

- *Эканти'ту Рефнорель, деспер носферат*.

Полурослик заметил, как с глабрезу стекают назад чёрные тени, как будто слова Ивоннель подняли убийственный ветер, который ударил в его телесную оболочку и сдувал демоническую эссенцию, оживляющую это физическое тело. Каждый слог ударял Рефнорея, как текучее дыхание оратора сдувает пламя свечи.

Ивоннель практически буквально сдувала жизненную силу из этого изверга.

- *Эканти'ту Рефнорель, деспер носферат*, - продолжала она ещё более сильным голосом. Она была достаточно близко, чтобы глабрезу мог дотянуться своими клешнями и перерезать её надвое. Но почему-то он не мог. Изверг просто стоял очень неподвижно, отстранившись от дроу, и казалось, что от Рефнорея требуется вся его сила воли просто для того, чтобы удержать эту позу.

Ивоннель снова повторила слова силы, затем сжала губы, наклонилась вперёд и подула — и наружу вырвался такой порыв ветра, что ветви деревьев перед ней затряслись, как от урагана, а чёрные тени демона вытянулись на много шагов от его тела. Затем, как будто вся жизненная сила покинула его с этими тенями, огромное существо оторвалось от земли и странно затрепетало, как одежда, вывешенная сушиться на том же самом урагане. Колыхаясь, она улетела прочь и пропала.

Ивоннель остановилась. Она стояла абсолютно неподвижно, пытаясь вернуть самообладание и собраться с силами.

Наконец она подняла голову, кивнула при виде результатов своей работы, затем оглянулась на Реджиса.

Он чуть не упал на колени под сверхъестественной тяжестью этого взгляда — не из благодарности, а в знак поклонения.

Он попытался произнести «спасибо», но дрожащий рот не смог сложить слов.

Дорегардо пришёл в сознание, споткнувшись о какую-то небольшую стенку и тяжело приземлившись, несмотря на множество рук, которые пытались его поймать. Потребовалось какое-то время, чтобы осознать, что его затанули в один из трамвайных вагонов, а руки, хватающие его, принадлежат паре дварфов и многим из его собственных Ухмыляющихся Пони. Он посмотрел на них, но они не смотрели на него в ответ, вместо этого глядя куда-то мимо, и тогда он понял — ведь там стоял самый грозный демон на поле битвы, могучий балор из огня и мрака.

Мысли Дорегардо помчались вскачь, когда он попытался вспомнить, как потерял сознание. Неужели балор бросил его в вагон?

Но нет, понял он, когда трамвай укатился прочь, ускоряясь после поворота в круто опускающийся тоннель, ведь в этот миг показалась другая фигура — стройное тело дроу, причём знакомого.

Тот стоял на платформе. Не в вагоне.

Это был он, подумал Дорегардо. Полурослика притаился к задней стенке последнего вагона последнего трамвая Дзирт До'Урден. Который по-прежнему оставался там. Дорегардо услышал свист, чистый и ясный, но в этот миг смятения и страха не понял его значения. Ведь там был Дзирт.

С демонами.

С балором.

И тогда трамвай повернул снова, и воин-дроу пропал из виду.

ЧАСТЬ 1

Кинжалы Бреган Д'эрт

После воскрешения Закнафейна Джарлак потратил немало часов, рассказывая мне истории о времени, проведённом с моим отцом в Мензоберранзане. Подозреваю, что его цель — помочь мне лучше узнать этого мужчину, который был так важен для меня в юные годы и чьё прошлое до сих пор оставалось загадкой. Возможно Джарлак рассматривает это как способ преодолеть пропасть, которая неожиданно отделила меня от отца, сгладить углы резкого отношения Закнафейна ко всем, кто не является дроу.

Но в первую очередь я обнаружил, что истории Джарлака больше рассказывают о Джарлаксе, чем о Закнафейне — главным образом об эволюции Джарлакса и его наёмнического отряда Бреган Д'эрт. Эта эволюция придаёт мне огромный

оптимизм, поскольку кажется меньшим примером того, что, как я надеюсь, может случиться со всей культурой дроу.

Поначалу Джарлакс создал эту банду изгоев лишь для того, чтобы сохранить свою шкуру. Он был бездомным бродягой, что в Мензоберранзане обычно является гарантией короткой и сложной жизни. Но хитрый Джарлакс собрал других бродяг и свёл их вместе, и превратил этих личностей в могущественную силу, которая оказалась ценной для правящих матерей, но в то же время не представляла для них опасности. Однако тот отряд ещё не был Бреган Д'эрт, который сейчас управляет Лусканом, и различие не такое уж и незаметное, хотя я не уверен, что сам Джарлакс видит его.

Сейчас Бреган Д'эрт — совсем иная организация, но я думаю, что перемены внутри отряда накапливались на протяжении веков. Джарлакс и сам должен был измениться.

А потому — смею ли я надеяться, что Закнафейн тоже найдёт свой путь?

В самом начале Бреган Д'эрт был отражением жестокой культуры домов Мензоберранзана, и зачастую использовал городские конфликты — как между домами, так и внутри домов. Эти предательства были воистину велики! Жертвенный клинок пощадил мою собственную жизнь лишь потому, что мой брат Дайнин убил моего брата Нальфейна в день моего рождения. Об этом знали все, включая нашу мать, Мэлис, но Дайнин не был наказан. Для него это обернулось сплошной выгодой из-за хитрого способа, которым он избавился от Нальфейна — без свидетелей. Думаю, что около половины матрон, занимающих положение главы дома, получили свой титул благодаря убийству (или, по крайней мере, благодаря помощи в убийстве) собственных матерей. Таков путь Ллос и таков путь дроу, и таков был путь Бреган Д'эрт.

По сути, Джарлакс оставил своим подопечным полную свободу и отсутствие каких-либо указаний в попытках подняться в иерархии Бреган Д'эрт. Насколько я могу судить, его единственным правилом было требование платить ту цену, которую могли навлечь на него действия членов отряда. Его подчинённые могли обманывать и драться, красть и убивать, а Джарлакса не заботило это настолько, чтобы вмешиваться. Убитому члену отряда, подозреваю, необходимо было найти замену из кармана убийцы, но Джарлакс не принуждал подопечных следовать какому-то моральному кодексу.

Иногда я сомневаюсь, что в то время у него самого был такой кодекс.

Я спрашиваю об этом честно, ведь пускай я и убеждён, что он всегда обладал определённым кодексом чести, это не обязательно то же самое, что моральный фокус. Артемис Энтрери тоже придерживался какого-то искажённого чувства чести, но лишь недавно позволил простой морали по каплям просочиться в свои поступки.

Но ведь Артемис Энтрери воспринимал человеческое общество точно так же, как Джарлакс — и Закнафейн — воспринимали общество дроу: безнадёжным, испорченным и достойным лишь крайнего презрения и смертельной кары.

Подобные взгляды так удручающе напрасны!

Когда Джарлакс рассказывает эти истории о его не-братьях по оружию, он как будто не обращает внимания на огромные различия с тем, что представляет собой

Бреган Д'эрт в наши дни. Тогда тайное общество выживало лишь благодаря силе и способности Джарлакса заставить разрозненный и полный внутреннего соперничества отряд выполнять задачи, поставленные перед ними верховными матерями, в первую очередь — верховной матерью Бэнр. Судя по тому, что я сумел вывести из этих рассказов, Джарлакс потерял больше пехотинцев от клинков Бреган Д'эрт, чем от вражеского оружия.

Но в сегодняшнем Бреган Д'эрт я вижу совершенно иную — и куда более сильную — организацию.

Ведь Джарлакс дал своим последователям нечто поистине редкое среди преданных Ллос дроу: элемент доверия.

И сделал это на собственном примере. Джарлакс доверил Киммуриэлю Облодре само управление отрядом в тех нередких случаях, когда он, Джарлакс, занят какими-нибудь приключениями. Он даже поручил Киммуриэлю обуздывать его собственные пороки — держать в узде самого Джарлакса!

Джарлакс оставил немалую свободу Беньяго в роли старшего капитана Курта, правящего Лусканом. Беньяго не советуется с Джарлаксом на каждом шагу, и Джарлакс всё равно доверяет ему управлять городом гладко, с выгодой, и — как я начал верить — с определённой толикой заботы об общем благополучии граждан.

Возможно, самый красноречивый показатель — то, как Джарлакс принял могучего бывшего архимага. Насколько я могу судить, Громф Бэнр — не полноправный член Бреган Д'эрт, но с согласия Джарлакса он живёт в Лускане как архимаг Главной башни Волшебства. Без разрешения Джарлакса сама Главная башня не была бы отстроена, ведь Громф не смог бы выстоять против всего Бреган Д'эрт и не нашёл бы поддержки у короля Бренора, а тем более — помощи при постройке от Кэтти-бри.

Джарлакс подарил Громфу эту величайшую из волшебных башен, силу, настолько же могущественную, как любой из известных мне замков, даже замок короля Гарета Драконоборца в Дамаре или Сорцере, школа дроу для волшебников в Мензоберранзане. Нынешнее собрание в башне магии и тех, кто в совершенстве этой магией владеет, может привести к невообразимым разрушениям.

Но не приведёт. Джарлакс об этом знает. Громфа приняли в Бреган Д'эрт и в город под властью Бреган Д'эрт со множеством условий. У него короткий поводок, и большая часть этого поводка лежит в плоскости доверия.

И всё это стало возможным лишь потому, что Бреган Д'эрт вырос, эволюционировал. Как их предводитель, так и они сами.

И это даёт мне надежду.

Поэтому я смею. Смею надеяться, что влияние Джарлакса и его пример найдут отклик в сердце Закнафейна.

И всё-таки боюсь, что трансформация Закнафейна не успеет случиться вовремя, чтобы заслужить дружбу и даже семейную любовь Кэтти-бри или нашего ребёнка, и в этом случае — не успеет заслужить любовь Дзирта До'Урдена.

Надеюсь, что этого не случится.

Но он — моя семья по крови. А она — моя семья по выбору.

Я понял, что второе — связь намного более крепкая.

— Дзирт До'Урден

ГЛАВА 1

Бег на свободе

Год Ложной Сделки

1118 по Летосчислению Долин

- Ты в дурном настроении, друг, - одной необычайной ночью сказал Аратису Хьюну Джарлакс в таверне, известной под названием «Сочащийся миконид».

- Я проделал долгий путь, - ответил уставший и настороженный убийца. - И мне говорят, что вскоре предстоит проделать ещё один такой же. Похоже, каждый третий год в Чед Насаде необходимо кого-то убить.

- Ты в этом хорош, - сказал Джарлакс, поднимая в тосте стакан с крепким грибным бурбоном.

- Скажи это тому, кто наполняет мой кошелёк, - сухо ответил Аратис, и Джарлакс ответил усмешкой на его сарказм... поскольку именно он наполнял кошелёк Хьюна.

- Касательно Города Мерцающей Паутины ничего пока не решили, - сообщил Джарлакс после того, как заказал напиток своему подчинённому.

- Никаких действий со стороны верховной матери Бэнр?

- Никаких. Сомневаюсь, что для неё это настолько важно, чтобы помнить о желании убить там кого-то. Или, скорее всего, она распустила слухи, что приказ на убийство отдан, и этого хватило, чтобы вызвать желаемую смену поведения. Конечно, она... мы поубивали там достаточно народу, чтобы одного слуха от Бэнров хватило...

- Я, - поправил Аратис Хьюн. - Я поубивал достаточно народу. Во всём, что касается Чед Насада, уже несколько десятков лет не было никаких «нас».

Джарлакс откинулся на спинку стула и наградил своего убийцу долгим взглядом, раздумывая над тем, как ухудшилось его и без того скверное настроение, когда Джарлакс сообщил ему, что путешествие в Чед Насад маловероятно. Ассасин помрачнел, и это после того, как он дал понять, что не хочет выполнять такое задание.

Так почему Аратис так раздражён?

Джарлакс и сам был не в духе. В словах убийцы о его малой вовлечённости в недавние миссии было немало правды. Бреган Д'эрт набирал в Мензоберранзане силу, но эта впечатляющая репутация — и возросшее число воинов — заставили Джарлакса практически оставить дороги за пределами города. Бреган Д'эрт был слишком соблазнительной целью для матерей могущественных домов — что, если

он отправится в Чед Насада или другое отдалённое место лишь затем, чтобы вернувшись, узнать, что власть над его отрядом наёмников захватила мать дома Баррисон Дель'Армго или другая соперница верховной матери Бэнр? Джарлак потратил полторы сотни лет, создавая Бреган Д'эрт, чьи казармы протянулись теперь в тоннелях Клорифты, огромной трещины, которая рассекала пещеру с городом дроу, и не собирался его терять.

Нет, он просто не станет так рисковать. Не сейчас. Не сейчас, когда Бреган Д'эрт ещё недостаточно силён, чтобы противостоять подобным попыткам. И поэтому он оставался в городе, пока Аратис Хьюн отправлялся на важные задания далеко в Подземье.

Но одного этого было мало, чтобы объяснить настроение убийцы. Джарлак доверял Аратису эти критически важные убийства. Он подозревал, что такое доверие должно было радовать Аратиса, поскольку тот пытался стать влиятельным главарём в рядах их скрытной организации. Поэтому оставался вопрос: почему убийца так раздражён?

Может быть, он знает о важности этого случая? Может ли Аратис знать, зачем его призвали на Улицы Вони? Если так, почти не скрываемую гримасу мужчины легко объяснить.

Но это нервировало.

Джарлак редко жалел о своих решениях, но прямо сейчас он о них пожалел. Сегодня у него была особая ночь, которая значила для лидера наёмников куда больше, чем он ожидал, потому что он должен был встретиться с другим старым другом и помощником, с тем, кого практически не видел в последние тридцать лет. С тем, по кому, понял Джарлак, он отчаянно скучал.

Однако винить друга за долгое отсутствие он не мог. В качестве оружейника восходящего дома дроу тот играл важную роль, помогая своей верховной матери взбираться по рядам сложной иерархии Мензоберранзана. Он приобрёл значительную репутацию — хотя эта репутация всё равно не могла отдать должное его истинному мастерству — и поэтому Закнафейна До'Урдена в последнее время нечасто видели за оградой дома До'Урден. У оружейника появилось слишком много врагов и он заставил нервничать слишком многих правящих матерей тех домов, очередь которых могла настать следующей, или тех, кто угрожали решительному подъёму матери Мэлис До'Урден к её месту за столом в Правящем Совете города.

И ещё реже Закнафейна видели за оградой дома До'Урден в одиночку, и даже реже того оружейник отправлялся в Браэрин, Улицы Вони, бедный район Мензоберранзана — города, в котором даже в хороших районах нередко случались убийства.

Джарлак дорожил тем фактом, что Закнафейн пошёл на такой риск ради их встречи.

- Я подумал, что тебе не помешает ночь отдыха, - извинился Джарлак. - Если ты предпочитаешь обойтись без этого...

- Сотня лет, не так ли? - оборвал его Аратис Хьюн.

Джарлакс начал отвечать, но придержал слова. И правда, прошла сотня лет с тех пор, как он впервые вытащил Закнафейна — в то время Закнафейна Симфрея — с поля боя, усеянного трупами воинов враждующих домов.

Аратис Хьюн взглянул на барную стойку в другом конце помещения, где опиралась о стену впечатляющая среброволосая женщина с напитком в руке, а несколько мужчин ловили каждое её слово, абсолютно очарованные и надеющиеся провести ночь в её постели.

- И сотня лет для жрицы Даб'ней Тр'арах, - заметил убийца.

- Просто Даб'ней, - поправил Джарлакс. - Она отказалась от семейного имени и больше не называет себя жрицей в открытую. Но да, тысяча восемнадцатый был хорошим годом для Бреган Д'эрт. Мы удвоили наше число, набили кошельки и заполучили нескольких очень сильных агентов.

- Нескольких?

- Трех.

- Теперь только одну, - сказал Аратис Хьюн, указав подбородком на бывшую благородную дочь дома Тр'арах.

- Больше одной, - возразил Джарлакс, но не стал развивать эту тему. Дувон Тр'арах, брат Даб'ней, был практически потерян для Бреган Д'эрт, поскольку Джарлакс продал его дому Фей-Бранч, чтобы тот стал их оружейником, пока один из собственных детей матери Биртин не наберёт достаточно умения и опыта для этой позиции. Он сделал так с одобрения самого Дувона и дал понять, что у Дувона по-прежнему будет дом, когда настанет время.

А Закнафейн, очевидно, был слишком занят, выполняя свои обязанности перед матерью Мэлис, и слишком известен, чтобы часто показываться на улицах, учитывая растущий список влиятельных врагов Мэлис, чтобы от него была какая-то польза. Но в Бреган Д'эрт ему всегда будут рады.

И всё равно Аратис Хьюн не ошибся. Джарлакс точно знал, какое именно приобретение сделало 1018 таким особенным.

Как будто прочитав мысли командира, Аратис Хьюн фыркнул и отошёл в другой конец помещения, чтобы присоединиться к Даб'ней и остальным. Джарлакс проследил за ним глазами, хотя мужчина не слишком его беспокоил. Этот парень мог быть весьма обаятельным, смеялся не реже, чем хмурился, занимался любовью не меньше, чем войной, и мог выпить больше, чем следовало любому дроу. Хотя всё это запросто могло взбесить Джарлакса, и иногда даже тревожило его, в конце концов он верил, что понимает мотивацию убийцы достаточно, чтобы не волноваться об Аратисе Хьюне.

- Пожалуй, я был слишком суров с тобой последнее время, - прошептал себе под нос Джарлакс. Командир наёмников кивнул и пригубил свою выпивку. Хотя так было не всегда, Джарлакс наблюдал за нарастающей внутри Аратиса Хьюна тоской ещё с тех далёких дней, когда Закнафейна Симфрея похитили с поля боя — тоской, которая как будто уменьшалась всякий раз, когда Закнафейн подолгу отсутствовал. Конечно же, они были соперниками, эти два великолепных убийцы, и разумеется Хьюн относился к Закнафейну с осторожностью и скептицизмом. Но здесь было нечто большее, такая ревность, которой Джарлакс не ждал.

А Джарлакс не любил удивляться.

Он вздохнул, сделал ещё один глоток и повернулся назад к двери — и едва не выскочил из кресла, когда обнаружил рядом с собой очень опасного дроу. Кивнув, Закнафейн уселся рядом с Джарлаксом, взглянув мимо наёмника в сторону барной стойки, на двух влиятельных членов Бреган Д'эрт.

- Жрица Тр'арах и Аратис Хьюн? Наверняка строят против тебя козни, - сказал Закнафейн.

- Не только они — и они далеко не самые опасные в этом отношении, - ответил Джарлакс и махнул рукой бармену, ещё одному мужчине, которого похитил с поля боя один век тому назад, и которого совсем недавно устроил в «Сочащийся миконид». Он знаком заказал выпивку другу и обновление собственной. - И теперь мы зовём её Даб'ней. Тр'арахов больше нет.

- Даже того, что за стойкой?

Джарлакс просто ухмыльнулся и приподнял стакан, салютуя наблюдательному оружейнику.

- Похоже, ты в хорошем настроении.

- Скоро буду.

- Прямо сейчас.

- Я... расслабился, - пожав плечами, признал Закнафейн.

- Мать Мэлис сгладила углы твоего гнева?

Это вызвало у Закнафейна улыбку.

- Её репутация не врёт?

- Я-то думал, ты сам уже успел проверить.

- Правда? - спросил Джарлакс и схватился за грудь, как будто оскорблённый в лучших чувствах. Закнафейн начал отвечать, но замолчал, когда подошёл бармен и поставил перед ним стакан, а затем наполнил стакан Джарлакса. Мужчина встретился с Закнафейном взглядом, и оружейнику показалось, что он увидел там скрытую злость.

- У глупых дроу такая долгая память, - сказал Закнафейн, когда бывший воин Тр'арах отошёл.

- Мне кажется, это хорошо.

- Было бы, помни они при этом, что я по-прежнему запросто могу их убить — и с радостью это сделаю, - заметил Закнафейн, и в ответ на удивлённый взгляд Джарлакса закончил: - Да, да, я предложу тебе компенсацию за потерянного солдата.

- На самом деле ты не хочешь убивать его или любого другого — иначе сделал бы это в тот далёкий день, когда они напали на дом Симфрей. Что касается этого, - сказал наёмник, указывая на бармена, - Харбондейр был на мосту между башнями — лёгкая цель. Но Закнафейн его не прикончил.

- Он ехал верхом на ящере, - отозвался Закнафейн, кивнув. Он не помнил воина лично, но помнил, как сбросил ящера и всадника с моста.

- Его любимое животное, которого он растил с самого детства. Твои товарищи-Симфрей выпотрошили ящера над ним. По длинным кишкам зверя он спустился на землю.

- Это объясняет его вонь, - сухо ответил Закнафейн. Он поднял стакан к губам, но замер. - Может, сначала выпить противоядие?

Джарлакс рассмеялся.

- Харбондейр не сможет позволить себе выплатить за тебя компенсацию, и не посмеет вызвать гнев матери Мэлис. И нет, отвечая на твой вопрос про Мэлис, я не стал бы наставлять рога своему драгоценному другу.

- Ты, наверное, единственный дроу в Мензоберранзане, кто не стал бы этого делать — да и я бы так этот поступок не расценил.

Оружейник сказал это, смеясь, и осушил стакан одним огромным глотком, затем поднял его так, чтобы увидел Харбондейр Тр'арах.

- Она такая, как ты и заявлял, - продолжал Закнафейн. - Ненасытная... и безумная. Если бы Мэлис умела бы драться так же неистово, как совокупляется, она стала бы лучшей оружейницей Мензоберранзана.

- Что ж, всегда пожалуйста.

- Судя по тому, что я видел, мне не нужно было присоединяться к её дому, чтобы выяснить правду.

- А что тогда с мальчишкой? - спросил Джарлак.

Подошёл Харбондейр с бутылкой, но Закнафейн просто взял её у бармена и жестом отослал его прочь.

- А что с ним? - ответил оружейник.

- Дайнин, да? Он..?

- Он что?

Джарлак тяжело вздохнул и откинулся на стуле, пристально глядя на собеседника.

- Нет, - ответил Закнафейн. - Он не мой сын.

- Ты часто бывал с матерью Мэлис. Откуда ты знаешь?

- Не мой, - настаивал Закнафейн. - Скорее всего, Риззена. Я думал, не ты ли отец, но ты уже сказал, что нет.

Лицо Джарлакса приобрело любопытное выражение.

Закнафейн пожал плечами.

- Он достаточно неплохой парень, и после посредственности Нальфейна может заставить Риззена гордиться. Я тебе говорил, что Нальфейн и в самом деле бросил мне вызов за место оружейника дома До'Урден?

- Правда? Значит, у матери Мэлис снова только один сын?

- Я не стал его убивать. Я толком с ним и не дрался — просто обезоружил, прежде чем он успел хотя бы достать свой меч, - Закнафейн снова выпил. - У него упали штаны. И снова, как и ожидалось, я был не впечатлён.

- Ах да, - отозвался Джарлак. - Я слышал слухи, что Нальфейн До'Урден вернулся в академию, хотя не потрудился их проверить.

- Но в Сорцере, не в Мили-Магтир, - сообщил Закнафейн. - В нашем одностороннем соревновании я, похоже, наконец-то убедил его испытать удачу в волшебстве.

- И?

Закнафейн пожал плечами.

- Магия даётся ему лучше, чем поединки. Впрочем, будь это не так, он уже превратил бы себя в ящерицу.

- За волшебников-неумех, - сказал Джарлак, поднимая стакан, чтобы чокнуться с Закнафейном.

- За мёртвых волшебников, - согласился тот.

- А второй паренёк? - спросил наёмник, снова наполнив стакан. - Тот, который не твой. Он тоже направится в запутанные коридоры Сорцере?

- Мили-Магтир.

- Как Закнафейн, - ехидно заметил Джарлакс, и Закнафейн покачал головой.

- Он достаточно умён, чтобы стать бойцом, но предпочитает одну руку. Скорее, как Аратис Хьюн — или как Джарлакс.

- Я много раз предупреждал — не стоит меня недооценивать.

- А я много раз предупреждал тебя — не думай, будто тебя недооценивают.

Закнафейн осушил стакан и быстро наполнил его.

- Думаю, Дайнин — сын Риззена, - продолжил он. - И если так, значит, это лучшее, что получит от него Мэлис.

- А от Закнафейна?

Оружейник молча уставился на него поверх стакана, осушив его в третий раз, затем налил четвёртый.

- Кто знает? Даже с Дайнином нельзя сказать наверняка. Может, он камбион, или дитя какой-нибудь тёмной магии. Мэлис провела почти две сотни лет, седлая партнёров по двадцать раз за декаду, и не произвела на свет ничего, кроме орды истощённых любовников.

- Она уже родила двоих, - напомнил Джарлакс. - Она не бесплодна.

- А жаль, - пробормотал себе под нос оружейник, и если бы Джарлакс не носил крохотную волшебную серёжку, обострявшую его и без того острые чувства дроу, то не уловил бы эту ремарку или её продолжение: - Жаль, что они все не бесплодны.

На этом Джарлакс предпочёл закрыть тему и замолчал, разглядывая друга. Закнафейн пришёл в «Сочащийся миконид» в весёлом расположении духа, но под натиском суровых реалий Мензоберранзана его настрой всегда легко менялся.

Единственным решением, знал Джарлакс, был вызов. Он схватил Закнафейна за руку, когда тот снова потянулся за выпивкой.

- Пещерные прыжки? - спросил он.

Закнафейн посмотрел на него поверх стакана, поначалу — с недоверием.

Но на его лице начала расцветать усмешка, и эта усмешка вывела его из таверны и провела через половину города, пока оружейник не оказался с Джарлаксом на высоком выступе на Западной стене пещеры, неподалёку от балконов дома До'Урден. Прямоком к востоку от них виднелся часовой обелиск Нарбондель, сейчас тёмный, ведь стояла глубокая ночь.

- Рискованно, - хмыкнул Закнафейн, качая головой.

- В том-то и веселье, - ответил Джарлакс с собственной хитрой усмешкой.

Они сняли с себя оружие, волшебные предметы и доспехи, сложили их в тайник. На двух дроу остались лишь простые штаны, рубахи и сапоги с мягкой подошвой, какие они обычно носили. И вот они оказались совсем одни в мензоберранзанской ночи, в двух полных милях от «Сочащегося миконида».

Друзья переглянулись, затем одновременно пожали плечами, и Закнафейн спрыгнул. Он пролетел всего несколько футов до нового выступа, бесшумно приземлился, низко присев, чтобы поглотить энергию падения, затем прыгнул дальше, сделав сальто, чтобы на бегу приземлиться на крышу ближайшего здания.

Он схватился за верхнюю ставню выступающего окна охранной башни, колесом перелетел через это окно, приземлился на противоположной стороне башни, позволив ногам подвернуться и скатившись с дальней стороны крыши на крышу пониже. Он приземлился, перекатился раз, другой, вскочил и оттолкнулся, выполнив заднее сальто, чтобы погасить свою инерцию и приземлиться на улицу внизу.

Джарлакс упал справа от Закнафейна, приземлившись перекатом, который увёл его на восток. Он оказался правее крупного сталагмита, а Закнафейн бегом обогнул внушительный выступ слева.

Они встретились, Закнафейн опережал наёмника на шаг, впереди виднелся другой сталагмит. Закнафейн взбежал прямо на него, оттолкнулся от выступа, потом от второго, ухватился за третий рукой, развернулся, сменив хват и оказавшись спиной к стене. Он подтянулся, подогнул ноги и перевернулся через голову, преодолев этот участок камня и спрыгнув с другой стороны. Он прошёлся на руках, чтобы удержать равновесие, потом бросил себя вперёд и побежал дальше.

Он перемахнул через низкую ограду малого дома, не обращая внимания на крики стражников в темноте справа. Он оттолкнулся от берега небольшого декоративного пруда, описав сальто и вытянув ноги далеко перед собой, чтобы поймать край противоположного берега. Он замахал руками, едва не рухнув назад в воду, затем выругался, восстановив равновесие, поскольку мимо промчался Джарлакс.

- Ты как раз успел поймать их арбалетные болты, - поддразнил его наёмник.

Закнафейн воспринял это скорее как разумное предупреждение, а не насмешку, и побежал по следующей открытой улице, ныряя, перекатываясь и описывая зигзаги. Ему показалось, что над головой свистнула стрела, но он не был уверен — и оружейнику было всё равно.

В этой игре, в которую играли они с Джарлаксом, в него и раньше попадали болты.

Когда они пересекли открытое пространство, преодолели ещё одну стену и ещё один естественный холм, Закнафейн начал идеально повторять движения Джарлакса, прыгая, кружась, подскакивая, кувыркаясь, с необычайной точностью подражая лидирующему бегуну. Он помнил маршрут достаточно хорошо, чтобы знать, где может попытаться обогнать своего противника.

Попасть к дверям «Сочащегося миконида» первым было не критично и не определяло победителя, но это был вопрос гордости.

Они продолжали бежать, мимо Нарбондель, через участок города, известный под именем Нарбонделлин — прыгая, вращаясь, карабкаясь, перетекая из прыжка в кувырок и взбираясь по-паучьи по ближайшей отвесной стене. Они миновали длинный двор и здания дома Фей-Бранч, один раз даже взобрались на его стену, промчавшись по ней, как пара огромных крыс, спасающихся от погони голодного зверя-обманщика.

Они приблизились к северо-восточному краю комплекса, где стена сворачивала под прямым углом. Как только стражники начали кричать, Джарлакс согнулся на бегу, положил правую руку на верхушку стены, бросил себя через голову, приземлился ногами на восточной стене, лицом во двор, чтобы помахать потрясённым часовым Фей-Бранч, прежде чем сделать заднее сальто на восток.

Закнафейн сам оказался в воздухе прежде, чем Джарлакс коснулся земли, развернувшись в своём падении, как и Джарлакс, чтобы сразу броситься бегом. Наступая старому другу на пятки, оружейник запрыгнул на стену в узком переулке, вытянувшись горизонтально — его ноги продолжали двигаться, а руками он перебирал по противоположной стене, чтобы удержаться в воздухе, пока не свернул за угол.

Там, по-прежнему повторяя движения Джарлакса, он снова спрыгнул на землю и побежал на северо-восток по изгибающейся улочке. Оружейник не сдержал улыбку, когда услышал, как щёлкнул по стене за только что преодолённым поворотом арбалетный болт. Он держался сразу за наёмником, когда они влетели в Браэрин, где за ними наблюдали и бесшумно болели некоторые из тех, кто знал об этом соревновании и выглядывал из «Сочащегося миконида».

Чистый участок земли заставил их мчаться бок о бок, и Закнафейн чуть-чуть обогнал Джарлакса, двигаясь справа от него. Путь к таверне ему преграждали только две стены — первая по шею, вторая по грудь — и Закнафейн прибегнул к своему новому приёму. Он шагнул правой ногой вперёд, но развернул её вовнутрь, налево. Твёрдо упёршись подошвой, он наполовину развернулся, затем забросил левую ногу за правую, поднимаясь, поднимаясь как можно выше. Он взлетел в воздух, преодолев первую стену, приземлился по другую сторону лицом к Джарлаксу, который воспользовался более привычным манёвром обратного хвата и переворота через голову.

Совсем не сбавляя ход, Закнафейн снова прыгнул, развернувшись в воздухе над второй, более низкой стеной. Приземлившись на бегущие ноги, он промчался по последнему отрезку и ввалился в дверь «Сочащегося миконида» навстречу одобрительным возгласам.

Неподалёку, в Нарбонделлине, внутри того самого комплекса, по стене которого пробежали двое друзей, молодая верховная мать одного из старейших домов города лично заинтересовалась посланцем из «Сочащегося миконида».

- Он сейчас с Джарлаксом, - объяснил мужчина, бездомный бродяга, кровь которого была слишком густой от наркотических грибных спор, жевательной плесени и алкоголя, чтобы он мог быть кому-то полезен — кому-то, кроме матери Биртин.

Её оружейник, Авинвеса Фей, стоял рядом с посланцем, кивая и ухмыляясь.

- Моя сестра тоже там, - сказал Авинвеса своей матери, которая купила его у Джарлакса за внушительную сумму в золоте и магических предметах.

- У тебя нет сестёр, - напомнила ему мать Биртин. Формально прошлое этого мужчины было мертво, и любые подобные замечания были просто недопустимы. Авинвеса промолчал.

Биртин откинулась на спинку своего удобного трона, обдумывая новости, и со своего возвышения махнула двум мужчинам.

- Почему мать Мэлис позволила ему выйти сейчас наружу? - спросила она жрицу Эффин, её третью, но, возможно, самую многообещающую дочь, которая сегодня

стояла рядом. - Она сплела множество сетей, и так открыто повесить в паутине своё самое ценное приобретение...

- Если мать Мэлис вообще об этом знает, - ответила Эффин. - Ей зачастую... недосуг, а её прославленный оружейник весьма своеволен, если верить сплетням.

- И при этом закадычный друг Джарлакса, - согласилась Биртин. Она снова села прямо и второй раз махнула рукой Авинвесе и гостю, позволяя им удалиться.

- Это может быть хорошим поводом избавиться от Закнафейна, мать, - сказала Эффин, когда они остались одни.

Биртин кивнула, обдумывая свои варианты. Амбициозные и агрессивные манёвры дома До'Урден пока что не поставили их в прямое противостояние с домом Фей-Бранч, но это казалось просто вопросом времени — если, конечно, дом До'Урден не потеряет такого ценного члена, как Закнафейн. Были здесь замешаны и личные счёты, ведь Авинвеса — в прошлом Дувон Тр'арах — по-прежнему хранил нездоровую обиду на Закнафейна, которого винил в падении своей семьи и дома.

Несмотря на тот факт, что единственной причиной выживания Дувона были усилия Джарлакса и его весёлой банды проходимцев — злость на Закнафейна оставалась. Биртин прямо сейчас видела её в глазах оружейника — жажду крови при одной лишь мысли, что его враг сейчас уязвим и может быть убит.

Мать Биртин потратила немало ресурсов на Дувона — не только на то, чтобы приобрести его у Джарлакса, но и на его обучение, снаряжение, даже на зачарования его скорости и силы, которые дорогостоящие волшебники сделали постоянными. Она превратила его в настоящего оружейника, возможно даже, достаточно сильного, чтобы победить Закнафейна До'Урдена — с небольшой помощью.

- Как дела у Гелдрины? - спросила она.

Этот вопрос застал Эффин врасплох, и Биртин была разочарована. Они говорили про Закнафейна, про опасные и значительные дела дома, что включало в себя потенциальную потерю их текущего оружейника. Почему бы Биртин не поинтересоваться успехами своего младшего сына, недавно вернувшегося из Мили-Магтир? В конце концов, он был логичным наследником Авинвеса, который не принадлежал по крови к дому Фей.

- Его обучение идёт хорошо, - ответила Эффин, взяв себя в руки.

Мать Биртин кивнула и потёрла подбородок.

- Он совсем ещё не готов к тому, чтобы занять настолько ответственную позицию, - добавила Эффин с обеспокоенным видом.

И снова Биртин кивнула, но вместе с тем — улыбнулась.

- Может ли он победить Закнафейна? - спросила она, скорее обращаясь к самой себе, чем к дочери.

- Нет, - всё равно ответила Эффин. - Гелдрин? Оружейник До'Урден просто...

- Не Гелдрин, дура, - упрекнула её Биртин. - Ты думаешь, я бы отправила собственного многообещающего сына против дроу с такой репутацией?

- Ах, значит Авинвеса, - догадалась Эффин. - Судя по слухам о последних завоеваниях матери Мэлис, я даже не знаю, на кого поставила бы в поединке с Закнафейном — даже если бы тот дрался с Дантрагом Бэнром или Утегенталем Армго. Хотя, - признала она, - может быть, на Утегенталя.

- Сильно сказано, и если мать Бэнр услышит от тебя такие слова, она убьёт Закнафейна просто назло, и убьёт тебя за то, что нанесла подобное оскорбление её возлюбленному сыну Дантрагу.

- Но с матерью Биртин я могу говорить честно, - с трудом сглотнув, отозвалась девушка.

- Да, однако такие вещи следует говорить только мне, дочь. Я не хочу, чтобы верховная мать Бэнр или эти жестокие создания Баррисон Дель'Армго разозлились на нас. Но ты подняла интересную тему: ставки. Есть два вопроса, которые следует задать, прежде чем совершить любую ставку. Во-первых, можешь ли ты тайно помочь тому, на кого поставила? И во-вторых, есть ли способ уменьшить возможные потери?

- Звучит так, как будто ты считаешь важными эти новости о Закнафейне из стен дома До'Урден, мать.

Биртин не стала отвечать — только наклонила легонько голову, глубоко задумавшись. Она знала, что у неё не так много шансов победить мать Мэлис До'Урден до тех пор, пока ей не придётся защищаться от этого амбициозного создания. Может ли мать Биртин сегодня же обострить ситуацию и получить за счёт этого преимущество?

И, более важно, сможет ли она сделать это издали, не выдавая дом Фей-Бранч?

Закнафейн, конечно, остановился, но он ещё не выиграл гонку. Прямо перед ним стояли два стола и пять больших кубков с густым тёмным элем на каждом.

Когда Джарлакс влетел в помещение, уставший оружейник уже поднял первый к губам. Он запрокинул кубок и глотнул, опустошив его за один приём. Он потянулся ко второму.

Как и Джарлакс, который выпил свою первую чашу быстрее.

К третьей чаше Джарлакс получил небольшое преимущество, но ни один из них не смог опустошить третий кубок так же быстро, как первые два.

Закнафейн схватился за край стола, чтобы удержаться, и усмирил свои внутренности. Нужно было выпить все пять и не блевануть.

Когда Закнафейн снова поднял свой кубок, Джарлакс уже наполовину выпил четвёртый.

Но этот Закнафейн осушил первым, поскольку Джарлаксу пришлось несколько раз прерваться ради очень осторожной отрыжки.

Не моргая, двое глядели друг на друга, поднимая последние кубки.

Джарлакс пил быстрее — слишком быстро, и едва успел закончить, одной рукой опуская кубок назад на стол, а другую поднимая в победном жесте, как упустил победу вместе с содержимым своего желудка.

Закнафейн шагнул назад и стал пить медленнее — больше не было нужды торопиться. Он несколько раз рыгнул, не отрывая кубок от губ, и дождался, пока живот успокоится.

И тогда закончил победителем. Он одолел Джарлакса.

- Двадцать два-двадцать два, - сообщил оружейник другу.

- Ты запомнил? - изумлённо отозвался тот.

- Десятки лет я скрипел зубами из-за того, что ты ведёшь на одну гонку в нашем соревновании. Я всегда думал — как это удобно, что после сорок третьего забега Джарлак покинул Мензоберранзан почти на два года.

В ответ Джарлак рассмеялся, признавая правоту Закнафейна, хотя, конечно же, его отсутствие в Мензоберранзане не имело ничего общего с их соревнованием. Просто открывающиеся на поверхности возможности были слишком заманчивыми, чтобы он мог их игнорировать.

- Ты знаешь, что это значит? - спросил он Закнафейна.

- Я скоро вернусь для новой гонки, - заверил его оружейник. Посетители радостно закричали, услышав эту новость.

- Жду с нетерпением... особенно теперь, когда знаю твой новый приём, - предупредил Джарлак, вызвав серию многозначительных «ooo!» вокруг.

- И наверняка *попытаешься* овладеть им, - парировал Закнафейн с несколькими «aaa!» от зрителей.

Джарлак покачал головой.

- Я изобрету приём получше.

- Тогда я использую более эффективные приёмы, которые изобрёл для других препятствий нашего маршрута.

В ответ на обещание Джарлака раздались крики «ура!», но после незамедлительного ответа Закнафейна они стали просто оглушительными.

Джарлак щёлкнул пальцами и высоко поднял руку, чтобы поймать жезл, который бросил ему бармен. Вместе с Закнафейном он подошёл к пустому столику у стены, нацелил на него жезл и произнёс серию команд, убирая надпространственный карман, в котором спрятал все свои и Закнафейна вещи, кроме поясного кошель и переносной дыры, которые отдал Харбондейру и Даб'ней.

Было бы крайне неразумно помещать в надпространственный карман один из этих предметов!

ГЛАВА 2

Незванный гость

Используй свои чудесные глаза, бродяга. Пускай никто не погибнет. Всегда ищи прибыль.

Волшебный шёпот, предназначенный только Джарлакса, удивил командира наёмников — но лишь на мгновение. Он немедленно попытался опознать отправителя — очевидно, могущественную жрицу — но голос был искажён.

Его разум быстро заработал, пытаясь решить головоломку. Кто знает про его «чудесные глаза», под которыми почти наверняка имелась в виду волшебная глазная повязка? Разумеется, это заставило его вспомнить о доме Бэнр, поскольку верховная мать Бэнр сыграла ключевую роль в приобретении самой полезной магической вещи Джарлакса.

Но нет, он понял, что она или одна из её дочерей не могла отправить это послание. Бэнры никогда не стеснялись называть себя — магически или иным способом. Да и главная верховная мать города никогда не говорила загадками с Джарлаксом, равно как и со всеми остальными.

Верховная мать Бэнр была не из тех, кто позволяет достойным разговора событиям зависеть от правильной интерпретации загадочного послания.

Джарлакс поднял свой стакан с выпивкой, используя его, чтобы скрыть глубокий вздох, в котором наёмник крайне нуждался. Он мысленно повторил послание.

Поверх своего стакана Джарлакс осмотрел многочисленных посетителей, расположившихся в большом общем зале «Сочащегося миконида». Он прикрыл свой свободный глаз и начал раскачиваться и напевать себе под нос, как будто погрузившись в мелодию, раздающуюся из заднего угла комнаты, где один бард играл на лютне, другой — на флейте, а третий тихонько пел.

Однако те, кто хорошо знал Джарлакса, поняли в этот момент две вещи. Во-первых, Джарлакс никогда не закрывал глаза в многолюдном месте, и значит, во-вторых, глаз под волшебной повязкой наверняка был широко открыт и видел так же ясно, как без всякой повязки вовсе. Джарлакс казался уязвимым, но был полной тому противоположностью.

С каждым движением головы влево он сосредотачивался на двери, поскольку таверну всегда пересекал оживлённый поток клиентов: посетители покидали комнату с партнёрами для коротких сексуальных встреч или ради более крепких наркотических веществ, которые можно было найти в кладовых бара.

Он знал, что большинство клиентов были завсегдатаями, включая многих членов его собственного отряда.

Всякий раз, когда он поворачивал голову направо, его взгляд уходил ещё дальше — наёмник сильнее раскачивался в такт мелодии. Он заметил Закнафейна, идущего к бару, чтобы взять выпивку.

Джарлакс сумел скрыть свою усмешку, заметив оружейника. Последние тридцать лет он не так уж часто видел Закнафейна, но сейчас его друг снова начал заходить в таверну. За последние двадцать дней после их гонки от Западной стены, Закнафейн посещал «Миконид» по крайней мере трижды. Казалось, что всё как в старые-добрые времена, а те времена, подумал Джарлакс, были весьма приятными.

И он не смог сдержать улыбку, когда вспомнил их путешествие в Чед Насад. Именно тогда, убегая от городской стражи, Закнафейн хитро отрезал край высокого пролёта из паутины и использовал его как верёвку, спустившись на ярус ниже. Такой дерзкий манёвр мог запросто превратить оружейника в простое пятно на дне пропасти.

Джарлакс позволил воспоминаниям угаснуть и снова сосредоточился, но не на оружейнике. Вместо этого он получше присмотрелся к Харбондейру Тр'араху, чьё лицо становилось кислым всякий раз, как тот смотрел в сторону Закнафейна — по крайней мере, когда Закнафейн не смотрел на него в ответ.

Джарлакс отправил Закнафейна взять два стакана, но Харбондейр поставил на стойку лишь один, затем устроил целое представление, протирая второй, растягивая

время, пока, заметил Джарлак, Закнафейн не пригубил из первого. Затем бармен почти сразу же наполнил второй и поставил его на стойку.

Любопытно.

Другая выжившая из дома Тр'арах снова стояла у дальней стены бара. Даб'ней смеялась и флиртовала с довольно известным негодяем, одним из лучших бойцов и грабителей на Улицах Вони, который не принадлежал к Бреган Д'эрт.

Дальше справа за круглым столом сидела другая группа жалких неудачников, скорее без сознания, чем в нём — трое из пяти погибли жертвами многочисленных наркотиков, а оставшиеся два выглядели так, будто вот-вот рухнут. И сразу за ними стоял Аратис Хьюн, полностью поглощённый очень молодой женщиной очевидных достоинств.

Джарлак кивнул, сделав это движение частью своего «танца», когда заметил, что его лейтенант, помимо привлекательной женщины, по-прежнему следит за происходящим вокруг. Глаза Аратиса постоянно обшаривали помещение незаметными движениями, которые Джарлак увидел лишь потому, что хорошо знал Хьюна. Аратис Хьюн не терял бдительности, и это была одна из главных причин, по которым Джарлак поставил его так высоко в иерархии отряда наёмников.

Джарлак продолжил разворачиваться, рассчитывая описать полный круг и вернуться к двери, когда его внимание снова привлекло движение слева.

Молодой мужчина прошёл мимо Даб'ней, очень близко, ко внутренней двери.

Она отреагировала, незаметно — практически незаметно — как будто не хотела, чтобы кто-то знал, что она отреагировала.

Затем молодой мужчина исчез за дверью.

Джарлак продолжил поворачиваться налево, заметив, что к столу с двумя стаканами в руках вернулся Закнафейн. Джарлак уселся обратно в кресло, спиной к двери, продолжая разглядывать собравшихся.

Он начинал злиться. Он мысленно повторил волшебный шёпот.

Используй свои чудесные глаза.

В таверну вошла пара мужчин. Закнафейн сел на своё место и поставил стакан перед Джарлаком. Тот открыл видимый глаз и с отсутствующим видом взял свой напиток, но продолжал смотреть сквозь волшебную повязку на дверь.

Наконец, повязка показала ему: один из двух мужчин-дроу, которые только что вошли, был не тем, кем казался!

Его длинные волосы были покрашены синим, и это был обман внутри обмана, поскольку волосы сами по себе были париком. Повязка Джарлака могла определять такие вещи и показала ему настоящие волосы мужчины: подстриженные очень коротко по бокам и сзади, чуть длиннее сверху. Кроме того, он был более стройным и молодым, чем казался, поскольку под курткой на плечах лежали прокладки и под ней же скрывались изящные доспехи.

Это был не бездомный мужлан.

Его лицо изменили с помощью грима обычного и волшебного, но глазная повязка видела сквозь все эти уловки, и Джарлак узнал мужчину.

Раньше он знал его под именем Дувон Тр'арах.

В этот миг хитрый Джарлак понял, кто отправил волшебное послание.

И зачем.

- Напился у всех на виду? - спросил Закнафейн, опуская свой напиток обратно на стол.

Джарлакс заметил, что оружейник слегка смазывает слова. Он смотрел, как Закнафейн снова поднимает стакан, глядит на него, потом пожимает плечами и подносит ко рту.

Джарлакс поднял бровь, и Закнафейн замер со стаканом у губ.

- Немного жгучий, - сказал Закнафейн. - Не из лучшей партии.

Он снова пожал плечами и выпил, и Джарлакс посмотрел на собственный напиток.

- Твой, наверное, получше на вкус, - сказал Закнафейн, неожиданно заплетающимся языком.

Джарлакс подыграл и улыбнулся другу, поднимая стакан в тосте, прежде чем сделать большой глоток.

Он снова окинул взглядом комнату, пока пил, заметив Дувона на некотором отдалении. Тот бросил взгляд в сторону Закнафейна.

- Мой слишком слабый, - сказал он оружейнику. - Моча.

Наёмник облизал губы с демонстративным отвращением и встал, покачав головой, потом подошёл к бару, как будто собираясь заменить выпивку. Но он не стал этого делать, и вместо этого стал так, чтобы Даб'ней ясно видела его руки, сложенные чашечкой вокруг стакана на стойке.

- *Рисковать лучше с подходящей ставкой*, - просигналили ей пальцы наёмника, и любопытное выражение женщины сказало ему, что она заметила сообщение и что он застал её врасплох.

- *Все благородные отпрыски должны это понимать*, - безмолвно и незаметно добавил Джарлакс.

Глаза Даб'ней расширились, несмотря на заметную попытку женщины остаться бесстрастной. В конце концов, он имел в виду не только её, но и того, кого (и о ком) она знала, того, кто только что вошёл в бар.

Джарлакс осушил свой стакан и сделал Харбондейру знак наполнить его. Он взял стакан и отошёл от стойки, пытаясь прикинуть, сколько может стоить ему игра, в которую играют здесь сегодня ночью, и кто будет компенсировать эти затраты. Наёмник отправился к их с Закнафейном столику не по прямой, а выбрал кружной путь, пройдя рядом с Даб'ней и жадными юношами, которые надеялись закрутить с ней сегодня интрижку.

- В последнее время мне одиноко, госпожа, - сказал Джарлакс. - Я оставлю место для вас на своей кровати.

Один из дроу, молодой мужчина, который по всей видимости знал про Браэрин слишком мало, чтобы прожить долгую и здоровую жизнь, резко повернулся и встал перед Джарлаксом, как будто угрожая ему.

- Друг мой, я слишком ценю это заведение, чтобы пачкать его твоей кровью, - спокойно произнёс Джарлакс и бросил быстрый взгляд на Даб'ней — приглашение.

- Будет лучше, если сегодня ночью в «Микониде» никто не умрёт, - сказала та юному ухажёру со всей тяжестью голоса жрицы Ллос.

Джарлак пошёл дальше, усмехнувшись при мысли о ночных играх с Даб'ней — он давно этого не делал, - и довольный тем, что его наёмница из Бреган Д'эрт так легко прочла настоящий смысл в его загадочных посланиях на языке жестов.

Не в первый и не в последний раз Джарлак порадовался, что сто лет назад приказал пощадить Даб'ней Тр'арах.

Он взглянул на свой стакан, огорчившись, что придётся его растянуть. Сейчас Джарлак не мог позволить себе притуплять чувства.

- Мог бы захватить один и для меня, - сказал Закнафейн, когда он сел за столик. Оружейник снова растягивал слова и даже немного в них запутался.

- Похоже, тебе уже хватит, дружище, - ответил Джарлак. - Тем более, в таком опасном месте.

Закнафейн фыркнул и рывком встал на ноги, потом зашагал к бару. Но он споткнулся и сделал несколько шагов в сторону, врезавшись в другого посетителя.

Спутник этого посетителя немедленно оскорбился.

Сверкнул клинок — и в самом деле сверкнул, ярче, чем кто-либо ожидал. Внезапная ослепительная вспышка вызвала стоны и крики ошарашенных, ослеплённых и злых тёмных эльфов.

Ещё прежде, чем заклинания мрака снова сделали свет привычно тусклым, Джарлак (который, конечно же, бросил в толпу глиняную горошину с волшебным камнем света) запустил второй такой же шарик и занимался третьим фокусом, призывая слабое заклинание из кольца, которое носил на правой руке.

За мгновение до того, как дюжина дровских заклятий мрака погасила волшебный свет и заполнила весь участок таверны темнотой, Джарлак увидел, что у нападавшего посетителя, Дувона, в руках оба меча. Дувон выбросил один вперёд, а вторым ударил сверху вниз, целясь в ямочку на шее Закнафейна.

Закнафейн, только сейчас выхвативший оружие, отправил свой левый клинок наискосок и наружу, принимая им прямой выпад, и правый поднял горизонтально, исполняя второй блок — безупречная и прекрасно-молниеносная двойная защита, которая едва не заставила Джарлакса рассмеяться вслух от восхищения Закнафейном и ещё сильнее — рассмеяться над собой из-за боязни, что оружейник действительно мог опьянеть.

Однако смех угас, когда свет сменился абсолютной чернотой, поскольку сила удара Дувона пригнула меч Закнафейна книзу и даже подкосила колени оружейника.

Что-то пошло не так.

В моргающем свете Даб'ней сосредоточилась на колдовстве. Она попыталась отбросить страх того, что Джарлак знает больше, чем ему следует, и ещё больший страх, что сейчас она подведёт его и потом придётся дорого за это заплатить.

Когда наступила вторая, более непроницаемая темнота, ошеломляющая волна исцеления Даб'ней уже хлынула наружу, захлестнув сражающихся — и как раз вовремя, ведь оба вскрикнули, как будто получив рану!

Последовали другие крики, в основном протестующие, в сопровождении злобных воплей и скрежета лезвия по металлу.

Даб'ней готова была запаниковать. Она начала второе заклинание группового исцеления, решив бросить его примерно в сторону бойцов и надеяться, что магия найдёт нужные цели. Но прежде, чем бывшая жрица успела это сделать, вернулся

свет, привычный для таверны свет, и Даб'ней пришлось поторопиться, пытаясь оценить обстановку.

Она изумилась, увидев, что там, где началась драка, висит волшебная паутина, в которой запутались три дроу, включая того, что начал бой, и Закнафейна, который пытался освободиться, с краю.

Однако в таверне засверкали множество новых клинков. Полукруг дроу с обнажённым оружием нацелил его на драчунов. Даб'ней узнала их и быстро расслабилась. Это были бойцы Бреган Д'эрт, и в центр их круга вышел Джарлакс.

- Довольно! - приказал командир наёмников. - Сегодня ночью крови здесь не прольётся.

- Слишком поздно, - процедил сквозь зубы Закнафейн. - Это не твой бой.

- Как ты посмел нас остановить? - сказал второй боец, очистив от паутины рот, но не слишком пытаясь высвободиться.

- Я просто отложил ваш бой, - поправил его Джарлакс. - Вы получите свою честную схватку — через три ночи, в переулке за эти заведения. Договорились?

- Сейчас, завтра, послезавтра, в любой другой день, - сказал Закнафейн.

- Согласен, - ответил второй.

- До первой или до последней крови? - спросил Джарлакс.

- До последней, - ответили оба.

Даб'ней втянула в себя воздух. Важный для неё дроу через три дня, скорее всего, будет мёртв.

Теперь просто нужно было решить, чей труп принесёт ей больше выгоды.

А может и нет, подумала она, когда Джарлакс объявил:

- Ошибаетесь. До того, как проигравший попросит пощады и будет подобающе унижен этим.

- Это хуже смерти.

ГЛАВА 3

Эти странные существа Облодра

Джарлакс оказался в растерянности, попытавшись понять, кто подстроил вчерашний конфликт. Разумеется, в такой ситуации первым вопросом всегда было «Кому это выгодно?»

Но в Мензоберранзане, где каждый искал способ извлечь какую-то выгоду, такой вопрос очень редко помогал сузить список подозреваемых. В данном случае список Джарлакса включал некоторых самых важных его агентов, верховную мать одного из самых старых и уважаемых правящих домов города, и даже участников поединка — причём обоих.

Он не собирался отыскать ответ до поединка, но разгадка могла быть единственным способом сохранить жизнь двум его ценным воинам.

- Я могла бы спросить тебя, о чём ты думаешь, но если бы действительно хотела это знать — то уже залезла бы в твои мысли, - раздался голос, вырвавший командира наёмников из задумчивости. Он повернулся к хрупкой, невысокой женщине, которая пугала Джарлакса, вероятно, сильнее любого другого дроу в городе, включая великую и могущественную верховную мать Бэнр собственной персоной.

- Приветствую, верховная мать К'йорл, - ответил он, пытаясь взять себя в руки — и приготовиться дать отпор странному ментальному вторжению, которыми были знамениты мать К'йорл и её дом Облодра. Они были псиониками, магами разума, подобно жуткому народу иллитидов (также известных под весьма уместным именем пожирателей разума). Джарлакс знал, что дом Облодра тайно ненавидят больше всех прочих домов в городе, но никто не смеет выступить против них — даже дом Бэнр.

К'йорл усмехнулась — она всегда носила эту усмешку превосходства!

- Когда я позволила тебе выстроить твой комплекс здесь, в Клорифте, я предупреждала, что буду заходить в гости, - сказала она. Мать К'йорл всегда напоминала об этом в тех случаях, когда без предупреждения появлялась в естественных коридорах дома Бреган Д'эрт.

- Собираешь рабов-кобольдов? - спросил Джарлакс.

- Возможно.

- Значит, хочешь заручиться моими услугами, - заявил он, отчасти вернув себе привычный гонор.

- Только не тогда, когда на тебе эта повязка, - напрямик заявила верховная мать.

- Я не веду дел с теми, кто прячет от меня свои мысли.

- Мы уже вели дела раньше, великая госпожа.

К'йорл снова усмехнулась, и Джарлакс захотел снять свою глазную повязку. Его рука рефлекторно поднялась и он едва так и не сделал, одёрнув себя в самый последний момент.

Смех женщины издевался над ним. Джарлакс знал, что дьявольски умная матрона находит путь сквозь его защиту.

- Не бойся, Джарлакс Бэнр, - сказала она, и наёмник вздрогнул, когда его настоящую фамилию произнесли вслух. Немногие знали правду о происхождении Джарлакса, как и том, что жертвоприношение третьего сына матери Бэнр, которого требовала традиция, было фарсом, испорченным при помощи странных магических сил разума самой К'йорл Одран.

- Я считаю тебя полезной и достаточно ценной игрушкой, - продолжала К'йорл. - До тех пор, пока ты держишься в стороне от событий в Мензоберранзане, тебе незачем меня бояться. Говорят, что Джарлакс знает всё, что происходит в городе — включая знание, когда ему не следует лезть в чужие дела.

- Я стараюсь, верховная мать.

- Я поверю тебе, когда смогу убедиться, что ты действительно так думаешь, а не только говоришь.

Джарлакс поднял руки и пожал плечами.

- Значит, скоро?

- Раньше, чем ты думаешь, - ответила К'йорл.

Джарлак сверкнул собственной усмешкой — широкой ухмылкой, в которой было слишком много радости и света для глубоких теней Мензоберранзана.

- Мне пора уходить, - сказала К'йорл. - Я пришла по другому поводу, но решила, что будет невежливо не навестить... хозяина?.. этого пещерного владения.

Ты пришла, чтобы доказать, что сможешь пройти сквозь новейшую защиту моих комнат, подумал Джарлак, но не сказал об этом вслух, надеясь, что его глазная повязка не позволила верховной матери «услышать» эту мысль.

Тело К'йорл странным образом замерцало, но Джарлак уже видел это прежде и не удивился. Затем верховная мать просто исчезла, растворилась, и Джарлак задумался — а присутствовала ли женщина здесь вообще? С любым другим дроу он мог передвинуть повязку на другой глаз и получить преимущество истинного зрения, но в присутствии К'йорл не смел снимать свою защиту от псионического вторжения.

Теперь Джарлак должен был понять, зачем мать Облодра пришла к нему сегодня — как будто у него и без этого мало было проблем!

Он подозревал, что К'йорл — не единственный член дома Облодра, который спустился сегодня в Клорифту из дворца наверху.

- Я могу предугадать каждое твоё желание, - Кувайлин Облодра, старшая и самая важная дочь К'йорл, сказала Аратису Хьюну, лежа на нём сверху. Они обливались потом. - Я точно знаю, чего ты хочешь. Я знаю, что ты чувствуешь, и могу почувствовать это с тобой. Поэтому мне нравится делить с тобой постель.

Потом она ответила — прежде, чем Аратис смог задать вопрос, пришедший в его голову:

- Потому что ты такой осторожный и сдержанный. Прятаться от всех должно быть так утомительно. Но от меня ты спрятаться не можешь, и твоё удовольствие выходит наружу, как огромное озеро, освободившееся из тесных стен пещеры. Я безумно наслаждаюсь этой скачкой.

Осознав, что женщина, которая разбиралась в божественной магии Ллос и в мысленной магии Облодра, залезла к нему в разум, Аратис Хьюн начал искать способ отвлечься. Он выбрал то, что и так всегда его интересовало.

- Потому что мы так делаем, - ответила Кувайлин на его незаданный вопрос. - Одран и Облодра — одна и та же фамилия, из общего источника. Некоторые, как верховная мать, используют Одран — таким было имя нашей семьи, прежде чем мы приняли Паучью Королеву как наше божество, — поскольку это позволяет ей похвастаться своим практически полным безразличием к религиозному устройству города и самой Паучьей Королеве.

- Ты первая жрица дома Облодра, - заметил Аратис Хьюн. - Жрица Ллос. Значит, Одран не подходит для этой роли?

- Да. Возможно, когда я стану верховной матерью, я изменю фамилию на Одран.

- Ты жрица, первая жрица старшего дома, но кажешься не такой уж набожной, - осмелился сказать он. - Разве это не злит Ллос?

Кувайлин усмехнулась и поцеловала его голую грудь.

- Облодра — дом древний, а мать К'йорл Одран, которую нельзя назвать преданной жрицей Паучьей Королевы, правит им вот уже два века. Никто не сомневается, что вскоре мы займём место в Правящем Совете. Остаётся единственный вопрос — какой дом мы заменим. Похоже, госпожа Ллос довольна нами и той неуверенностью и хаосом, которые мы можем принести её городу.

Аратису Хьюну было нечего возразить. Он любил делить постель с Кувайлин, но не мог отрицать, что она всегда выводила его из равновесия и заставляла нервничать. Да и как иначе, раз она так часто проникала прямо в его мысли?

Но эта странная магия разума однажды может оказаться для него крайне полезной — причём, возможно, скоро. И, подумал он, есть и другие чудесные преимущества.

Кувайлин улыбнулась, когда он подумал про оба нюанса, и Аратису не нужно было быть псиоником, чтобы понять — женщину тоже радует возможность извлечь ещё большую выгоду из их взаимопонимания.

- Поле готово? - позднее в тот же день спросил Джарлакс Аратиса Хьюна, когда они покинули Клорифту.

- Ставки уже начались.

Джарлакс кивнул.

- Потратить как можно больше золота, но без шума и небольшими порциями. Давай не будем привлекать слишком много внимания.

- К кому?

Джарлакс резко остановился и обернулся к своему спутнику. На его лице отразилось изумление.

- Кровь, пролившаяся в той потасовке прежде чем волна исцеления затянула раны, принадлежала Закнафейну, - напомнил ему Аратис.

- Рана была несерьёзной — рука, задетая в практически безупречном парировании, и только.

- Кровь есть кровь.

- К Закнафейну, - сказал Джарлакс, на что Аратис Хьюн просто пожал плечами. - Ты ведь знаешь личность его противника, не так ли? - спросил Джарлакс.

- Думаю, он не просто уличный бродяга.

- Да. Возможно, его послали, чтобы затеять драку с Закнафейном.

Аратис Хьюн кивнул — такая мысль действительно приходила ему на ум. Закнафейн был хорошо известен в Браэринe, и немногие могли отважиться бросить вызов оружейнику по собственной воле.

- Это был наш бывший соратник, Дувон Тр'арах, - сообщил ему Джарлакс.

- Оружейник дома Фей-Бранч? Но зачем матери Биртин..? - он замолчал, когда понял ответ. Мать Биртин наверняка будет довольна, нанеся удар амбициозному и восходящему дому До'Урден, а разве нужен был Дувону Тр'араху повод, чтобы попытаться убить мужчину, который практически в одиночку уничтожил его семью — даже сотню лет спустя?

- Он стал опаснее, чем раньше, - сказал убийца.

- Хорошие доспехи, хорошее оружие, хорошее обучение и хорошие чары обладают подобным эффектом, - сухо отозвался Джарлакс.

- Откуда он знал, что Закнафейн будет в таверне именно той ночью?

- Хороший вопрос. Кто сообщил о прибытии нашего дорогого друга?

- Даб'ней?

- Может быть. Но той ночью Закнафейн был слегка не в форме, - сказал Джарлакс. - Подозреваю, в его выпивке было слишком много грибов.

- Значит, Харбондейр?

- Оба?

- А может, и кто-то другой? - ехидно поинтересовался Аратис, намекая, что он подозревает, что Джарлакс подозревает... его.

Но Джарлакс пожал плечами, как будто это было неважно.

- Это город пауков, - сказал он. - Созданий, которые известны тем, что убивают после спаривания. Созданий, которые берут в плен и медленно истязают своих жертв до самой смерти. Если Закнафейн не может оставаться на чеку, он будет убит. Я бы сказал, что это справедливо для всех нас. Таков наш путь.

Аратис Хьюн задумался над этим заявлением.

- Я собираюсь нанести визит верховной матери, - продолжал Джарлакс. - Отправляйся в «Сочащийся миконид», проверь, как продвигается подготовка, и начинай играть со ставками. Не трать за сегодня больше двух сотен золотых и не ставь больше пяти за раз.

- И треть от этой суммы поставить на противника — так, чтобы заметили? - Аратис прекрасно знал эту тактику. Скрытные ставки на того, кто по мнению Джарлакса победит, открытые ставки на предположительно проигравшего.

Аратис Хьюн подумал, что ему и самому следует сделать несколько таких громких ставок. Потенциальная выгода была слишком велика, чтобы просто так упустить этот счастливый случай — он незаметно завербовал достаточно агентов, чтобы тайно отфильтровать поставленные на противника деньги. Даже от Джарлакса. Несмотря на все интриги командира наёмников, на Закнафейна До'Урдена в битве с неизвестным противником поставят много золота — и ещё больше поставят те, кто понял, что неизвестный дроу на самом деле Авинвеса Фей-Бранч, бывший Дувон Тр'арах.

В честном бою победитель очевиден.

Однако этот бой честным не будет.

Аратис Хьюн решил сделать его ещё менее честным. Возможность разбогатеть манила его слишком сильно, а самое главное — может быть, Аратису повезёт раз и навсегда избавиться от Закнафейна.

В «Сочащемся микониде» кто-то пытался отравить Закнафейна не для того, чтобы убить оружейника, а чтобы замедлить его достаточно для победы Дувона. Разумеется, попытка оказалась неудачной! Идея изначально была дурацкой. Закнафейн был истинным мастером своего воинского ремесла. Сколько сотен раз он сам принимал яд, чтобы сделать тело невосприимчивым для подобных дешёвых трюков?

Нет, яд на Закнафейна не подействует, как и заклинания, тайно брошенные на ринг, чтобы одолеть его.

Но Аратис Хьюн подумал о Кувайлин Облодра и задумался, не нашёл ли он эффективный и незаметный способ преодолеть любые предосторожности оружейника.

ГЛАВА 4

Оттачивая грани

Важность этих молниеносных движений заставляла Закнафейна повторять их снова и снова, по сто раз каждый день. Обычно они были очень простыми и прямолинейными, а выигрыш в скорости на втором развороте таким ничтожным, что большинство бойцов уделяли им лишь беглое внимание.

Но только не Закнафейн. Поединки, о которых пели барды, почти всегда были долгими, с огромными прыжками и пируэтами, с контрударами для контрударов от других контрударов, но правда выживания была проще, хотя, может, и не стоила длинного куплета; большая часть боёв заканчивалась сразу после того, как оружие вылетало из ножен.

Поэтому он тренировался.

Он подбросил перед собой небольшой резной диск из грибного стебля, закрутив его в воздухе, полностью расслабился и закрыл глаза, пока не услышал, как диск упал на пол.

Он открыл глаза. Он посмотрел. Он увидел изображение на той стороне диска, что лежала кверху, левую руку, и сделал внезапное движение руками наискосок, чтобы схватить рукояти висевших на поясе мечей, правое запястье над левым — нужно было делать именно так, чтобы победить надвигающегося противника, как указывала монета, и сосредоточиться сначала на нём, а не на другом противнике слева.

В мгновение ока мечи вылетели из ножен, рассекая воздух в двойной обратной защите. Он повернул правое запястье, взмахнув мечом вертикально, затем укоротив его размах, а левая рука ударила горизонтально, идеально ровно, с полным доведением до конца и даже шагом левой ногой в ту сторону. Этот левый взмах должен был помешать любым помощникам в атаке, а правый был укороченным парированием, чтобы отвести выпад в сторону и внезапно контратаковать смертельным колющим ударом.

Чтобы убить, едва выхватив мечи.

Чтобы закончить поединок прежде, чем тот успеет начаться.

Закнафейн трижды исполнил этот приём, двойное парирование и укол, правая рука над левой, а затем — три раза в обратном направлении, левая над правой, левый меч поднимается и наносит укол вперёд.

С оружием в ножнах он подобрал грибной диск, размял шею и плечи, и снова подбросил его в воздух.

Потом — снова шесть повторений.

Базовые движения, извлечение мечей, которое Закнафейн проделывал тысячи раз в своей жизни.

После этого он приступил к серии прямых извлечений, когда левый меч доставала левая рука, а правый меч — правая. Обычно это была техника обратного извлечения, с перехватом рукояти, доставанием меча и разворотом клинков, поворачивая локти внутрь. Мечи скрещивались, как ножницы между вытянутыми руками и наносили удар наружу коротким и быстрым взмахом. Это движение было куда более неловким, чем первое, но с помощью повторений, бесконечных повторений, можно было натренировать мускулы начинать безопасный разворот клинков, как только острия мечей покидали ножны.

Закнафейн в совершенстве освоил три разных исполнения этой техники — два из них были похожи на более привычное извлечение наискосок, одно с продолжением налево, другое — с продолжением направо, но без шагов. И в сражении с несколькими противниками он бы провёл двойную защиту обратными взмахами, укоротив оба, и сделал выпад вперёд обоими клинками после резкой остановки. Он так хорошо научился этому, что мог даже изменить угол атаки этих ударов, использовать любую комбинацию — клинки впереди, оба меча высоко, оба низко, по одному сверху и снизу, попеременно.

Немногие воины-дроу стали бы выхватывать мечи таким образом в настоящем бою. Слишком просто было зацепиться за край ножен или просто достать оружие слишком поздно, чтобы успеть отразить атаку к тому времени, как парирующий клинок окажется на месте. Однако Закнафейн мог выполнить это движение так же гладко, как более типичное извлечение с руками наискосок, и его крайне забавляло выражение на лице неудавшихся убийц, когда он мгновенно побеждал их таким образом.

Он практически слышал изумлённое «Как?», прежде чем они падали замертво.

Клинки несколько раз вылетели вперёд, разворачиваясь, парируя, нанося удары, затем возвращаясь в свои ножны.

Удовлетворённый, Закнафейн кивнул, вытер ближайшим полотенцем вспотевшие руки и сделал глубокий, успокаивающий вздох.

Теперь настала очередь прямого извлечения — он просто брал рукояти обратным хватом и поднимал руки вверх, выхватывая мечи остриём вниз для двойного вертикального блока.

В этом приёме извлечение было первым движением, только первым движением, и после блока один или оба меча нужно было быстро перехватить более привычным, удобным и практичным способом.

В этом отношении в первые мгновения боя Закнафейн отличался практически от всех остальных. Извлечение мечей таким образом было самым быстрым и чистым — не нужно было менять направление — и могло оказаться крайне эффективным, чтобы в самый последний миг отразить встречный рубящий или колющий удар.

Кроме того, это движение, когда оба меча держались обратным хватом, было самым трудным для импровизации, самым ограниченным в отношении развития.

Закнафейн представлял себе много способов это изменить, хотя, конечно, в мыслях они всегда оказывались проще, чем на самом деле.

- Тысячу раз по тысяче раз, - прошептал он себе, снова и снова повторяя собственное продолжение этого приёма. Это была его мантра — тысячу раз по тысяче раз — которая напоминала ему, что повторение тренирует мускулы, и что короткого пути или другого способа тренировки не существует.

- Тысячу раз по тысяче раз, - сказал он, когда потерял контроль над левым клинком и тот вылетел из его хватки.

Не смущаясь, он подобрал меч и вернул его в ножны, затем сделал глубокий вздох и снова выхватил оба меча.

Поднимая меч справа, он немного разжал ладонь, позволяя весу клинка потянуть оружие вниз, чтобы Закнафейн поймал его тем же обратным хватом, но теперь его рука нанесла удар вниз и назад.

Это была лёгкая часть.

Когда он выхватил меч слева, он обхватил рукоять только указательным и средним пальцем. Безымянный и мизинец были прижаты вдоль рукояти над гардой. Клинок пошёл вверх, и тогда Закнафейн разжал большой палец и надавил двумя нижним пальцами, изменяя инерцию подъёма, чтобы клинок повернулся внутрь и вверх, затем вверх и наружу, и оказался остриём вниз, когда он опустил руку за плечо.

Клинок ударил вниз, чтобы парировать атаку сзади, а затем пошёл через плечо наискосок вправо в рубящем ударе.

Для постороннего наблюдателя это было красивое и быстрое движение, но Закнафейн зарычал от недовольства, остановившись на завершающих моментах, и позволил мечу упасть из его руки и зазвенеть по полу.

Он не смог перехватить рукоять достаточно крепко, чтобы заблокировать даже удар ребёнка, а до завершения контрудара оставалось ещё три движения.

Ещё раз.

Джарлакс и молодой Дайнин До'Урден увидели Закнафейна, когда тот был повернут к ним спиной и совершал свою тренировку в оружейном зале дома. Его левая рука высоко поднялась, меч оказался за плечом остриём вниз вдоль спины, потом продолжил подниматься, оказавшись впереди; правый меч неожиданно нанёс укол назад сразу за прошедшим мимо левым мечом.

Джарлакс придержал Дайнина и дал ему знак молчать, наблюдая за тем, как оружейник закончит. Закнафейн подбросил свой левый клинок, чтобы сменить хват и ударить назад так же, как ударил правым, затем сделал достаточно неловкий разворот, обернувшись с явно заметным выражением недовольства на лице.

Он увидел посетителей и немедленно выпрямился.

- Что вы здесь делаете?

- Я пришёл по делу к матери Мэлис, - ответил Джарлакс, и это была правда, - и решил посмотреть, как идут дела у моего друга в возможно последние дни его жизни.

Это вызвало у Закнафейна усмешку.

- Сгинь, щенок, - приказал он Дайнину.

Юноша, младший сын Мэлис, выпрямился и втянул в себя воздух, заметно оскорблённый.

Закнафейн рассмеялся над ним.

Джарлакс приобнял молодого До'Урдена за плечи.

- Никогда не стоит показывать свой гнев тому, кто смог тебя разозлить, - прошептал он на ухо Дайнину. - А тем более — если он может разрезать тебя на кусочки, не успеешь и глазом моргнуть.

- Мать Мэлис приказала мне сопровождать тебя, - возразил Дайнин.

- И ты выполнил её приказ.

- Я не позволю тебе свободно расхаживать по нашему дому, бродяга, - заявил Дайнин.

Джарлакс коротко поклонился. Он уважал храбрость Дайнина (хотя решил, что юношу она погубит).

- Тогда подожди меня в зале, - предложил он. - Я поговорю с другом наедине.

- Выметайся, - добавил Закнафейн от боковой стены, где взял сухое полотенце, чтобы вытереть пот.

Дайнин вышел обратно за дверь, но не стал её закрывать.

- И сколько воображаемых врагов ты только что прикончил? - спросил Джарлакс, подходя к другу.

- Ни одного. Боюсь, он по-прежнему жив.

Джарлакс вспомнил движения, которые видел.

- Значит, ты мёртв, - заметил он.

- К сожалению.

- Оттачиваешь навыки извлечения и удара?

Закнафейн кивнул и вытер полотенцем лицо.

- Ты же понимаешь, что вы оба начнёте бой уже с оружием в руках? - спросил наёмник.

- И что?

- Тебе не потребуется доставать мечи.

- И?

- Не будь таким тупицей. Зачем ты тренируешь то, что тебе не понадобится?

- Я часто этим пользуюсь.

Джарлакс хотел было вздохнуть, но Закнафейн сразу продолжил:

- Не в том бою, который состоится через два дня, нет, но неужели ты действительно хочешь, чтобы я пожертвовал своими тренировками из-за Дувона Тр'араха? Может быть, мне заниматься бегом — на тот случай, если по пути на твою пьесу мне повстречается канализационная крыса?

- Мою пьесу?

- Тебе следовало просто позволить мне убить его в таверне, сразу же и на месте.

- Он оружейник влиятельного и древнего дома, - напомнил Джарлакс. - Какие последствия грозили бы дому До'Урден, если бы ты так поступил?

- Те же самые последствия, что наступят после того, как я разделаюсь с ним на дуэли, - без колебаний ответил Закнафейн.

- Вовсе нет, - ответил Джарлакс, хотя он и сам не знал, какая на самом деле разница. Так или иначе, Дувон — или Авинвеса — похоже, затеял это по собственной

воле, а значит, его смерть от рук Закнафейна — в барной драке или на дуэли — могла вызвать определённые вопросы в адрес матери Мэлис.

- Ты не должен его убивать, - добавил Джарлак.

- Говорит дроу, которого Дувон не выбрал своей целью. Он искал меня. Он подстроил всё так, чтобы прикончить меня, а не тебя.

На это Джарлаксу нечего было ответить. Вместо ответа он сказал:

- Тебя убили бы, знаешь? - указав подбородком назад в центр помещения, где Закнафейн работал на своими техниками извлечения клинков. - Разворот был неловким и слишком долгим.

- Всё, что больше двух движений — глупость, - сухо ответил Закнафейн, повторяя мантру из Мили-Магтир, касавшуюся самого важного начального элемента любого поединка с оружием ближнего боя. Извлечение оружие и единственное движение были классикой. Выхватываешь и наносишь удар, больше ничего — и оказываешься на равных с противником, у которого раньше была инициатива.

- Я насчитал третье и четвёртое, хотя они у тебя не получились. Ты намного превосходишь удовлетворительный уровень. Блок за спину, как всегда, был безупречен, а укол назад выиграл бы тебе время, чтобы разорвать дистанцию и справиться с тем, кто хочет тебя убить. Зачем пытаться достичь чего-то ещё, если это ставит тебя в такую невыгодную позицию?

- Хочешь, чтобы я играл с противником на равных?

- Тебя так учили.

- Воины, которых я могу убить, - возразил Закнафейн.

В ответ Джарлак мог только беспомощно рассмеяться.

- Зачем ты здесь? - спросил оружейник.

- Я же сказал.

- Ты сказал, что у тебя дела с матерью Мэлис. Зачем ты пришёл сюда, в эту комнату?

- Поприветствовать старого друга?

Закнафейн скрестил руки на груди.

Джарлак оглянулся на открытую дверь, затем подошёл ближе, чтобы не мог видеть юный Дайнин, которых их подслушивал, и просигналил руками:

- Тебе нужно устроить отлучку из дома До'Урден в ночь поединка?

- Только если ты сумеешь сделать это так, чтобы не выдать своё участие, - просигналил в ответ Закнафейн.

Джарлак как-то слишком хитро улыбнулся.

Закнафейн не стал спрашивать.

Вскоре после того, как он покинул дом До'Урден, но прежде, чем командир наёмников возвратился в Клорифту, Джарлакса отыскал посыльный Бреган Д'эрт, протянувший ему свиток.

Любопытно. После магического осмотра, чтобы убедиться в отсутствии ловушек, Джарлак развернул его и увидел список ставок на предстоящий бой с запиской от Аратиса Хьюна, где сообщалось, что он уже потратил всю сумму.

Джарлак свернул пергамент и задумался. Меньше чем за полдня все ставки на Закнафейна были перекрыты? Сначала он подумал, что это Тр'арахи. Даб'ней и Харбондейр были не единственными выжившими из этого дома, кружившими на орбите Джарлакса. Конечно, все они знают истинную личность обидчика Закнафейна и втайне порадуются, если Дувон отомстит Закнафейну за убийство их дома.

Но станут ли они ставить на Дувона? Они знали Дувона лучше всех, а значит — знали пределы его способностей. В конце концов, желать кому-то победы и поставить деньги на такой исход — разные вещи.

- Скажи ему поставить сегодня вполонину больше золота, и ещё столько же — завтра, - проинструктировал молодого посыльного Джарлак. - Равные суммы на каждого бойца.

Юноша кивнул и умчался прочь.

Джарлак снова задумался над содержимым пергамента, даже развернул его снова, чтобы проверить, не дадут ли записанные там суммы ставок какой-то ключ к ответу на вопрос, кто же считает, что Дувон — Авинвеса Фей-Бранч — победит. В первую очередь, конечно же, Джарлак решил, что кто-то решил, будто может повлиять на исход боя. Джарлак был уверен, что в первой стычке Закнафейну пришлось бороться не только с Дувоном, но и с ядом. Кто сможет подстроить такое снова?

Или кто-то из этих дроу действительно считает, что Дувон в силах победить Закнафейна? Наверняка у Дувона будет превосходная экипировка и помощь волшебных чар, но неужели они надеются, что этого хватит?

А кроме того, станут ли они пытаться снова ослабить Закнафейна? Снова яд? Магия? Конечно, он будет защищён от всего этого.

Если не...

Намёк на улыбку — он не стал бы смеяться вслух, когда, как подозревал — а он всегда подозревал — за ним следят, искажил губы Джарлакса, пока он вспомнил того, кто очень обрадуется смерти Закнафейна До'Урдена, и неортодоксальные методы, доступные этой персоне для достижения подобной цели.

Джарлак резко сменил курс, направившись к поднятому над великой пещерой алькову, известному как Тир Бреш, где находилась знаменитая академия Мензоберранзана.

Меч вылетел из-за правого плеча, поднимаясь перед ним в ударе. Он отпустил оружие, чтобы сменить хват, и начал свой удар назад, разворачиваясь.

Закнафейн остановился и поморщился.

Движение было слишком неловким. Мастера Мили-Магтир всегда учили мантре одного движения — в неожиданной стычке у тебя есть только одно движение после того, как ты выхватил оружие, только одно. После этого возвращайся в боевую стойку и начинай обычный бой.

Оружейник покачал головой. Он был так близко — не только ко второму, но и к третьему с четвёртым движениям, и все они не оставляли противнику другого

выбора, кроме отступления, и делали врага уязвимым, если тот был недостаточно умён, чтобы немедленно сбежать.

Слишком близко.

Но баланс был неправильным. Он мог развернуть свой левый клинок, мог перехватить и нанести укол, но этим не добьётся ничего такого, чего не делает первоначальный взмах. Это была тактика затягивания, которая задерживала бой ещё на одно мгновение, ещё на один ход.

Он не может успешно выполнить этот разворот. Приём не работает.

Закнафейн обдумал движения меча и свою работу ног. Может быть, если он добавит шаг влево...

- Смешное предложение — даже для тебя, - ответил архимаг Громф Бэнр Джарлаксу. Они сидели в удобных креслах перед пылающим очагом в палатах великого волшебника, внутри надизмеренческого особняка, в который можно было попасть из обычных покоев Громфа в Сорцере, школе дроу для магов.

- Но это возможно?

Громф вздохнул и пригубил вино — *очень* хорошее вино — которое принёс ему Джарлакс, цена, назначенная Громфом за каждый визит командира наёмников.

- Возможно всё, - ответил он. - Но не всё *следует* совершать.

- Почему не следует совершать то, о чём я прошу? Это, вроде бы, не самый сложный из двомеров, и последствий у него мало.

- Потому что он не стоит трудов.

- Это всего лишь разновидность малого заклинания, - настаивал Джарлакс.

- Тогда сделай это сам.

Настала очередь Джарлакса вздохнуть.

- Почему бы мне не попросить величайшего в городе мага?

- Так, может, и мне следует обращаться к Джарлаксу всякий раз, когда нужно избавиться от крысы?

- Если это необычайная крыса — то, полагаю, да, - ответил Джарлакс, а потом ехидно добавил: - Или даже обыкновенная крыса, если ты готов заплатить цену Джарлакса.

Громф фыркнул.

- Тогда расскажи, зачем.

- Потому что слишком много верховных матерей знают свойства простой версии заклинания.

- Ты хочешь сказать, что их знают Облодра, - заметил Громф. - Продолжаешь вести дела с этими странными созданиями?

- Они живут у меня на чердаке, если можно так выразиться.

- Так найми крысолова и избавься от них.

Джарлакс поднял бровь в ответ на это замечание. Громф пожал плечами и снова выпил. Джарлакс знал, что так архимаг показывает своё раздражение, ведь даже могучего Громфа беспокоили чуждые силы матери К'йорл Одран и её семьи псиоников.

- От заклинания тебе будет мало толку из-за ограниченного срока действия. Значит, активировать его должен ты сам, и это будет не такая незначительная магия, как ты заявляешь. Если, конечно, ты не хочешь сделать его постоянным, но я предупреждаю...

- О нет, не постоянным, - вмешался Джарлак. - Лишь на короткое время.

- Лучше выбрать алхимика, а не мага, - пояснил Громф. - Слышал о масле дневного света?

- Конечно.

На самом деле, Джарлак использовал это масло, которым были покрыты камешки внутри керамических шариков, чтобы прервать драку в «Сочащемся микониде».

- Пожалуй, требуется нечто подобное, - сказал Громф. - Временный двомер, который помещается внутрь предмета, чтобы не перетекать на всё, к чему прикасается. Это не так просто, как ты мог подумать, но, скорее всего, возможно.

- У меня есть неплохие алхимики, - заметил Джарлак.

- Но мои алхимики лучше, - сказал Громф.

- И дороже.

- Ты в любом случае заплатишь мне, бродяга, - сказал архимаг. - Идея была моя.

Джарлак кивнул и качнул свой бокал в сторону Громфа.

- Когда?

- А когда тебе нужно?

- Через два дня.

- Удвой мою плату.

Джарлак начал спорить, но прикусил язык и кивнул. Он хотел предложить Громфу обычную оплату и рассказать архимагу, как можно легко удвоить её самостоятельно, но сдержался, не желая вовлекать кого-то из Бэнров в устроенный им поединок. Может быть, он просто поставит эту сумму сам.

Так или иначе, это было неважно. Он получит полезный предмет, приобретёт полезного союзника и в процессе выручит немало золота.

ГЛАВА 5

Честно, но не на равных

Надев глазную повязку, которая не делала ничего, кроме того, что закрывала один глаз, Джарлак смотрел вдаль. Назначенное время давно миновало. Поддавшись нетерпению, он зашёл в «Сочащийся миконид», где обнаружил такого же раздражённого Аратиса Хьюна, облокотившегося на барную стойку и катающего в руках пустой стакан.

- Где он? - спросил убийца Джарлакса, когда тот устроился рядом.

- Противник ждёт в переулке за таверной.

- Вместе с парой дюжин зрителей, ещё сотней тех, кто наблюдает из ближайших окон, и ещё несколькими сотнями тех, кто ожидает сведений от этих наблюдателей.

- Поединков между такими впечатляющими противниками уже давно не случалось. Подозреваю, просочился слух, что враг Закнафейна — на самом деле оружейник дома Фей-Бранч.

- Ходили такие разговоры, - негромко подтвердил Аратис Хьюн.

Джарлакс не сдержал улыбку, делая знак бармену Харбондейру подать ему стакан любимой выпивки. Он заключил множество пари почти на шесть сотен золотых на улицах, почти ни разу — от собственного имени, и ожидал получить около девяти сотен монет прибыли, поскольку шансы противников стали оцениваться неожиданно равными. По правде говоря, Джарлакс даже не ожидал найти столько готовых принять его ставку на Закнафейна, ведь кто отважится поставить против Закнафейна До'Урдена, если противником знаменитого оружейника будет не Утегенталь Армго или Дантраг Бэнр?

- Он в переулке, и наверняка нервно расхаживает из стороны в сторону, - сказал Джарлакс.

- Наверняка.

- Расходует свои силы. С каждым шагом его конечности становятся тяжелее...

- Думаешь, это такая тактика? - спросил Аратис Хьюн. - Скорее всего, верховная мать Мэлис просто не позволила своему игрушечному солдатику пойти поиграть на улице.

- Сегодня она его отпустит, - заверил его Джарлакс. Пригубив свой напиток, Джарлакс заметил, что убийца смотрит на него с явным подозрением.

- *Где твоя глазная повязка?* - просигналили пальцы Аратиса.

- У меня на голове, - вслух ответил Джарлакс, вызвав скептический взгляд своего товарища.

Джарлакс немного повернулся, чтобы лучше продемонстрировать задний ремешок повязки, который по-прежнему оставался заметен, хотя весь остальной предмет был невидим.

На лице Аратиса возникло настоящее любопытство.

- Наши друзья Облодра узнали, какой глаз даёт мне защиту от их вторжений, а какой — силу истинного зрения, - объяснил Джарлакс. - Будет лучше, если они не смогут увидеть повязку — или если не поймут, что я ношу её тайно, и будет лучше, если они не смогут так просто различить, какой глаз она прикрывает. Они действительно прекрасно управляют со своей магией разума — но даже их придворный волшебник не так уж и хорош с магией обыкновенной.

- Вроде чар невидимости.

В задней части бара прозвенел колокольчик, Харбондейр бросился к особому месту у винного шкафа, убрал оттуда бутылку и на мгновение прижал ухо к открывшемуся отверстию.

- Идёт Закнафейн До'Урден, - сообщил он Джарлаксу и Аратису Хьюну. Джарлакс осушил свой стакан одним большим глотком, а Аратис Хьюн толкнул свой назад по барной стойке, собираясь покинуть помещение вместе с командиром наёмников.

- Как у тебя это получилось? - спросил Аратис. - Никогда о таком не слышал.

- Я знаком с могущественными волшебниками — самыми могущественными — и безупречными алхимиками, - ответил Джарлак. - И у меня есть золото. Просто изумительно, на какие волшебные или алхимические творения может вдохновить золото.

Аратис Хьюн глубоко вздохнул.

- Но зачем ты вообще оставил видимым ремешок? - недоумённо спросил он.

Джарлак пожал плечами и хмыкнул.

- При первом использовании мази исчезновения я сделал невидимым и его, но потом уронил повязку, и мне потребовалась куча времени, чтобы её найти!

- Мазь исчезновения? - повторил Аратис Хьюн, но затем просто тупо уставился на командира и наконец беспомощно покачал головой, признавая своё поражение.

Как и хотел Джарлак.

Закнафейн поднял руку и поправил глазную повязку — та немного соскользнула, пока он её пристраивал, и оружейнику стало щекотно. Ничего существенного, разумеется, просто кожаный ремешок, но любая помеха, любой шум, любой отвлекающий фактор в это конкретное время представлял для него серьёзную угрозу.

Всё должно быть безупречно. Он сам должен быть безупречным.

Его ничто не должно отвлекать, а этот подарок Джарлака, даже правильно надетый, отвлекал его.

Он хотел стянуть повязку с головы и убрать её куда-нибудь подальше.

Но не стал. Несмотря на все свои претензии к наёмнику, Закнафейн должен был признать — но только про себя, — что не просто полюбил общество Джарлака, он начал доверять этому странному дроу.

На несколько шагов он закрыл глаза и собрался с духом, прокручивая в голове свои упражнения, собирая свою мышечную паять. Он чувствовал, как будто его сейчас вырвет — и это было хорошо.

Он был на грани.

Он был готов к битве.

Закнафейн знал, что за ним следит множество взглядов — ещё до того, как вышел из-за угла «Сочащегося миконида». Дроу, и среди них — множество благородных, выстроились по обе стороны открывшегося перед ним переулка, некоторые взобрались высоко на стены таверны, другие устроились на крыше. Здание с другой стороны было вырезано внутри сталагмита, как и большинство построек дроу, предлагая множество естественных опор вдоль своих неровных стен, и все они были заняты наблюдателями.

Он увидел своего противника, Дувона — по-прежнему под ложной личиной — дальше по переулку, за незнакомой женщиной-дроу, которая привлекала к себе немало внимания. Она высоко подняла правую руку, большим пальцем прижала средний к ладони, демонстрируя брешь между безымянным и указательным. Она поднесла пальцы к лицу и посмотрела сквозь них на юго-запад.

Закнафейн всё понял, когда сам посмотрел в ту сторону. Женщина указывала на большой обелиск Нарбондель вдалеке, волшебные часы Мензоберранзана,

измерявшие дни своим сиянием, которое поднималось от основания к вершине, от полночи к полудню, а затем спускалось по огромной колонне вниз, когда день заканчивался. Обозначенное расстояние между её выпрямленными пальцами показывало, сколько пройдёт времени, сколько сияния угаснет, прежде чем она запретит принимать ставки.

И действительно, по всему переулку за таверной начали переходить из рук в руки монеты.

Закнафейн задумался, не притвориться ли ему неуверенным, чтобы те, кто ставит на него в эти последние мгновения, получили лучший коэффициент.

Он посмотрел в другой конец переулка на противника и понял, что не сможет пойти на такое притворство. Там стоял Дувон, который пытался его убить, который подстроил так, чтобы в напиток Закнафейна оказался яд, решив, будто грибной наркотик способен замедлить оружейника достаточно, чтобы можно было прикончить его быстро и чисто.

Любое сочувствие, которое мог ощущать Закнафейн, любое чувство братства, которое он мог испытывать к другому мужчине-дроу, не могло пересилить эту истину.

Закнафейн подошёл к ближнему концу переулка и стал ждать там. Другая женщина-дроу, которую Закнафейн не знал по имени, но часто встречал на Улицах Вони, показалась из ниши сбоку с тонким синим жезлом в руках.

Она подняла руку, призывая к молчанию, и зрители действительно смолкли.

- Убрать монеты! - объявила она. - По правилам Браэрина ставки больше не принимаются.

Закнафейн услышал звон вокруг и в окнах наверху — последние ставки. Он слышал о таких организованных поединках, но сам на них раньше не присутствовал. Теперь он понял, что женщина, которая стоит между ним и Дувонем, должна обладать немалой властью на Улицах Вони, чтобы вот так успокоить разношёрстную толпу.

- Кто назначил этот бой? - спросила она.

- Я, добрая госпожа, - ответил Джарлакс, выходя из теней справа, сквозь заднюю дверь «Сочащегося миконида».

- А это участники? - спросила она, указав на Закнафейна, затем на Дувона.

- Так и есть, - ответил Джарлакс.

- Ты уверен?

- Уверен.

- И какими именами они пользуются?

- Закнафейна в Браэрине знают, - ответил Джарлакс. - Что же касается второго...

Он замолчал и посмотрел на Дувона, который в ответ прищурился.

- Нам следует звать его Синим, поскольку сам он никак не представился.

Закнафейн услышал вокруг шёпот «Авинвеса Фей-Бранч» и даже «Дувон Тр'арах». Другие даже утверждали, что Джарлакс точно должен знать этого мужчину.

Может быть, Джарлакс оказался не так умён, как считает сам, подумал Закнафейн. Если те, кто делали ставки, знают, что Джарлакс близко знаком с обоими бойцами, тогда кто принял его пари?

Закнафейн не позволил мыслям свернуть на этот извилистый путь. У него не было лишнего времени или сил. Джарлак казался вполне довольным, хотя это тоже приводило Закнафейна лишь к противоречивым теориям и лишнему беспокойству.

- Синим? - спросила женщина.

- Имя необходимо только для того, чтобы сделать ставку, - вмешался Джарлак. - Закнафейна знают. Кто второй — неважно.

- Будет ли это по-прежнему неважно, когда Закнафейн умрёт? - вмешался другой голос, принадлежащий самому Дувону.

Это вызвало у Закнафейна улыбку.

- Убрать монеты! - снова закричала женщина. - А вы, воины, подойдите на пять шагов.

Закнафейн не отводил глаз от Дувона и на каждом шагу встречал ответный взгляд, пока не подошёл примерно на пять шагов к женщине. Дувон стоял напротив него примерно на таком же расстоянии.

- Оружие, что при вас — ваше, - сказала женщина. - Доспехи, что на вас — ваши. Фокусы, что есть у вас в запасе, тоже ваши, не считая...

Она замолчала и посмотрела на Джарлакса.

- Они оба воины.

- Тогда без двоемеров, - провозгласила женщина, - не считая чар, которые уже лежат на вашем снаряжении, и ваших благородных способностей. Все согласны?

Закнафейн провёл ладонями по рукоятям мечей. Это оружие они с Джарлаком давным-давно украли из сокровищницы дома Баррисон Дель'Армго. Хорошие клинки, и скорее всего не хуже тех, что взял с собой Дувон. Закнафейн считал, что их снаряжение должно быть примерно одинаковым.

- Согласны, - практически в унисон откликнулись дуэлянты.

Женщина указала жезлом на Закнафейна и произнесла волшебное слово. Оружейник почувствовал слабый порыв ветра, волну снятия чар. Любые заклинания, которые могли на него наложить, или защиты, или увеличение силы и скорости, не пережили бы этого волшебного развеивания.

Женщина повернулась и проделала то же самое с Дувоном, потом подняла крупную и чистую хрустальную сферу, чтобы все могли увидеть её.

- Если на этих воинов или где-то в переулке будут наложены двоемеры, я об этом узнаю, - пообещала она.

Закнафейн хотел покончить с этим и приступить к бою, но решил, что всё дело в «честной» битве, насколько вообще могла быть честной битва дроу в Городе Пауков.

Правда, он совсем не был уверен, что поединок действительно будет честным, и надеялся, что противник не знает о том, что знает он сам. Закнафейн понятия не имел, как союзники Дувона могут наложить на него заклинание, но по какой-то причине Джарлак передал оружейнику предупреждение и глазную повязку.

Закнафейну хотелось сплунуть от отвращения. Он предпочёл бы бой в неприметном зале, с одинаковым оружием или без него, без посторонних зрителей. Бой, основанный лишь на мастерстве, его мастерство против мастерства Дувона — и пускай победит сильнейший.

Ладно, решил Закнафейн, взявшись за мечи. Сильнейший всё равно победит.

- До пощады или до смерти, - объявила женщина, отступая в свою нишу, и толпа подалась назад, насколько было возможно. - Начинайте!

Закнафейн оказался внутри магического мрака, как только слова сорвались с её губ. Вполне допустимая атака по правилам боя, поскольку это являлось врождённой благородной способностью, но то, что Дувон использовал её настолько быстро, застало оружейника врасплох.

Он знал, что сейчас Дувон устремился к нему — более слабый боец надеялся на быстрое убийство. Риск казался Закнафейну чрезмерным, и его разум лихорадочно пытался обдумать все возможные варианты. Сумеет ли Дувон верно оценить ответный ход Закнафейна и приблизиться с верной стороны?

Если Закнафейн двинется налево или направо, а Дувон не угадает, его заклинание мрака пропадёт впустую. Если Закнафейн пойдёт вперёд, и Дувон опять не угадает, тьма обернётся против него самого — причём, возможно, с фатальным исходом.

Это была загадка, способная одолеть менее опытного воина, или даже ветерана, который не мог справляться с переменами на поля боя так же быстро, как Закнафейн До'Урден. Закнафейн немедленно осознал, какому риску подвергает себя Дувон, начав поединок с призвания сферы мрака — тактика, которую один дроу использовал в поединке с другим только от отчаяния, в момент неудачного парирования или пропущенного укола, чтобы остаться с оппонентом на равных. В конце концов, не так уж и много было дроу, способных сражаться в крошечной темноте.

Дувон не пойдёт налево, не пойдёт направо и не пойдёт прямо, ведь любой из этих выборов может принести ему небольшое преимущество, если он угадает верно, но в то же время приведёт к абсолютной катастрофе, если Дувон угадает неправильно.

Нет, он призвал тьму, чтобы использовать весь свой репертуар трюков в единственном смертоносном движении.

Закнафейн не видел его, но Закнафейн знал, где он.

Поэтому Закнафейн приготовил себя и свои мечи — и не пошевелился.

Не издал ни звука.

Он ждал, потому что разгадал игру Дувона и понял, что оружейник дома Фей-Бранч сейчас находится у него над головой. Дувон использовал левитацию — вторую врождённую способность благородных дроу. Он не мог летать и не мог набирать высоту, вместо этого просто стал невесомым и подпрыгнул в воздух, воспарив вверх до конца действия своих чар.

Или до тех пор, пока не достигнет выступа, на котором сможет выжидать.

Дувон был наверху, ожидая, пока не покажется враг, чтобы броситься на Закнафейна с высоты.

Закнафейн ждал.

Закнафейн бросил прямо перед собой собственную сферу мрака, надеясь, что сферы наложатся друг на друга и ещё сильнее запутают Дувона.

И Закнафейн ждал, оставаясь абсолютно неподвижным и прислушиваясь. Он не тратил сил, но его противнику наверху приходилось держаться за узкий выступ. Долго он не протянет.

Он услышал слабый скрип сапога по камню у себя над головой, и тогда прыгнул, левитируя — вверх и назад направо, размахивая мечами впереди и над собой, на случай, если Дувон окажется слишком близко.

Закнафейн покинул верхний край сферы мрака в тот самый миг, когда Дувон в неё вошёл — в нескольких футах перед оружейником, за пределами досягаемости — за пределами досягаемости его мечей, поскольку оба противника воспользовались своими волшебными способностями и очертили друг друга безвредным волшебным огнём, фиолетовым у Закнафейна и синим у Дувона.

Закнафейн ударился о край крыши «Сочащегося миконида» и бросил себя назад, в обратном направлении, внутрь сферы, приземлившись вместе с вихрем ударов — большая часть которых рассекала только воздух, пока один, затем второй, не встретился с мечом, устремившимся к нему с другой стороны.

Глядя на происходящее сбоку, Джарлак про себя поаплодировал храбрости и находчивости Дувона, но совсем не удивился быстрой и методичной реакции Закнафейна. Теперь, когда битва началась по-настоящему, глубоко внутри магического мрака зазвенели мечи, раздавались удары и скрежет.

Наблюдатели кричали и охали; кто-то жаловался, что не может увидеть игру клинков.

И это действительно была настоящая потеря, понял Джарлак по одной лишь скорости звенящих мечей. Оба дроу сражались яростно, каждый использовал знакомые приёмы, адаптируя их и меняя в попытке заставить противника расплох.

Джарлак был уверен, что Дувону здесь не победить. Он не сможет одолеть Закнафейна в темноте или даже на свету — но по крайней мере на свету у Дувона, скорее всего, найдётся ещё один хитрый трюк.

Джарлак сосредоточился на звуках, которые продолжали удаляться в одном и том же направлении. Закнафейн атаковал, Дувон отступал.

Теперь Джарлак понял, зачем Закнафейн бросил второй шар темноты — тьма была его союзником против пока что неизвестной уловки Дувона! Закнафейн хотел разделаться с Дувоном прежде, чем волшебный мрак рассеется.

Но сейчас Дувон полностью отступил во второй шар, продолжая двигаться через него к свету. Наконец он показался с дальней стороны шара, навстречу возгласам тех зрителей, что сидели в дальнем конце переулка.

Теперь замечательные доспехи Дувона были открыты взгляду, поскольку Закнафейн рассёк его плащ и рубаху. И было видно, что первая кровь, по крайней мере — какое-то существенное количество крови, принадлежала Закнафейну, который вопреки защите Дувона сумел нанести в темноте больше одного удара.

Джарлак одобрительно кивнул, когда снаружи показался Закнафейн — ведь Дувону тоже удалось поразить соперника.

- Ты стал лучше, - про себя поздравил наёмник бывшего сына дома Тр'арах. Он задумался, когда же дом Фей-Бранч и верховная мать Биртин закончат с Дувоном. Может быть, этот дроу ещё может представлять для него ценность. - Надеюсь, Закнафейн тебя не убьёт.

Закнафейн сдерживал свои уколы и укорачивал косые режущие удары — его мечи всегда были готовы к защите. Он знал, что сейчас начнётся что-то необычное. Дувон серьёзно рисковал, используя и темноту, и левитацию в попытке сразу же закончить битву.

Но сейчас, когда все эти трюки оказались напрасны, Дувон не ударился в панику — судя по выражению лица, он был раздражён, а не встревожен.

Он хотел победить Закнафейна самостоятельно, с помощью собственной хитрости и отваги.

Но это не значило, что Дувон считает, что может проиграть.

А следовало бы, знал Закнафейн. Оба его меча ударили вперёд, затем он убрал их так быстро, что защита Дувона не успела даже коснуться их. Эти мечи снова устремились к туловищу Дувона — сначала параллельно, потом разошлись под широким углом. Таким образом, левый клинок прервал широкий рубящий удар правого меча Дувона, размашистую защиту, которой оружейник Фей-Бранч надеялся сбить оба меча противника в сторону. Его второй клинок поднимался для другого блока, и Дувону пришлось отскочить назад и быстро опустить меч вниз перед собой, просто чтобы избежать укола Закнафейна.

Но всё-таки его ранило — и болезненно, если судить по его возгласу — в левое бедро.

Дувон отступил ещё на шаг и развернулся вправо, собираясь описать полный круг, чтобы восстановить равновесие и стать боком к противнику.

Но Закнафейн был для этого слишком быстр, и заставил Дувона прервать поворот на середине и броситься к естественной стене сталагмита, очерчивающей переулоч.

Он взлетел вверх с удивительной грацией и скоростью, опережая клинки Закнафейна. Он оттолкнулся и сделал сальто — движение, которое должно было закончиться на земле за спиной у Закнафейна. Но не на сей раз, поскольку Дувон использовал взмах своих клинков, чтобы притвориться, будто готов преодолеть такое расстояние, но резко оборвал свой полёт, вместо этого приземлившись на то самое место, откуда прыгнул, только теперь — лицом к противнику.

Закнафейн успел оставить быстрый порез на лодыжке Дувона. Доспехи защитили дроу от слишком серьёзной раны.

Но Дувон быстро пришёл в себя, и его клинки обратились вниз, обороняясь. Закнафейн, хотя и стоял ниже, подыграл — ведь у него была инициатива. Он заставил Дувона метаться из стороны в сторону, заставил действовать клинками под неудобным углом.

Наконец, Дувон сумел взобраться ещё выше по сталагмиту, и Закнафейн последовал за ним.

Но только на шаг, после чего оттолкнулся и развернулся в прыжке, приземлившись посередине переулоча, лицом к противнику. Оружейник поманил Дувона к себе.

Дувон быстро взглянул в сторону, но Закнафейн это заметил.

Дувон прыгнул на него с высоты. Закнафейн почувствовал щекотку, как будто по его лбу провели пёрышком.

И всё.

Как и обещал Джарлакс.

Закнафейн резко выпрямился, с отсутствующим видом заморгал и опустил мечи.

Дувон обрушился на него, мечи описывали круги по бокам, назад и вверх, наискосок и вниз. Он завершил этот яростный ритм, как только преодолел последние шаги — клинки застыли в идеальном согласии и разделились, устремившись к груди беспомощного Закнафейна. Оружейник дома Фей-Бранч, бывший принц и оружейник дома Тр'арах, издал победный клич...

Слишком рано.

Ведь внезапно Закнафейна не оказалось на месте, и мечи Дувона пронзили воздух.

И по его ведущей ноге ударила чужая голень, другая нога с силой подсекла его под заднее, а потом и под ведущее колено, когда его ноги скрестились.

Дувон полетел головой вперёд по переулку, кувыркаясь, затем перекатился и обернулся, отчаянно поднимаясь на колени, рубанув оружием, чтобы отразить ожидаемую атаку.

Но Закнафейна снова не оказалось на месте — по крайней мере там, где пытался защититься Дувон.

Нет, он был в воздухе, высоко подпрыгнул и развернулся, его мечи были подняты перед грудью остриём вниз. Он оказался за спиной у Дувона, сразу позади, и продолжил падать. Его вес тащил эти клинки прямо вниз, инерция и сила Закнафейна боролись с превосходным доспехом. Острие меча справа от головы Дувона развернулось, но всё-таки вскрыло Дувона от шеи до груди.

Меч с левой стороны вонзился глубже, и Закнафейн быстро перенёс свой вес, чтобы надавить на него, наконец протолкнув лезвие сквозь упрямую броню в мягкую плоть в ложбинке на ключице противника.

Клинки скользнули вниз, на правой стороне груди обречённого дроу возникла яркая красная линия, из раны слева забила фонтаном кровь.

Зрители заверещали, радостно взвыли, завопили в отчаянии из-за потерянных ставок, и Закнафейн услышал перекрывший их всех голос Джарлакса:

- Тьфу!

ГЛАВА 6

Плата по счетам

- Он сдаётся! - закричала жрица Даб'ней, бросаясь к брату и уже начиная читать заклинание исцеления.

Закнафейн повернулся к ней навстречу, злобно усмехаясь. Его лезвие рассекло артерию Дувона, хотя с могущественной жрицей поблизости рана, скорее всего, не станет смертельной. Но Дувон не мог защититься, и Закнафейн знал — острие меча уже проникло в его лёгкое, и легким нажатием оружейник мог протолкнуть клинок сквозь лёгкое прямо к сердцу, убив противника прежде, чем ему на помощь придёт магия.

Он немного надавил, и Дувон охнул.

Даб'ней резко остановилась и прекратила читать свои молитвы.

- Нет, пожалуйста, умоляю, - обратилась она к Закнафейну. - Он больше не станет бросать тебе вызов. Ты победил. Я клянусь тебе! Прошу.

Она подалась вперёд.

Закнафейн посмотрел на неё, затем неожиданно вскинул свободную правую руку с мечом, приставив острый клинок к мягкому горлу Даб'ней.

- Может быть, мне следует убить тебя вместо него, - сказал он и с ядом в голосе добавил: - Жрица.

Она с трудом сглотнула, но промолчала.

- А может, обоих, - сказал Закнафейн.

Даб'ней просто пожала плечами, признавая своё полное поражение.

Закнафейн вытащил меч из тела Дувона. Тот рухнул. Из раны по-прежнему хлестала кровь. Улыбаясь, другим мечом Закнафейн приподнял подбородок Даб'ней.

- Я редко встречал подобную преданность, - сказал он. - И не ожидал её от тебя.

Даб'ней промолчала.

- И твоё слово ничего не стоит.

- А как насчёт моего? - спросил подошедший Джарлакс.

Закнафейн опустил меч.

- Твори свою магию, - сказал он Даб'ней, не убирая далеко меч. - Ну давай, попробуй.

Она пристально посмотрела на него, но упрямо стала читать заклинание.

Закнафейн рассмеялся.

Джарлакс задержал дыхание — жрица Ллос приняла вызов Закнафейна, который больше всего любил убивать жриц Ллос!

- Закнафейн, - сказал он, и когда оружейник посмотрел в его сторону, легонько покачал головой, умоляя друга проявить сдержанность.

Закнафейн сверкнул в ответ улыбкой, которая давала понять, что ничего ещё не кончилось, но отошёл прочь.

Джарлакс снова нашёл оружейника практически на другом конце города. Но замедлил шаг и нырнул в ближайший переулок, когда понял, что за ним и Закнафейном следят.

Он решил, что это дело рук матери Биртин Фей. Возможно, она хотела убедиться, что Закнафейн не вернётся к матери Мэлис, каким бы ни был исход поединка. Джарлакс бросился в конец переулка и швырнул вперёд свою переносную дыру, затем нырнул в открывшийся проём и забрал дыру, снова оставляя за собой

прочную стену. Он оказался в тренировочном зале, где присутствовала лишь пара воинов, недоверчиво уставившихся на гостя.

Он весело отсалютовал им и бросился через зал, снова используя дыру и исчезнув с другой стороны.

Он бежал и бежал вперёд, срезая углы сквозь здания, изумляя многих жителей города, пока наконец не оказался на главной улице, ведущей из Браэрина.

Где из-за угла прямо перед ним вышел Закнафейн.

- Что? - спросил захваченный врасплох оружейник. Но в конце концов это был Джарлак, и Закнафейн быстро взял себя в руки, признавая, что ему не следовало удивляться.

- За мной, быстро, - сказал Джарлак, бросил волшебную дыру на ту же стену, откуда только что вышел, и нырнул внутрь, взмахом приказав Закнафейну следовать за ним.

Закнафейн не послушался.

- Быстро! - резко прошептал Джарлак. - Ты в опасности.

Закнафейн скрестил руки на груди, но не сделал ни шага. Позади него, на низкой крыше, Джарлак заметил движение — ручной арбалет, который поднимал снайпер-дроу.

- Ложись! Ложись! - завопил Джарлак и быстро бросился обратно в дыру, под прикрытие стены.

- Ты в порядке, оружейник? - услышал наёмник с крыши.

- В порядке, - сказал ещё один незнакомый голос. - Это просто Джарлак, как мы и ожидали.

Сбитый с толку Джарлак выглянул за край волшебной дыры. Там стоял Закнафейн с по-прежнему скрещёнными на груди руками и намёком на улыбку на лице. Дроу позади него опустил ручной арбалет.

Джарлак выпрямился и переступил обратно через дыру, затем снял её со стены, закрывая отверстие.

- Ты думаешь, я настолько глуп, чтобы выйти сегодня ночью на улицу без прикрытия? - спросил его Закнафейн.

- Это До'Урден?

- Конечно.

Хитрец Закнафейн, подумал про себя Джарлак, но не стал говорить это вслух — не хотел увеличивать и без того раздутое после боя эго товарища. Он хотел улыбнуться, но не смог сохранить улыбку, когда заметил, что в их сторону направляется ещё одна До'Урден, довольно неприятная и жестокая дочь Мэлис Бриза. Джарлак почувствовал себя очень уязвимым и практически голым, ведь жрица могла воспользоваться магией, чтобы увидеть его мысли или обнаружить ложь, а привычной магической повязки на командире наёмников не было — только этот фальшивый кусок самой обыкновенной кожи!

- *У тебя чешется голова*, - незаметно просигналили Закнафейну пальцы Джарлакса.

- Что?

- *Голова чешется!* - отчаянно повторил Джарлак.

Закнафейн хмыкнул, но поднял руку, чтобы почесать голову. И с этим движением он незаметно стащил с себя повязку, осторожно скрыв видимую её часть, задний ремешок, в своём кулаке. Он опустил руку между собой и Джарлаксом, выронив предмет, который Джарлакс поймал.

Незаметным движением Джарлакс опустил волшебную повязку в свой второй кошелёк, который наполнил жидкостью снятия чар, удалившей мазь невидимости с предмета.

Жрица Бриза подошла к ним, и Джарлакс отвесил низкий и грациозный поклон, используя это движение, чтобы поднять руку к лицу, где как будто сдвинул повязку на другой глаз, как часто делал. Используя свои быстрые руки и наклонившись ещё ниже, он на самом деле полностью заменил обычную повязку волшебной.

- Мать Мэлис хочет поговорить с тобой, - сообщила Джарлаксу массивная старшая дочь и первая жрица дома До'Урден, когда оказалась рядом с ним и оружейником. - Кажется, она недовольна.

Затем Бриза с любопытством взглянула на него, и Джарлакс решил, что она пытается использовать какое-то зондирующее заклинание.

- Насколько я слышал, мать Мэлис бывает довольна только в определённые моменты, - отозвался он.

Лицо Бризы напряглось при очевидном намёке на сексуальный аппетит матери.

- Мужчин убивали и за меньшую дерзость, - напонила она наёмнику.

Джарлакс лишь улыбнулся и ответил:

- Сообщи ей, что я вскоре приду с визитом.

Он ещё раз вежливо поклонился и собрался уходить, но обнаружил, что со всех сторон к нему устремились солдаты-дроу.

- Скажешь ей это сам, - ответила Бриза, и они двинулись в путь.

- Ты действительно считаешь, что мог поставить под угрозу ценного оружейника матери Мэлис и не навлечь на себя её гнев? - спросила Бриза командира наёмников, пока они шли к Западной стене пещеры, где располагался дом До'Урден.

- Бой был против Авинвесы Фей-Бранч, - ответил Джарлакс. - Ты думаешь, что Закнафейну угрожала опасность?

- Среди зрителей было много агентов дома До'Урден, - сказала Бриза. - Так что нет, мы бы такого не допустили.

А многие другие были агентами дома Фей-Бранч, который сильнее дома До'Урден, подумал Джарлакс, но снова промолчал.

Что за странная игра, эти свары домов и вечная враждебность! По крайней мере Джарлакс всегда мог найти способ получить выгоду в подобных битвах. Ему нужно было только понять, как суметь провернуть это сейчас с матерью Мэлис.

- Ты уже забрал выигрыш? - спросила мать Мэлис До'Урден Джарлакса, когда он положил тяжёлый мешок с золотом и серебром у подножия её роскошного трона в главном зале дома До'Урден.

- О, едва ли, - ответил он. - Но нельзя заставлять верховную мать дожидаться её прибыли.

- Мудрый выбор.

- Меня учили этому с тех пор, как только я стал достаточно взрослым, чтобы понимать, кто находится на другом конце змееголовой плети, - ответил Джарлакс и низко поклонился.

Мэлис фыркнула.

- Я пошла на огромный риск, позволив моему оружейнику покинуть дом ради маленькой игры, которую ты устроил, - сказала она.

- Вовсе не такой огромный, - заверил её Джарлакс, но когда Мэлис в ответ нахмурилась, умолк и решил изменить свой курс.

- Определённая опасность присутствовала, это правда, - сказал он. - Но я пристально следил за боем, и без постороннего вмешательства Знафейн всё равно не смог бы потерпеть поражение от рук более слабого оружейника дома Фей-Бранч. И я уверяю вас, как и тогда, когда мы заключили этот... побочный договор, что множество моих агентов делали всё, чтобы предотвратить такую возможность. Ставка была надёжнее, чем предлагаемый коэффициент.

- Два к трём? - спросила она.

Джарлакс немного напрягся и пожал плечами.

- Скорее три к четырём, - признал он.

- Недопустимо, - ответила мать Мэлис. Слишком спокойно.

- Я не могу контролировать...

- Недопустимо, учитывая, на какой риск пошёл дом До'Урден.

Джарлакс кивнул.

- Я знаю, верховная мать.

Он хитро улыбнулся.

- Вы обнаружите, что в этом мешке я покрыл ваши затраты один к одному.

Это застало её врасплох, понял Джарлакс, когда Мэлис выпрямилась и на мгновение показалось, что она может рухнуть со своего трона. Ради чего, в конце концов, Джарлакс ей и солгал. На самом деле, коэффициент ставок не изменился — точнее даже, переместился ближе к равным шансам, но Джарлакс хотел заручиться расположением верховной матери, а Мэлис не станет тратить свои ресурсы, копаясь в грязи, чтобы выяснить, какой коэффициент на самом деле предлагали тогда, когда один из тайных агентов Джарлакса совершил её весьма существенные ставки.

- Оружейник матери Биртин мёртв? - спросила Мэлис.

- Жив, насколько я знаю. По крайней мере, им занималась жрица, когда я ушёл, и его раны как будто затягивались.

Мэлис заворчала.

- Это всё равно неважно, - быстро добавил Джарлакс, не желая обсуждать этот чувствительный момент. - Авинвесе недолго осталось служить матери Биртин в таком качестве. Он просто греет рукояти мечей для настоящего сына Фей-Бранч.

- Но она всё равно сохранит хорошего бойца.

Джарлакс пожал плечами, потом покачал головой.

- Если она не убьёт его сама, думаю, я его выкуплю. Мать Биртин наверняка потеряла хорошую сумму в этом бою, и пользы от Авинвесы ей не будет.

Джарлакс с радостью заметил, что это немного утихомирило свирепую маленькую мать. Он опять понадеялся, что Мэлис не станет проверять правдивость его заявлений — или, по крайней мере, что он создал достаточную почву для

правдоподобных отрицаний, чтобы ложное заявление можно было принять всего лишь за ошибочное, хотя и логичное, предположение.

- Это могло плохо кончиться для Закнафейна — а значит, и для тебя, - сказала Мэлис.

Джарлак пожал плечами.

- В конечном итоге, не так уж и плохо.

- Тебе пришлось бы отдать свой отряд другому. Ты дал слово. Мать Бэнр не стала бы за тебя заступаться.

Джарлак издал смешок.

- Дорогая мать Мэлис, если бы Закнафейн пал, уверяю вас — я исполнил бы своё обещание служить дому До'Урден в качестве оружейника. Я не хотел этого, нет, но с лёгкостью предложил вам такой обмен, поскольку знал, что Закнафейн проиграть не может. Он великолепен — не знаю, поставил бы я против него в схватке с любым противником.

Он надеялся улучшить настроение собеседницы своим искренним восхищением и одобрением талантов Закнафейна, но Мэлис нахмурилась лишь сильнее.

- Ты этого не хотел? - повторила она низким и угрожающим голосом.

Джарлак на миг растерялся, пока не понял, что мать Мэлис имеет в виду не официальную роль Закнафейна, а другие услуги, которые текущий оружейник дома До'Урден предоставлял ей.

- Только часть оружейника, - прямолинейно выпалил он.

- Тебе придётся это доказать, - ответила Мэлис, очень похожая на кошку, которая загнала в угол мышь.

Джарлак хотел пожать плечами, но был достаточно умен, чтобы в этот деликатный момент придержать любые жесты, которые можно было принять за проявление равнодушия. Он не мог отрицать, что женщина перед ним весьма привлекательна, и тем более — учитывая её репутацию, но не мог и забыть о том, что Закнафейн — его друг. Впрочем, это не имеет значения, решил Джарлак, поскольку сейчас он действительно был в роли загнанной мыши.

- Правда, верховная мать? - радостно и с нетерпением спросил он. - Вы окажете мне такую честь?

Не отрывая глаз от наёмника, мать Мэлис начала сбрасывать с себя одеяния.

Какое-то время спустя растрёпанный и уставший Джарлак — репутация Мэлис была не преувеличена, как он наконец убедился, — прибыл ко двору матери Биртин Фэй и положил у подножия её трона мешок с серебром и золотом почти такой же крупный, какой достался матери Мэлис.

Он сказал Мэлис, что Биртин огорчит неудача её оружейника, поскольку скорее всего она потеряла значительную сумму по итогам боя, но на самом деле всё было совсем не так. Прислушавшись к совету Джарлакса, мать Биртин сделала крупную ставку против собственного бойца.

Но сделала это неохотно и по-прежнему оставалась не в восторге от исхода битвы — зато её гнев был направлен не на Джарлакса, который умолял её смягчить

любую потерю репутации или возможную утрату оружейника, воспользовавшись преимуществом вероятного итога.

Тем более, что Джарлакс пообещал покрыть её расходы, если Авинвеса каким-то образом победит.

- Я уже распустил слухи, что битва была нечестной, - заверил её Джарлакс. - Какая-то странная сила оглушила Авинвесу Фей-Бранч, а рядом с «Сочащимся миконидом» видели агентов дома Облодра.

- Никто по-настоящему не поверит в это.

- И не надо, - ответил Джарлакс. - Достаточно заронить зерно сомнения, чтобы дом Фей-Бранч избежал потери лица. Это зерно как раз сядет по всему Мензоберранзану, как мы и договаривались.

- Тебе следовало дать ему погибнуть, - с нескрываемым отвращением сказала мать Биртин.

- Я сам поразился тому, что его сестра из дома Тр'арах сохранила достаточно преданности, чтобы использовать исцеляющие заклятия, - солгал он. Он делал это — лгал — сегодня довольно часто, и при этом лгал весьма могущественным женщинам. Как рад был Джарлакс, что волшебная повязка вернулась к нему!

- Он опозорил мой дом, - сказала Биртин.

Джарлакс достал новый мешочек с золотом из своей волшебной сумки, чудесного кошель, который мог вместить целую гору предметов. Он поднял мешочек и слегка встряхнул.

- Тогда продайте его мне. По той же цене, которую за него заплатили.

Мать Биртин наклонила голову.

- Сегодня ты неплохо заработал на ставках, - сказала она.

Джарлакс не стал отрицать.

- Совсем неплохо. Может быть, Джарлакс убедился, что не сможет проиграть?

Наёмник тяжело сглотнул.

- Я никоим образом не нарушил правил поединка, - сухо заявил он. - И готов подтвердить это под действием заклинания правды.

Она дала наёмнику знак снять повязку и стала читать заклинание. Джарлакс подчинился, но не смог сдержать вздох. Все верховные матери начали понимать силы этой волшебной повязки, и он боялся, что эту просьбу — нет, приказ — придётся слышать в будущем неоднократно.

Через несколько мгновений Биртин Фей замолчала и пристально уставилась на него.

- Я никоим образом не нарушил правил поединка, - с уверенностью повторил он.

Она жестом приказала наёмнику продолжать.

- Равно как и мои подчинённые.

Верховная мать ещё какое-то время с недоверием смотрела на него. Но Джарлакс, ради разнообразия, не лгал. Всё, что он сделал — обеспечил Закнафейна защитой от жульничества, что само по себе жульничеством не являлось.

Мать Биртин наконец почти незаметно кивнула, хотя всё равно выглядела недовольной. Джарлакс вернул повязку на место.

- Ты играешь в опасные игры, Джарлакс, - заметила она.

- Опасные игры — самые выгодные.

- Одна ошибка — и тебе конец, - пообещала верховная мать.

- Тем больше причин быть осторожным.

Мать Биртин Фей была преданной последовательницей Ллос, а её дом — одним из старейших и наиболее уважаемых в городе. Но её улыбка рассказала Джарлаксу всё; хоть она и смотрела на него свысока, она любила его игры. Интриги, риск, высокие ставки, хаос. Да, хаос. Она считала Джарлакса агентом хаоса, и ни одна верховная мать не могла сделать большего комплимента любому дроу, тем более — мужчине.

Именно в этот момент Джарлакс впервые осознал истинный потенциал Бреган Д'эрт, отряда, которого он создал просто в целях самосохранения. Теперь он смог полностью оценить эволюцию своего гамбита. Верховные матери, могущественные верховные матери, знали о его повязке, но редко приказывали снять её в их присутствии. Мать Мэлис доверилась ему и пошла на невероятный риск — потеря Закнафейна поставила бы крест на её амбициях.

Или нет, если она считала Джарлакса не менее ценным, и эта мысль тоже его пугала.

Джарлакс продолжал вести свои игры преимущественно в Браэрин, на Улицах Вони, но вовлекал в них самых могущественных женщин Мензоберранзана, самых могущественных дроу во всем Подземье.

- Я оставлю его, - неожиданно заявила мать Биртин, резко вырвав Джарлакса из задумчивости.

- Верховная мать? - Джарлакс не понял, о ком она сейчас говорит, таким ошеломительным было его прозрение.

- Я оставлю его.

Авинвесу, понял Джарлакс.

- Пока что, - продолжила мать Биртин. - Пока более надёжные информаторы не подтвердят мне некоторые подробности боя.

- Конечно, - ответил Джарлакс, низко кланяясь. - А потом? - осмелился спросить он, когда выпрямился.

- Я убью его, или поставлю охранять стену до конца его жалкого существования.

Джарлакс встряхнул мешочек с золотом.

- Дорогой Джарлакс, ты напомнил мне, что в конце концов ты всего лишь мужчина, - сказала она. - Как это будет выглядеть, если благородный дом Фей-Бранч продаст его тебе назад и окажется так неразрывно связан с бандой бездомных бродяг?

- Я выкуплю его назад, когда у меня в следующий раз будет поручение от верховной матери Бэнр в Город Мерцающей Паутины, - немедленно ответил Джарлакс. - Путешествие в Чед Насад уберёт Дувона Тр'араха из Мензоберранзана по меньшей мере почти на год, а когда он вернётся, кто разберёт — был ли он в том караване или не посещал Чед Насад вообще?

- Его живые сородичи, которые служат в твоём отряде.

- И они будут молчать, чтобы не потерять языки самым страшным способом из всех возможных, - ответил Джарлакс. - Ну правда же, мать Биртин, кого вообще будет это волновать через год, особенно если за это время должность оружейника займёт ваш собственный благородный сын Фей-Бранч?

Мать Биртин усмехнулась, но промолчала и указала бродяге на дверь, давая знак уходить.

Джарлак был рад покинуть её, поскольку был уверен, что действительно сможет выкупить назад Дувона Тр'араха за ту же цену, которую она заплатила за воина. Только Дувон вернётся лучше обученным, более опытным и зрелым.

Да, вскоре всё так и будет. Всё, что нужно было сделать Джарлаксу — придумать, как заставить Закнафейна не убивать вернувшегося в Бреган Д'эрт солдата.

Прошло больше десяти дней, прежде чем Закнафейн снова появился в «Сочащемся микониде», но его уже ждал неизменно терпеливый Джарлак. Наёмник взял выпивку у бара и двинулся к Закнафейну, когда тот уселся в своей излюбленной части общего зала. Он поставил стакан на стол перед другом, затем уселся напротив, поднимая собственный стакан в тосте.

- За хорошую битву и заслуженную победу, - сказал он.

Закнафейн пристально уставился на него, но в конце концов поднял стакан.

- Они атаковали, как ты и ожидал, - тихо сказал он. - Без твоей маски, я бы...

На этом он умолк, вздохнул и сделал глоток.

- Скорее всего, ты бы отразил ментальное нападение и всё равно победил бы. Я просто не мог так рисковать.

- Значит ты — мы — сжульничали.

- Вовсе нет, - возразил Джарлак. - Мы просто помешали сжульничать им. Это большая разница, друг мой. Разве ты сомневаешься, что в честном бою одолел бы Авинвесу — Дувона?

- В ста случаях из ста, - ответил Закнафейн. И Джарлак знал, что это не пустое бахвальство, поэтому и поставил такую большую сумму на Закнафейна и даже осмелился посоветовать двум верховным матерям поставить через его посредничество деньги на того же бойца.

Какое-то время двое сидели молча и размышляли за выпивкой.

- Я знаю, что ты планируешь, - наконец сказал Джарлак.

- Неужели?

- Ты хочешь найти Дувона и добить его, а может быть, незаметно прикончить ещё и Даб'ней.

Закнафейн улыбнулся и поднял стакан в ответ на заявление наёмника, но Джарлак заметил кое-что. Он не мог толком понять, что именно, но ему показалось, что его догадка может оказаться неправильной, по крайней мере — не до конца.

- Они очень ценные воины, - сказал он, прощупывая собеседника.

- Он коварный глупец, и если я снова его увижу...

- Ты ничего не сделаешь, - настойчиво вмешался Джарлак, поскольку почувствовал в этой угрозе искренность. Может быть, он ошибся насчёт Даб'ней? Но да, он был уверен, что Закнафейн хочет убить Дувона, и не собирался позволить оружейнику сделать это.

- Я — оружейник благородного дома, чья верховная мать вскоре может занять место в Правящем Совете, - напомнил ему Закнафейн.

- А я — единственный, кто может безопасно вытащить тебя из этого дома на такую экскурсию, как сегодня. Сколько протянет Закнафейн в Браэрин без моего покровительства?

Закнафейн фыркнул и осушил стакан, затем дал знак обновить ему выпивку.

Джарлакс пить не спешил. Он хотел сохранить чистый разум этой ночью, чтобы наблюдать и делать заметки. Потом он пошёл на рассчитанный риск, позволяя Закнафейну пить всё больше и больше. Он знал, что за Закнафейном следят и другие. Может быть, настало время раскрыть все карты и обнажить бурлящие интриги.

ГЛАВА 7

Обнажившееся

Немного позднее Закнафейн вышел из «Сочащегося миконида», пошатываясь.

За его уходом наблюдал от края бара Джарлакс, понимающе улыбнувшись, когда Закнафейн шагнул слишком далеко вбок и врезался в дверной косяк, о который не так уж и незаметно опёрся.

Командир наёмников, не торопясь, прикончил свою выпивку, прежде чем уйти. Снаружи он обошёл здание, оказавшись в переулке, где произошёл поединок. Там в особом месте он использовал свою переносную дыру и вошёл обратно в таверну, в комнату, которая была пуста, как он знал, и забрал со стены дыру. Он использовал заклинание из кольца на левой руке, а потом, став невидимым, выскользнул через открытую дверь, бесшумно прошёл по коридору и через общий зал вдоль стены, чтобы снова покинуть «Миконид».

Он ускорил шаги, следуя по маршруту, который должен был избрать Закнафейн. Сегодня ночью на крышах не было агентов дома До'Урден, защищавших оружейника.

Логика подсказывала Джарлаксу, что ему незачем волноваться. С его навыками и приёмами пещерных прыжков Закнафейн мог избежать встречи с кем угодно, даже когда в его жилах плескалось значительное количество алкоголя. В конце концов, сколько раз Закнафейн в одиночку приходил в Браэрин? Однако по какой-то причине, возможно чисто подсознательной, у Джарлакса покалывало кожу на бритом затылке.

Он со всех ног мчался вперёд. Волшебные сапоги делали его бег абсолютно бесшумным. Наёмнику показалось, что он приближается к Закнафейну, когда он заметил кого-то ещё — того, кто читал заклинание, стоя лицом к переулку, в который должен был свернуть Закнафейн.

Джарлакс бросился к ближайшему зданию, дотронулся до эмблемы своего дома, которую верховная мать Бэнр лично вручила ему, и оттолкнулся от земли, взлетев на крышу. Он медленно пересёк крышу и осторожно выглянул в переулок.

Там неподвижно застыл Закнафейн.

Абсолютно неподвижно. Он не моргал и даже как будто не дышал.

К нему шла женщина, которую Джарлак прекрасно знал. Она приблизилась к оружейнику, перекатывая в руках кинжал.

- Ох, Даб'ней, - прошептал Джарлак, качая головой и думая о такой напрасной потере.

- Ах, оружейник, твоя глупость так изумительна, - сказала Даб'ней, стоя прямо перед мечником дома До'Урден. - Враги не могут тебя отравить, зато ты сам травмишься выпивкой!

Она покачала головой и вздохнула.

- Не ожидала, что ты так легко утратишь бдительность. Неужели ты думал, что не будет никаких последствий после поединка с моим братом, никакой вражды? Сколько зловещих личностей потеряли деньги в это битве?

Она катнула кинжал в руке и медленно приблизила его к лицу Закнафейна.

- Следует быть особенно осторожным, если ты — главный игрок в игре расходов и прибыли, не так ли? - спросила она. - Или ты ненавидишь себя так сильно, что тебе просто всё равно?

Она засмеялась.

- Сам великий Закнафейн утратил осторожность и попал под действие моего заклинания — чар, которые я никогда бы не осмелилась наложить на тебя, не будь ты так пьян. Кажется, я переоценила твои навыки, твою ментальную дисциплину и твоё стремление к совершенству. Это меня разочаровывает.

Даб'ней снова вздохнула.

- Сегодня тебе повезло, Закнафейн До'Урден, - сказала она, опуская клинок. - Поскольку у меня нет желания вредить тебе. Никакого.

Сверху на крыше, с готовым сразить Даб'ней нацеленным жезлом в руках, Джарлак чуть не рассмеялся от облегчения.

Тогда рука Закнафейна шевельнулась — одним движением вытаскивая меч и разворачивая его для удара, почти мгновенно, как он тренировался каждый день. Клинок завершил свой разворот прямо у шеи Даб'ней, прежде чем Закнафейн, секунду посмотрев женщине в глаза, перехватил его и вернул в ножны практически так же быстро.

- Это мне следует испытать разочарование, если ты считаешь, что сумела хотя бы просто приблизить этот кинжал к моей шее, - спокойно ответил Закнафейн потрясённой жрице, которая выглядела так, будто готова рухнуть в обморок.

- Пойдём со мной, - взяв себя в руки, произнесла Даб'ней и повела Закнафейна прочь.

Джарлак испытал облегчение, огромное облегчение — практически такое же огромное, как и изумление от этих неожиданных событий. Он не знал, что и думать обо всём этом, включая совместный уход этих двоих.

Был ли кто-нибудь, кого Даб'ней хотела убить больше, чем Закнафейна, учитывая что оружейник сделал с её братом, с родственником, с которым она сохранила необычайно крепкую связь?

Был ли кто-нибудь, кого Закнафейн хотел убить больше, чем жрицу Ллос — любую жрицу Ллос?

Джарлакс ничего не понимал.

Поэтому пошёл следом.

Он отследил их до гостиницы, в которой Даб'ней останавливалась, когда не ночевала в помещениях Бреган Д'эрт в Клорифте. Он тайно наблюдал за их перемещениями снаружи, выжидая, пока зажгутся свечи в угловой комнате верхнего этажа, которая, как он знал, принадлежала Даб'ней, и перебрался на крышу над этим местом. Он прождал достаточно, чтобы они успели устроиться, затем осторожно установил свою переносную дыру, сделав её маленькой, чтобы заглянуть внутрь, не привлекая их внимания — по крайней мере, так наёмник надеялся.

Джарлакс услышал их ещё до того, как закончил устраивать дыру, но не понял, что слышит, и когда он посмотрел вниз, увидев голую пятку, затем вторую, поднятую вверх, его изумление было абсолютным. Ноги Даб'ней... и Закнафейн между ними.

Потрясённый Джарлакс убрал дыру и побрёл прочь. Он чувствовал себя так, будто земля под ногами превратилась в зыбучие пески. Его мнение об этих двоих разбилось вдребезги.

Очень многое нужно было переосмыслить: иерархию его наёмного отряда, позиции его лейтенантов, само его существование. Почему Закнафейн решил поиграть со жрицей Ллос по собственной воле, если эта игра не включала в себя смертоносное оружие?

На протяжении всего пути в свои покои в Клорифте непоколебимый Джарлакс не мог перестать качать головой.

- Я благодарна за то, что ты не убил его, - сказала Даб'ней, лёжа рядом с Закнафейном на боку, опираясь на локоть.

Закнафейн не мог не замечать её красоту, её деликатные черты и изгибы, её грациозную шею и спадающие по ней длинные волосы. Ему пришлось неоднократно напомнить себе, что она — жрица Ллос, и эта красота была скорее приманкой, нежели истинным сокровищем.

Однако Даб'ней считала, что поймала его в переулке беспомощным, и всё равно не нанесла удар. Почему он сомневается в ней сейчас?

Потому что она жрица Паучьей Королевы, и оставив оружейнику жизнь, сможет использовать его ради какого-то более великого зла? Или чтобы поиграть с ним перед тем, как убить?

Закнафейн не собирался расслабляться, как бы ему этого — поразительно! — не хотелось.

- Я не привык, что жрицы заботятся о своих братьях, - ответил он. - Или о любом другом мужчине.

Даб'ней пожала плечами, потом покачала головой. Волосы упали ей за спину, полностью открывая Закнафейну обнажённое тело перед ним.

- Или вообще о ком угодно, раз уж на то пошло, - продолжил Закнафейн.

Это вызвало смех.

- Хотела бы я поспорить, но увы — похоже, мы считаем, что превосходим всех и вся. Так учит нас госпожа Ллос.

- Но ты с этим не согласна?

- Я такого не говорила.

- И не надо.

Закнафейн усмехнулся, потянувшись, чтобы нежно провести тыльной стороной ладони по щеке Даб'ней. Она закрыла глаза, когда он погладил её ухо, лёгким, похожим на ветерок прикосновением, потом перешёл к боковой части шеи.

- Но да, ты так и сказала.

Красные глаза Даб'ней резко распахнулись, и в них вспыхнул гнев — хорошо знакомый Закнафейну, который всю свою жизнь провёл под пятой жриц Ллос.

Но гнев очень быстро прошёл.

- Это почему же?

- Дувон — или мне следует сказать Авинвеса Фей? — больше не обладает для тебя какой-то практической ценностью и не будет обладать ею даже в будущем, - пояснил Закнафейн. - Когда Джарлакс продал Дувона матери Биртин, он предлагал на продажу и тебя.

Лицо Даб'ней напряглось.

- Ты, конечно же, знала об этом, - продолжал Закнафейн. - И знала, почему Джарлакс пытается это сделать. Наличие жрицы Ллос в его наёмном отряде заставляло Джарлакса выделяться сильнее, чем ему бы хотелось. И неудивительно. Благородная Даб'ней Тр'арах могла стать погибелью для Бреган Д'эрт.

- Но не стала.

- Нет, - согласился Закнафейн. - И мать Биртин не захотела тебя — даже по цене ниже, чем у твоего брата, простого мужчины. Я удивлён, что это не повергло — и не повергает — тебя в ярость.

Даб'ней просто пожала плечами.

- Это беспокоило меня сильнее, чем тебя, - говорил оружейник. - Но потом я понял, что на то есть весомая причина, которую ты прекрасно осознаёшь.

Он снова погладил лицо и шею женщины.

- Ты в немилости у Ллос. Ты была в немилости тогда, когда продавали Дувона, и остаёшься сейчас.

- Она по-прежнему даёт мне свои дары. Мои заклинания не отказывают.

Закнафейн пожал плечами, как будто это не имело значения — хотя, конечно же, имело. Чтобы потерять заклинания, тем более — меньшие чары, которыми ограничивались возможности Даб'ней, жрица должна была совершить нечто большее, чем просто лишиться благосклонности богини. Требовалось разъярить Ллос до такой степени, чтобы богиня оставила жрицу беспомощной перед лицом исполнителей её гнева.

Паучья Королева играла в свои игры иначе.

- Я часто плохо относилась к Дувону, когда он был ребёнком, - призналась Даб'ней. Её взгляд миновал Закнафейна, и он понял, что женщина не смотрит в какое-то конкретное место в комнате. Её мысленный взгляд был обращён очень далеко, в прошлое дома Тр'арах.

- Даже больше, чем следовало. Мне это нравилось: удары плети, власть, которую я имела над ним. Она ударяет в голову, эта власть. Мне сказали не беспокоиться о его боли, его криках, его сердце, я хотела в это верить — и поверила. И всё стало таким простым.

- Но вы сблизились, - предположил Закнафейн.

- Едва ли. Я ожидала, что он погибнет на поле боя, когда мы напали на дом Симфрей. Я ожидала, что он умрёт от твоего клинка, Закнафейн.

Она посмотрела оружейнику прямо в глаза.

- Я даже надеялась на это.

- А теперь благодарна за то, что я его не убил?

Даб'ней снова пожала плечами. Закнафейн видел, как ей тяжело. И женщину можно было понять. Сердце вело её в направлении, диаметрально противоположном всему, во что её учили верить и практиковать — знакомая Закнафейну ситуация.

- Что-то изменилось после той катастрофы в доме Симфрей, - призналась она.

- Я не считаю случившееся такой уж катастрофой.

Это заставило Симфрей встретиться с Закнафейном глазами.

- Полагаю, я тоже — оглядываясь назад спустя все эти сто лет, - согласилась она.

- Я многому научилась в Бреган Д'эрт. Хотя, наверное, точнее будет сказать, что я многому разучилась. К моему удивлению, Джарлакс держал Дувона в узде, и дело было не только в том, что брат боялся Джарлакса.

- Он был счастлив, - догадался Закнафейн.

Даб'ней кивнула.

- А теперь он снова Дувон, - признала она. - И у тебя было полное право его убить. И до сих пор есть — может быть, это будет самым разумным вариантом.

- Но ты не хочешь, чтобы я это сделал.

- Умоляю тебя.

- И снова я должен спросить «Почему?»

- Потому что нечто большее изменилось внутри меня, - сказала она. - Оказавшись без моего дома, без ежедневных ритуалов Паучьей Королевы и постоянных напоминаний о неполноценности мужчин, без постоянного подкрепления эгоистичной природы дроу, я стала иначе смотреть на мир — не только на Дувона, но и на весь мир вокруг.

Настала её очередь потянуться и ласково погладить Закнафейна по лицу.

- Я нахожу мужчин куда более приятными, когда они ложатся со мной по собственной инициативе и желанию.

Закнафейн схватил её за запястье и отвёл руку, не отпуская.

- И снова я не могу забыть от том, что ты сохраняешь великую силу госпожи Ллос.

- Не такую уж и великую, - скромно признала Даб'ней. - Совсем нет. У меня никогда не было достаточно могущественных заклинаний, требующих божественного разрешения или внимания. Но да, она по-прежнему даёт мне магию, - призналась жрица. - Почему должно быть иначе?

- Ты только что объяснила, почему.

- Не надо себя обманывать, вечно гневающийся Закнафейн, - сказала она. - Джарлакс тоже пользуется милостью Паучьей Королевы — и всегда пользовался.

- Я никогда не видел, чтобы он молился ей или кому-то другому.
В ответ Даб'ней только пожала плечами.

- Обещаешь, что мне не грозит расплата от рук Даб'ней? - напрямик спросил Закнафейн.

Ещё одно пожатие плеч.

- Это зависит от того, разгневаешь ты меня или нет, - игриво сказала она. - Или от того, сумеешь ли ты удовлетворить меня, когда мы наедине.

- Значит, я опять твой слуга?

- По собственной воле!

Закнафейн обнаружил, что отвечает на её ухмылку собственной.

- Но ты всё-таки пыталась схитрить в моём поединке с Дувоном. Сдержала бы ты его клинок, если бы жульничество принесло свои плоды?

Казалось, она искренне изумлена.

- Жульничество?

- Ты не признаешь, что предпочла бы победу Дувона?

- Я предпочла, чтобы вы вовсе не сражались — и не только потому, что я потеряла целый мешок золота.

- Ты поставила на Дувона.

- Да.

- Но ты хорошо его знаешь, и знала, что он не мог меня победить.

- Это тоже правда.

- Потому что ты сжульничала?

- Я ничего не делала.

Закнафейн с сомнением посмотрел на неё, потом понял, в чём хитрость.

- Потому что ты знала, что кто-то другой пойдёт на уловки.

Даб'ней пожала плечами и не стала отрицать.

- Кто?

- Нападение на тебя в бою не было ни божественным, ни волшебным, - заявила она.

- Кажется, оно было похоже на то, что ты пыталась проделать сегодня ночью в переулке.

- Нет. Это было не заклинание, дарованное Ллос, и не заклинание, прочитанное магом.

Когда Закнафейн не понял, она объяснила яснее.

- Кто среди нас буквально спит с Облодра? - спросила Даб'ней.

- Магия разума, - прошептал оружейник, скорее обращаясь к себе, чем к Даб'ней. Он даже не рассматривал возможность псионической атаки — дом Облодра обычно не интересовался такими вещами, как дуэли в Браэринне.

- Кто же? - снова спросила Даб'ней.

Закнафейн мог только пожать плечами — он понятия не имел.

- Ах да, разумеется. Ты десятилетиями не был в Клорифте, - сказала она. - Тогда спрошу проще, любовничек. Кто среди Бреган Д'эрт получит наибольшую выгоду от гибели Закнафейна До'Урдена?

- Я больше не из Бреган...

- Ты ошибаешься, - настаивала Даб'ней. - Ты по-прежнему любимчик Джарлакса, сам знаешь. И кое-кто не может с этим смириться.

Закнафейн постарался сохранить спокойное выражение лица, обдумывая её аргументы. Но ему пришлось не раз и не два поморщиться, пытаясь переварить зловещий итог. Это могло стоить ему жизни, но что по его мнению было ещё хуже, это могло заставить его оставаться внутри дома До'Урден!

- Почему ты сказала мне об этом? - спросил он.

- Потому что я потеряла целый мешок золота, - её выражение было мрачным, таким, которое Закнафейн привык видеть у жриц Ллос, и в это мгновение, если бы при нём был меч, он мог бы убить Даб'ней.

Но секунду спустя она просто пожала плечами в очередной раз, напомнив ему, что таков был путь дроу — даже среди союзников, и Закнафейн невольно обрадовался, что у него в руке нет меча. Он не собирался злиться на Даб'ней из-за того, что она пыталась извлечь выгоду из внутренней информации. Разве поступил бы он иначе, поменяйся они?

Джарлакс удивился, когда Закнафейн вернулся в «Сочащийся миконид» той же ночью, но заметив мрачную гримасу оружейника, когда тот подошёл к столу, сумел догадаться о причине.

- Ты знал, - прорычал Закнафейн, стоя перед командиром наёмников и демонстративно не садясь.

- Я много чего знаю.

- Хватит игр, Джарлакс.

- Друг мой, всё вокруг — игра. Не мог бы ты сузить горизонты своего вопроса?

- Мне хочется выйти с тобой в переулок и разрезать тебя на кусочки.

- А мне что-то не очень.

- Джарлакс!

Джарлакс показал Закнафейну пустые руки, потом медленно встал.

- Давай отойдём.

Закнафейн начал спорить, но потом дал знак Джарлаксу идти вперёд и последовал за ним в комнату рядом с общим залом. Наверняка кто-то попытался приложить ухо к двери, но Джарлакс достал свою переносную дыру и жестом показал Закнафейну пройти в неё.

Оружейник замешкался, глядя на Джарлакса с нескрываемым подозрением.

Тот тяжело вздохнул, отложил свой кошель и вошел внутрь, а когда следом прошёл Закнафейн, потянул за края, создавая надизмеренческий карман.

- Побыстрее, - сказал наёмник. - Я не хочу, чтобы мой кошель украли.

- Ты знал — ты знаешь, — кто сделал это, - заявил Закнафейн.

- Сделал что?

- Атаковал мой разум в бою с Дувоном Тр'арахом, - сплюнул Закнафейн. - Аратис Хьюн.

- Скорее, Кувайлин Облодра.

- Нанятая Аратисом Хьюном, - процедил оружейник сквозь стиснутые зубы.

- По всей видимости, - подтвердил Джарлакс.

- Где он?

- Там, где тебя не касается, оружейник дома До'Урден.

Закнафейн с отвисшей челюстью уставился на него.

- Прости, что я так формален, но ты не оставил мне выбора. Если ты нападёшь на Аратиса Хьюна, тогда дом До'Урден нанесёт серьёзный удар Бреган Д'эрт, и в таком случае верховная мать Бэнр скажет словечко-другое — или, скорее отвесит пару ударов плёткой — матери Мэлис.

- Не играй в эти игры!

- Всё вокруг — игра.

- Заткнись! - раздражённо зарычал Закнафейн. - Просто заткнись. Почему ты его не наказал? Почему он ещё жив?

- Потому что он представляет для меня ценность.

- Он пытался меня убить.

Пожатие плечами Джарлакса заставило Закнафейна поникнуть.

- Мы дроу, дружище Закнафейн. Мы все дроу. Ты дроу. Таков наш удел, таков наш путь. И значит, мы всегда начеку, и только так мы выживаем.

- А если его коварство раскроют?

- Кто? Перед кем? Хочешь, чтобы я передал твоё обвинение Правящему Совету? Уверен, верховные матери как следует им займутся.

- Не будь глупцом. Он пытался меня убить, а значит, я сам его убью.

- Нет.

- Нет?

- Мы это уже проходили. Он представляет для меня ценность, сейчас, когда ты проводишь свои дни на службе матери Мэлис, он мне нужен. Ты не можешь его убить.

Закнафейн пристально уставился на него.

- Ты собираешься прикончить каждого дроу, который может использовать твою гибель ради собственной выгоды? - спросил Джарлакс. - Если да, ты будешь мёртв или будешь один.

- Речь и о Джарлаксе тоже?

- Хорошо подмечено, друг мой. Ты будешь один, не считая моей прекрасной компании.

- Потому что ты делаешь это, чтобы выжить, не так ли?

- Ах, Закнафейн, обещаю тебе — если мы двое окажемся заперты в пещере и будем голодать, я тебя не убью. Но если ты погибнешь первым, не могу обещать, что не буду тебя есть.

Закнафейн просто покачал головой, не в силах сдержать зарождающуюся улыбку.

- Если будешь гнаться за своей желанной кончиной, ты не найдёшь союзников, даже меня, - со всей серьёзностью предупредил Джарлакс. - Забудь об этом.

Джарлакс встал и шагнул в сторону общего зала, зная, что Закнафейн смотрит ему вслед.

ЧАСТЬ 2

Каждый фронт

Если верить мудрости магистра Кейна, утверждающего, что я создан из того же вещества, что и весь окружающий мир, значит мы едины. Все мы, всё вокруг нас.

Представляет ли собой это наблюдение истину или всего лишь философскую игру ума? Ведь ни верховные матери Мензоберранзана, ни дварфы Гонлтгрима, ни даже моя возлюбленная жена, которая видит своё будущее в Роще Единорогов внутри Дома Природы, где держит двор богиня Миликки, не разделяют этой концепции.

Значит ли это, что магистр Кейн узрел истину за пеленой религий и догм материального мира? Или что его истина не противоречит остальным; что его истина, возможно, всего лишь иная точка зрения на тот же самый вопрос?

Я испытываю огромную радость и удовлетворение, понимая, что этот древний человек, принявший меня в ученики, не станет злиться на мой вопрос. Нет, он одобрит его, он даже требует от меня таких вопросов, поскольку его единство видения требует интереса и любознательности, открытого сердца и открытого разума. Я не могу отрицать силу правды Кейна. Я видел, как клинок проходит сквозь него, не потревожив бренную плоть.

Он способен пройти сквозь каменную стену. В теле брата Афафренфера он превратился в сверкающую пустоту, окутанный дыханием дракона, лишь чтобы затем восстановиться в телесной смертной форме и сразить чудовище.

Мне приходит на ум, что волшебник или старшая жрица способны на то же самое при помощи различных заклинаний, и я знаю, что Киммуриэль может повторить многие из достижений магистра Кейна благодаря своей странной магии разума.

Да, возможно Киммуриэль Облодра и магистр Кейн похожи сильнее, чем готовы признать. Обоим не требуется сознательно призывать стихии или некое богоподобное существо ради использования своих сил. Для Киммуриэля, как и для верховного магистра Кейна, это силы дисциплинированного разума.

И я задаюсь вопросом — едина ли их философия? Или они получают некую скрытую энергию из разных источников?

Признаю, что обожаю эти загадки, но в то же время меня беспокоит кажущееся спокойствие и смирение, демонстрируемые моим наставником. Опять же, если я должен верить мудрости магистра Кейна, что я состою из того же материала, что и весь мир вокруг, значит мы едины. Мы все, всё вокруг нас. Придаёт ли нам форму сознание и мышление? А что тогда насчёт камней и облаков? Не наше ли сознание придаёт им их форму?

Не уверен, что сам верховный магистр может ответить на эти вопросы, но данная философия неизбежно вызывает ещё один вопрос, который как будто вовсе его не тревожит: если все мы едины, все состоим из одного вещества, и таким образом наши конечные судьбы связаны, тогда ради чего мы различаем добро и зло? Почему меня должны беспокоить эти концепции, если все мы из одинакового

материала, если все мы в конечном итоге вольёмся в вечность всего? Если мне предстоит смешаться с кусками огра? Или демона?

Однако этот вопрос Кейна интересует, и его ответ прост и, по моему мнению, удовлетворителен. В его глазах вселенная стремится к добру и справедливости, и последней наградой для всех нас станет это место братства и спокойствия. Братья и сёстры Жёлтой Розы говорят, что во всём этом действительно присутствует философский и моральный компас, и такая выгода — не просто временное удобство, но долгосрочное изменение во вселенском масштабе.

Возможно, они правы. А может быть, всё это впустую, и нет никакой последней награды и наказания за границами этой брэнной оболочки. Эти ответы предназначены для тех, кого по нашему мнению не существует, кто вернулся в ту вечность или пустоту, которая может ожидать всех. Пока что, говорит Кейн и повторяю я, мы должны следовать тому, что в нашей душе и в сердце. Вера во вселенскую вечную гармонию и единство не противоречит вере в добро, в любовь, в радость, в дружбу и в сестринство.

Я обрёл мир в этом монастыре, устроившемся в Галеновых горах Дамары. Истинный мир и смирение, и в этом свете, когда я возвращаюсь домой в Длинную Седловину или Гонглрим, или в тех случаях, когда я рядом с Кэтти-бри или остальными, я знаю, что я стал лучшим другом.

-Дзирт До'Урден

ГЛАВА 8

Командир Жиндия

*Год Возрождения Дварфийского Рода
1488 по Летосчислению Долин*

- Мы с ними встретимся? - спросила верховную мать Жиндию Кирнилл Меларн, первая жрица дома Меларн. Они и их подчинённые, 350 солдат дома Меларн — половина из этого рабы, гоблины и кобольды, плюс более сотни драуков — вышли из Подземья в каменистой и холмистой местности, известной как Утёсы, всего в нескольких милях от разрушенного недавно города полуросликов Кровоточащие Лозы и входа в дварфийский комплекс, где правил Бренор Боевой Топор.

Более важным, чем место его правления, был тот факт, что Бренор является лучшим другом еретика Дзирта До'Урдена, которого Жиндия намеревалась поймать или убить, как и отца Дзирта, Закнафейна, которого загадочным образом похитили из могилы и воскресили.

С точки зрения Жиндии этот акт похищения души был величайшим оскорблением для её дорогой госпожи Ллос.

- Мы должны, - ответила Жиндия жрице. - Они — наше пушечное мясо, которое выманит дварфов из их нор.

- Зачем они нам? - спросила Кирнилл, обернувшись, чтобы взглянуть на других «солдат», которых дом Меларн взял с собой на поверхность: пару огромных големов, изготовленных в форме пауков. Поистине чудовищные создания, эти захватчики были одними из самых дорогих конструкторов нижних планов, сотворённых с единственной целью ценой огромных трат и жертвоприношений. Их использовали владыки демонов и демонические богини. Захватчик был создан, чтобы вернуть назад единственное существо, живым или мёртвым.

Только самые ценные из преступников могли заслуживать подобных расходов, и Паучья Королева, богиня Ллос, через своих прислужниц-йоклол явственно согласилась со мнением Жиндии, что Дзирт и Закнафейн таковыми являлись.

- Способны ли дварфы остановить наших... - Кирнилл замялась, пытаясь подобрать слово, чтобы верно описать могущественных существ перед нею, и наконец остановилась на: - ...священных пауков? Может ли хоть что-нибудь их остановить?

- Не будь опрометчива, - пристыдила её мать Жиндия. - Наша богиня доверила нам самых дорогих конструкторов Бездны. Самоуверенность здесь неуместна.

- Но что может остановить их, кроме завершения миссии?

- Их по-прежнему можно победить. Нет, - сказала Жиндия, заглушив очередное возражение, - я не недооцениваю их силу. Их создали величайшие лорды демонов, и это — могущественные союзники, которых следует ценить, превосходящие силой всё, что способны выставить мы против наших врагов. Но они не бессмертны, никогда не считай их такими. Да, они наверняка захватят или убьют Дзирта До'Урдена и Закнафейна, но затем вернутся обратно в Бездну, а мы останемся здесь — сражаться с грозным и окопавшимся противником.

- Но вы добьётесь величия, моя верховная мать, - кланяясь, сказала Кирнилл. - Вы сделали то, что не сумели сделать Бэнры, и когда мы вернёмся...

- Когда мы победим двух еретиков, а потом захватим дварфийский город и все окрестные земли, мы вернёмся с истинной победой. Лишь тогда я добьюсь того, чего заслуживает Ллос: чтобы её самая преданная и любящая верховная мать наконец стала главной матерью Мензоберранзана. Время Бэнров подходит к концу. Давно пора возвратиться к чистой преданности Госпоже Хаоса, дроу давно пора стать неоспоримыми владыками Подземья, постоянно запуская руки на поверхность, чтобы напомнить еретикам наверху, что мы, а не они, избранные создания настоящей богини.

- Но сначала, - резко продолжила она, - мы должны защитить то, что уже имеем. Големы-захватчики почувствовали, что Дзирт и Закнафейн где-то рядом, под землёй. Без моего контроля — и он действительно слабеет! — они бросятся прямо в тоннели, чтобы наткнуться на стены короля Бренора.

- И они разрушат эти стены.

- Разрушат, если мы будем умны. Наши союзники среди людей и дварфов, вместе с армией демонов, предоставленной купцами дома Ханцрин, прощупают дварфов и

узнают для нас их силы и слабости, и благодаря этим слабостям, захватчики из Бездны нанесут обжигающий удар королю Бренору и его друзьями.

- Простите моё неблагоразумие, - взмолилась Кирнилл с очередным поклоном.

Мать Жиндия ответила улыбкой — нетипичной для неё, поскольку эта улыбка была неподдельной. Первая жрица Кирнилл, которая была раньше матерью дома Кенафин и могла бы претендовать на то же звание, когда этот дом слился с домом Хорлбар, никогда по-настоящему не оказывала настоящего и искреннего уважения своей сопернице, Жиндии. Однако положение дел изменилось после того, как Жиндия безжалостно и как следует наказала Аш'алу, третью дочь Кирнилл. С тех пор, как они оставили Аш'алу в молочной ванне, где её медленно пожирали черви, Кирнилл наконец-то осознала истинный баланс власти. Разумеется, это была одна из причин, по которым Жиндия поступила так жестоко. Аш'ала, конечно, заслужила свою омерзительную и жуткую судьбу, но для Жиндии было не менее важно, чтобы первая жрица Кирнилл, представляющая собой постоянную угрозу, увидела это.

- С такой силой в нашем распоряжении очень легко стать самоуверенными, даже небрежными, - сказала Жиндия в редком жесте понимания. - Нам следует поддерживать бдительность, раз будущее кажется таким прекрасным.

Двое dwarфов в унисон вздохнули и одновременно покачали головой. Их реакции, манеры и внешность были настолько схожи, что любой случайный наблюдатель наверняка принял бы их за отца и сына.

- Кто ж знал, что этот дурень Атрогейт закоренился с тёмными эльфами? - саркастично спросил Френкин, младший из пары.

Бронкин снова вздохнул и почесал голову. Его жёлтые волосы были собраны в тугие косички, прилежавшие к черепу плотными рядами и свисающие ниже плеч, чтобы смешаться с огромной жёлтой бородой.

Френкин наоборот позволял своим жёлтым волосам болтаться свободно, но всё равно практически одновременно с дядей Бронкином потянулся точно так же почесать голову.

Внизу на выступе перед ними стояли двое людей, женщин Маргастер, вместе с горсткой дроу и чудовищными созданиями — полудроу-полупауками — окружившими женщин-дроу и просачивающимися сквозь многочисленные тени леса. Дюжины этих мерзких мутантов бродили вокруг, и даже для dwarфов, которые и сами путались с демонами, проклятые гиганты казались просто... неправильными.

- Сдаётся мне, не надо было слушать этих треклятых Маргастеров, - признался Бронкин. - Хоть мы и получили Терновый Оплот.

- И получим Гонтлгрим, - с широкой усмешкой заметил Френкин.

Бронкин пожал плечами, не желая пока что это учитывать.

- Теперь половина наших парней полудемоны, и весь Север нас ненавидит.

- Только если мы не сможем победить, - напомнил Френкин.

Бронкину пришлось кивнуть, поскольку это была правда. Как бы все благородные лорды и леди побережья Меча не заявляли об обратном, «сила в правде» оставалась всего лишь популярным заблуждением, тогда как выражение «кто сильнее — тот и прав» казалось ближе к реальности. И глядя на армию

демонов, заполнивших окрестности разрушенной деревни полуросликов — теперь вместе с дроу и их мерзкими чудовищами-драуками, и с деньгами, хранящимся у Маргастеров и лорда Неверэмбера — победа действительно казалась близка.

И по условиям сделки с Инкери Маргастер, Бронкин Каменная Шахта станет вторым королём Гонтлгрима, получив силу огненного предтечи, величайшую магическую кузню во всём Фаэруне и дружбу с лордом Дагультом Неверэмбером, правителем Невервинтера и Глубоководья — и Лускана, поскольку этот город тоже вскоре должен был пасть.

Это стоило жуткого чувства внутри, когда он глядел на своих союзничков.

Сначала победим, а потом будем думать, как избавиться от демонов, молча сказал себе Бронкин.

Трамвай к Кровоточащим Лозам тихо стоял на поднятой платформе напротив тёмного подземного озера у стен Гонтлгрима. За ним простиралась широкая входная пещера, похожая на тёмный лес с её сталагмитами и сталактитами. Иногда укреплённые дварфийские посты, устроенные в одном из таких образований, сверкали вспышкой факела, освещая ту или иную область достаточно, чтобы расчёты многочисленных боковых катапульт успели её рассмотреть, или чтобы запустить снаряд в нарушителя.

Но по большей части огромная пещера была тихой — настолько, что это даже нервировало. Демоны были там, в больших количествах. Каждый дварф мог почувствовать их, как припавших к земле львов, готовых к прыжку.

Ожидание и планирование.

И ожидание было хуже всего.

- Сколько ты можешь дать мне? - спросил король Бренор. Он шёл вместе с Джарлаксом и Закнафейном вдоль берега подземного озера у городской стены.

- Что ты хочешь от меня услышать, друг мой? - отозвался Джарлакс. - У меня не так много солдат, и я не знаю, насколько хорошо их тактика работает с твоими дварфами.

- Я возьму всех, кого ты сможешь дать, - сказал Бренор. - Главное, пошли своих парней наверх, чтобы жалить треклятых монстров.

- Посмотрим, что я смогу сделать, - пообещал Джарлакс.

- И скажи тем волшебникам в Главной башне, чтоб побыстрее зажгли своей магией ворота в Серебряные Кордоны, - ответил Бренор после долгого взгляда на наёмника-дроу. Он провёл с Джарлаксом достаточно времени, чтобы начать доверять эксцентричному дроу, но также для того, чтобы понять, что для Джарлакса важнее всего сам Джарлакс. Однако ему пришлось принять уклончивое обещание дроу как есть. - У меня недостаточно бойцов, чтобы напасть на них, но дайте мне эти ворота, и я приведу ребят из Мифрил-Халла, Фелбарра и Адбара, и тогда вы увидите, как разлетаются в клочья демоны, можешь не сомневаться!

Джарлакс засмеялся и кивнул, и бросил взгляд на Закнафейна, который, похоже, ничего не понял. Проблема заключалась не в языке, ведь с помощью Кэтти-бри оружейник уже неплохо овладел всеобщим языком народов поверхности, а в самом смысле слов.

- Это три dwarфийских крепости в земле, называемой Серебряными Кордонами, - пояснил Джарлак. - Наш добрый Бренор дважды был королём Мифрил-Халла, прежде чем вернуть себе древнюю родину dwarфов Гонтлгрим.

Закнафейн поднял белую бровь.

- Если врата телепортации откроются в назначенном месте в тоннелях между этими тремя цитаделями, король Бренор сможет в кратчайшие сроки привести сюда десять тысяч тяжеловооружённых солдат-dwarфов.

- Мы отбросим этих собак до самого побережья Меча и утопим их в океане, - провозгласил Бренор, и Джарлак кивнул, не подвергая сомнению его слова.

- Но судя по тому, что говорил мне Громф, это займёт ещё какое-то время, - ответил Джарлак. - Магия растёт, но учитывая опасность предтечи, ей требуется тщательное наблюдение.

- Да, моя девочка сказала то же самое, - буркнул Бренор и начал подниматься по лестнице к мосту, пересекавшему озеро и ведущему к трамвайной платформе. - Значит, нам придётся держаться.

- И значит, мы будем держаться, - заключил он с мрачной решимостью.

- Здесь так необычайно тихо, - заметил Джарлак, когда подошёл к dwarфу на мосту, и все трое вместе с Закнафейном посмотрели на тёмный лес каменных деревьев.

- О, они там, даже не сомневайся, - заверил его Бренор.

- Там мой сын, - добавил Закнафейн.

- И в этом тоже можно не сомневаться, - заметил со смешком Бренор. - Верь в него. Он побывал в передрягах по всему миру и сражался со всем, что могло сражаться. Верь в него, - повторил король.

Закнафейн с любопытством посмотрел на dwarфа с оранжевыми волосами, как будто недоумевая, и Джарлак подумал, что Закнафейн не ожидал слов утешения по поводу Дзирта от dwarфийского короля. Но Джарлак, конечно, знал, что Бренор был большим другом Дзирта, чем когда-либо мог стать Закнафейн, и даже большим отцом, чем Закнафейн. Не по вине самого Закнафейна, нет, просто потому, что Дзирт и Бренор провели вместе несколько веков, поддерживая друг друга, защищая друг друга, рассчитывая друг на друга.

Оружейник смотрел теперь на него, и Джарлак кивнул Закнафейну. Дзирт мог о себе позаботиться.

Нет, его волновал их противник.

- Я не сомневаюсь, что они там, добрый dwarф, - сказал Джарлак, - но это демоны. *Демоны*. Воплощённый хаос. Вечно жаждущий крови. Они там, но что они делают? Почему здесь так тихо?

- Да, я тоже об этом думал, - сказал Бренор. Он посмотрел на Закнафейна и тепло улыбнулся — белые зубы за спутанной оранжевой бородой сверкнули в свете факела. - Твой парень, наверное, немало их прикончил!

- Не в первый раз, - сухо добавил Джарлак, и все трое оглянулись на большой аванзал Гонтлгрима.

- Нет, - решил Бренор. - Они по-прежнему там. Демоническая мразь. Я их чую.

- Вы должны давить на них без остановки, - сказала остролицая верховная мать дроу троице предводителей в Кровоточащих Лозах, под сенью деревьев напротив двух тоннелей, что вели в недра горы.

Бронкин смотрел на беловолосую женщину, постоянно качая головой от недоверия. Дварф решил, что по меркам эльфов она достаточно красива, хотя ей стоило бы набрать вес, но в остальном дварф не знал, что и думать. На её платье, наверняка очень дорогом, было так много пауков, что у Бронкина кружилась голова, и он был почти уверен, что по крайней мере некоторые были настоящими пауками, живыми и ползающими, а не просто брошью или декоративной вышивкой. Маргастеры предупреждали его, что эта дама особенно рьяно относилась к своей так называемой Паучьей Королеве, но Бронкину её рвение казалось уж слишком чрезмерным.

Бронкина бесила даже её манера разговаривать, каждое резкое слово заставляло его чувствовать себя так, как будто кто-то провёл корой старого и крючковатого дуба ему по затылку. Казалось, что эта женщина-дроу едва способна извергать слова, так крепко была стиснута её челюсть, а когда слова всё же выходили наружу, они обладали шипящим звучанием костра под проливным дождём.

Больше всего ему хотелось просто ударить её, но Инкери и Альвидла предупредили Бронкина, что она была важна для их дела — на самом деле, это мать Жиндия из дома Меларн дала им возможность победить Гонтлгрим и захватить все прибрежные земли к северу от великого Глубоководья.

- Хорошо, верховная мать, - пообещала Инкери. - С этими чудесными безделушками, которые дали нам ваши слуги, мы запрём дварфов в их норах.

Она посмотрела на дроу из свиты матери Жиндии, которую хорошо знал Бронкин: Черри Ханцрин, доставившую множество волшебных филактерий клану Каменная Шахта.

Черри тоже ему не нравилась.

- Но проклятый огненный мешок в этой пещере, - вмешался Бронкин. - Они будут убивать нас по десять за одного.

- В том-то и прелесть наших демонических союзников, - сказала ему мать Жиндия. - Пускай дварфы Бренора убивают манов и других младших демонов. Старшие демоны просто откроют волшебные врата в Бездну, чтобы призвать новых.

- Да, но Каменную Шахту они не заменят, так что я не стану посылать своих парней в мясорубку Бренора.

Женщина-дроу с явным презрением фыркнула в ответ и хлестнула своим оценивающим взглядом по женщинам Маргастер.

- Об этом я и спрашиваю, и мне нужен ответ, - продолжал Бронкин. - Так что скажи мне и скажи сейчас. У некоторых моих ребят есть ваши демонические кореша внутри драгоценностей, и демоны выходят наружу с яростью и силой. Но они проигрывают — я видел, как некоторые проигрывают — становятся дымом и пропадают. И иногда мой дварф встаёт снова, слабый, но живой, а иногда — не встаёт. Так в чём дело? Что творится с моими парнями, когда демона побеждают?

- Спроси тех, кто встаёт, - холодно посоветовала ему мать Жиндия.

- Я спрашиваю тебя, - ответил он так же холодно.

- Всё как ты и сказал, дварф. Некоторые выживают после шока от разрушения их демонического спутника, некоторые — нет.

- Тогда ты понимаешь, почему я не буду посылать весь клан Каменная Шахта в пещеру, полную катапульти, баллист и арбалетов. Для этого у нас полно демонов, не слившихся с моими дварфами, но...

- Но? - резко вмешалась мать Жиндия. - Мы поймали Бренора и его друзей в западню.

- Где им самое место, - сказал Бронкин.

- Да — пока они не откроют порталы в Серебряные Кордоны на востоке, и все дварфы севера не объединятся против вас, - рявкнула она.

- Против нас, - поправил Бронкин.

Но мать Жиндия пожала плечами и усмехнулась своей жуткой усмешкой. В конце концов, она могла сбежать туда, куда не осмелятся сунуться дварфы Бренора. Мог ли клан Каменная Шахта заявить то же самое?

- Давите на них, - сказала она, скорее, двум Маргастерам, чем Бронкину.

- Эти войска ведёт Бронкин Каменная Шахта, - сообщила ей Инкери, и Жиндия оглянулась на дварфа, едва сдерживая злобную ухмылку.

- Так вот, эти пауки, которые по тебе ползают, - спросил Бронкин, едва сдерживая рык, - ты их держишь на закуску?

- Закуску? - эхом отозвалась мать Жиндия, как будто искренне недоумевая, а за её спиной обе женщины Маргастер уставились на Бронкина, качая головами и умоляя его быстро сменить тему.

Дварф фыркнул.

- Я пошлю вниз демонов, целые орды чудовищ, но парни из плоти и крови в этот мешок не пойдут, пока я не размягчу немного Бренора.

- Закуску? - снова повторила Жиндия.

Бронкин издал горловой звук и сплюнул на землю, потом пошёл прочь, выкрикивая приказы готовиться к штурму.

Мать Жиндия за его спиной устремила свой мрачный взор на двух женщин Маргастеров.

- Каменная Шахта хорошо надавит на Бренора, - пообещала Инкери. - Старшие демоны создают порталы с тех самых пор, как мы разрушили деревню. Их целый легион.

- И все голодны, - с усмешкой добавила Альвидла.

- Вы двое возглавите войска, - сказала мать Жиндия. Маргастеры переглянулись, но посмотрев обратно на неё, покачали в унисон головами.

- Мы как можно быстрее отправляемся в Глубоководье, - пояснила Инкери. - Слишком много событий происходит одновременно, и очень важно, чтобы мы были под рукой у лорда Неверэмбера, помогая ему держать лордов Глубоководья в их дворцах и не выпускать на поле боя.

- Если мощь этого города обрушится на нас, мы потерпим поражение, - добавила Альвидла.

Губы Жиндии изогнулись в жуткой улыбке.

- Не будь так уверена в этом, - спокойно сказала она.

Инкери и Альвидла опять переглянулись, заинтригованные. Неожиданное прибытие дома Меларн с его небольшим войском могучих драуков встревожило их. Драуки и кое-что ещё, считали они, хотя Жиндия только намекнула на своё тайное преимущество. Возможно, это был просто блеф, но если так, Жиндия в совершенстве освоила это искусство. Её уверенность заражала.

И в то же время — серьёзно нервировала.

- Впрочем, неважно, - продолжала Жиндия. - Отправьте этого глупого дварфа и его подопечных в их прибрежную крепость, где они смогут держать оборону.

Она оглянулась вокруг.

- Это поле битвы возьмёт под контроль мой дом.

- Бронкин больше всего хочет Гонтлгрим, - заметила Альвидла.

- В таком случае ему стоит вести себя так, как будто овчинка стоит выделки, - был короткий ответ Жиндии.

Следопыт-дроу вышел на поверхность исходящего тоннеля, где покидал гору трамвай из Гонтлгрима, чтобы прибыть к платформе на станции в Кровоточащих Лозах — станции, которая была разрушена, как и всё остальное в деревне. Сейчас Дзирта это не беспокоило, поскольку он знал, что дварфы помогут Реджису с Доннолой и их сородичам отстроить её заново, превратив в нечто величественное.

Если смогут выжить.

Дзирт смотрел на деревню сверху вниз, стоя на потолке, поскольку не пересёк границу волшебного разворота гравитации, который позволял трамваю катиться «вниз», поднимаясь из горы по потолку тоннеля. Эта точка была отмечена простым поворотом рельс, которые спускались с потолка, чтобы перевернуть трамвай обратно в область, не затронутую магией.

Что за прекрасное творение, подумал он. А теперь эти демоны хотят его разрушить.

«Что они смогут сделать?» - размышлял Дзирт, обдумывая свои варианты. Может быть, ему стоит попытаться обезглавить нападающих? Ему и союзникам наверняка придётся разделаться с главными демонами среди вражеского войска, иначе эта мерзкая компания продолжит приводить сюда младших извергов, чтобы бросать их в атаку бесконечными волнами.

Эта мысль кристаллизовалась несколькими мгновениями позже, когда в поле зрения появилась орда врагов, пересекавшая разрушенную деревню, направляясь напрямик к трамвайным тоннелям. Едва задумываясь о движениях, действуя на одном инстинкте, следопыт-дроу прыгнул вперёд через границу гравитации, ухватился за опору и зацепился ногами за опускающиеся рельсы, когда начал падать. Он подтянулся и прижал себя к тому, что стало теперь потолком. Дзирт обратился к своим навыкам монаха и следопыта, и к своим врождённым способностям дроу, и практически слился с камнем, расположившись так, чтобы полностью скрыться из вида.

И как раз вовремя, поскольку демоны — уродливые гуманоиды, хромающие, как нежить, летающие чазмы, могучие двуногие вроки, похожие на птиц, и все прочие сорта отвратительных чудовищ — собрались толпой внизу. Если бы ситуация не

была такой отчаянной, и Гонтлгриму не предстоял бы очередной жестокий бой во входной пещере, следующие мгновения могли бы показаться Дзирту довольно забавными, поскольку демоны, очевидно не знавшие об изменении гравитации, начали махать конечностями и падать... вверх!

Даже летающие чазмы, с их раздутыми человеческими лицами и похожими на хоботок носами кружились, виляли, бились о стены и потолок, так сильна была дезориентация.

Однако их продвижения это не остановило. Ряды наступающих демонов никак не хотели заканчиваться, и если более крупные и древние демоны разгадали странные чары, младшие чудовища продолжали шагать в тоннель и падать вверх, врезаясь в потолок.

Дзирт решил, что любой нанесённый им урон может помочь в битве внизу, и пока чудовищная процессия продолжалась, он мог лишь надеяться, что внезапное падение нанесёт немало травм.

Потому что если нет, врагов будет очень много.

Возможно даже слишком.

Он ещё очень, очень долго смотрел, как демоны проносятся мимо, и понял, что скорее всего такое же войско направляется по тоннелю справа от разрушенной трамвайной станции, где обратной гравитации не было, и где трамвай просто катился вниз к станции Гонтлгрима.

Дзирт вылез из тоннеля, продолжая ползти по потолку, затём пересёк руины станции, направляясь ко второму тоннелю, и стал спускаться. Прежде чем деревня скрылась из вида, он оглянулся, и тогда Дзирт До'Урден понял причину этого неожиданного натиска.

Драуки.

Если здесь были драуки, значит здесь были дроу, а если здесь были дроу, значит у Дзирта не было никаких сомнений по поводу их роли предводителей этого демонического вторжения.

Что поднимало новый вопрос: почему не знал Джарлакс?

Однако сейчас он не мог об этом беспокоиться, потому что демоны были уже далеко, далеко внизу в тоннеле и скорее всего приближались ко входной пещере у стен Гонтлгрима. Возможно, битва уже началась.

Дзирт подул в свисток, висевший на шее, и побежал вниз по тоннелю. Вскоре его догнал Андахар, огромный скакун-единорог, и следопыт вскочил на его широкую, крепкую спину, схватившись за сверкающую белую гриву. Они мчались вниз, во тьму горных глубин.

- Это не так странно, как кажется, - объяснял Бренор Джарлаксу и Закнафейну, пока они шагали по трамвайной станции, наблюдая за просторной пещерой. - У нас есть метательные машины — боковые катапульты, по большей части — нацеленные на каждую прямую дорожку. Метающие дробь, зажжённую, если мы захотим, но против демонов — наверное нет, да?

- Кажется, здесь не так много прямых проходов, - ответил Закнафейн.

- Больше, чем ты думаешь, - заверил его Бренор. - Мы прорезали их, но разглядеть их трудно, и у нас есть другие со стенами, специально вырезанными, чтобы отражать выстрел за угол.

Закнафейн посмотрел на Джарлакса, и Бренор расхохотался, когда Джарлакс просто пожал плечами и кивнул.

- Нет никого лучше нас в подготовке огневых мешков, эльф. Никого, - настаивал дварфийский король. - У нас каждый участок пола под наблюдением, мы готовы его осветить и готовы поразить.

- Сколько здесь дварфов? - спросил Закнафейн.

- Дюжина расчётов катапульта, вполовину меньше — баллист, полсотни парней с арбалетами, и всегда дюжина Кишкодёров, готовых прикрыть отступление, - сказал Бренор. - У нас есть тоннели над потолком, чтобы доставить их по эту сторону озера, и сотня стражников по другую сторону стены в тронной зале, готовых выйти и оказать поддержку. И я в кратчайшие сроки могу доставить сюда ещё пять сотен, даже не сомневайся.

Весьма довольный собой, Бренор вызывающе скрестил руки на своей выпяченной груди.

- Они вам потребуются, - сказал Закнафейн, пока дварф ещё даже не успел закончить свой жест.

- Э?

- Что тебе известно? - спросил Джарлакс.

- Шшш, - произнёс Закнафейн. - Я слышу их.

Как только он это сказал, дальний конец пещеры взорвался пламенем и воплями, и длинные тени уродливых чудовищ замерцали и затрепетали среди ключев огня, а затем и волшебного света.

- Их много, - согласился Бренор. - Что у тебя для меня есть, эльф?

Джарлакс посмотрел на Закнафейна.

- Пещера похожа на вызов, - с усмешкой сказал Закнафейн. - Много неровных стен, миллионы выступов, достаточно широких для того, кто может их чувствовать. Он подмигнул Джарлаксу и достал мечи. - Как думаешь, ты ещё можешь скакать и прыгать, крутиться и вертеться?

Несмотря на очевидную мрачность ситуации — крики и взрывы приближались с каждой секундой — Джарлакс широко улыбнулся.

- Я постараюсь, так что утром наверняка будет всё болеть. Но бьюсь об заклад, я от тебя не отстану.

- Ни за что в жизни.

- Может быть, именно так.

- Парни, - вмешался Бренор. - У нас тут бой идёт.

- Несомненно. Какая здесь лучшая огневая позиция? - спросил Джарлакс.

- А? - Бренор потряс головой, потом указал в пещеру по левую сторону от трамвайной станции. - Длинный и широкий проход, много расчётов...

Дварф замолчал и снова потряс головой, ведь два дроу уже исчезли, перемахнув через стену станции. Бренор заметил их в последний миг: Джарлакс бежал по поверхности сталагмита слева, Закнафейн делал то же самое справа. Дварф вздрогнул, когда оба прыгнули друг к другу, описывая обороты, за которыми Бренор

не мог уследить, встретились в воздухе посередине и обменялись местами, бросившись бежать дальше.

- Всё это началось, когда моя девочка нашла Дзирта на склоне холма в Долине Ледяного Ветра, - пробормотал Бренор. Он позвал своих командиров стражи, достал кружку эля из своего волшебного щита, опустошил её одним глотком, а затем отправил в полёт вместе с громкой отрыжкой.

ГЛАВА 9

Эплер виэн

- Дом Меларн выступил, - сообщил Громфу Киммуриэль. Они находились в покоях архимага в Главной башне. - Со всеми своими войсками, и, подозреваю, с домом Ханцрин.

- Когда? - спросил Громф. - И где ты пропадал?

Сегодня он был особенно раздражительным из-за бродивших по всему Лускану слухов о вражеском флоте и новостях с юга о продвижении демонических орд.

- Меня отправили поговорить со жрицей Аш'алой.

- Это было несколько десятков дней тому назад.

- Её информация требовала проверки, и я занялся проверкой, ради чего пришлось покинуть этот план бытия.

- Ты отправился к иллитидскому разуму улья, - догадался Громф.

Киммуриэль кивнул.

- Из-за жалкой Жиндии Меларн? - недоверчиво спросил великий волшебник. - Неужели она так тебя напугала, что ты побежал к пожирателям разума? Может быть, ты хочешь, чтобы я нашёл её и уничтожил?

Сарказм Громфа не подействовал на Киммуриэля, равно как и хвастовство архимага, которое при нормальных обстоятельствах было бы вполне оправданным.

- Ну? - поторопил его раздражённый Громф.

- Арахна'хинин'лихи'элдерс, - ответил Киммуриэль. - Мать Жиндия не одна.

Громф с любопытством посмотрел на низкорослого псионика, повторяя про себя сказанное им странное слово. Оно было на старом языке, старше Громфа, старше Мензоберранзана. Когда архимаг наконец его расшифровал, он широко распахнул глаза.

- *Захватчик*? Жиндии доверили голема-захватчика?

Громф замолчал и сделал глубокий успокаивающий вдох, потом покачал головой.

- Ты уверен?

Киммуриэль не моргнул.

- Значит, это не Ллос вернула Закнафейна из объятий вечного сна, нет, - заключил Громф. - А теперь Паучья Королева хочет его вернуть и выбрала мать Жиндию Меларн своим копьем?

Он снова покачал головой.

- Закнафейн, да? Это должен быть Закнафейн.

- Это старое слово, - ответил Киммуриэль. - Может быть, я оговорился.

- Так следи за языком, - сказал Громф. - Не стоит зря пугать такой перспективой, как голем-захватчик...

- *Арахна'хинин'лихи'элдернай*, - исправился Киммуриэль, верным способом образовав множественное число.

- Элдернай? - шепотом повторил Громф. - Он не один?

- Их два, - подтвердил Киммуриэль.

- Тогда Ллос действительно с ней, - сказал Громф. - И мы должны понимать, что наши жизни и преданность...

- Мы не знаем наверняка, что это именно Ллос, - вмешался Киммуриэль.

- Тогда кто? - скептически возразил Громф, но собственный вопрос поразил его ещё прежде, чем псионик смог ответить.

- Есть ещё один разгневанный владыка демонов, именующий себя Демоническим принцем, - напомнил ему псионик.

Демогоргон, понял архимаг, оказавшийся на материальном плане благодаря Громфу и уничтоженный в своей телесной форме благодаря силе Мензоберранзана, направленной сквозь мозг улья иллитидов — направленной не в последнюю очередь этими двумя дроу.

- Ты, разумеется, предполагаешь, что цель големов-захватчиков — Закнафейн, и, возможно, Дзирт До'Урден, - сказал Киммуриэль. - Но не только они заслужили враждебность демонов, способных создавать таких големов. Мне кажется маловероятным, что за Дзиртом пустили такого охотника, хотя мать Жиндия определённо презирает его, поскольку Ллос поймала Дзирта в тоннелях Дамары и оставила в живых. Может быть, обоих послали за Закнафейном.

Теперь настала очередь Громфа качать головой.

- Двух таких созданий нельзя натравить на одну цель — они будут нападать друг на друга из-за вмешательства, настолько сильно они сосредоточены на единственной задаче.

Громф всесторонне обдумал эту проблему. Нападением руководила мать Жиндия — единственное, что позволяло ему надеяться, что он сам не одна из целей. Жиндия ненавидела Дзирта и Джарлакса, и человеческого мужчину Энтрери, поскольку эти трое напали на неё у неё дома и убили единственную дочь — по слухам, жутким кинжалом Энтрери, так что её нельзя было воскресить. Но станет ли Жиндия — станет ли Ллос — тратить захватчика на простого человека?

Громф считал, что это маловероятно.

- Это не Артемис Энтрери, - сказал Киммуриэль, напоминая, что читает его мысли.

- В таком случае, мы должны узнать кто, - потребовал Громф, который начал злиться. - Необходимо выяснить наверняка. Ты узнал у пожирателей разума *что-нибудь*?

- Разум улья существует не для того, чтобы отвечать на вопросы по моему расписанию, - ответил псионик.

- Надави на них.

- Надавить? Нельзя просто так взять и надавить на иллитидов.

- Неужели я должен напоминать тебе, что это Киммуриэль обрушил мощь разума улья на Демогоргона? Вполне возможно, что несокрушимые големы здесь ради тебя.

Киммуриэль снова пожал плечами.

- Ты сбежишь к иллотидам, если это окажется правдой! - обвинил его Громф.

- Громф сам поступил бы — *и поступит* — именно так, если окажется, что он — жертва.

- Я не хочу участвовать в этой пьесе, - сказал архимаг. - Мы должны узнать, что за союз стоит за этим приливом мрака. Кто и зачем дал Жиндии *арахна'хинин'лихи'элдернай*?

- Кто бы это ни был — и кто бы ни стал целью големов — наш мир изменился, архимаг, - заявил Киммуриэль, и Громф мог только согласно кивнуть. Если любая из этих тварей была нацелена на Громфа, ему предстояло провести грядущие десятилетия, даже века, в постоянном бегстве с одного плана бытия на другой — пока его не поймут или не найдётся какой-нибудь способ победить созданий, победить или остановить которых было практически невозможно.

Пенелопа Гарпелл скользнула на свою половину большой постели в уютных покоях в Главной башне.

Она замерла и посмотрела на обнажённую спину своего любовника: большую и сильную, широкую, но твёрдую, как гранит, с рельефными мышцами. Пенелопе казалось, что если он встанет и наклонится вперёд, широко разведя руки, можно будет положить на эту спину целый мир — и Вульфгар удержит его. Женщина выждала ещё мгновение, прежде чем усесться сзади, когда он сел на кровати сам, у нижнего края, скрестив ноги и как будто не замечая её возвращения.

Она знала, что у Вульфгара много забот. С юга, из Гонтлгрима, где его приёмный дварфийский отец был королём и обитали многие его друзья, пришли зловещие новости. Кровоточащие Лозы, деревня, которую он помог построить вместе со своим другом Реджисом, была полностью опустошена, виноградники сорваны, трамвайная станция — разрушена.

А Вульфгар был здесь во время этого неожиданного нападения и продолжающейся осады Гонлгрима, навещая Пенелопу и разделяя с ней постель. По крайней мере, сейчас Гонлгрим казался в безопасности, и Бренор послал весточку через волшебный портал, чтобы Вульфгар оставался в Лускане в качестве посла. Пенелопа понимала, что это тоже оказалось для воина тяжким грузом. Больше всего он хотел пройти сквозь ворота и вступить в сражение на линии фронта вместе со своими друзьями. Однако он не мог нарушить волю Бренора и поэтому вернулся к Пенелопе.

От мысли, что Вульфгар искал у неё утешения и возможности отвлечься, по спине женщины пробежали мурашки, особенно сейчас, когда она рассматривала его

большое и рельефное тело, тело, которому было около двадцати лет отроду, хотя сознание мужчины было намного старше — и намного старше самой Пенелопы. Она была ближе к пятидесяти, чем к сорока, в волосах уже стала появляться седина, а на лице — морщины, главным образом у глаз, потому что она постоянно щурилась во время чтения заклинаний и старых свитков. Пенелопа оставалась сильна и здорова, хотя в некоторых местах стала толще, чем хотелось бы, а в других — не такой упругой, как раньше. Всё это не слишком её беспокоило, но было приятно знать, что она ещё может привлечь внимание таких мужчин, как Вульфгар.

Он с нетерпением и радостью продолжал возвращаться в её постель.

Она подползла, чтобы усесться на коленях позади него, и положила руки на плечи мужчины, большими пальцами разминая тугие узлы мышц.

- Мой великолепный мужчина, - сказала она. - Почему ты в моей постели на сей раз?

- А почему бы нет? - ответил он, поднимая левую руку, чтобы накрыть её правую.

- Разве есть на побережье Меча женщина, которая не открылась бы для тебя? Разве есть молодая и красивая девушка, которой не хотелось бы оказаться в безопасных объятиях твоих крепких рук? - с этими словами она провела своими руками вниз по плечам к его гигантским бицепсам. - И всё же ты здесь, со мной.

Вульфгар издал короткий смешок.

- Пенелопа Гарпелл, знатная дама Особняка Плюща, сомневается в себе? - он повернул голову, чтобы она увидела его недоверчивый взгляд. - Мало что может удивить меня, женщина, но да, я удивлён.

- Это не сомнение, - отозвалась она, игриво шлёпнув его по плечу. - Всего лишь простая честность.

Она обогнула его сбоку, чтобы посмотреть в хрустально-чистые синие глаза — о, эти глаза! Даже глаза Вульфгара говорили о пугающих и прекрасных контрастах этого человека. Он был тьмой и светом, крепким и сильным, но таким нежным.

- Ты молод, - сказала она. - А я уже нет.

- Мне было сто и четыре года, когда меня убил йети, - с искренним и тёплым смехом напомнил ей Вульфгар.

- Да, но ты переродился и обрёл юность и силу, а также красоту, которая приходит вместе с ними. Ты можешь заполучить практически любую женщину, но всё-таки ты здесь. Почему?

- *Эплер виэн*, - ответил Вульфгар после короткой паузы.

- *Эплер...* - Пенелопа тоже замолчала и задумалась над корнями этой фразы — она знала большинство диалектов севера и догадалась, что это утгардский. Но только сильнее запуталась, попытавшись перевести, и это отразилось на лице женщины.

- Оленьи лепёшки, - сказал Вульфгар.

- Ты считаешь меня оленьим навозом?

- Я считаю тебя честной, - ответил Вульфгар. - Не только с остальными, но и сама с собой. Я считаю, что ты освежающе и чудесно эгоистична.

- Compliments так и текут с твоих прекрасных губ, - покачив головой, с усмешкой отозвалась Пенелопа. Она отстранилась и посмотрела на него искоса.

- Может быть, эгоистична — неподходящее слово, но я не хотел тебя оскорбить, - сказал ей Вульфгар. - Как раз напротив. Пенелопа Гарпелл знает, чего хочет, и старается это получить. Ты честна с собой и достаточно храбра, чтобы заявлять об этой честности окружающим. Ты разрываешь оковы привычек, традиций и... знаков.

- Знаков?

- Да, - ответил Вульфгар, кивнув. Теперь его мысли прояснились. - Знаков. Они повсюду, в речи или на письме, законы и правила. Некоторые из них важны, некоторые есть просто потому что они есть, потому что их оставил кто-то, где-то и когда-то.

- Как олени лепёшки.

Вульфгар рассмеялся.

- Именно. И ни у кого нет храбрости или здравого смысла, чтобы избавиться от них. Но ты не наступаешь в них, нет. Пенелопа лишена притворства. У тебя нет никакой тайной стороны. Разве ты не понимаешь, моя прекрасная и чудесная подруга? Ты не просто та, кого я желаю, ты такая, каким хочу быть я сам.

Мгновение Пенелопа пыталась это переварить.

- Я твоя любовница или твой учитель?

- Да, и намного больше! - заявил Вульфгар. Он игриво потянулся вниз и коснулся внутренней стороны колена женщины, затем легко, очень легко — может быть, даже не касаясь, просто дразня её кожу! — провёл пальцами вверх по внутренней стороне бедра.

- Ты моя правда, - искренне сказал он. - Ты моя героиня.

Пенелопа развернулась и оседлала его, не отпуская взгляд. Она охнула, когда он подался вперёд, чтобы соединить их.

- Но вокруг так много красивых девушек, - сказала женщина, на этот раз просто играясь с ним. - Разве ты их не желаешь?

- А что, ты мне когда-то запрещала?

Пенелопа запрокинула голову и хитро покосилась на него.

- Ты ревнуешь? - с коварной усмешкой спросил Вульфгар.

Она вернула ему взгляд.

- Только если ты занимаешься этим без меня, - подразнила она и наклонилась вперёд, чтобы поцеловать его, и они держали поцелуй всё время, пока занимались любовью, долгий единственный поцелуй, затем слились вместе на простынях, чтобы заснуть в объятиях друг друга.

Спустя какое-то время Пенелопу и Вульфгара разбудил звук колокольчиков.

- Что? - спросил великан, а когда осознал, где звонят колокольчики — сразу за дверью Пенелопы — рассмеялся.

- Ну конечно, - сказал ей мужчина, когда она поднялась на локтях и стряхнула волосы с лица. - Простого стука в дверь тебе недостаточно.

- Это не моих рук дело, - заверила его женщина. Она перекаtilась на спину, села и натянула на себя простыню.

- Госпожа, мы можем войти? - раздался за дверью голос Громфа Бэнра.

Вульфгар недоумевал. Покои Пенелопы, как у большинства великих волшебников, обитающих в этом крайне необычайном здании, были надразмерными, карманами сверхизмеренческого пространства намного крупнее физической области, которую они занимали в Главной башне.

Но ему показалось, что Громф стоит сразу за настоящей дверью — несмотря на тот факт, что настоящая дверь сейчас находилась даже не на одном плане бытия с архимагом.

Или на одном?

- Волшебники такие странные, - проворчал мужчина.

- Входите, - ответила Пенелопа и взмахнула рукой. Дверь отворилась, впуская двух самых нелюбимых знакомых Вульфгара: Громфа Бэнра и Киммуриэля Облодру. Волшебники, с немногочисленными исключениями, нервировали Вульфгара, поскольку он их не понимал, но в сравнении с Киммуриэлем Громф был желанным гостем за ужином.

Двое дроу подошли к основанию кровати, Киммуриэль посмотрел прямо на Вульфгара и фыркнул с явным пренебрежением.

- У нас проблемы, - заявил Громф.

- Мы слышали, - ответила Пенелопа.

- Вы слышали о Кровоточащих Лозах и осаде Гонтлгрима, но мы говорим о другом, - поправил Киммуриэль.

- К Лускану идёт флот, огромная боевая армада, - пояснил Громф. - Мы считаем, что Порт Лласт был разграблен, хотя вестей оттуда нет, а дальше флот отправился на север.

- К Лускану, - сказала Пенелопа.

- Похоже на то. Старший капитан Курт собирает корабли, чтобы принять вызов, чтобы мы могли по крайней мере узнать их намерения, - продолжал Громф. - Мы подозреваем, что они собираются сразу же атаковать, но нам нужно знать больше об их диспозиции и силах.

Пенелопа кивнула.

- Я смогу всё это выяснить, - объяснил Киммуриэль. - И я хочу взять тебя, Вульфгар, чтобы ты меня охранял.

- Конечно, - сказала Пенелопа, прижимая простыню к груди. Она посмотрела на любовника и пообещала: - Мы их остановим.

- Не вы, госпожа, - сказал ей Громф. - Он. Вы отправитесь домой в Длинную Седловину.

Пенелопа нахмурилась и гневно взглянула на архимага.

- Громф не может... - начала она.

- Отправляйтесь к Кэтти-бри, госпожа, - оборвал он. - И защитите её.

- Она способна сама о себе позаботиться, - гневно ответила Пенелопа и могла бы продолжить мысль, но Вульфгар положил ей руку на плечо.

- Что вам известно?

- Эта тьма больше, чем вам кажется, - объяснил Громф, обращаясь скорее к Пенелопе, чем к Вульфгару. - Пришло великое зло, у него есть задача и цель, и эта цель — избранные люди. Думаю, оно нацелено на мужчину, которого больше всего

любит Кэтти-бри, но не могу быть полностью в этом уверен. Если это так, ей тоже может угрожать опасность, и поэтому я прошу вас отправляться к ней.

- Кэтти-бри сильнее меня, - ответила Пенелопа. - Если она не сможет защититься сама, тогда что делать мне?

- Расставить вокруг соглядатаев из Особняка Плюща, - сказал ей Громф. - И если тьма приблизится, отослать Кэтти-бри прочь, далеко-далеко, на другой конец Фаэруна или даже на другой план бытия.

- О чём ты бормочешь, маг? - потребовал Вульфгар. Он двинулся вперёд, простыни спали, обнажая напряжённые мускулы на его руках и груди.

Громф не обратил на него внимания.

- Вы хотите, чтобы Дзирт сделал последний вздох, зная, что Кэтти-бри уже умерла? Зная, что из-за него их ребёнок был убит? - спросил он Пенелопу.

Тон его голоса удивил женщину, поскольку был полон неожиданной человечности.

- Госпожа, отправляйтесь к Кэтти-бри и проследите за её безопасностью, - сухо подытожил архимаг.

Пенелопа повернулась к Вульфгару. Оба были встревожены и растеряны.

- Нужно идти, - сказал ему Киммуриэль. - Мы должны узнать правду об этой армаде, что плывёт на Лускан. Корабли уже готовятся.

Вульфгар кивнул.

- Ты же умрёшь там, - прошептала Пенелопа.

- Это моя правда, - тихо ответил Вульфгар. - Я ненавижу знаки. Я люблю тебя, потому что ты игнорируешь знаки — но это я игнорировать не могу. Я дорожу знаком дружбы и не могу, не должен его игнорировать.

Он поднял её лицо, чтобы посмотреть в глаза.

- Как и ты.

ГЛАВА 10

Тайное

Благодаря магическим способностям странной женщины-дроу, Реджис, Атрогейт и Ивоннель всего за несколько дней преодолели долгие мили до Глубоководья, причём Атрогейт, по-прежнему серьёзно раненый, весь путь проехал на вызванном магическом диске.

И теперь на юго-востоке перед ними предстал город — не самый многолюдный в Королевствах, но многими почитаемый величайшим на Фаэруне — с его величественными башнями и дворцами, мостами и огромными статуями.

Реджис сделал глубокий вздох, символизирующий важность и опасность их миссии.

- Ты уверен? - спросила его Ивоннель.

- Лорды Глубоководья должны знать. Я хочу, чтобы ты пошла со мной.

- Моя жизнь и без того достаточно сложна, - ответила Ивоннель. - Я даже не знаю, какая роль отведена мне во всём этом и куда она меня заведёт. Моё присутствие не просто усложнит положение дел; оно даст твоим противникам оружие против тебя, которое можно будет использовать на тех, кто в противном случае прислушался бы к твоим мольбам.

Реджис кивнул. Они неоднократно это обсуждали. Однако он собственными глазами видел силу Ивоннель Бэнр — эта женщина развоплотила старшего демона единственным словом силы! А Атрогейт — как мог Реджис смотреть на этого измученного дварфийского друга и не понимать, что без чудесного исцеления Ивоннель Атрогейт давно бы скончался? Даже сейчас, несмотря на все её усилия, могучий дварф проводил во сне большую часть дня, при этом вместо храпа издавая стоны, и всякий раз, спускаясь со своего диска, должен был держаться за плечо Реджиса, чтобы встать прямо.

- Сегодня ты тоже будешь его исцелять? - спросил полурослик.

- Каждый день, иначе он умрёт, - ответила Ивоннель. - Его укололи шипы нижних планов. Яд очень крепкий. Я удивлена, что он сумел выжить.

- Если думаешь, что я подохну, давай побьёмся об заклад. Я заберу твои монеты и больше не верну назад, - сказал Атрогейт. Его голос был неровным и слабым, но тон — упрямым. Обычно чернобородный дварф сопровождал свои странные рифмы смешком, но не теперь, заметил Реджис. Больше нет. Дварф был смертельно серьёзен и сказал Реджису, что не собирается умирать, пока не отомстит за свою возлюбленную Амбергрис.

Сейчас Реджис услышал это в голосе Атрогейта и понял, что не станет держать пари против крепкого старого дварфа!

- Как ты поймёшь, кому из лордов можно доверять? - спросила Ивоннель, возвращая разговор к насущным вопросам. - А кто может выдать тебя лорду Неверэмберу или другим заговорщикам?

- У нас есть шпионы во дворце Глубоководья, - ответил Реджис. - Я знаю, где их найти — одного из них. Не сомневаюсь, что он уже отделил друзей от врагов.

- Артемис Энтрери?

Реджис кивнул.

- Твой друг?

Реджис хмыкнул.

- Не думаю, что когда-нибудь смогу его так называть, но в этом отношении я ему доверяю. По крайней мере, надеюсь, что могу ему доверять.

- А если нет?

Реджис пожал плечами.

- Хороший же из меня компаньон Халла, если мне не хватит храбрости попытаться!

Ивоннель с любопытством взглянула на него, не понимая отсылку.

- Будем надеяться, что однажды я буду сидеть у очага в отстроенных Кровотокающих Лозах и смогу рассказать тебе всю историю, госпожа. Всю целиком.

- Расскажешь ей про мою Амбергрис, Амбер Гристл О'мол, - сказал с парящего диска Атрогейт.

- Ты сам сможешь ей рассказать, - отозвался Реджис.

- Да, - неуверенно согласился дварф. Он тяжело вздохнул. - А если не смогу, расскажешь ты, правда, Рамблбелли?

Реджис не смог сдержать улыбку, услышав эту кличку — собственную и ту, которую он дал своему пони, кличку, которой Бренор наградил его много-много лет назад на берегах Мер Дуалдон в Долине Ледяного Ветра.

- Я расскажу, - пообещал он, потом сказал Ивоннель: - Сохрани ему жизнь. Пускай он поправится.

Он соскользнул с пони и вручил поводья женщине-дроу.

- И о нём тоже позаботься. Он был хорошим спутником.

Прекрасная Ивоннель — глаза которой теперь были фиалковыми, как у Дзирта, заметил Реджис, — кивнула в ответ.

- Куда вы направитесь? - спросил Реджис.

Ивоннель посмотрела на Атрогейта.

- Мы найдём путь. Надеюсь, что в конечном итоге — обратно к Дзирту. Но и здесь мы можем совершить немало добрых поступков.

- Терновый Оплот! - сказал Атрогейт и откашлялся кровью.

Ивоннель провела рукой в воздухе, чтобы успокоить его. Она предупреждала его не волноваться и не разговаривать громко или грубо. Она снова повернулась к Реджису и пожала плечами, заставив его думать, что они в самом деле снова посетят старую и обветшалую крепость, где погибла Амбер и где так серьёзно ранили Атрогейта.

Полурослик кивнул на прощание, сделал глубокий успокаивающий вдох и повернулся на юго-запад, к ожидающему вдаль городу. Он подумал о друзьях, запертых в норе под горой. Он подумал о Донноле, Дзирте, Бреноре, Вульфгаре и Кэтти-бри. Он вспомнил, почему согласился на предложение Ируладуна, волшебного леса в загробном мире, где он, Бренор, Кэтти-бри и Вульфгар получили возможность воскреснуть. Тогда Реджис не мешкал — он был рад возможности снова прожить свою жизнь, прежде всего потому, что поклялся — на сей раз всё будет иначе, главным образом в его отношении к возлюбленным друзьям. На сей раз он не будет обузой. На сей раз он поклялся, он был полон решимости и он всю свою новую жизнь тренировался, чтобы удостовериться, что другим не придётся за ним присматривать. Нет, на сей раз Реджис сполна заслужит своё место среди компаньонов Халла.

И сейчас это означало, что ему предстоит отправиться в гнездо могущественных гадюк Маргастеров и их союзников. Демонических злодеев — буквально.

- Я им нужен, - прошептал он себе под нос, распрямил пояс и сделал свой первый храбрый шаг к Глубоководью.

Далия осторожно шагала по большой зале, хлопая глазами перед джентльменами и предлагая вежливые, но немного холодные кивки присутствующим на балу дамам. За годы, проведённые в Тэе, грациозная эльфийка отточила подобное поведение до совершенства и безупречно сливалась с лордами и

леди, которых считала весьма скучными и достойными презрения. Разве кто-то из них заслужил место в таких эксклюзивных кругах?

Она была уверена, что большинство здесь только по праву рождения, а для Далии не было ничего хуже, чем несоответствие статусу. Но она знала, как играть в эту игру и как использовать своё очарование, чтобы собрать необходимую информацию. Информация была силой, а Далия любила силу, особенно теперь, когда получила от Джарлакса известия о грядущей беде. Энтрери поручил ей выяснить, какие лорды и леди могут занять сторону лорда Неверэмбера, а какие — короля Бренора.

Далия рассчитывала разузнать куда больше, особенно когда заметила, сколько молодых мужчин — и немало молодых девушек — бросают на неё голодные взгляды.

Она натянула красивую и застенчивую улыбку, когда к ней подошли молодой лорд и леди. Мужчина нёс лишний бокал изысканного фейского вина.

- Кажется, нас не представили, - сказал он и назвал себя и свою подругу — вежливо именуя её *подругой*, а не *женой* или *спутницей*. Далия не сомневалась, чего он хочет.

- Далия Син'далай из шейкбрукских Син'далаев, - правдиво ответила она, поскольку была уверена, что никто здесь не знает этот далёкий и крохотный эльфийский клан. Она произнесла это с отточенной небрежностью выскородной эльфийки, которой и была — была бы, если бы не похищение жуткими нетерезами в нежном двенадцатилетнем возрасте.

В своём багровом платье с открытой спиной и руками она казалась именно той, кого могли пригласить на подобный бал. Для эльфийки она была высока, почти шести футов ростом, с чёрными волосами, окрашенными ярко-красными полосами. Большую часть жизни Далия брила голову, оставляя лишь единственную косу, переброшенную через плечо, чтобы жевать её, когда нервничала или была растеряна, но сейчас она позволила волосам отрасти подлиннее справа и отрастила их слева, хотя здесь они были намного короче, не закрывая левое ухо, почти полностью окаймлённое мелкими алмазами.

Эти алмазы много для неё значили — и вовсе не по финансовым причинам.

Демонстрация этих алмазов тоже много для неё значила — и вовсе не по причине тщеславия.

В последнее время она не носила серьгу в правом ухе — перестала с тех пор, как осознала правду о своих отношениях с Артемисом Энтрери. Мысль о том, чтобы добавить серьгу и для него приходила ей в голову разве что в самом начале.

Поскольку эти серьги кое-что означали — любовников, которых она хотела убить, чтобы перенести их на левое ухо к остальным алмазам, которые показывали, сколько любовников она уже убила. Однажды она носила сразу пять гвоздиков на правом ухе, но теперь там мог быть только один — и для мужчины, которому она совсем не собиралась причинять какой-либо вред, мужчины, который понимал её, поскольку его жизненный опыт был ужасно похож на её собственный.

Артемис Энтрери наконец одолел своих демонов и помогал Далии сделать то же самое. По крайней мере, она на это надеялась.

- Что ж, миледи Син'далай, необычайно приятно с вами познакомиться, - сказал мужчина, и в этот момент Далия осознала, что ей следовало быть повнимательнее и запомнить имена собеседников.

- В этом и суть всех подобных собраний, разве нет? - промурлыкала она в ответ, подаваясь вперёд, чтобы принять предложенный бокал. Она следила за его глазами и решила найти способ узнать его имя, потому что поняла — мужчина готов на многое, чтобы сделать её счастливой. Да, этот юный лорд очень хочет понравиться Далии Син'далай.

Его спутница тоже это поняла; Далия увидела это по её не слишком сдержанной гримасе и по взгляду, проследившему за глазами юноши, когда он наблюдал за поклоном Далии, гримасе, которую она обратила к Далии, прекрасно зная, что эльфийка наклонилась вперёд вполне намеренно и осознанно.

Впервые за сегодня Далия наслаждалась собой — не потому что собиралась хотя бы поцеловать этого расфуфыренного глупца, а просто потому, что она любила играть с этими припудренными и надушенными пустыми душами, раздражая их, дразня и вызывая злость.

И поэтому немедленно взялась за дело — по крайней мере, собиралась, поскольку краем глаза заметила прибытие ещё одной бросающейся в глаза фигуры.

Он был почти в половину ниже её, хотя большой синий берет заставлял его казаться выше. Полурослик был не слишком широк, хотя судя по виду и пребывал в добром здравии, однако каким-то образом казался намного больше, чем на самом деле — со своими безупречно подстриженными усами, завивающимися вверх чуть выше его полных губ, и бородой, спускающейся вниз посередине подбородка. Он носил модный берет и плащ ему в тон, роскошный и толстый, вместе с мягким кожаным жилетом поверх красной рубахи и перевязью с арбалетными болтами на левом плече. Сверкающая рапира висела на поясе слева, а трёхзубцовый кинжал с двумя внешними зубцами в форме готовых к удару кобр демонстрировал безупречное качество. Его чёрные сапоги с серебряными пряжками так сильно сверкали, что Далия представила, как поправляет волосы, разглядывая в них своё отражение.

Да, он бросался в глаза, его плащ был закинут за левое плечо, целиком обнажая чудесную рапиру, а жилет был расстёгнут достаточно, чтобы намекнуть на другое оружие, которое располагалось под ним: ручной арбалет работы дроу.

- Паук Паррафин, - прошептала Далия, поскольку знала этого новоприбывшего. На самом деле, он был лучше знаком ей под именем Реджиса, друга её бывшего любовника Дзирта и его банды, компаньонов Халла. - Что ты здесь делаешь, мелкий паршивец? - прошептала она под нос, но очевидно недостаточно тихо, поскольку мужчина рядом с ней переспросил:

- Прощу прощения? Паршивец? Что ж, я полагаю...

- Заткнись, - сказала женщина рядом, и он заткнулся.

- О, мне ужасно жаль, - произнесла Далия. - Я не хотела... эти голоса никак не оставят меня в покое. По крайней мере один, низкий и скрипучий, который говорит мне делать все эти ужасные вещи...

Мужчина побледнел, женщина охнула, и оба отступили на шаг.

- Странные настали времена, - сказала женщина, недвусмысленно пытаясь утащить мужчину прочь.

- Кого вы навещаете в Глубоководье, госпожа Син'далай? - спросил мужчина, желающий продолжить знакомство с эльфийкой.

Далия сдержала усмешку, решив, что встретила подходящую и выгодную цель.

- Просто друзей. Я думала, что они будут на балу, но увы — не вижу их здесь. Боюсь, что к своему удивлению никого здесь не знаю.

- Каких друзей? - спросили оба вместе.

- А почему вы спрашиваете?

То, как они переглянулись, многое сказало проницательной Далии. Эти двое слышали слухи о странных событиях, поняла Далия, и тогда смогла догадаться, какой из домов Глубоководья по их мнению пригласил её в город.

- Без особой причины, - ответила ей женщина. - Может быть, мы знакомы с ними и могли бы предложить какой-нибудь способ для вас справиться с этой... болезнью.

- О, это не болезнь! - драматично заявила Далия. - И она у меня давно. Меня лягнул упрямый пони — но опять же, повторяю, это случилось, когда я...

Она замолчала, увидев, что мужчина хочет что-то сказать.

- Значит, не Маргастеры? - спросил он, и снова Далия сдержала усмешку, поскольку именно это хотела услышать.

- Лягнул, когда я была молода, - закончила она, - и с тех пор меня преследуют эти голоса. Думаю, маленькое чудовище вбило призрак в мою голову!

Она рассмеялась, потом сделала паузу и спросила: «Маргастеры?», как будто никогда раньше не слышала этого имени.

Молодой лорд и леди снова переглянулись, женщина закатила глаза, а мужчина, судя по виду, был крайне разочарован.

- Что ж, наслаждайтесь балом с вашими голосами... то есть, друзьями, - сказала женщина, уходя прочь и забирая с собой спутника, открыв Далии путь к Реджису.

Далия ещё несколько мгновений следила за ними, а когда женщина оглянулась, с безумным видом закатила глаза. Она знала, что ей не следует вот так выделяться, но иногда просто не могла удержаться.

Покончив с играми, она направилась к Реджису, который стоял в гардеробе прямо перед главным залом, расставаясь со своим поясом, перевязью, и наконец, с нескрываемым сожалением — со своим драгоценным ручным арбалетом.

Он обернулся прежде, чем она подошла, его лицо просияло, когда полурослик узнал её, но Далия быстро подняла руку и потёрла глаз — сигнал Бреган Д'эрт притвориться, что они незнакомы.

- Такая прекрасная эльфийка на балу в Глубоководье, - громко сказал Реджис, когда она подошла, и грациозно поклонился. - Я не привык к таким неожиданным радостям.

Он взял её за руку и поцеловал. Далия решила, что это выглядит крайне глупо.

- Как вас зовут, прекрасная леди?

- Далия Син'далай, - ответила она.

- Паук... - начал он.

- Паррафин, - закончила она. - Конечно же, я знаю кто вы и знаю, что Ухмыляющиеся Пони защищают Торговый путь. Кто же не слышал об удалом полурослике?

Она постаралась не рассмеяться при виде растерянности Реджиса.

- По правде говоря, о герой, я пришла сюда в надежде встретить вас, - сказала Далия. - Может быть, найдём тихое местечко, чтобы обсудить планы на вечер? Проверить, не совпадают ли они, я хочу сказать.

Мужчина, собиравший плащи и оружие, понимающе ухмыльнулся и даже подмигнул Далии поверх головы полурослика.

Реджис обернулся на каблуках, чтобы забрать свои вещи.

- Я только что прибыл, - сказал он, изображая разочарование. - Но как я могу отказать женщине с такими очевидными прелестями?

Коснись одной из этих прелестей, и я тебя прикончу, подумала Далия, но не произнесла этого вслух. Она не особенно любила полуросликов в целом, и более того, не слишком симпатизировала компаньонам Халла.

- Мы скоро вернёмся, - сказала мужчине Далия, забирая собственный плащ. Она схватила Реджиса за руку и вытащила его из комнаты.

За просторным фойе и дальше по коридору были приготовлены несколько комнат — спальни и гостиные для бесед, с барменами и широко расставленными для частных разговоров столами. Далия не слишком доверяла таким гостиным — однажды на балу Артемис Энтрери с коллегой по Бреган Д'эрт распустили в этих комнатах пару слухов, чтобы посмотреть, не разойдутся ли они — и слухи разошлись. От подслушивания такие помещения не защищали.

Зато спальни, скорее всего, защищали — несколькими годами ранее одну семью из Глубоководья поймали за подслушиванием чужого свидания и по-прежнему стыдили за склочничество и вмешательство в чужие дела. В конце концов, Далия знала, что благородные семьи Глубоководья, впрочем, как и все остальные благородные семьи, не так уж отличались от дроу Мензоберранзана или Красных волшебников Тэя: можно было делать всё что угодно, пока ты избегал наказания, но любое вмешательство и сплетни о таких тайных играх в «приличном» обществе были недопустимы.

Она грубо затащила Реджиса в одну из спален и закрыла на ними дверь. Полурослик воскликнул:

- Леди, да вы настоящий агрессор!

- Что ты здесь делаешь? - потребовала Далия, когда дверь была закрыта.

- Я...

- Кто сказал тебе прийти сегодня сюда? Ты что, хочешь раскрыть меня, дурень?

- Нет, госпожа. Многое... Я хочу сказать, у меня не было выбора.

- Объясни, - потребовала Далия, скрестив руки и меряя бедного полурослика разъярённым взглядом.

Реджис нервно огляделся.

- Нас никто не слышит, - сказала Далия.

И Реджис объяснил. Он рассказал ей про Терновый Оплот и демонов, про нападение на Кровоточащие Лозы и Гонтлгрим, о том, как он и другие Ухмыляющиеся Пони решили, что нужно отправиться в Глубоководье и умолять о

вмешательстве, иначе всё будет потеряно — даже Лускан, к которому вдоль побережья Меча направляется флот вторжения.

Далия не смогла злиться на Реджиса дальше, пока он объяснял, и её скрещенные руки постепенно опустились.

- Я пришёл сюда только потому, что надеялся встретить тебя или Энтрери, - закончил Реджис. - Я не знаю, кому из лордов можно верить, а любое неверное слово может закончиться катастрофой.

Далия кивнула. Она знала, что Реджис сделал всё правильно, и его осторожность была оправдана.

- Никому не говори, - предупредила его Далия. - Возвращайся на бал и развлекайся всю ночь напролёт, как умеешь — только без выпивки или курева!

- Я уже принял необходимые предосторожности, госпожа, - сказал он с хитрой усмешкой, и повинаясь импульсу, прошептал: «Ради любви к розовому жемчугу», волшебную фразу для кошель, который на самом деле был бездонной сумкой с крупным надразмерным карманом. Он сунул руку внутрь и вытащил небольшой флакон, затем второй.

- Этот защитит от яда, даже от алкоголя или любых других наркотиков, - сказал он Далии, протягивая флаконы. - А этот...

Он злобно оскалился и поднял флакон повыше, встряхнув его, показывая розовый овал, плавающий в полупрозрачной фиолетовой жидкости.

- Этот позволит тебе читать чужие мысли, особенно если жертва пьяна.

Второй флакон он тоже отдал ей.

- Они могут быть полезны, хотя вряд ли тебе потребуется это снадобье, чтобы прочесть мысли любого мужчины, с которым ты будешь разговаривать.

- Играешь на моём тщеславии? - отозвалась Далия. - Ты просто очарователен.

- Просто говорю правду, и не притворяйся, что сама этого не знаешь — и не знаешь, как этим пользоваться, - сказал Реджис, и когда Далия подняла бровь, он быстро добавил: - Потому что я поступаю точно так же, как и моя жена Доннола.

По крайней мере, это вызвало смех.

Далия оглянулась вокруг, хотя они были в небольшой закрытой комнате и рядом никого не было, затем подошла ближе и прошептала на ухо Реджису адрес.

- Южный квартал, - пояснила она. - Сегодня, после полуночи. И будь осторожен. Будет лучше, если ты пока что останешься в живых.

Реджис кивнул, затем закрыл глаза и повторил про себя адрес, чтобы закрепить его в памяти, как научился за годы, проведённые в доме Тополино в Агларонде — где бумажные следы означали повешенных воров.

Когда он снова открыл глаза, Далия уже исчезла, вернувшись на бал.

Пожав плечами, полурослик отправился следом. Ему предстояло убить какое-то время, так что можно было немного поразвлечься и посмотреть, что он сумеет разузнать.

- Ты проснулся.

- Ага, типа того. Очень жаль, - звук собственного голоса, неровного и надломленного, напомнил Атрогейту, каким жалким и слабым он себя чувствует —

как будто каждый сустав в его теле проткнули колом, как будто с него сняли кожу, а потом натянули обратно, только с кусачими насекомыми внутри. Ему было слишком жарко и слишком холодно одновременно, и одна только мысль о еде вызывала позывы к рвоте.

- Скоро у меня будут новые заклинания, способные облегчить твою боль, - сказала Ивоннель.

Дварф с огромным усилием приподнялся на локте и огляделся вокруг. Он по-прежнему лежал на волшебном диске, и тот двигался, следуя за Ивоннель, когда она медленно шла по дороге, ведя под уздцы пони Реджиса. На север, понял Атрогейт, потому что вода была слева от них.

- Ещё на побережье? - спросил он, опускаясь обратно, поскольку чувство движения и проплывающая мимо земля заставили его внутренности взбунтоваться. Ему потребовалось какое-то время, чтобы добавить: - Думал, мы повернём к Утёсам и Гонтлгриму.

- Там стоит армия демонов, - ответила Ивоннель. - Мы никому не сможем там помочь, тем более, пока ты в таком состоянии.

- Чушь! - он почувствовал, как остановился диск. Потом Ивоннель выросла над ним, глядя сверху вниз.

- Добрый Атрогейт. Предупреждаю тебя, что ты ещё не исцелился и крайне далёк от выздоровления, - сказала она. - Я делаю всё, что могу, и буду продолжать, конечно же, но не думай, будто твоё выживание — вопрос решённый.

- Хорошо, - пробормотал он, как только расшифровал поднятую бровь и немного туманное замечание.

Ивоннель схватила его за ворот и заставила посмотреть на себя.

- Я могла оставить тебя умирать, - спокойно сказала она, - если бы и вправду считала, что ты хочешь умереть, или что твоя жажда смерти не основана лишь на огромной боли от потери любимой.

- Да чё ты вообще знаешь? - спросил дварф.

- Больше, чем ты можешь себе представить, - ответила дроу. - Ты думаешь, что я молода, но мои воспоминания старше, чем у самых старых существ, которых ты можешь когда-либо повстречать. Старше Джарлакса на века.

Атрогейт хмыкнул.

- Посмотри на меня, дварф, - тихо потребовала Ивоннель, и он подчинился, пускай даже с гримасой, которую просто не смог стереть с лица. - Я понимаю твою боль. Я испытывала её много раз.

К своему удивлению Атрогейт обнаружил, что верит ей.

- Она всегда будет там, но она *ослабнет*, и для тебя, конкретно для тебя, она станет ещё слабее, если ты будешь знать, что справился с этим, почтив память твоей возлюбленной Амбер.

- Ты, значит, думаешь, что знала её?

- Хотелось бы, - искренне ответила Ивоннель. - Но я слышала о ней. Я знаю, что говорят другие об Амбер. Я знаю, что ты говорил о ней. Амбер не была трусихой, и если бы она сейчас была здесь, а убит был Атрогейт...

- Если бы!

Ивоннель улыбнулась и кивнула, признавая его правоту.

- Она сказала бы именно так, о чём я и говорю.

Слова попали в цель. Атрогейт не мог с ними спорить.

- И я думаю, что она вышла бы из тьмы в своём сердце, чтобы почтить память Атрогейта. Амбер, если она действительно была такой, как заявляешь ты и остальные, приняла бы мою помощь и боролась бы с ранами, пускай даже только ради того, чтобы причинить огромную боль тем, кто отнял тебя у неё.

На это Атрогейту сказать было нечего. Умная женщина, подумал он. Обратила мои слова против меня самого!

Ивоннель наклонилась очень близко.

- Я собираюсь снова сделать тебя здоровым и сильным, - прошептала она. - Если ты так упёрся в мысли о собственной смерти, так не бойсь наказать чудовищ, которые отняли у тебя любимую.

- Да, девочка, ты хорошо говоришь.

- И я буду рядом с тобой, Атрогейт. Что скажешь? За Амбер Гристл О'Мол из адбарских О'Молов?

Дварф улыбнулся, тепло и широко, а потом закрыл глаза, когда Ивоннель стала читать заклинание, пославшее волну тёплого исцеления по его телу, заставляя Атрогейта падать и падать в глубокий сон.

- Почти с тех самых пор, как я вернулся из Подземья, мы всё время торчим в этом проклятом городе, - сказал Реджису Артемис Энтрери, когда намного позже той же ночью полурослик присоединился к ним с Далией в жилище в южном квартале Глубоководья. - И у нас обоих нет ни малейшего понятия, кто здесь друг, а кто здесь враг.

- Времени выяснять у нас тоже нет, - ответил Реджис. Он пытался сохранять спокойствие, пытался напомнить себе, что на кону стоит всё, и что главная причина, по которой он решил воспользоваться шансом начать жизнь заново — преуспеть именно в таком положении. Но полурослик не мог отрицать, что Артемис Энтрери его пугает. Реджис знал всё, что говорили об этом мужчине, о том, как он вырос и стал лучшим человеком, союзником.

Но продолжал нервно поигрывать с оставшимся обрубок его левого мизинца, потерянного в этой жизни и по странному совпадению почти точно повторяющим обрубок, который он носил почти всю свою первую жизнь, после того, как этот самый Артемис Энтрери отрезал полурослику палец, чтобы отправить послание Дзирту.

Реджис задумался: сможет ли когда-нибудь время и хорошие поступки полностью это стереть?

- Значит, ты решил открыто заявить о своём присутствии? - спросил Энтрери, едва сдерживая ухмылку. - Да, я знаю про твои игры во дворце Неверэмбера и про то, как Паук Паррафин выпивал с парой дам из Глубоководья в таверне Плавника в Невервинтере.

- Как ты...

- А если знаю я, знает и половина Глубоководья. По крайней мере, половина из тех, кто хотели бы знать. О чём ты думал, когда в открытую заявился в ту таверну?

Неужели ты достаточно глуп, чтобы считать, будто никто не поймёт, что имена Паук Паррафин и Реджис принадлежат одной и той же персоне?

- Я... в то время у меня не было причин скрывать свою личность, - попытался объяснить полурослик. - Никто не знал, что я в городе, и поскольку моей целью была законная торговля вином из Кровоточащих Лоз, казалось, что в прикрытии нет необходимости. Тогда мы понятия не имели, насколько глубоким — нет, насколько демоническим окажется заговор.

- Зато теперь имеешь, - парировал Энтрери, - и всё равно пришёл на сегодняшний бал под именем Реджиса Тополино, или Паука Паррафина, или как ты там себя сейчас называешь.

У Реджиса скрутило живот, но он усилием воли прогнал это чувство прочь.

- Сильные слова для Баррабуса Серого, - возразил он, вызывая фыркание Энтрери.

- Не притворяйся, что понимаешь меня, - предупредил Энтрери, удерживая своё агрессивное превосходство и не желая обсуждать давно прошедший период своей жизни, когда он был в рабстве. - Спрошу снова: почему ты пришёл сегодня на тот бал?

- Потому что рассчитывал встретить тебя, - ответил Реджис, - или Далию, или кого-то из наших людей. В мои годы в доме Тополино ни один бал в Дельтангле не обходился без наших агентов.

- Но в открытую? - вмешалась Далия.

Реджис пожал плечами.

- Как мне было получить приглашение, если бы я не представился Реджисом из Кровоточащих Лоз, другом короля Бренора Боевого Молота?

Он решительно повернулся обратно к Энтрери.

- Никто не упоминал битву на севере. Никто даже глазом не моргнул, когда они узнали мою личность, хотя скорее всего Кровоточащие Лозы прямо сейчас находятся в осаде.

- Кровоточащие Лозы полностью разрушены, - ответил убийца.

Реджис начал отвечать ещё прежде, чем Энтрери закончил предложение, но от тяжести слов убийцы у него перехватило дыхание.

- Госпожа Доннола жива и здорова, - быстро добавил Энтрери, и в его голосе был нечто необычное. Сочувствие? - Почти все жители деревни спустились на трамвае в Гонтлгрим и выжили, но теперь сам Гонтлгрим попал в осаду.

Реджис отчаянно и напрасно пытался вернуть себе дар речи.

- Лорды Глубоководья наверняка знают, что происходит в Утёсах, - продолжал Энтрери. - Но не хотят, чтобы кто-то другой, и ты в особенности, знал, что они знают.

- Но почему?

- Потому что тогда им придётся что-то с этим сделать, - сказала Далия, и Энтрери кивнул.

- Бедный маленький дурак, - добавил Энтрери. - Ты по-прежнему надеешься на благородство и альтруизм фаэрунских дворян.

- Король Бренор тоже дворянин, - напомнил Реджис.

- Бренор не типичный представитель правящего класса, - сказал Энтрери. - В первую очередь тебе следует это понять.

- Я вовсе не наивный бродяга.
- Ну так прекрати вести себя таким образом.
- Кажется, ты считаешь, что у меня есть какой-то выбор!
- Разумное замечание, - вмешалась Далия.
Энтрери задумался на мгновение, потом кивнул.
- Значит, ты прибыл, чтобы оповестить Глубоководье и собрать войска.
- Я надеюсь благодаря вашим сведениям сначала отделить друзей от врагов.
Энтрери кивнул.
- Жаль, что всё не так просто. Зато мы знаем главного врага.
- Маргастеры, и скорее всего — сам Неверэмбер.
- Лорд Дагульт остаётся в Невервинтере, насколько я могу судить. Но да, Маргастеры замешаны в этом по уши. Не стоит их недооценивать.
- Я видел их сокровищницу.
- Это всего лишь часть. Судя по всему, они купили молчаливое согласие — если не сотрудничество — ещё нескольких благородных домов и половины городских стражников.
- Этого мы не знаем, - возразила Далия.
- Я предпочитаю считать именно так, - ответил Энтрери. - Мы знаем, что это касается по крайней мере некоторых, а я не верю, что Маргастеры склонны к полумерам.
Когда Далия не стала спорить, наступила неуютная тишина. Повисший в комнате страх можно было почти потрогать, пока Реджис не нарушил молчание слабым: «Что будем делать?»
- Мы знаем голову змеи, - тихо ответил Артемис Энтрери и посмотрел этим взглядом, этим ужасным взглядом — ужасным, хотя Реджис знал, что на сей раз цель не он! — который стал неотъемлемой частью его репутации за минувшие годы.
- В таком случае, не вижу причины вызывать к чувству справедливости соответствующих властей, - согласился полурослик, подражая смертоносному тону убийцы так хорошо, что Энтрери поднял бровь.
Реджис принял это за комплимент.
Но его мгновение гордости оказалось недолговечным, поскольку дверь в комнату распахнулась от удара и внутрь влетело нечто, похожее на комок дьявольской грязи.

ГЛАВА 11

Трепачки в сказкофагии

- Да, только вы не врубаетесь, - сказал Айвен Валуноплечий королеве Малабритчес Боевой Молот. - Это саркофаг Тибблдорфа Пвента. Того самого Пвента.

- Сказкофаг! - хихикнул стоящий на противоположной лестнице Пайкел. - Хи-хи-хи.

- Ещё как врубаемся, - ответила королева Танабритчес. - Мы врубаемся, что двое dwarфов торчат на лестницах в тронной зале нашего мужа, всего в двадцати шагах от престола dwarфийских богов, пытаюсь сломать монумент, который поставил сюда король Бренор. Чего тут непонятного, валуноплечие дурни-трепачки?

- Почему мы это делаем, - сказал Айвен.

- Трепачки в сказкофагии, хи-хи-хи, - провозгласил Пайкел.

Остальные трое вздохнули в унисон.

- Потому что хотите, чтоб вам Бренор кулаком в глаз сунул? - попробовала угадать Малабритчес.

- Хмпф! - фыркнул Айвен.

- Мыши вы летучие, - объявила Маллабритчес.

- Не, мы думаем, что это Пвентмышь летучая, - ответил Айвен, и королевы Гонтлгрима недоумённо переглянулись. Прежде чем одна из них успела ответить, тронный зал, который находился сразу за стеной у тёмного озера входной пещеры, содрогнулся под тяжестью прогремевшего снаружи взрыва. Дверь распахнулась от пинка часового.

- Драка! - закричал он. - Демоны вернулись! К оружию!

- Там Бренор с Джарлаксом и батяней Дзирта, - сказала сестре Таннабритчес, и они помчались за оружием и доспехами.

- Ну, пойдём колотить демонов, - сказал Айвен Пайкелу, но Пайкел в ответ покачал головой и поводит пальцем.

- У-ум.

- Ты ж их слышал!

Пайкел как будто не слушал его, вместо этого работая над одним из засовов с задней стороны саркофага, отодвинутого ими от стены.

- Ты чё, правда в этом уверен? - спросил Айвен.

- Угумс-угумс.

Освобождённый саркофаг немного сдвинулся, когда Пайкел просунул внутрь руку. Айвен наморщился, решив, что его брат сейчас ухватит гниющее тело за задницу.

- Не-а, - сказал Пайкел.

- Что «не-а»? Его там нет?

- Не-а, - повторил dwarф, качая своей зеленовласой головой.

- А где же он тогда? - спросил Айвен.

В ответ Пайкел громко зашипел, приложив руку к губам и двумя пальцами изображая вампирские клыки.

- Прекрати!

- Хи-хи-хи! Не-а.

Айвен вздохнул.

- Где ж ты есть, тупой Пвент? - прошептал он. Он схватился за края лестницы и быстро соскользнул на пол, а Пайкел снова закрыл саркофаг и задвинул его на место. Старый Айвен Валуноплечий почесал свою жёлтую бороду, не зная, как сообщить своему другу Бренору, что у них появилась ещё одна проблема.

Помещение вздрогнуло от нового взрыва. Айвен взял свой топор.
Проблемы надо было решать по мере их поступления.

С высокой платформы трамвайной станции на другом конце подземного озера Бренор следил за битвой, развернувшейся в просторной и высокой пещере. В данный момент боевые действия шли далеко в глубине, взрывалось пламя и сверкали молнии, и резкие вспышки света неизбежно выхватывали из мрака уродливые фигуры демонических пехотинцев. Рога трубили ноты организованной обороны стратегических позиций дварфов, эхом звучали крики, умоляющие о подкреплениях у того или иного сталагмита, и призывы к отступлению на позициях, которые вот-вот должны были пасть.

Бренор изо всех сил пытался не обращать внимания на эти сигналы и крики. Его войска долго готовились к этому дню. Они знали свои роли — когда сражаться, как сражаться, когда следует отступить, какие позиции можно оставить, а какие следует удерживать до последнего дварфа.

У Бренора тоже была роль — прямо здесь, на последней линии обороны перед стенами самого Гонтлгрима.

Тибблдорф Пвент был для него потерян. Атрогейт и Амбергрис были для него потеряны. Дагнаббит была королевой Мифрил-Халла и не могла прийти к нему, пока эти магические ворота не будут наконец открыты.

Дзирт был где-то там. Вульфгар был не здесь, а в Лускане. Реджис отправился в Глубоководье. Кэтти-бри была беременна и оставалась дома в Длинной Седловине. Дварфийскому королю было очень одиноко.

Он покосился направо, туда, где через стену недавно перемахнули Джарлакс и Закнафейн.

- Значит, дошло до этого, - пробормотал он, но не позволил сомнениям одолеть своё упрямство и непоколебимую решительность. Он был Бренором, королём, который отправился в Долину Хранителя, чтобы повернуть целое войско вспять.

Он был королём Бренором, который отвоевал Мифрил-Халл и привёл его к новым высотам процветания и славы. Королём Бренором, который отвоевал Гонтлгрим и управлял богоподобным предтечей, питавшим самую большую магическую кузню Фаэруна.

Он был королём Бренором, объединившим — или тем, кто вскорости объединит — делзунских дварфов в единую силу.

Он был непобедим.

И всё же ему стало куда легче, когда на этой платформе по центру внешней стены, на другом берегу небольшого пруда у стен Гонтлгрима, к нему поспешили присоединиться двое старых друзей.

- Туть! Туть! - дёргал Пайкел своего брата, указывая на клочок земли справа, между трамвайной стеной и озером, в той стороне, где пропали два дроу.

- Мой брат хочет... - начал Айвен, но замолчал, когда Пайкел оборвал его словами «Мой брательник!»

- Да, он хочет, чтобы ты провёл своих дварфов внутрь через ворота справа, - закончил Айвен, указывая на то же место, куда только что указывал Пайкел. - У него

есть небольшой сюрприз, который удержит демонов и подаст их орудиям и арбалетчикам на блюдечке с золотой каёмочкой.

Бренор перевёл взгляд с одного Валуноплечега на другого, наконец кивнув, чтобы показать, что он им доверяет.

- И вот ещё, если позволишь, - сказал Айвен, протягивая большой патронташ с тяжёлыми арбалетными болтами необычного вида. Он вытащил один болт и показал его Бренору.

- Старая разработка, - пояснил он. - Дело рук Кэддерли.

- Кэддерли! Бум! - сказал Пайкел.

- Ага, бум, - согласился Айвен, указывая на обнажённую середину крупного болта, где был расположен крупный флакон с какой-то жидкостью, удерживаемый лишь тонкими полосочками металла, бегущими от передней части к задней. - Ударив в цель, они разворачиваются. Когда они разворачиваются...

- Бум! - счастливо объяснил Пайкел.

- Ударное масло, - заметил Айвен. - Оно уж наверняка даст о себе знать.

- Раздай их стрелкам, добрый дварф, - сказал Бренор Айвену.

- Туть! Туть! - повторил Пайкел, бешено тыча рукой в место справа.

- Да, туть, - подыграл ему Бренор, используя собственное словечко дварфа.

- Хи-хи-хи.

Бренор прокричал своим командирам вдоль стены:

- Следите за вспышками! Передайте парням по всей пещере, что у нас есть друзья, которые наводят их огонь!

- Где мы тебе нужны, наш король? - раздался позади него женский голос, и Бренор обернулся, чтобы увидеть, как две его королевы, метко прозванные Кулак и Ярость, спешат присоединиться к нему на платформе. Усеянные шрамами от многочисленных битв и полные боевого задора, как Тибблдорф Пвент в гоблинской гостинице, могучие и готовые к битве королевы-сёстры серьёзно подняли ему настроение.

- Здесь, рядом со мной, - сказал он, и они действительно были ему нужны — как и братья Валуноплечие.

Король Бренор Боевой Молот кивнул и выпятил свою мускулистую грудь. Он был не один.

Делая прыжки и пируэты, со стены на пол, с пола на стену, Джарлак и Закнафейн с каждым броском и кувырком пересекали друг другу путь, один всегда прикрывал мечами движения другого. Они мчались мимо слабых и сильных демонов, наносили слабые и сильные удары, и всегда поражали цель, прежде чем кто-либо мог их коснуться, исчезая за следующим сталагмитом в свободном забеге, как сказал Закнафейн, делая сальто, прыжки, пируэты, ускользая от орды разгневанных демонов за спиной.

- Кровавая черта, - крикнул Джарлак, приземлившись на широком и открытом пространстве, что заканчивалось парой толстых сталагмитов с вырезанными высоко наверху проходами.

Закнафейн сунул руку в кошель и достал горстку глиняных шариков, специально покрытых волшебным маслом, чтобы сдержать бурлящую внутри силу. Он швырнул их за спину, зная, что один из орды преследователей разобьёт оболочку и выпустит магию.

Он побежал наверх и вправо, поднимаясь по склону холма, затем прыгнул, приземлился на бегу в бешеном темпе и пересёк дорогу Джарлаксу, когда командир наёмников таким же манёвром бросился в противоположную сторону.

Проход позади них осветился, когда орда демонических преследователей растоптала шарики, выпустив заточённый внутри ослепительный магический свет. Реакция была почти мгновенной — дали залп боковые катапульты dwarфов, а над головами у дреу расскледи воздух снаряды баллист.

Позади них под этим огнём дюжинами гибли слуги демонов.

Дреу обогнули крупный холм, пересекли боковой канал, а потом другой, повернув обратно и направляясь примерно в сторону Гонтлгрима, разыскивая другой проход, подходящий для бойни.

Дзирт с возрастающей радостью и восхищением наблюдал за мчащейся парочкой со стороны — радостью от того, с какой готовностью его отец рискует своей жизнью ради доброго народа Утёсов!

С Тулмарилом в руках следопыт наблюдал за прогрессом двух бегущих дреу, изумляясь их движениям и согласованности, мгновенно расшифровывая элементы, заставляющие их как будто случайно делать пируэты и пересекать друг другу путь. Дзирт вышел из-за сталагмита, и двое дреу снова оказались в поле его зрения, когда преодолели более широкий поворот. А затем Дзирт заметил группу летающих демонов-чазмов.

Оставляя за собой волшебный серебристый свет молний, его стрелы пронеслись за спинами Джарлакса с Закнафейном, угодив прямо в раздутые лица отвлечённых демонов.

Кувыркаясь в воздухе, один за другим чазмы падали на землю и разбивались. Пустив в полёт последнюю стрелу, Дзирт развернулся и согнул волшебный лук, снова складывая его, чтобы тот уместился на его поясную пряжку, а затем бросился бежать.

Джарлакс и Закнафейн преодолели очередной поворот, но на этот раз между ними мелькнул ещё один спутник, проскользнув в прыжке мимо Закнафейна, приземлившись прямо перед Джарлаксом и побежав дальше, чтобы держаться наравне с мчащейся парочкой.

- Сферы! - крикнул Джарлакс, когда они свернули за очередной угол, оказавшись слева от трамвайной станции, и взорам дреу открылась внешняя защитная стена. Они с Закнафейном сделали перекрёстное сальто, выхватив пригоршни керамических шариков, а Дзирт бросился в сторону, нашёл окутанное тенью место на сталагмите и снова достал с пряжки на поясе свой волшебный лук.

Показались демоны, слишком увлечённые погоней, чтобы понять, что снова давят световые шарики, открывая свою позицию.

В них полетели шары из катапульта и снаряды баллист, принося с собой опустошение, пронзая и уничтожая, и следопыт-дроу с изогнутым луком сделал эту бойню ещё страшнее — Дзирт До'Урден пускал стрелу за стрелой, и снаряды были намного эффективней из-за плотности демонической орды, ведь стрелы Тулмарила пронзали первую цель насквозь и поражали вторую, а во многих случаях — даже третью.

Демоны плавились под этим угасающим градом, и им потребовалось немало времени, чтобы заметить присутствие Дзирта и его лука.

Когда это случилось, погоня приобрела новое измерение, но Дзирт уже был готов.

- Гвенвивар, ты нужна мне, - обратился он к своей волшебной статуэтке, и за его спиной сгустился серый туман, когда на зов явилась верная пантера, возникнув прямо перед несущимся в атаку ввроком и сразив демона-стервятника так же легко, как настоящий леопард мог сразить петуха.

Дзирт бросился дальше с саблями наголо. Он увидел ещё одну область, озарённую светом глиняных шариков, и вся пещера содрогнулась от оглушительной вибрации боковых катапульта. Он прыгнул на вершину низкой стены, заметил шестирукую марилит, в каждой руке сжимавшую меч — и двинулся наперехват.

Дзирт подался перед ней вправо, прыгнул на низкий камень, бросился с него на демоницу, и его клинки зазвенели, отражая множественные атаки. Сабля в правой руке, Ледяная Смерть, пошла наружу, широко отводя три демонических меча, затем вернулась, обогнув их, отбивая удары другого оружия демона.

Клинок Дзирта устремился вниз и наружу, и дроу развернулся и нанёс удар ногой, высоко и быстро, попав противнице прямо в лицо и оглушив её.

С протестующим шипением марилит подняла все шесть рук вверх по сторонам, как орёл, готовый спикировать на жертву.

Но сразу же отлетела назад, поражённая живым снарядом из мышц, когтей и клыков.

Дзирт не мог ждать и побежал дальше, выпуская стрелу за стрелой, чтобы осветить путь и очистить его от демонов. Вскоре рядом с ним уже бежала Гвенвивар. Он снова разделился с отцом и Джарлаксом, но те в нём не нуждались. На самом деле, глядя на их безупречные движения, он даже боялся, что может стать помехой.

Они знали, что Дзирт здесь, бежит и стреляет, прыгая по сталагмитам и меняя направление слишком часто и слишком быстро, чтобы любой из захватчиков мог за ним угнаться.

А если бы и могли, Дзирт знал эту пещеру как свои пять пальцев. Он знал, где расположены дварфийские арбалетки, знал огневые позиции баллист и катапульта.

Демонам придётся дорого заплатить за погоню за ним.

В пещере ревел демонический огонь. Вокруг сталактитов, во многих из которых были вырезаны комнаты и располагались арбалетки и наводчики, носились стаи чазмов. Бросаясь на дварфов, демоны сталкивались с плотным огнём, и один болт за другим сбивали их на землю.

Но противников было слишком много, и несмотря на все потери, большую часть которых понесли нападавшие, дварфам снова и снова приходилось отступать, отползая по тоннелям в потолке к следующей оборонительной позиции, и по мере того, как число этих позиций сокращалось, всё больше дварфов были вынуждены отходить к самой трамвайной стене и спуститься по гладким шестам в специально подготовленных шахтах.

- Дальняя треть потеряна, - сказал своему королю и двум королевам на стене МакКорбис Огранщик.

- Выбрались все? - спросил Бренор.

Дварф, истекающий кровью из десятков порезов и синяков, приобретённых во время быстрого преодоления тесных каменных тоннелей, в ответ только пожал плечами.

- Не видел, чтобы кто-то умер, но слышал крики. Крики дварфов.

Бренор мрачно кивнул и похлопал дварфа по плечу, затем окинул взглядом пещеру. Битва приближалась.

- Мы удержим их здесь, даже не сомневайся, - сказала королева Танабритчес.

- Да, а потом отбросим назад через всю пещеру, вверх по тоннелю, и просто ради веселья я перееду их на трамвае!

Где-то сбоку, совсем рядом, щёлкнул арбалет.

- Придержите стрелы, парни! - проревел Бренор, потом добавил для тех, кто стоит рядом: - Это могут быть наши.

Он оглянулся на своих королев и кивнул, и те бросились передавать его приказ по рядам.

Однако не успели сделать и шага, когда в пещере сверкнула ослепительная вспышка и высоко на потолке прогремел взрыв. Полетели камни, и вместе с ними сверху полетели дварфы.

- Они нашли наши тоннели! - воскликнул Бренор. - Поднимайте луки! Айвен!

Он оглянулся и увидел братьев Валуноплечих у тёмного пруда между платформой и правой стеной.

- У нас тут парни бегут назад, - крикнул им Бренор.

Айвен указал напрямик на ворота на той стороне, возле которых как раз проходили они с Пайкелом.

- Тудыть! - закричал в ответ старый желтобород. - Пускай бегут тудыть!

Айвен развернулся и издал пронзительный свист. Бренор оглянулся через небольшой пруд, чтобы увидеть, как дюжины дварфов приготовили к стрельбе арбалеты.

Пещера вздрогнула от очередного взрыва, и из полого сталагмита вырвались языки пламени. Со стен обрушились боковые катапульты, охваченные огнём.

- Соковыжималки! - крикнул Бренор.

Его опытные войска уже принялись за дело, выкатив тяжёлые давящие машины на мост через озеро, затем вниз по раздваивающейся тропе к створкам главных ворот. Машины были всего лишь таранами с плоским передом. Сзади у них тянулись длинные шесты, которые держала команда бегущих дварфов. Привести в движение одну из этих штук было весьма непросто, но намного сложнее было остановить соковыжималку, когда она набирала скорость.

- Ваши братья и сёстры вот-вот будут здесь! - крикнул Бренор дварфам на парапетах. - С демонами, наступающими им на пятки, и летающими демонами сверху. Подарите этим псам быструю поездку обратно в пекло, что их породило!

Закнафейн забрался повыше и прыгнул, широко раскинув ноги и руки, чтобы укоротить прыжок, в результате которого приземлился в нескольких шагах от смахивающего на кабана демона. Охваченная слепой яростью, свирепая тварь бросилась на него, слишком голодная, чтобы заметить вторую фигуру, воспользовавшуюся преимуществом укороченного прыжка Закнафейна.

Между демоном и Закнафейном пролетел Джарлак, рубя слева направо перед товарищем, яростно работая мечами, и как только он оказался за пределами досягаемости оружия, он бешено заработал рукой, сначала швырнув меч, потом создавая кинжал за кинжалом из магических ножен на запястье — череда жалящих снарядов, обрушившихся на демонов.

Странное существо, которое бежало сгорбившись, почти на четвереньках, с каждым попаданием издавало визг, но каким-то образом сумело не отвлечься от Закнафейна и продолжало нестись вперёд.

Но оружейника там не было — тот колесом ушёл влево, но на середине движения развернулся, приземлился и выпрямился. Он ударил демонического зверя, когда тот обернулся, угодив между молотящими бивнями, и его тонкие мечи быстро закончили начатое Джарлаком.

Когда демон рухнул набок, уже растворяясь и дымясь, пока его мерзкая жизненная сила возвращалась на нижние планы, Закнафейн заметил, что вид у Джарлакса совсем не триумфальный.

- Наша игра подходит к концу, - сказал Джарлак, указав подбородком налево, дальше в пещеру, за спину товарища.

Когда оружейник обернулся, он понял, о чём речь — демоны успешно наступали, отбрасывая дварфов к одному укреплению за другим.

На внешней стене — трамвайной стене — защёлкали арбалеты.

- Слева от трамвая, сказал Бренор, - напомнил ему Закнафейн. - Давай приведём дварфам толпу на убой.

- Они уже сражаются на стене, - сказал Джарлак. - Дварфы могли начать полное отступление.

- Насколько ты доверяешь этому королю Бренору?

Джарлак слабо усмехнулся.

- Давай приведём им толпу.

И двое бросились глубже в пещеру, кружным путём, который должен был привести их обратно к трамвайной стене. Дроу старались больше не вступать в затяжные битвы — их целью было заманить врагов, а не увязнуть в боях с чудовищами.

Они высоко прыгали и срезали углы. Закнафейн проскользил на коленях под хлесткий замах огромного молота в толстых мускулистых руках крупного приземистого чудовища, которое показалось из бокового прохода.

Джарлак вместо этого прыгнул, посередине прыжка легонько оттолкнувшись от этого молота, закрутив сальто и приземлившись на бегу.

- Твоя игрушка при тебе? - окликнул его Закнафейн, когда у них над головами возникло войско чазмов и других летающих извергов, пикируя на друзей.

Джарлак кувыркнулся, вскочив обратно со странной, похожей на колесо вещью в руке и хитрой усмешкой на губах.

- Иногда у меня слишком много игрушек, чтоб их помнить, - сказал он, быстро вынимая четыре пера из предмета и засовывая их кончики в отверстия, размещённые на равном расстоянии по внешнему радиусу предмета.

- Акади, - произнёс он командное слово, имя могущественного воздушного существа — и бросился бежать снова. Закнафейн не отставал.

Джарлак старался держать предмет подальше от себя. Перья вращались всё быстрее и быстрее, создавая небольшой вихрь. Наёмник с трудом удерживал его, и Закнафейн заметил, что друг борется с чем-то ещё, как будто Джарлак боялся той силы, что держит в руках.

- Давай! - закричал оружейник, Джарлак зарычал и стиснул предмет изо всех сил, настойчивее прокричав командное слово, требуя всё, на что был способен предмет.

Теперь он держал нижний конец торнадо и очертил им круг, расшвыряв летающих монстров во все стороны. Он направил торнадо обратно в ту сторону, откуда они появились, решив рассеять ближайших преследователей, но как только предмет отклонился, магия просто прекратила действовать. Однако этого хватило, чтобы дать им немного времени.

- Бежим! - крикнул Закнафейн, и они побежали. Орда демонов — десятки младших извергов и даже несколько могучих существ вроде вроков, глабрезу и других чудовищных тварей, больших и ужасных, с шумом бросились в погоню.

Дзирт нырнул на пол и перекатился, как будто в отчаянии пытаюсь убраться из демонического пламени, которое исторгал, по всей видимости, могущественный командир этого штурма — огромный двуногий монстр, создающий вокруг себя поле огня и сжимающий в одной лапе сверкающий красный меч, а в другой — искрящийся молниями кнут.

Балор. Тот самый балор, от которого он сбежал на трамвайной станции наверху.

Дзирт хорошо знал эту разновидность демонов — он несколько раз сражался с ними, в особенности с одним из балоров, Эррту. Он знал их огненные щиты, простирающиеся из массивных тел, с каждым шагом массивных ног исторгающие пар и шипение. Он знал их ужасные кнуты.

Он знал.

Но этот балор, похоже, не знал его, ведь Дзирт услышал триумфальный смех противника, когда сделал кувырок и протиснулся сквозь пламя.

Поскольку если бы демон знал, с кем имеет дело, он знал бы, что этот огонь не может навредить Дзирту До'Урдену, пока тот держит Ледяную Смерть, клинок, жаждавший саму жизненную силу этих огненных созданий.

Дзирт не хотел, чтобы балор это понял, поскольку понимал балоров. Такие жестокие существа захотят поиграть со своей жертвой перед убийством.

Поэтому Дзирт перекатился и закричал. Кнут щёлкнул совсем рядом и действительно ужалил его, так что он закричал опять, потом сжался в комок. Локти, колени. И лицом в горячий пол. Он услышал, как приближается чудовище — очень уверенно, огромный демон даже не пытался скрыть свои шаги. Огромная ступня поднялась, чтобы обрушиться на Дзирта...

...и следопыт-дроу быстро перекатился на спину, упирая в пол рукоять Ледяной Смерти, вцепившись в неё изо всех сил и со всей решимостью, когда огненный демон наступил на клинок.

Как балор взвыл!

Как балор забился!

Он запрыгал и завопил, когда Ледяная Смерть стала пожирать его жизненные силы, и со всех своих титанических сил хлестнул ногой, отправив Дзирта по полу кувыркком.

Дроу перекатился, безупречно управляя телом, чтобы воспользоваться инерцией этого броска, когда вскочил на ноги, высоко подпрыгнул и ударил ногой с разворота, попав прямо в лицо бросившемуся следом исполину.

Обычно балор не обратил бы внимания на такой удар от крохотного эльфа, но этот удар обычным не был. Тренировки с магистром Кейном научили его концентрировать собственную жизненную энергию и направлять её сквозь конечности с разрушительным результатом. Так что когда его ступня столкнулась с лицом демона, голова врага отдёргнулась, он отступил назад на подгибающихся ногах, красные глаза разошлись в стороны, и между острыми, похожими на ножи зубами вывалился длинный язык.

Дзирт больше всего на свете хотел налететь на врага и продолжить бой, но демон был не один, вовсе нет, и множество других чудовищ были уже рядом.

Промедление дорого ему обошлось.

Балор расправил свои огромные крылья и выпятил грудь, выбросил вперёд руку, ударив на полную длину своего страшного кнута. Убегая, Дзирт почувствовал боль, — острую, полную огня и полную яда боль.

Бренор нервно выглядывал с правой половины защитной наружной стены, значительно ниже трамвайной станции, над воротами, которые указал Айвен. В поле зрения возник большой отряд отступающих dwarфов, бегущих со всех ног, и преследующая их по пятам толпа монстров. Дварфийский король вздрагивал всякий раз, когда демоны сбивали с ног и пожирали отбившегося от группы dwarфа.

- Прикройте их! - крикнул он стрелкам. - Стреляйте выше dwarфов и ниже демонов! И убейте этих проклятых мух-переростков!

На стене пропели арбалеты, но залп казался жалким по сравнению с огромным числом демонических тварей.

- Бегите, мои парни! - кричал отступающим войскам Бренор, колотя своим усеянным зарубками топором по сверкающему щиту. - Ко мне! Ко мне! Если хотите жить, ко мне!

К дварфийскому королю из тьмы над потолком устремился опередивший орду и убегающих дварфов демон-чазм.

Но Бренор увидел его. Одна лишь выдержка заставила его не двинуться с места, до самого последнего мгновения делать вид, что ничего не замечает, а затем взорваться в резком развороте, выбросив правую руку со всей скоростью и силой, которые только мог собрать дварфийский король. И его топор, это легендарное оружие, заново зачарованное в Великой кузнице Гонтлгрима, рассёк демона надвое, практически на две ровных половинки, от человеческого лица до насекомой задницы.

Дварфы радостно закричали. Арбалеты дали новый залп.

- Бегите, Боевые Молоты! - дюжины, а затем и сотни голосов подгоняли убегающих сородичей.

Бренор посмотрел вниз за стену, заметив, что готовая распахнуть створки ворот команда уже на месте. Он перевёл взгляд немного дальше, чтобы увидеть Пайкела Валуноплечевого. Тот стоял с решительным видом, закрыл глаза и что-то бормотал.

- Доверься глупому ду-иду, - тихо напомнил себе Бренор.

Отступающие дварфы приблизились к воротам, и залпы арбалетов стали более прицельными и опустошительными. Несколько стрелков работали вместе, осыпая болтам любого крупного демона, которого могли выцелить среди наступающих монстров.

- Ворота! - закричал Бренор, но не успел крик сорваться с его губ, как с левого конца стены раздался возглас, предупреждающий о приближении второй орды демонов.

Бренор пожевал губу, решив, что это, должно быть, Джарлак с Закнафейном, выманившие чудовищ на убой. Но он не мог отправиться туда — только не сейчас, когда большой отряд убегающих Боевых Молотов должны были вот-вот настичь враги. Он кивнул, снова напомнив себе доверять своим войскам, поскольку на том конце стены, слева от трамвайной станции, была расположена наиболее укреплённая позиция, полная артиллерийских орудий и находящаяся под управлением способных генералов.

Внизу под ним распахнулись врата, и внутрь потекли убегающие Боевые Молоты. Стрелки перегнулись через парапет, выбирая самых близких преследователей, отчаянно пытаясь увеличить просвет между ними и беглецами. Однако ворота не успевали закрыться вовремя, и многие дварфы встревоженно закричали.

Но Бренор лишь усмехнулся, приготовив свой щит и топор, наблюдая за первой вражеской волной. Он бросил взгляд на Пайкела — тот широко раскрыл глаза, поднял руку и шевелил её пальцами. Бренор смотрел, как из песка и сквозь трещины в камни поднимаются ростки, явившиеся на зов могучего и странного дварфийского друида.

Эти растения удивили бегущих дварфов, но не помешали их бегу.

Яростная орда даже не заметила эти растения — до тех пор, пока они не начали цепляться за ноги демонов, удерживая их на месте.

- Ну, взять их! - услышал Бренор возглас Айвена Валуноплечевого, и воздух наполнился лязгом сотни тяжёлых арбалетов, пустивших крупные, особенные болты в стреноженных чудовищ.

Каждый болт, попавший в цель — а попали почти все — сломался, пузырёк в центре разбился при столкновении, и два тяжёлых конца столкнулись друг с другом, раздавив волшебное масло посередине.

Сотня оглушительных взрывов разорвала демонов на куски, заставляя наконечники болтов пройти цель насквозь, обычно для того, чтобы поразить второе, третье или даже четвёртое чудовище.

Снова пропели арбалеты, пещера заполнилась потусторонним воем и воплями, и дым от плавящихся демонов коснулся ноздрей Бренора.

Такой прекрасный и ужасный аромат, самый сладкий и самый отвратительный запах во всём мире.

Бегущие Боевые Молоты синхронно развернулись, бригады Айвена бросились вперёд, чтобы присоединиться к ним, стрелки перезаряжали арбалеты для третьего опустошительного залпа.

- Закрывать ворота! - прокричала Маллабритчес, когда был дан третий залп, ударивший в орду снаружи и проредивший этих демонов изнутри так сильно, что не осталось сомнений — Айвен и остальные легко справятся с уцелевшими.

Так что логичным поступком действительно было бы закрыть врата, обезопасив стену, и оставив орду снаружи, разделаться с ней со стены.

Но король Бренор решил иначе.

- Боевой Молот! - завопил он, и ко всеобщему удивлению, могучий король спрыгнул со стены — не внутрь, к Айвену Валуноплечему, а наружу, к растерявшимся чудовищам.

Несмотря на этот неожиданный поступок, королевы Кулак и Ярость быстро оказались у него по бокам, и от каждого взмаха могучего топора в сторону полетели куски демонов. Дюжина щитовых dwarфов, все до единого — Кишкодёры, элитная гвардия короля Бренора, перемахнули через стену и окружили своих правителей, упиваясь битвой.

А Айвен Валуноплечий и его парни налетели на демонов, пойманных внутри и продолжавших бежать сквозь врата. Старый Айвен сам возглавил этот клин разрушения.

У открытых врат стрелки Айвена выше подняли свои арбалеты со взрывными болтами, и вскоре разорванные чазмы и другие крылатые твари посыпались вниз подобно падающему снегу одной из бурь Долины Ледяного Ветра.

Джарлакс подался далеко влево, зацепился пальцами за трещину в камне и подтянул себя вокруг основания холма, поменяв ноги местами и развернувшись на другую сторону, чтобы преодолеть крутой поворот. У него не было времени на промедление, как и у Закнафейна, который втиснулся за почти горизонтально растянувшимся Джарлаксом, запрыгнул на широкое основание сталагмита, прыгнул на место повыше, затем на другое, перемахнул через край, выпрямив ноги, чтобы

поймать нисходящий склон, и побежал вниз с той самой изумительной ловкостью, о которой говорила репутация его сына.

Он приземлился на пол позади вставшего и бросившегося бегом Джарлакса, но с большей инерцией, которой оказалось достаточно, чтобы оружейник вскоре бежал бок о бок с другом.

Теперь перед ними лежал последний отрезок пути, наружная стена Гонтлгрима была уже в поле зрения, впереди и слева гремели взрывы, раздавались крики и звуки битвы.

Джарлакс задумался, насколько сильно dwarфов прижали в других местах — может быть, согласованная оборона, обещанная по эту сторону трамвайной станции, уже пала? Наёмник выбросил такие мысли из головы. У него не было времени. Не было времени ни на что, кроме движения вперёд.

Они с Закнафейном изо всех сил бежали дальше, чтобы преодолеть последние несколько сотен шагов до стены.

Но что потом? Впереди не было открытых ворот, не было верёвок или лестниц, свисающих со стены.

На поверхности стены отворились створки люка, обнажая сверкающие зубчатые наконечники огромных снарядов баллист. Ещё два куска стены упали, открыв боковые катапульты, размещённые в несколько ярусов и готовые дать залп.

А на стене появились dwarфы, нацеливая тяжёлые арбалеты.

- Не ждите нас! - закричал Закнафейн, а Джарлакс выдохнул: - Что?

Некоторые dwarфы на стене выстрелили, высоко прицелившись. Полетели болты, часть попала в демонов, остальное — в сталактиты, все снаряды разбились и взорвались, прекрасно и мощно.

- Стреляйте, парни! - раздался клич на стене.

Закнафейн завопил, ожидая поймать залп прямо в грудь. Он подумал, как смехотворно было вернуться к жизни, к сыну, только для того, чтобы сразу же погибнуть. И ради dwarфов? Но он напомнил себе, что это друзья Дзирта. Если последним поступком в его новой жизни будет помощь в обороне, пускай будет так — надо верить Джарлаксу и сыну, что эта жертва стоит того.

Он снова завопил, ожидая погибнуть, когда услышал выстрелы арбалетов и баллист на стене.

Но потом внезапно оказалось, что он летит, падает через внезапно возникшую яму, бьётся о другой бок и изо всех сил цепляется за землю, чтобы удержаться.

- Отпускай, дурак! - закричал позади Джарлакс. Тогда Закнафейн всё понял, и когда баллиста выстрелила, два огромных копия с тяжёлой острой цепью между ними полетели вперёд, и боковые катапульты — одна, две, три слева и одна, две, три справа — метнули свои заряды, Джарлакс и Закнафейн рухнули в магическую дыру, и падая, Джарлакс потащил за собой один край, а Закнафейн непроизвольно ухватился за другой, и они закрыли дыру, превратив её в надразмерное пространство.

Они оказались вдалеке от бойни, хотя продолжали её слышать — демонические визги изумления и боли. И ощущали запахи от демонических тел, растворяющихся парами Бездны, уносившими жизненную эссенцию носителя на нижние планы.

Но во тьме ничего не было видно.

Когда дварфы двинулись в наступление, миновав невидимое убежище двух дроу, Джарлакс выглянул из дыры наружу. Орда демонов уже была рассеяна, и оставшиеся, как ни странно, показали спины и убегали обратно, туда откуда пришли. Войска дварфов преследовали их.

- Когда это демоны научились отступать? - спросил Закнафейн, но Джарлакс мог только пожать плечами.

Смех балора затих, когда следопыт бросился прочь, петляя по сталагмитовому лабиринту. Чудовище решило, что яд наверняка убьёт Дзирта, и будь Дзирт существом послабее, не обучайся он у магистра цветов, могло бы так и произойти. Даже на бегу дроу напрягал и расслаблял мускулы, ощущая яд в ране, выталкивая его из тела. Когда он преодолел третий поворот, яд был побеждён, и следопыт помчался дальше.

Достигнув дальнего конца пещеры, Дзирт тоже был изумлён неожиданным и жестоким поворотом событий у наружной стены, размахом бойни, так неожиданно обрушившейся на демонических налётчиков. Он отошёл как можно дальше и отыскал подходящую дыру у входа во внешний тоннель, откуда мог обрушить поток стрел с молниями. Первым демонам — по большей части, младшим извергам и уродливым, похожим на зомби манам, — он позволил пройти мимо.

Всякий раз, когда приближался старший демон, Дзирт видел, что он поворачивает направо, направляясь к рельсам для отбывающих трамваев, что было разумно, поскольку через несколько дюжин шагов по нему существа фактически бежали вниз, вместо того, чтобы карабкаться по крутому подъёму весь путь к поверхности.

Однако всех младших демонов, их пушечное мясо, они загоняли в тоннель, где приходилось карабкаться вверх — скорее всего, чтобы разделить преследующие войска дварфов.

Разумный ход, но Дзирт всё-таки не мог этого понять. Они отступали. Это были демоны, они убегали и забирали с собой пушечное мясо, которое всё равно считали одноразовым.

Следопыт-дроу выбрался из своего укрытия, показавшись перед очередным отрядом приближавшихся манов...

...которые как будто не заметили его и продолжали двигаться к тоннелю.

Исключительно по наитию Дзирт решил рискнуть, нацелил Тулмарил и выстрелил в группу, проделав дыру в одном из манов, а затем и в другом позади первого, превратив обоих в дымящиеся оболочки.

Но даже после этой атаки остальные продолжали целеустремлённое движение ко входу в тоннель. Дзирт немедленно решил воспользоваться такими неожиданными и необычными обстоятельствами, и с разрушительной эффективностью воспользовался Тулмарилом, уничтожая движущуюся орду. Маны гибли по двое и трое за раз; чазмы падали на землю, пробитые волшебными снарядами лука, известного как Искатель Сердец.

Дзирт продолжал стрелять, и даже перешёл во входной тоннель трамвая, карабкаясь следом за манами и другими малыми демонами, выпуская стрелу за стрелой в их ряды, ожидая, что они развернутся.

Но они не разворачивались.

Что-то здесь было не так.

Он снова вышел из тоннеля в пещеру и увидел, что приближается ещё один отряд демонов, отступающий со свирепыми боями — нет, не боями, а бойней. Преследующие дварфы рубили чудовищ на куски.

В другой стороне сейчас как будто всё стихло, но Дзирт заметил — в основном, благодаря разрывным арбалетным болтам, разбивающим камни и уничтожающим отдельных демонов — что на подходе вторая группа дварфов.

Следопыт не мог понять, почему враги отступают, и из-за этого у Дзирта побежали мурашки.

Он знал, что это безрассудство, но всё равно подул в свисток на шее, призывая Андахара. Он запрыгнул на единорога, и тот бросился вскачь, вверх по трамвайному тоннелю. Дзирт осыпал путь перед собой градом стрел, затем снова превратил лук в пряжку на поясе и достал обе сабли. Ему не нужно было направлять Андахара с помощью рук, ведь волшебный скакун понимал мысленные команды. Дзирт сократил расстояние до последних рядов отступавших демонов, которые по-прежнему не обращали на дроу внимания, и заставил Андахара промчаться прямо сквозь них, топча чудовищ перед собой, пока клинки дроу уничтожали тварей по бокам.

Дзирт знал, что это рискованно, может быть даже глупо — чудовища могли неожиданно развернуться и зажать его между двумя демоническими ордами — но он должен был понять, что происходит.

Андахар нёсся верх по тоннелю. Демоны гибли от рога, копыт и сверкающих сабель. Какое-то волнение впереди заставило Дзирта сжать ноги и откинуться назад, мысленно крикнув единорогу, чтобы тот остановился.

Своим острым зрением Дзирт видел, что что-то происходит — только не мог разобрать, что именно. Маны и другие младшие изверги пытались распластаться по стенкам тоннеля, но он не мог понять, почему.

Он снова достал Тулмарил и выпустил стрелу-молнию, прямо в тоннель, целясь просто вдаль.

Глаза Дзирта широко распахнулись, и внезапно он понял.

Ведь там, далеко впереди, но стремительно спускаясь к нему, был зверь — чудовищный паук, ползущий по потолку тоннеля. Дзирт инстинктивно догадался, что это не просто паук-великан, и даже не один из нефритовых пауков-стражей, которых он видел в Мензоберранзане. Нет, по тому, как демоны избегали этой ожившей катастрофы, он понял. Скорее всего, это был владыка демонов — или какой-то иной кошмар с нижних планов.

Он выпустил ещё одну стрелу, потом третью, целясь повыше. Первая ударила в потолок прямо перед мчащимся чудовищем, которое не замедлило своего продвижения, а вторая угодила пауку прямо в лицо — или так почудилось дроу во вспышке молнии. Но паук опять не остановился, и если волшебная стрела и нанесла ему какой-то ущерб, Дзирт этого не видел.

- Что это за тварь? - прошептал он, и выстрелил ещё дважды, стрелы пронеслись по тоннелю и обе попали в цель.

А может, и не попали. Он не мог разглядеть, а существо не сбавляло скорость.

Паук мчался вниз по тоннелю, и Дзирт развернул Андахара, чтобы бежать...

Но понял, что слишком поздно.

Джарлакс и Закнафейн вылезли из надразмерной дыры на дно пещеры перед дварфийской стеной, посреди бойни, кусков мяса, конечностей, крови и мозгов демонов.

- Предупреждай меня, когда бросаешь эту штуку! - упрекнул товарища Закнафейн, всё ещё пытаюсь отдышаться, убеждённый, что сломал не одно ребро, когда перелетел через внезапно возникшую яму к её противоположной стене.

Джарлакс не слушал, а скорее оглядывал поле битвы. Дварфы были уже далеко и уходили ещё дальше. Он видел огни их факелов и слышал победные кличи.

Мимо прошёл Закнафейн.

- Ты идёшь?

Но Джарлакс покачал головой.

- Незачем, - сказал он и дал знак оружейнику следовать за ним в другую сторону, к стене, где для них оставшиеся часовые сбросили верёвочные лестницы.

Они поднялись на стену и прошли внутрь комплекса, в тронный зал, где Джарлакс слышал в голове шёпот и узнал этот зов. Он утащил Закнафейна за собой в боковое помещение, где их ожидал Киммуриэль Облодра.

- Что тебе известно? - спросил он. - Какие новости из Лускана?

- Пока ничего нет, - ответил Киммуриэль. - Армада приближается. Но пришёл я к вам не из-за этого.

- Ну так говори, - буркнул Закнафейн, вызывая недовольную гримасу псионика, который раздражённо поджал губы и скрестил на груди худые руки.

- Оставь нас, - сразу же приказал Закнафейну Джарлакс. Оружейник, фыркнув, вышел обратно в коридор.

Джарлакс с любопытством посмотрел на своего лейтенанта.

- На самом деле тебя здесь нет, не так ли?

- Я присутствую здесь только мысленно, - ответил призрак.

- А где тело?

- На борту лусканского корабля, плывущего разузнать о наших врагах.

- Но тебе потребовалось поговорить со мной до того, как ты получил ответы, - заметил Джарлакс тоном, выдающим его интерес и беспокойство. Отвлекаться во время важной миссии — это на Киммуриэля не похоже.

- Ты должен узнать, с чем тебе вскоре предстоит столкнуться, - пояснил псионик. - Мать Жиндия Меларн явилась на войну с демонической ордой.

- Чему я ни капли не удивлён, - ответил Джарлакс.

- Она привела друзей. Орудия великой силы. Два орудия — с конкретной целью.

- Демонических владык?

- Демонических конструкторов.

Лицо Джарлакса напряглось в недоумении, пока он шарил у себя в голове в поисках любого намёка, что же это может означать.

- Один для Дзирта, а другой — для Закнафейна, - добавил Киммуриэль.

Джарлакс промедлил ещё мгновение, прежде чем у него широко распахнулись глаза и отвисла челюсть.

Он поспешил на поиски своего самого старого друга.

ГЛАВА 12

Ледяные волны и пламя демонов

Хотя сумеречный воздух был не особенно тёплым, холодная вода, захлёстывающая палубу, приятно холодила обнажённые руки и лицо Вульфгара. Она казалась ему освежающей и бодрящей, придавала настрой, необходимый для выполнения сегодняшних обязанностей. Капли пролетели над ним, поймав последние лучи солнца, сверкнувшие над водой справа от них, с западного горизонта, который как будто поглощал сейчас солнце.

Корабль, на котором он находился, «Реликвия Джозна», на полной скорости покинул лусканскую гавань, чтобы встретить приближающуюся флотилию захватчиков, в основном — людей, но также и других, более необычных созданий, включая корабль, вся команда которого состояла из свирепых гноллов, если верить докладам разведчиков.

Лускан надеялся вступить в переговоры, продемонстрировав собственную мощь — почти сто кораблей, представляющих каждого из пяти старших капитанов города. Включая также поддержку незаметных, но более могущественных боевых единиц — вроде мужчины-дроу, который стоял на палубе неподалёку от Вульфгара.

- Мы не будем убирать паруса, - услышал он слова Калико Гримма, капитана корабля, сказанные этому необычному дроу. Слишком резким тоном, подумал Вульфгар.

- Он занят, - крикнул Вульфгар через плечо.

- Занят? - Вульфгара не удивила растерянность капитана. Киммуриэль просто стоял на месте, крепко держась за перила носовой палубы. Казалось, будто он просто стоит и смотрит, но Вульфгар знал, что это не так. В данный момент Киммуриэль отсутствовал в своём теле — он был далеко, делал доклад Джарлаксу. Псионик поручил Вульфгару присматривать за собой, по крайней мере — за своим беспомощным телом, пока его дух витает где-то далеко.

Капитан фыркнул, когда ему не ответили, и Вульфгар снова обернулся, чтобы убедиться, что глупый Гримм не ударит странного дроу. Только этого им не хватало в открытом море! Да, Калико Гримм был крепким, но даже ему не стоило влезать в драку с этим тёмным эльфом. Даже не учитывая важное положение Киммуриэля в Бреган Д'эрт, полная власть которого над Лусканом не была тайной ни для кого из

команды, с этим дроу не стоило связываться. Вульфгар предпочёл бы разозлить Джарлакса или даже самого великого Громфа Бэнра, прежде чем вступить в конфликт с Киммуриэлем и его странной и нервирующей псионикой.

Вульфгар мог понять огненный шар, и хотя нырнуть под такой было не самым приятным опытом, в драке с Киммуриэлем взрыв произойдёт внутри твоего разума — иллюзия, ставшая чересчур реальной, от которой не убежать и не спрятаться.

В море было холодно, но он впервые за день поёжился.

- Разве я об этом просил? - раздалась безэмоциональная реплика Киммуриэля, по-видимому, ответ на первое заявление Калико Гримма.

Вульфгар повернул голову, чтобы взглянуть на дроу. Казалось, что он всегда изъясняется именно так. Беспомощно покачав головой, зная, что Киммуриэль снова вернул себе полный контроль над телом, а значит — и над ситуацией, Вульфгар посмотрел обратно на корму, прищурившись из-за капель, задумавшись, причём не впервые, действительно ли Киммуриэль живой или он просто оживлённый конструктор, а может даже — безэмоциональная нежить.

- Ты требуешь переговоров, - сказал Калико Гримм.

- Я просто говорю, что так будет разумнее. Нам неизвестна их диспозиция и то, с какой целью они заплыли так далеко на север.

- Ты же знаешь, что случилось в Утёсах, в Порту Лласт, - напомнил Калико Гримм.

- Знаю.

- С ними ходят гноллы, - добавила Милашка Чарли, первый помощник, женщина, покрытая боевыми шрамами, жиром от канатов и морской солью.

- Не похоже, что нас ждёт приятное времяпровождение, признаю, - сказал Киммуриэль.

- А? - переспросил капитан.

- Он говорит, что они будут в нас стрелять, - пояснила Милашка Чарли.

- Я узнаю об их намерениях ещё до того, как мы окажемся достаточно близко для обмена словами или снарядами, - заверил Киммуриэль.

- И как ты предлагаешь... - начал спрашивать капитан.

- Просто поверьте ему, - вмешался Вульфгар. Он развернулся на канате, чтобы оказаться лицом к троице. - Поверьте ему, - повторил он. - Мы узнаем про приближающийся флот всё — задолго до того, как они узнают что-нибудь про нас.

Калико Гримм и Милашка Чарли переглянулись и пожали плечами.

- Если они хотят поговорить, то мы будем делать это одна лодка к одной лодке, - сказал Киммуриэлю Калико Гримм. - И остальные не будут убирать паруса или разряжать катапульты. Если дойдёт до драки и они проиграют, они сбегут. Если проиграем мы, мы потеряем оставшийся у нас за спинами дом. Не забывай об этом, когда будешь просить о переговорах, ага?

- Точно, ага, - безразлично хмыкнул Киммуриэль.

Вульфгар оглянулся на приближающийся флот, затем повернулся назад, чтобы увидеть, как к нему подходит Киммуриэль, а капитан и первый помощник сверлят взглядами спину псионика с таким видом, как будто хотят сказать что-то неприятное.

Вульфгар медленно покачал головой, и к его изумлению, они оба промолчали.

Все четверо смотрели, как приближаются чужие паруса, потом Киммуриэль объявил:

- Я иду.

- Куда? - спросил Калико Гримм.

Дроу закрыл глаза и как будто погрузился вглубь себя.

- На переговоры, - ответил за него Вульфгар.

- Э-э, ты о чём?

- Терпение, капитан, - сказал Вульфгар. - Когда дроу снова заговорит, мы узнаем о наших противниках много нового.

Бревиндон Маргастер шагал по палубе своей четырёхмачтовой каравеллы, раздумывая, как всё до этого дошло, и задаваясь вопросом, сможет ли он положить конец этому пути, просто сняв волшебное ожерелье, филактерию, которая содержала дух невероятно злобного камбиона.

В конце концов, всё казалось таким простым. Снять ожерелье и бросить его в море. Он мог сделать это, а потом пойти к сестре, Инкери, забрать её ожерелье и ожерелья других Маргастеров, и просто избавиться от демонов.

Так просто.

Но его руки не шевелились, а сомнения становились всё сильнее.

Что будет с ним, со всеми ними, когда лорды Глубоководья узнают правду о семье Маргастеров? Кто защитит их, когда все силы севера поймут, что Маргастеры отмывали деньги с лордом Неверэмбером, украв миллионы у города? Сначала всё это показалось Бревиндону довольно весёлым — в конце концов, разве мошенничество и предательство не были просто игрой? Мошенничает каждый, так какой в том вред? Кроме того, лорд Дагульт Неверэмбер, который придумал этот план вместе с Инкери, был одним из самых уважаемых и могущественных людей на побережье Меча. Как и многие мужчины из Глубоководья его возраста, Бревиндон вырос, идеализируя красавца-Дагульта. Каждая женщина желала его; каждый воин желал тренироваться вместе с ним.

И какая тогда разница, что Маргастеры объединились с Неверэмбером для создания новой силы в Невервинтере, силы, которая могла бы бросить вызов самому Глубоководью? Почему это должно быть хуже, чем власть текущих лордов практически над всем побережьем Меча к северу от Врат Балдура, где единственным исключением был Лускан, находящийся под контролем пиратов — или ещё хуже, если слухи были правдивы?

Все эти оправдания казались ему пустыми, и Бревиндон тяжело вздохнул, пытаясь понять, как всё до такого дошло. Как получилось, что он ведёт флот мерзавцев и негодяев, каждый из которых был не раскаявшимся убийцей, да ещё и с целым кораблём гноллов? Как дошло до того, что армию, брошенную против короля Бренора, возглавили демоны, настоящие демоны, вызванные из Бездны, чтобы устроить бойню врагам Неверэмбера?

Бревиндон даже не помнил, кто отдал приказ, не помнил, когда было решено, что они выступят против Гонтлгрима. Один маленький шаг приводил к другому, потом к другому, потом к другому, и, как будто внезапно, он оказался здесь.

Флот только что покинул неудачливое поселение под названием Порт Лласт, оставшееся преимущественно в руинах. Выживших жителей заставили работать в каменоломнях на службе дому Маргастера.

- *Ты не сможешь совершить великих поступков, если боишься мелких... неудобств,* - сказал голос в голове Бревиндона, голос Азбиила, камбиона, запертого внутри филактерии, что висела на шее у молодого лорда Маргастера.

Нет, не запертого, подумал он. Может быть, сначала всё так и было, но это слово больше не могло описать филактерию или отношения между Азбиилом и Бревиндоном. Азбиил появлялся в мыслях Бревиндона по собственному желанию. Азбиил мог спрятаться от него в филактерии, но барьер зачарованной безделушки больше не действовал в обе стороны.

Может ли Бревиндон хоть где-то спрятаться от Азбиила?

- *Нет,* - ответил голос в его голове.

Бревиндон беспомощно рассмеялся.

- *Когда Лускан будет нашим, ты начнёшь понимать, сколько выгоды и славы принесёт это предприятие, неблагодарный носитель,* - телепатически передал Азбиил.

Бревиндон попытался мысленно согласиться, или притвориться, что соглашается, или что-нибудь — что угодно — чтобы не дать зверю глубже заглянуть в его мысли.

И, конечно же, он знал, что Азбиил почувствовал это усилие. Однако прежде чем демон смог ответить, на корабле раздался крик.

- Паруса к северу! - донеслось с вороньего гнезда наверху.

Бревиндон был рад любому поводу отвлечься.

- Много парусов! - кричал человек наверху. - Наверняка лусканский флот!

Бревиндон улыбнулся, напомним себе, что Лускан находится во власти тёмных эльфов, друзей Бренора, а значит — врагов лорда Неверэмбера.

Это был бой, решительно заявил он себе, с врагом, достойным почувствовать острую сталь его оружия.

Но снова вздрогнул, вспомнив о новом чёрном клинке, висевшем у него за спиной; изогнутом, зазубренном полуторном мече с рукоятью из шипов, которые вонзались ему в руки, жгучих колючек, глубоко впивающихся в плоть. Мучительный меч исцелял его с той же скоростью, что и ранил, оставляя без повреждений, но в постоянных муках.

Напоминание о том, что с врагами следует кончать быстро, сказал ему Азбиил.

Бревиндон пока ещё не пользовался мечом в битве — чары и волшебное лезвие завершили только в Порту Лласт после разграбления — но вполне мог представить его чудовищную силу. Одна лишь только мысль о враге, когда Бревиндон держал меч в руках, окутывала лезвие жгучим красным пламенем, и хотя меч не обладал в прямом смысле телепатическими способностями, Бревиндон чувствовал его голод. Оружие изготовили с единственной целью: причинять невыносимую боль. И меч вечно жаждал утолить этот голод.

- *Твоё воображение недостаточно развито, чтобы до конца осознать, как это приятно,* - прозвенел в его голове голос Азбиила, мелодичный и высокий, голос эльфа, только искажённый и надтреснутый.

Бревиндон изо всех сил попытался сосредоточиться на текущей задаче, напомнить себе, что Лускан находится под властью дроу, и значит их нападение вполне обосновано, и перестать думать о мече.

Мече Азбила. Чудовищном, жутком, дьявольском мече.

Бесплотные мысли Киммуриэля подобно парили над холодной водой, быстро приближаясь к надвигающемуся вражескому флоту. После быстрого осмотра он нашёл флагман — тот был намного больше и изящнее остальных. Он поднялся высоко в воздух над кораблём. Здесь явно отдавал приказы мужчина в дорогих доспехах и с крупным чёрным мечом за спиной.

Киммуриэль скользнул мимо него к рулевому колесу перед задней палубой, к пухлому и покрытому жиром человеку, который казался не особенно умным.

Тем лучше.

В следующий миг псионик заморгал человеческими глазами и изумился, каким тёмным оказался вечер без острого зрения дроу. Особого значения это не имело, ведь рулевой стоял в пределах слышимости от капитана корабля. Вскоре взятый в плен разум подтвердил Киммуриэлю, что капитан действительно был командующим всего флота.

Этот хорошо одетый мужчина — лорд Бревиндон, узнал псионик у пленника — вдруг резко повернул голову, чтобы посмотреть на Киммуриэля, или, по крайней мере, на мужчину, которого Киммуриэль захватил.

Но Бревиндон никак не мог об этом узнать.

Капитан отмахнулся от женщины, которая хотела что-то у него спросить, затем злобно ухмыльнулся, вытащил из-за плеча жуткий меч и шагнул к Киммуриэлю.

Киммуриэль заглянул в его мысли.

Псионик-дроу вылетел из одержимого рулевого за секунду перед тем, как лорд Бревиндон, сцепив зубы от боли, разрезал несчастного почти напополам. Грозный меч рассёк плечо несчастного глупца, затем грудь, и вышел прямо над бедром с другой стороны. Узнав правду о командующем и его слугах, включая чародейку, которая казалась человеком, но определённо не была таковым, Киммуриэль, не оглядываясь, помчался над морем и как можно быстрее вернулся в собственное тело.

- Ну? - потребовал Калико Гримм, как только он открыл глаза и пошевелился.

- Переговоров не будет, - ответил Киммуриэль.

- Значит, будем драться, - сказал капитан, повернувшись к Милашке Чарли и кивнув. Женщина бросилась прочь, чтобы приказывать поднимать паруса.

- Или бежать, - тихо ответил Киммуриэль.

- А? - переспросил Калико Гримм. - Что, тощий, кишка тонка для хорошего боя?

Вульфгар покачал головой, не удивлённый характерно циничным предложением саркастичного дроу.

Презрительного фырканья в ответ Киммуриэлю было достаточно. Капитан решил, что дроу просто отвечает на сомнения в его храбрости, но Киммуриэль посмотрел на Вульфгара и понял, что опытный воитель осознал настоящий смысл скептической реакции.

Киммуриэлю было всё равно, будут они сражаться с вражеским флотом или нет. Киммуриэль прожил среди иллитидов годы — так что его не особенно волновала перспектива быть убитым в такой грубой схватке.

На всех кораблях вокруг него пели матросы — фальшиво, разные песни с разными словами, пытаясь работать в ритм, но их энергия была заразительна и бодрила, и с моросью в лицо и предстоящей битвой с достойным врагом Вульфгар не мог стереть усмешку с лица.

Он был воином до мозга костей, в этой и в прошлой жизни. Он жил и наслаждался на грани страха, поскольку больше нигде не чувствовал себя таким живым.

Почти нигде, мысленно поправился он и представил себя в объятиях Пенелопы. Он жалел, что её здесь нет, и в то же время — радовался её отсутствию, и сказал себе, поклялся, что выживет в этой битве и вернётся к ней.

Первая стычка началась далеко в стороне от «Реликвии Джоэна». Ударила молния и взорвался огненный шар — два корабля сошлись на расстояние рукопашной и каждый начал бой магическим заклинанием.

- Ты хочешь там умереть, друг Дзирта? - спросил его Киммуриэль, и он резко обернулся к странному дроу, изумившись, что Киммуриэль начал разговор с такого странного вопроса.

- Среди твоих знакомых много таких, кто хотел бы умереть? - отозвался Вульфгар. Он сразу же заметил, что дроу не уловил сарказма. - Нет, конечно же, не хочу, - ответил он уже серьёзнее.

- Это была бы не благородная смерть?

- Да, конечно, - недоумённо ответил Вульфгар.

Киммуриэль кивнул, затем указал на изящный корабль, самое крупное и самое разукрашенное судно в поле видимости.

- Я уверен, что их командиры там, - сказал он. - Нам следует отправиться...

- Огненный шар! Волшебник! - раздались позади крики.

- Дроу, где ты? - слышали они вопль Калико Гримма.

- Держи курс на тот корабль, и возможно, победа будет за нами, - сказал Вульфгару Киммуриэль и отправился назад, туда, где метались Гримм и Милашка Чарли, пытаясь найти укрытие. Проследив за их взглядом, Вульфгар понял, чего они боятся — на корабле, приближавшемся с правого борта, стоял мужчина в затейливой мантии, драматично жестикулируя. С его пальцев поднимались язычки пламени.

Посередине корабля капитан продолжал кричать на Киммуриэля, во всю глотку напоминая обещание самого старшего капитана Курта, что тёмный эльф может обеспечить необходимую магическую защиту судна. Когда Киммуриэль не ответил, вспыльчивый Гримм начал изрыгать проклятия в адрес Курта за то, что тот навязал ему этого дроу.

Окинув всё это взглядом, Вульфгар расслабился, заметив позу Киммуриэля. Он хотел пригнуться рядом с провисшим якорным канатом, у самой воды, в брызгах на носу в качестве защиты от огненного шара, но теперь передумал и просто встал на месте.

Потому что знал, на что способен Киммуриэль.

Калико Гримм кричал и бранился, даже толкнул дроу, бессильно упавшего на палубу — что только разъярило капитана до такой степени, что он выхватил саблю.

- Не смей! - закричал Вульфгар. Одновременно раздался крик матроса, призывающего всех найти укрытие.

И действительно, на той стороне волшебник уже заканчивал своё заклинание. Его руки пылали, создавая новую огненную бомбу. Он замахнулся, чтобы швырнуть её на «Реликвию Джозна», но внезапно застыл на месте и перестал шевелиться.

Он ещё держал огненный шар, когда тот взорвался, окутав собственный корабль заклинателя жгучим пламенем.

Вульфгар рассмеялся.

Киммуриэль поднялся и разгладил свою одежду.

- Ну ладно, - произнёс Калико Гримм единственное извинение, которого можно было от него ожидать.

- Тебе не помешает немного веры, - сказал ему Киммуриэль, на что капитан фыркнул. - И стоит покаяться в своих действиях.

- И что ты хочешь этим сказать? - спросила Милашка Чарли.

Киммуриэль пристально посмотрел на Калико Гримма.

- Ну? - повторила первый помощник.

- Кайся, - приказал Киммуриэль.

Калико Гримм фыркнул, но затем его лицо странно исказилось с выражением полного изумления, с сочетанием шока и ужаса. У него был вид человека, который оказался не один в своём теле и разуме.

Калико Гримм резко развернулся и помчался прочь, мимо изумлённой спутницы, врезавшись лицом в главную мачту корабля. Он тяжело рухнул на палубу, из носа ударила кровь, и на палубные доски выпала пара зубов.

Милашка Чарли охнула, затем перевела взгляд со стонущего капитана на смеющегося Вульфгара, который в ответ просто пожал плечами. Раздражённая, даже разъярённая женщина положила руки на рукояти кинжалов на поясе и повернулась за Киммуриэлем, когда тот снова подошёл к Вульфгару.

Великан покачал головой. Милашка Чарли мудро не стала вынимать оружие.

Вульфгар знал, что это мог быть её последний поступок, если не считать отчаянной попытки вздохнуть, когда по какой-то непонятной для себя причине она решит выпрыгнуть за борт. Вульфгар понял, что рад тому, что Милашка Чарли не стала так глупо разбрасываться своей жизнью.

А ещё понял — он надеется, что Калико Гримм, когда придёт в себя после своего тарана, станет.

Когда Киммуриэль встал на носу рядом с Вульфгаром, было ясно, что вражеский флагман заметил их приближение и разворачивается навстречу.

- Его меч — клинок демона, - предупредил Киммуриэль. - Не позволяй себя ударить.

- Чей?

- Их командира. Он Маргастер, но представляет собой намного больше, чем кажется.

Вульфгар кивнул и взял в руку свой боевой молот, Клык Защитника, легонько похлопывая по ладони тяжёлым оружием.

- Маг прямо по курсу! - раздался клич.

- Пускай взрывают сами себя, - сказал Вульфгар.

Но Киммуриэль покачал головой.

- Такое подчинение, как в прошлый раз, может одолеть глупого человека, но не заклинателя на корабле перед нами.

- Ты уже знаешь о нём... о ней? - спросил Вульфгар, изменив местоимение, когда заметил на носу корабля глубоко ушедшую в себя женщину.

Но потом женщина пропала, и отшатнулся, заморгав от неожиданности.

- Я выиграл вам несколько мгновений, капитан Гримм, - крикнул Киммуриэль. - Если вы замедлите ход, волшебница ударит по вам.

Гримм сплюнул кровь, но закричал рулевому:

- Подведи корабль к их борту! Толкни посильнее и спутай паруса, и мы покончим с этими собаками!

- Держись! - раздалась возгласы по всей палубе, и команда до последнего человека поняла, что от неё требуется. Быструю шхуну построили для тарана и спутывания вражеских снастей. Её укрепили на критически важных участках, а команду выбрали за их способности в рукопашном бою, как и рулевого — за его талант и выдержку. Он показал оба качества, на полном ходу положив «Реликвию Джозна» вдоль вражеского корабля, достаточно близко, чтобы скрестить кончики их рангоутов, запутывая канаты. В то же мгновение команда сбросила паруса, и рулевой резко положил руль направо, сталкивая корабли, разрывая снасти и паруса, заставляя их сцепиться. Инерция движения заставила оба судна продолжить пируэт, погнав перед собой волну.

Обе команды быстро оказались у перил с соответствующей стороны, нацеливая арбалеты и стреляя. Огромный огр разбежался по вражеской палубе и перемахнул через ограждение, прыгнув на «Реликвию Джозна».

Закрученный боевой молот встретил громилу в воздухе, врезавшись в него с невероятной силой, достаточной, чтобы погасить инерцию и оборвать дыхание врага. Полёт оборвался, огр тяжело ударился о бок «Реликвии Джозна», каким-то образом сумев ухватиться вытянутой рукой за перила.

Но Вульфгар был уже над ним.

Огр застонал и попытался подтянуться.

- Темпус, - прошептал Вульфгар командное слово, которое возвращало молот в его руку.

Он позволил огру вскарабкаться достаточно высоко, затем разбил ему молотом череп. Оружие застряло в костях, так что варвар позволил ему упасть в воду вместе с мёртвым исполином.

- Ха! - услышал он с противоположной стороны и поднял взгляд как раз вовремя, чтобы увидеть нацеленный арбалет противника.

Вульфгар извернулся со скоростью гадюки, когда болт полетел в его сторону. Он был недостаточно быстр, чтобы увернуться полностью, и принял стрелу в бок — болезненный укус и серьёзная рана, но Вульфгара уже охватила горячка битвы, и боль больше злила его, чем мешала.

- Ха! - снова воскликнул стрелок с той стороны.

- Темпус, - повторил Вульфгар, и добавил собственное «Ха!» и бросок.

Стрелок нырнул, но Вульфгар целился низко, ожидая этого. Мужчина бросился под перила своего судна, что никак не могло помешать грубой силе Клыка Защитника. Молот пробил перила, ударил во врага и отбросил его.

Больше дюжины футов разделяло корпуса, и обе стороны начали перекидывать через них доски. Но Вульфгар в этом не нуждался. Сделав единственный шаг и прыгнув, он отправился в полёт, взывая к своему богу, чтобы снова вернуть себе боевой молот.

Несчастный раненый стрелок завыл и стремительно пополз прочь.

Вульфгар не обратил на него внимания — не мог себе позволить. Как только он покатился по палубе, на него бросилось сразу несколько противников.

Он бросил Клык Защитника по широкой дуге, останавливая натиск, заставляя их отступить. Одним взмахом он отправил молот в полёт, насмерть сразив женщину и отшвырнув её сломанное тело. Едва отпустив молот, варвар полуразвернулся в другую сторону, затем прогнулся назад, избегая удара длинной пики. Он ухватился за древко и резким сильным рывком выбросил владельца пики за борт.

Левая рука Вульфгара пошла вверх, согнутая в локте, чтобы принять удар топора. Рукоять ударила о его запястье — которое даже не дрогнуло. Он сбил вражескую руку вниз и в сторону, развернув плечи, чтобы ударить мужчину правой — так сильно, что и этот враг тоже отлетел в сторону.

Он знал, что оставшиеся негодяи бросились на его открытую спину, но рёв призвал Клык Защитника обратно в руку, и на этот раз, когда Вульфгар развернулся, с силой взмахнув оружием, он попал в обоих противников и расшвырял их вверх тормашками.

К этому времени между кораблями уже перекинули доски, и в кипящей вокруг него рукопашной туда-сюда, с палубы на палубу сновали бойцы. Теперь враги не могли все вместе обрушиться на Вульфгара, так что он пошёл дальше, легко уничтожая всякого, кто пытался ему помешать. Кроме великолепного баклера Бренора из паучьих сетей, ни один щит не мог остановить тяжёлый молот, и никто из простых воинов не мог отразить удар силача. Бойцам на корабле не потребовалось много времени, чтобы это понять, и путь перед Вульфгаром опустел.

И не только для него, заметил варвар, поскольку его собственные товарищи по команде старательно избегали другого воина, облачённого в величественные доспехи глубоководской знати и орудующего полуторным мечом с изогнутым чёрным лезвием, окутанным язычками пламени. Он мгновенно понял, кто это такой, и хотя вряд ли мужчина знал его по имени, не было никаких сомнений, что Бревиндон Маргастер заметил, как расправляется с его командой Вульфгар.

Двое устремились друг к другу, каждый периодически выбрасывал оружие влево или вправо, чтобы остановить или убить менее грозного бойца. Они медленно сближались, пока не оказались в нескольких шагах, когда оба, как будто по какому-то молчаливому согласию, прыгнули в воздух, взревели, и сошлись в неожиданном вихре ярости.

Киммуриэль предупредил Вульфгара, что этот противник представляет собой нечто большее, чем кажется на первый взгляд, и Вульфгар был рад этому

предупреждению, поскольку в первые мгновения поединка варвар осознал, что его враг похож на Дзирта или Энтрери намного больше, чем можно было ожидать от избалованного лорда Глубоководья. Меч мужчины мелькал стремительными вспышками, каждым движением атакуя Вульфгара под разными углами, иногда — рубящим ударом, иногда колющим, а иногда — рукоятью.

Вскоре великан обнаружил, что больше защищается, чем атакует. Враг не ослаблял натиск и время от времени вскрикивал, как будто от боли. Вульфгар вскоре понял причину, поскольку по руке мужчины потекла кровь — по обеим рукам, когда он ухватился второй за шипастую рукоять. Меч ранил его и разжигал ярость, гнев, который он вкладывал в каждый удар.

Если бы не предупреждение Киммуриэля, Вульфгар был бы ранен уже дюжину раз!

Теперь он оценил противника и поймал ритм защиты, вращая молотом перед собой, отправляя его наружу одной рукой, потом двумя, отразив удар слева, использовал его, чтобы держать меч справа, подняв его вертикально перед собой и уйдя влево, затем схватив оружие широким хватом над головой, чтобы перехватить могучий удар сверху.

И тут его противник открылся. С поразительной для такого крупного мужчины ловкостью Вульфгар превратил свой блок в неожиданный удар, обрушив боёк молота на плечо врага.

Мужчина отшатнулся на несколько шагов, поморщился, его разорванное плечо повисло перед ним.

Вульфгар выждал, пока он начал выпрямляться, потом швырнул Клык Защитника ему в грудь, отбрасывая врага прочь.

- Темпус! - победно взревел Вульфгар, посчитав, что бой окончен, но когда молот снова возник в его ожидающей руке, Бревиндон Маргастер оторвался от палубы, опалил Вульфгара полным ненависти взглядом и встал, как будто не получал ран.

И прямо на глазах у варвара мужчина начал меняться. Он сложился внутрь себя, превратившись из мускулистого мужчины в стройную фигуру, больше похожую на эльфа. Его лицо стало очень красным — сначала Вульфгар решил, что оно налилось кровью от ярости. Но нет, сама кожа приобрела красно-коричневый оттенок. Он сорвал свою кирасу, которая теперь не подходила по размеру, отшвырнул её прочь, и наконец за его плечами рапростёрлась пара красноречивых крыльев, зловещих и угрожающих.

Его команда радостно взревела. Они знали.

Команда «Реликвии Джоэна», те немногие, что были на вражеском судне, отпрянула в ужасе.

Вульфгар покосился назад, обдумывая отступление. Однако он увидел, что бежать некуда, поскольку слуги демона брали верх над матросами «Реликвии Джоэна» и сейчас контролировали вражеский корабль не меньше, чем свой собственный.

Так что Вульфгар поднял Клык Защитника, надеясь хотя бы убить это адское создание.

- Я с тобой, - раздался голос в его голове. - Сражайся без страха. Нанеси удар вовремя и не бойся клинка противника.

Вульфгар не знал, что это значит, но он достаточно раз был свидетелем странных способностей Киммуриэля Облодры, чтобы понять, что дроу привёл в движение некую хитрость.

Варвар бросился вперёд, рёвом призывая своего бога, налетев на демона с серией коротких и сильных ударов своего молота. Он заставил создание отступить и мог бы сбить его с ног и похоронить раз и навсегда, но крылья ударили воздух и удержали демона вертикально, даже оторвали его с палубы, так что блокировав удар, он отлетел дальше, чем хотел варвар, а Вульфгар подался вперёд слишком сильно.

Он попытался отступить, но было поздно, и этот мерзкий пылающий меч прорвался через блок Клыка Защитника и с силой вонзился в его запястье...

И ничего не сделал, напугав и Вульфгара, и демона.

Нет, кое-что произошло, понял Вульфгар, поскольку почувствовал, как энергия этого удара гудит внутри него, и разгадал загадку. Этот трюк Киммуриэль уже использовал раньше, совсем недавно, с Дзиртом в Мензоберранзане, создав телекинетический барьер, который поглощал энергию любого удара, магического или физического, удерживал её в стазисе, готовую к использованию магически усиленным бойцом.

Свирепо оскалившись, Вульфгар бросился в атаку, даже не пытаясь защищаться, принимая удары демона, чтобы успешно нанести свои. Он не выпускал копящуюся энергию, пока что нет, желая полностью уничтожить противника, когда обратит на него собственные удары.

Придётся сделать это раньше, чем он рассчитывал, понял Вульфгар, когда ему в спину ударил арбалетный болт — но не пробил. Команда демона набросилась на него, колотя дубинами и баграми, мечами и копьями. Вульфгар смахнул их Клыком Защитника, пытаясь сосредоточиться на демоне, но тот обошёл его, взлетев длинным прыжком и приземлившись у главной мачты.

Вульфгар повернулся и бросился на врага в отчаянии, поскольку понимал, что не сможет долго удерживать энергию внутри себя. Может быть, не сможет вообще — он чувствовал, как кровь начинает кипеть, и инстинктивно понял, что если не выбросит кинетическую силу, то она взорвётся внутри него и полностью его уничтожит.

Так что он устремился к демону, игнорируя прочих, и прыгнул на него сверху, обрушив могучий удар.

Но демон уклонился.

Клык Защитника ударил в главную мачту, и у Вульфгара не было выбора, кроме как освободить накопленную силу.

От взрыва содрогнулись оба корабля, боевой молот с лёгкостью пробил толстую дубовую балку, отделив её от основания так чисто, что она упала прямо вниз на палубу, как огромное копьё, разрывая снасти на обоих кораблях, ударившись об оболочку корпуса и не только.

Никто на этой палубе, даже Вульфгар, не устоял на ногах из-за взрыва, но висящий в воздухе демон избежал его эффектов.

С треском и стонами древесины мачта накренилась вправо, прочь от «Реликвии Джоэна». Лопнули канаты, упал вниз рангоут, и мачта рухнула ещё дальше, заставляя корабль наклониться на левый борт.

Мужчины и женщины заскользили по палубе. Кто-то схватился за перила, но вскоре захлестнуло и их. Вульфгар ухватился за основание мачты и держался там — пока демон не рухнул вниз и не обрушил свой меч на спину варвара.

Телекинетический барьер Киммуриэля больше не защищал его, и Вульфгар ощутил, как рвётся кожа, почувствовал огненный укус зазубренного клинка, почувствовал смертоносный демонический яд.

Он скользил, но едва осознавал это.

Потом он оказался в воде. Какая-то его часть почувствовала пробирающий до костей холод, хотя сознание едва это отметило.

ГЛАВА 13

В тени

Реджис не знал, что представляет из себя нападающий — живое ли это существо или какая-то ловушка, а может быть, даже сочетание одного и другого. Оно выглядело, как груда фекалий, удерживаемых вместе при помощи паутины, и разворачивалось, как рулон дёрна. С каждым новым разворотом враг раздувался по бокам, расширяясь, заполняя комнату.

Полурослик не знал, куда идти. Он поднялся с кресла, двинулся налево, затем направо, потом к своему ужасу осознал, что движется слишком медленно. И Далия тоже!

Артеми́с Энтрери схватил его за грудки и мощным броском отправил вверх тормашками в заднюю часть комнаты, где полурослик ударился о наружную стену прямо под окном. Сначала он подумал, что убийца решил расправиться с ним, но затем Далия тоже отправилась в полёт, отброшенная Энтрери, а сам мужчина вскочил на стол, увернувшись от разворачивающегося существа, и прыгнул в единственное оставшееся место — вверх, когда под ним развернулось чудовище, или ловушка, или паутина, или что это было такое. Энтрери схватился за балку и подтянулся, оказавшись над заполняющей комнату грязью.

Дьявольское нечто захлестнуло стол, и древесина стола и стульев сразу же стала дымиться и исчезать.

- Наружу! Наружу! - закричала Далия Реджису, выбив окно и ставни своим металлическим посохом.

- Иди! - храбро заявил ей Реджис, доставая рапиру, хотя и понятия не имел, какой толк от оружия против этой помойной твари. В любом случае это было неважно, поскольку Далия не собиралась мириться с его странностями. Быстрее, чем Реджис смог осознать, что происходит, она схватила его за плечо и выкинула из

окна. Его бросали второй раз за последние несколько секунд, и хотя полурослик в последний миг схватился за карниз, избежав пятнадцатифутового падения, ему крайне не понравилось, что его вот так швыряют. Он начал кричать на женщину, но когда услышал вопли, понял, что Далия оказала ему огромную услугу.

Реджис быстро убрал рапиру и подтвердил кличку, которую дали ему в детстве, двигаясь как паук по стене. В процессе он заметил, что у обоих выходов из переуллка мелькают тёмные силуэты.

Помойное существо было не одно.

- Прыгай! - закричала Далия Энтрери, когда Реджис вылетел из окна. Увидев, в каком затруднительном положении находится её возлюбленный, повисший на балке, абсолютно не контролируя ситуацию, с распростёршейся под ним грязью, Далия бросилась назад в середину комнаты, и схватила свой волшебный посох, Иглу Коза. Она ударила чудовище, выпустив накопленную внутри могучего оружия электрическую энергию, разметав грязь и паутину — но даже если и нанесла какой-то вред, если это создание вообще было живым, Далия этого не заметила.

Хуже того, от взрыва полетели брызги той же самой едкой субстанции, которая расплавил стол. Далия отпрянула назад, ужаленная в лицо и руки. Перед глазами всё расплывалось.

- Артемис! - закричала она от окна.

- Иди! - крикнул он в ответ, и ухватившись за балку обеими руками, принялся раскачиваться вперёд-назад.

Далия немедленно всё поняла, поскольку видела грациозные акробатические подвиги Артемиса достаточно, чтобы быть уверенной, что он вылетит из окна сразу следом за ней.

У девушки в любом случае не оставалось выбора, ведь грязная субстанция продолжала расширяться, уже почти полностью охватив помещение. Другого пути наружу не было.

- Сейчас! - крикнула она Энтрери, выбрасываясь сквозь разбитое окно. Однако в последний ужасный миг девушка осознала, что могла с тем же успехом обращаться к грязи, поскольку оглянувшись, увидела последнее раскачивание Энтрери. За секунду до того, как он отпустил руки, существо взметнулось вверх и вся его кромка поднялись над комнатой, как будто какой-то гигантский капкан. Энтрери прыгнул и немедленно исчез из видимости Далии, окутанный грязевым монстром. Его обхватил и бросил на пол кокон из зловонных фекалий, грязи и паутины.

Далия пыталась схватиться за подоконник, пыталась подхватить себя и вернуться, чтобы спасти мужчину, которого любила.

Но не сумела дотянуться и стала падать, цепляясь за стену здания, чтобы хоть как-то замедлить полёт, изрыгая проклятия по дороге к земле. Она приземлилась тяжело, но сумела перекатиться, чтобы поглотить удар и избежать большей части урона. Она хотела вернуться в комнату, взобравшись по стене, но не успела даже начать подъём — руки исцарапаны и кровоточат, ушиб на колене, один глаз заплыл от синяка, второй по-прежнему видит всё размыто — как слышала

приближающиеся шаги и резко обернулась, чтобы увидеть надвигающихся солдат в доспехах, трёх слева, двух справа.

Она была слишком побита, слишком дезориентирована и слишком слепа в этот момент, чтобы попытаться хотя бы сбежать, поэтому Далия скользнула рукой к переключателю на Игле Коза и разделила свой металлический посох на две части, по одной в каждой руке. Вторым движением эти две части тоже разделились посередине, и обе половины соединяла тонкая и прочная железная цепь.

Продолжая своё плавное движение, она закрутила нунчаки широкими и затейливыми кругами, вращая их вокруг тела, надеясь удержать солдат достаточно долго, чтобы прийти в себя после падения.

Но трое слева отвлекли всё её внимание, и когда она наконец отбросила их достаточно, чтобы обернуться, другие двое просто были слишком близко!

Только в следующий миг уже не были — сначала один, потом другой полетел назад. Оба упали на землю, и над каждым нависло ухмыляющееся существо-нежить. Призраки сжимали гарроты, удушая солдат.

В это мгновение растерянности Далия не поняла развернувшейся перед ней чудовищной сцены, но мешкать не стала, бросившись налево, перекатившись по земле, затем вскочив прямо перед брыкающимися ногами двух отчаянно извивающихся солдат.

Другие трое бросились на неё, средний упал, сначала на колени, потом лицом в землю. Из затылка у него торчал небольшой дротик.

Быстрый взгляд мимо рухнувшего солдата ответил на вопросы Далии, поскольку там, на балконе соседнего здания за развешанным для сушки бельём она заметила синий берет Реджиса. Каким-то образом этот маленький дурак одного за другим обезвредил трёх нападавших, оставив двоих Далии, которая стряхнула пелену со своих глаз и снова закрутила нунчаки.

Реджис оглянулся на разбитое окно в стороне, затем посмотрел вниз на Далию и мимо неё в дальний конец переулка. Он знал, что приближаются новые враги, скорее всего — со всех сторон. Им нужно было уходить, и быстро.

- Пора быть героем, - прошептал полурослик и достал рапиру, великолепный клинок, принадлежавший некогда великому Периколо Тополино. Он бросил взгляд вниз, затем ухмыльнулся ещё шире, вспомнив о бельевой верёвке, привязанной к балкону.

Он прыгнул вверх, схватился за верёвку, рассёк её быстрым взмахом клинка и полетел вниз, как галантный герой-полурослик, пришедший на выручку Далии.

Он пролетел слишком высоко, вертясь и качаясь. Рапира и близко не попала в противников Далии. Он пронёсся мимо, едва не выпустив верёвку в попытках лучше нацелить обратное движение своего маятника.

Но нет, второй полёт оказался не лучше, и на этот раз он ударился о здание, которое поглотило инерцию и оставило его раскачиваться футах в десяти от земли и далеко в стороне от боя Далии. Полурослик сумел перевернуться, зацепив ногой верёвку и обмотав её вокруг. Он вернул рапиру за пояс и взялся за арбалет, пытаясь зарядить в него болт — что оказалось совсем непросто, когда висишь вниз головой!

- Держись, - тихонько попросил он, нервно глядя на Далию. Потом едва не рассмеялся вслух, осознав, что женщина не нуждается в дальнейшей помощи. Она металась между противниками, нунчаки вращались, колотя по их оружию и щитам, затем сошлись, чтобы удариться друг о друга, каждое столкновение металлических жезлов порождало дугу энергии, магия Иглы Коза создавала и удерживала молнии.

Это странное оружие взлетело у неё над головой, яростно вращаясь, когда она повернулась налево, и её левая рука неожиданно опустилась в могущественном ударе, который обрушил её нунчаки на щит ближайшего солдата. И тогда Далия освободила энергию в неожиданной вспышке со взрывом, от которого щит смялся, а бедный солдат пролетел через узкий переулочек и врезался в стену.

Реджис взвизгнул, пытаясь предупредить Далию об атаке оставшегося солдата.

Однако Далия продолжила разворот, и левые нунчаки снова прочертили перед ней дугу, а правые неожиданно завертелись вертикально, опустившись вниз и вокруг, оказавшись у неё под мышкой, где она с силой сжала их правой рукой, удерживая на месте, вывернув запястье вниз, стараясь вырвать оружие.

Когда она полностью развернулась прямо к несущемуся на неё солдату, а точнее — к его выставленному вперёд щиту, Далия вырвала удерживаемые нунчаки и ударила ими вперёд подобно броску змеи. Этот удар тоже высвободил накопленный заряд, когда попал по щиту, но он был таким сильным и точным, таким мощным был выброс молнии, что нунчаки пробили щит насквозь, пробили запястье, на котором он держался, и пробили доспехи солдата, остановив его — на самом деле, даже отшвырнув его назад.

Реджис перевернулся, распутал свою ногу и спустился вниз по стене. Он пробежал мимо Далии, недоумённо взглянувшей на него, к двум воинам, которых задушили призраки. Нежить всё ещё затягивала узлы у жертв на шеях — узлы, которые были боковыми клинками зловещего магического кинжала Реджиса.

Реджис знал мрачную тайну этих призраков и воспользовался этим, ткнув каждого своей рапирой. Касания хватило, чтобы монстры исчезли.

Ни один из солдат не пошевелился — полурослик не знал, без сознания они или мертвы, а времени проверять не было.

- Беги! - сказал он Далии, которая встала под разбитым окном, снова сложив свой посох в полную длину. - Нет! - добавил он, когда она собралась забраться обратно внутрь.

Как будто подчёркивая слова полурослика, в этот самый миг в окне возникла толстая и короткая демоническая тварь, чтобы сбросить вниз на Далию тяжёлый чурбан. Ловкая эльфийка еле увернулась, и чурбан ударился о мостовую.

- Я не могу его бросить! - закричала она Реджису.

- Ни один из нас не поможет ему мёртвым, - ответил полурослик.

До них донеслись крики с обеих сторон переулочка. В окне возникли новые демоны, швыряя камни.

Они бросились прочь. Реджис запрыгнул на стену здания и полез вверх, Далия упёрла посох между двумя камнями на мостовой и прыгнула, приземлившись на первом балконе.

Стрелы и камни преследовали их вдоль всей стены здания. Реджис добрался до крыши первым и вытащил Далию за собой, потащив и дальше, когда бросился бежать.

- К Ясгуру, - сказала ему Далия, называя конспиративную квартиру, известную всему Бреган Д'эрт и дому Тополино, и свернула в сторону, пересекла крышу, прыгнула на следующую, потом к её краю, где снова упёрлась посохом и с разбега перемахнула через широкую улицу, рухнув на следующее здание, поднялась и побежала дальше.

Прыжок показался Реджису впечатляющим, но он не мог остановиться и полюбоваться им, поскольку сам бежал, спасая свою жизнь. Он услышал крики внизу и позади, тяжёлую поступь кованных сапог на мостовой.

Он не мог их обогнать. Он хотел воспользоваться своим беретом, волшебной шляпой маскировки, но сейчас было слишком рано, и улицы пустовали. Какое обличье мог он принять, чтобы обмануть преследователей?

Он пересёк гребень одной из крыш и понял, что место заканчивается — поскольку здесь здания стояли дальше друг от друга и он не мог продолжать перебегать с крыши на крышу.

Реджис подошёл к ближайшей трубе, слишком узкой, чтобы протиснуться. Он сорвал волшебную сумку с пояса и положил её сверху на кирпичи, открыв как можно шире.

Мгновение спустя сумка упала вниз в очаг частого дома в Глубоководье.

Благодаря своим навыкам и посоху, Далия очень быстро опередила погоню. Она спустилась на улицу и повернула обратно, рассчитывая обойти солдат и вернуться в их комнату, к Энтрери. Она подобралась близко, под таким углом, который позволял ей видеть тёмное сейчас окно.

Сможет ли она туда попасть?

Она выбирала маршрут, полная решимости попытаться, когда заметила процессию.

Далия отступила, пытаясь восстановить дыхание. Под ней, маршируя по переулку, двигался отряд солдат — маргастерских солдат, предположила она — вместе с четвёркой низких и широких демонических созданий, похожих на дварфов, каждый из которых тащил носилки с той тварью, которая раскатывалась перед ними в комнате, теперь собравшейся в фекальную скульптуру закрытого тюльпана.

Далия знала, что находится внутри этого зловонного, смертоносного цветка.

У Форесби Янга сегодня было много работы. Архитектору поручили перепроектировать склад для купеческой гильдии, и они хотели увидеть чертежи уже в эту десятидневку.

Он отправился в свою мастерскую, которая когда-то служила ему берлогой (и будет служить снова, знал он, когда терпение жены иссякнет) и развернул пергамент на чертёжном столе. Он подумал, что не помешает развести огонь.

Форесби всегда вдохновляли пляшущие языки пламени в хорошем костре, даже в жаркий летний денёк.

Он взял полено из кучи и наклонился пониже, чтобы сунуть его в очаг, но замер.

- Что? - спросил он, положив полено на пол и потянувшись в горку вчерашней золы, где лежала какая-то кожаная сумка.

- Как... - хотел спросить он, открывая её, но окончание вопроса вышло наружу простым вздохом, когда из сумки вылетел небольшой дротик и попал ему под подбородок.

Форесби пытался закричать, но нет, он уже заваливался спиной на пол, и заснул ещё до того, как ударился о пол.

Из кошель, из чудесной бездонной сумки, выполз Реджис, жадно глотая воздух после затхлого пространства в надразмерном кармане.

Он огляделся, заметил, что наступил рассвет, затем похлопал по берету.

Несколько секунд спустя из дома Форесби Янга вышла маленькая человеческая девочка. Она подскакивала, она семенила, она хихикала и играла в странные игры, в которые часто играют молодые люди, и всё время она направлялась к дому фермера Ясгура.

Где ждала Далия.

*Жужжание... уколы жала... маленькие вспышки
огненной боли яркие оранжевые вспышки...*

Они залезли в штаны, кусаются, тысяча ос, тысяча тысяч, без числа. Слишком много.

Тьфу тьфу, ох! Во рту! Они у меня в... Почему я не могу двигаться? Почему я ничего не вижу? Какая боль, маленькая боль, слишком много небольшой боли вместе.

Осы! Не осы!

Огненная боль яркие оранжевые вспышки... убейте меня. Убейте меня, пожалуйста.

Далия... Далия...

ЧАСТЬ 3

Культурные границы

Так много мудрых изречений преследуют нас на каждом шагу, но помогают ли они нам или просто ограничивают? Стоит ли прислушаться к подобным фрагментам знаний, или эти забытые пути древних времён лучше забыть или хотя бы пересмотреть?

В отношении традиций, древних изречений или обычаев я много раз находил справедливым второе. Сама концепция древней мудрости в конце концов кажется... неоднозначной, и как мы можем надеяться улучшить то, что оставили нам предки,

если мы должны следовать их путям? Неужели ритуалы и традиции так отличаются от материальных сооружений? Разве остановили бы дварфы добычу, достигнув границ выработок в своих древних родинах?

Конечно же нет. Они бы вырыли новые тоннели, и если бы во время этого они открыли лучшие строительные материалы или новую конструкцию помостов, то использовали бы их — и скорее всего вернулись в старые тоннели и усовершенствовали работу, проделанную отцами отцов отцов их отцов.

Тогда почему всё должно отличаться, когда дело касается традиций? Уж среди моего народа традиции точно служат ограничениями — и притом ужасными. Половина населения Мензоберранзана заперта в ловушку второстепенных ролей, их амбиции находятся в клетке слов более древних, чем самые старые тёмные эльфы, слов, написанных больше тысячи лет назад. В этом случае некоторые причины такого положения дел очевидны: госпожа Ллос и её заповеди. Действительно, религия — для тех кто верует в любую веру — зачастую не подлежит сомнениям и не изменяется под действием здравого смысла или призыва к простой справедливости. Слово вечно, говорят они, и всё же во многих случаях очевидно, что это не так.

Тогда почему эта так называемая мудрость держится так прочно?

Я считаю, что прихоти недоступного и (как удобно!) неопровержимого божества — лишь часть ответа. Другая часть относится к тёмным уголкам традиций любой разумной расы. Ведь те традиции, что сохранились вопреки всему здравому смыслу или очевидным моральным изъянам, те традиции, которых придерживаются наиболее рьяно, слишком часто служат на благо тех, кто получает от их соблюдения наибольшую выгоду.

В городе моего рождения носителям власти не приходится соперничать с половиной населения. Верховным матерям не приходится беспокоиться о мужчинах, и по традиции они могут использовать своих мужских партнёров как пожелают. Даже такие личные занятия, как занятие любовью, определяются потребностями женщин Мензоберранзана — и не испытывайте иллюзий по поводу «любви» в подобных отношениях — и мужчина, который не станет подчиняться, столкнётся с суровым наказанием за свою дерзость. Только женщина может возглавлять дом. Только женщина может восседать в Правящем Совете, и даже самый высокопоставленный мужчина в городе — обычно архимаг Мензоберранзана — по традиции, по закону, по требованию этих беспощадных правительниц, по-прежнему считается менее важным, чем самая незначительная из женщин.

Дроу — далеко не единственный народ, загнанный в тупик такой систематической несправедливостью, вовсе нет. В племени Вульфгара и у многих других народов севера сохраняется традиция патриархата вместо матриархата, и хотя мужчины не так жестоки в своей власти, как женщины-дроу, итог, подозреваю, не слишком отличается. Может быть, отношение и мягче — я вспоминаю стыд Вульфгара, который был так силен, что заставил его сбежать от нас, когда в припадке наведённых демоном воспоминаний он ударил Кэтти-бри. Я представить себе не могу, чтобы Вульфгар избил женщину намеренно или потребовал сексуальных удовольствий против её воли, но даже в раскаянии Вульфгара внутри у него на много лет сохранилась эта мягкая снисходительность. Он считал, что должен защищать

женщин — благородный обет, вот только происходил он из невысказанной, но очевидной убеждённости, что женщины не способны защитить себя сами. Он возводил их на пьедестал, но так, как будто они представляли собой нечто хрупкое — он просто не мог заставить себя понять истинные способности женщины, даже такой сильной, умной, способной и не раз проявлявшей себя, как Кэтти-бри.

Потребовались годы, чтобы Вульфгар избавился от этого и полностью осознал ценность, одинаковое достоинство и потенциал Кэтти-бри и других женщин. Так сильны были наставления из его молодости, что даже после столкновения с многочисленными очевидными доказательствами их ошибочности, потребовались большие усилия, чтобы освободиться от них.

Да, чтобы освободиться, ведь именно это и означает — принять, что всё, чему так тщательно тебя учили, замыслы целого общества вокруг тебя, могут быть ошибочны.

Вульфгар избавился от бессмысленного сексизма своего племени, и фактически, больше всего от этого выиграл сам Вульфгар.

Смею ли я надеяться, что с Ивоннель будет так же? Поскольку я знаю, что на это надеется Джарлакс, и такова его миссия, в которой он продолжает использовать меня в качестве блестящего примера. Мне остаётся только смеяться.

И надеяться, что могущественные верховные матери Мензоберранзана не устанут от игр Джарлакса до такой степени, что придут и убьют меня ради того, чтобы отобрать его главный символ.

Разумеется, повсюду есть люди, свободные от такого сексизма, но они тоже скованы своими традициями. По обычаю делзунских дварфов пол не важен по сравнению с заслугами. В Мифрил-Халле сейчас правит королева, Дагнаббет, дочь Дагнаббита, сына Дагны. Это неважно. Её правление будут судить лишь по её поступкам. В каждом аспекте дварфийской жизни, от поединков до приготовления пищи, от шахтёрской работы до обязанностей правителя, во всём, что посередине — важны лишь заслуги и умения.

Если речь идёт о дварфе.

Мне не на что жаловаться — скорее напротив! — относительно того, как обращались со мной дварфы за многочисленные десятилетия жизни на поверхности, но дело было скорее в личном расположении Бренора. Ведь он — настоящий авторитет для своего народа. Друг это друг, а враг это враг, и размер ушей, цвет кожи и рост не имеют для короля Бренора Боевого Молота ни малейшей значения.

Однако если бы не он, маловероятно, что дварфы Долины Ледяного Ветра когда-нибудь приняли бы к себе домой потерянного и скитающегося тёмного эльфа, как родного.

Если бы не появился другой дварф, похожий на Бренора, который повстречал меня на склонах Пирамиды Кельвина. Не могу отрицать такую возможность, поскольку в каждом народе, в каждой культуре, существует целая радуга качеств, предрассудков, сострадания, доброты и жестокости.

Среди людей бытует абсурдное мнение, будто дроу просто злые — о, поймите меня правильно, многие дроу действительно заслужили такую репутацию! Как и многие люди. Они воюют друг с другом не реже, чем дома дроу сражаются в тених, и в таких больших масштабах, что одна битва оставляет после себя даже больше

искалеченных жертв, включая тех, кто не принимал участия в бою, чем проживает населения во всём Мензоберранзане. Я был свидетелем Карнавала Пленников, когда судьи пытали своих сородичей-людей с таким же умением и злорадством, как любая жрица Ллос, заслужившая кнут. Я видел, как эльфы поверхности отказывают в укрытии беженцам, оставляя их на милость преследователей. Даже беззаботные зачастую полурослики не лишены тёмных порывов сердца.

И несмотря на всё это, я уверен, что завтра будет лучше. Бренор и другие дварфийские короли и королеввы не держат свой народ в таких ежовых рукавицах, как их предшественники. Реджис и Доннола не правят Кровоточащими Лозами, нет. Их называют лордом и леди деревни, но они скорее управляющие делами, и, что поразительно, они занимают этот пост с согласия прочих жителей. Поскольку Доннола изменила традиции клана Тополино. И теперь народ Кровоточащих Лоз получил великий дар: собственный голос.

Потому что именно так поступают традиции: они лишают личность права голоса. Они исключают сольные партии и фокусируются только на хоре — и горе тому певцу, что выступит против дирижёра!

Нет, Кровоточащие Лозы — скорее оркестр, где у каждого инструмента есть своё мнение, но который играет при этом в гармонии, создавая единое целое. Если жители выберут других руководителей, Доннола и Реджис отступят в сторону.

На такое завтра я надеюсь, поскольку верю, что лишь в обществе, где прислушиваются к нуждам каждого, будут удовлетворены нужды народа.

Это звук завтрашнего дня, и значит — завтра будет лучше, чем сегодня.

— Дзирт До'Урден

ГЛАВА 14

Если только

Год Ложной Сделки

1118 по Летосчислению Долин

Даб'ней потянулась, просыпаясь от глубокого сна, перевернулась на густых, тёплых мехах. Она не открывала глаз, потому что хотела целиком сосредоточиться на мягкости и уюте. Она знала, где находится, на тихом выступе в восточной стене Мензоберранзана, в безопасном месте, где редко бывали другие дроу — прежде всего потому, что вся эта область провоняла рабами-чудовищами. Здесь были гоблины и кобольды, но они оставались внизу, в своих грязных норах, и никто бы не осмелился вскарабкаться наверх, чтобы бросить вызов жрице и оружейнику.

Иронично, но именно здесь Даб'ней и её любовник могли найти мгновения покоя.

Наконец она потянулась и открыла глаза, и когда они приспособились к тусклому свету этого тёмного уголка Мензоберранзана, она различила силуэт Закнафейна, сидящего на краю, свесив ноги и рассматривая город. Она подползла к нему и оплела руками его шею и плечи.

- Да, он красив, - сказала жрица. Очень далеко, почти в полутора милях, огромная колонна Нарбондель сияла ранним утренним светом — оранжево-красный оттенок среди моря волшебных огней, украшающих сталактиты и сталагмиты, в основном синих и фиолетовых, хотя представлен был каждый из цветов спектра. Вся огромная пещера казалась живым, дышащим существом, цвета меняли оттенки и яркость, чтобы соответствовать эстетическим требованиям верховной матери каждого дома. Самыми прекрасными узорами из огней обладали великие дома в Ку'элларз'орле.

Такой спокойный облик для всегда суматошного Города Пауков, города, посвященного Госпоже Хаоса. Даб'ней пришло в голову, что любой, кто входил в пещеру с этой стороны, не зная хорошо дроу, получал такое первое впечатление о Мензоберранзане, какое приводило его к смерти или порабощению.

Как и хотели верховные матери.

Никогда раньше Даб'ней не задумывалась, что такой облик может быть тактическим выбором, а не просто красивыми декорациями. Но теперь, здесь, всё стало понятно.

- Должен быть красивым, - не особенно весело отозвался Закнафейн.

- Подумай о сосредоточенной здесь власти, среди этих огней и сумрака, - сказала Даб'ней, придвигаясь ещё ближе. - Кто кроме богов и великих владык нижних планов может пойти против нас и уцелеть?

- Власть создавать всё, что мы пожелаем, - согласился Закнафейн. - Только вместо этого мы так заняты убийством друг друга, что не смеем выглянуть за собственные стены. Стены, которые мы возвели, защищаясь друг от друга, а не от чужаков.

- Так заняты убийством друг друга, - насмешливо повторила Даб'ней, усмехаясь.

- Насколько я помню, Закнафейн весьма в этом преуспел.

Оружейник пожал плечами и оглянулся на женщину.

- Иначе я давно был бы мёртв. И какая разница? Если их не убью я, уверен, они найдут кого-нибудь другого, чьи клинки возьмутся за эту задачу.

- Интересно, сколько дроу считают точно так же? - спросила Даб'ней.

- Недостаточно, - отозвался он. - И так всё и будет продолжаться, пока, быть может, мы не убьём достаточно других дроу, чтобы позволить какому-то другому народу прийти и отплатить нам за нашу жестокость.

- Нашу жестокость? Это из-за их жестокости мы оказались здесь!

Короткий ответный смешок Закнафейна был таким смиренным, что заставил Даб'ней на какое-то время замяться.

- Нас предал Кореллон Ларетиан, - напомнила ему жрица. - Кореллон, бог эльфов с поверхности, который отдал нас Ллос — отдал нас, как будто рофов!

- Но ты же любишь Ллос, - парировал Закнафейн.

Даб'ней знала, что её замешательство, скорее всего, говорит само за себя, но она была застигнута врасплох и не смогла отреагировать достаточно быстро. «Любовь» была не тем словом, которым она могла бы описать свои чувства к Паучьей Королеве. Она боялась Ллос и понимала свой долг перед Ллос, и была предана Ллос, поскольку иное в Мензоберранзане означало, что тебя бросят и скоро убьют.

- Разве большая часть представителей любой расы не любит своих богинь? - спросила она, пытаясь как-то избежать этой неудобной темы, тем более с таким грубым и циничным собеседником, как Закнафейн До'Урден.

- Разве? Или они просто любят успокаивать свой страх смерти?

- Преданность — это не только страх, - настаивала она.

- Может быть, но когда дело касается богов и жизни после смерти, подозреваю, что дело именно в этом, - ответил Закнафейн. - Страх смерти слишком силен, как и страх никогда не увидеть тех, кого мы любим.

Он издал свой очередной беспомощный смешок, сочащийся фатализмом и ядом.

- Но при этом мы так боимся, что не осмеливаемся любить, правда?

Даб'ней зарылась лицом в волосы Закнафейна и ничего не ответила. По крайней мере — не словами, но он наверняка почувствовал её всхлипы, и этого было достаточно.

- Мы все пойманы, - прошептал он, обращаясь к себе и городу, а не к ней — Даб'ней знала. - Нами так долго правил страх, что мы боимся бояться.

- Ллос учит нас, что мы выше всех остальных, - сказала тогда Даб'ней, поскольку в этот миг действительно боялась, боялась, что даже такой разговор лишит её благосклонности Паучьей Королевы. Жрица без этой благосклонности — даже не обладавшая более официальным званием — будет поистине уязвимой. - Ты предпочёл бы, чтобы мы унижались перед злыми эльфами или горбатились в шахтах вонючих дварфов, или умоляли о принятии у короткоживущих, глупых людишек?

- Нет, конечно нет, - ответил он, и Даб'ней показалось, что она услышала нотки сарказма. - Лучше будем держаться за обиду, которая передаётся через поколения, по поводу события, которое могло иметь место на самом деле, а могло и не иметь, и может быть, было таким, как нам рассказывают, а может — и нет.

- Богохульство, - прошептала она предупреждение.

- Разве? Неужели изменение самой истории эльфийского народа ради личной выгоды противоречит заповедям, которые оставила Паучья Королева верховной матери Бэнр или любой другой? - отозвался Закнафейн.

Даб'ней и сама не раз задумывалась над этим, и подозревала, что практически каждый дроу много раз задавался тем же вопросом.

- Пленники, - прошептал Закнафейн. - Мы все пленники в темнице, которую построили сами.

- Разве твоя жизнь так плоха, Закнафейн? - спросила она, сжимая его крепче и прижимаясь лицом к шее. - Думать об этом сейчас, именно в этот момент... что ж, ты действительно меня уязвил.

Это вызвало у него улыбку, которую она рада была видеть. Оба замолчали и принялись смотреть на пляшущие и сверкающие волшебные огни Мензоберранзана, наслаждаясь прекрасным спокойствием.

Хотя знали, что это ложь.

Всего несколько дней спустя Закнафейн нырнул в тёмный переулок в Браэринне. Он считал себя дураком, раз пришёл сюда только из-за слов Даб'ней, и решил, что идёт навстречу собственной гибели.

Однако награда была слишком велика, чтобы просто о ней забыть.

В конце прямой улочки между двумя зданиями он аккуратно обогнул сталагмит, который служил правым углом поворота, и выглянул вперёд. Второй отрезок тоже пустовал, ширина прохода колебалась, но была достаточной, чтобы вместить тайные ниши. Это место было незнакомо Закнафейну, но он уже обошёл здания и сталагмиты этой паутины переулков и был уверен, что если его действительно ожидает награда, то она находится за этим вторым поворотом.

Он крался вперёд, бесшумный, как смерть. Он выглянул за угол.

Аратис Хьюн стоял всего в десяти шагах, прислонившись спиной к дальней стене переулка, слева от него была дверь — быстрый выход.

Закнафейн знал, что судя по позе мужчины может превратить это в засаду. Аратис Хьюн не держал в руках оружия. Он кого-то ждал, но не Закнафейна. Нет, он ждал Даб'ней, и поэтому у него не было особых причин осторожничать.

Если броситься вперёд на полной скорости, вся инициатива достанется Закнафейну. Оружейник превосходил Аратиса Хьюна и скорее всего мог закончить бой ещё до его начала. Но вместо этого Закнафейн покачал головой и в открытую вышел из-за угла, с мечами в ножнах, чтобы встретить своего врага.

По лицу Аратиса было видно, что он удивлён. Он оторвался от стены, выпрямился, опустил руки по бокам.

- Что ты здесь делаешь?

- Ты ожидал кого-то другого? - отозвался Закнафейн.

- Или вообще никого не ожидал.

- Ты пришёл сюда поразмышлять о смысле жизни?

Аратис Хьюн бросил на него злобный взгляд.

- А может быть, подумать о коварстве, которое управляет каждым твоим шагом? Предательстве, которое наполняет твоё сердце? Неспособности различать врагов и друзей?

Закнафейн продолжал идти, остановившись лишь в трёх шагах от другого мужчины.

- Что за чушь ты несёшь, оружейник? - гневно спросил Аратис.

- Ты отрицаешь?

- Возможно, - со смешком отозвался убийца. - А что я отрицаю?

- Ставки в бою с Дувонем Тр'арахом, - сказал Закнафейн, - были неравными.

- Ставки? Ставки были открытыми и принесли выгоду многим из нас.

- Другие ставки, - подчеркнул Закнафейн. - Либо Дувон жульничал, либо кто-то прибегнул к обману вместо него.

- Не особенно удачно, в таком случае, - сухо отозвался Аратис.

- Насколько я слышал, Аратису Хьюну со ставками не так уж повезло, - сказал Закнафейн.

- Спроси Джарлакса о мешках золота, которые я отдал ему.

- Золото Джарлакса. А что насчёт твоего собственного?

- А при чём тут Закнафейн?

- При том, что кто-то сжульничал в пользу Дувона.

- Ты меня обвиняешь?

- Да.

- Ты же знаешь, как устроен Мензоберранзан, оружейник. И сейчас, как твой друг, я прошу тебя об осторожности. Подобные обвинения нельзя выдвинуть без...

- Не пытайся изображать снисходительность и учить меня обычаям нашего народа. Я уверен в том, что говорю. Но знай вот что: я выдвигаю обвинения только перед тобой, в открытую, в одиночестве, стоя прямо перед тобой.

- И я их отрицаю.

- Конечно отрицаешь, но по моему опыту большинство жуликов ещё и лжецы.

Аратис Хьюн хмыкнул.

- Сотни глаз следили за этим боем. Что я мог такого проверить...

- Кувайлин Облодра, - оборвал его Закнафейн.

Выражение лица Аратиса Хьюна серьёзно переменилось, и внезапно показалось, что он совсем не хочет что-то отвечать.

Оба понимали, что говорить больше не о чем.

Оба дроу достали своё оружие — два меча Закнафейн, меч и длинный кинжал — Аратис Хьюн.

Закнафейн быстро шагнул вперёд, вынудив противника поднять клинки. Он быстро резанул справа и прыгнул на стену переулка, затем немедленно оттолкнулся в другую сторону, перевернувшись в воздухе и приземлившись на спружинившие ноги, метнулся вперёд, чтобы закончить свою атаку.

Только теперь Аратис Хьюн был с ним не на равных. Он вынужден был последовать за рывком противника взглядом и телом.

Ему пришлось блокировать своим мечом наискосок, справа налево, чтобы перехватить рубящий удар сверху правого меча Закнафейна, затем сделать небольшой разворот, чтобы перехватить меч Закнафейна, быстро скользнувший с другой стороны.

Однако затем убийца смог удивить оружейника, не доводя до конца второй блок против колющего удара Закнафейна. Вместо этого его рука скользнула между скрещёнными клинками, его кинжал ловко захватил меч противника, и Аратис вывернул его вовнутрь и наискосок, разворачивая бёдра в другую сторону.

Аратис Хьюн избежал первых ударов и теперь пробежал два шага, чтобы прыгнуть на заднюю стену переулка под таким углом, чтобы вторым прыжком угодить на стену слева от Закнафейна, а оттуда третьим прыжком с быстрым сальто приземлиться рядом с противником, только сбоку, чтобы перехватить инициативу.

Вот только Закнафейна не было на месте.

Поскольку когда Аратис Хьюн начал своё отступление, Закнафейн мгновенно оценил вероятные углы и прыжки, запланированные противником, и поэтому бросился вперёд, оттолкнулся от правой стены, высоко подскочил, ухватившись за край крыши и оттуда взметнувшись ещё выше, высоко подбросил свой правый меч, ухватившись за верхнюю часть дверного косяка правой рукой, чтобы начать

разворот, который отправил его к задней стене, где он оттолкнулся и закрутил заднее сальто.

Выполнив этот манёвр, он увидел движения Аратиса Хьюна и подобрал ноги, чтобы приземлиться точно в нужное мгновение.

Он приземлился через долю секунды после Аратиса Хьюна, возникнув абсолютно внезапно перед озадаченным убийцей. Закнафейн подхватил свой падающий меч, в то время как его левая рука быстро заработала, чтобы увести блокирующий меч и кинжал противника вниз, слишком низко, чтобы отразить удар сверху.

И вот так Закнафейн его достал.

- Оружейник До'Урден мог бы получить огромное преимущество, если бы сразу же атаковал, а не занимался с врагом болтовнёй, - сказала гостье верховная мать Соулес Армго. Две женщины смотрели на поверхность неподвижной воды прорицательного источника, видя там события, развернувшиеся в назначенном переулке.

- Закнафейн не стал бы так поступать, - ответила могущественной матери Даб'ней Тр'арах. Она нервно поёрзала, не впервые задумавшись, не совершает ли ужасную ошибку. - Он слишком благороден.

- Слишком глуп, ты хочешь сказать. Проживёт он недолго. Мать Мэлис получила себе прекрасного бойца, но если он не станет прекрасным убийцей, то скоро превратится в очередной гниющий труп.

Даб'ней начала отвечать, но сдержалась и просто кивнула. Она пыталась не вздрагивать, чтобы не выдать своих эмоций по отношению к Закнафейну, но внутри у женщины всё узлом скрутилось от беспокойства. Когда она приняла сделку, предложенную матерью Соулес и незаметно устроила этот бой, боль была такой, что жрица и представить себе не могла.

Она сосредоточилась на изображении в волшебной воде, уже второй раз за последние десять дней наблюдая за своим прекрасным любовником в свирепом поединке с умелым противником.

Как бы ни был хорош Закнафейн в бою с Дувом, сейчас, в месте попросторнее и с меньшим количеством зрителей, она увидела его во всём великолепии. Он прыгал, вертелся и приземлялся для новой атаки. Она задышала чуть-чуть посвободнее, уверившись, что Аратис Хьюн не может одолеть Закнафейна.

Но затем изображение неожиданно сменилось темнотой.

Закнафейн собирался нанести смертельный удар. Его меч был нацелен прямо в череп убийцы.

Но потом оружейник сам получил удар — как будто его лягнул крупный роф. Чувства покинули его, мысли смешались и разлетелись в стороны. Он попытался поднять свои мечи в защитную стойку — лишь затем, чтобы понять, что оружия в руках больше нет.

Осознание поразило его, и он понял, что безнадежно, беспомощно уязвим. Он сделал неверный шаг вбок, к задней стене переулка, но не смог даже удержать равновесия и осел, ожидая, что сейчас Аратис Хьюн налетит на него и порежет на кусочки.

Лишь замерев в сидячем положении у стены, оружейник понял, что противник тоже был поражен. Аратис Хьюн шатался, делая неровные шаги в сторону входа в переулочек, пытаясь устоять на ногах, но тщетно — он рухнул на камни.

Закнафейн услышал громкий удар, когда лицо Аратиса столкнулось с полом пещеры. Он не понимал, что здесь происходит, пока не посмотрел мимо Аратиса Хьюна, увидев, как в переулочек спокойно входит знакомая фигура.

Джарлак наклонился к Аратису и забрал его оружие, затем швырнул его назад ко входу. Потом Джарлак забрал мечи Закнафейна и крутанул их в руках, приготовив к драке.

У Закнафейна по-прежнему кружилась голова, он всё ещё пытался осознать происходящее, в чём бы оно ни заключалось.

- Это не... - услышал он голос Аратиса, хриплый и смазанный, поскольку убийца тоже не пришёл в себя после этого загадочного удара.

- Мне всё равно, - резко ответил Джарлак. - Своё мнение по этому поводу я высказывал вам обоим.

- Закнафейн напал на меня, - ответил Аратис Хьюн уже более крепким голосом.

- Забирай своё оружие и уходи, - приказал Джарлак. - Прочь из переулочка, прочь из Браэрина. Встретимся с тобой завтра, когда снова загорится Нарбондель.

Аратис Хьюн начал отвечать, но Джарлак оборвал его резким «Иди!»

Закнафейн сумел подтянуть себя в сидячее положение, посмотрел в конец переулочка, глядя, как уходит его враг и выходит другой, незнакомый ему дроу, который разминутся с убийцей без единого знака узнавания, насколько мог судить оружейник.

- А ты, - сказал неизвестному дроу Джарлак. - Что мне делать с Закнафейном?

- Ты уже всё сделал, - напомнил ему Закнафейн. - Потому что Закнафейн теперь До'Урден, а не Бреган Д'эрт.

Джарлак вздохнул.

- Ты король ставок, - сказал ему Закнафейн. - Заключим новое пари. Поставь этого мерзкого Хьюна в переулочек и не ставь против меня. В этот раз — обещаю. Не ставь против меня.

- У нас уже был этот разговор, - парировал Джарлак.

Закнафейн посмотрел на незнакомого дроу, очень молодого с виду мужчину, который стоял в нескольких шагах позади Джарлака и, казалось, скучал.

- Вы оба представляете для меня ценность, - сказал Джарлак, снова привлекая его внимание. - Большую ценность, чем несколько мешков золотых монет. Нам предстоит долгие годы наращивать своё влияние, друг мой, а ваши попытки убить друг друга серьёзно мешают моим планам.

- В Бездну твои планы! Он пытался подстроить мою смерть. При помощи *обмана*. Если бы у Аратиса Хьюна всё получилось, я погиб бы от рук Дувона.

Джарлак пожал плечами.

- Мы дроу. Таков наш путь. Мы убиваем, если видим выгоду. Но выгоды не будет, если один из вас умрёт. Может, Аратис Хьюн пока что и не осознал истинную силу Бреган Д'эрт, но рано или поздно он поймёт, что нам всем куда выгоднее иметь Закнафейна на нашей стороне.

- Ты хитрый дурак, - сказал Закнафейн. Он не пытался скрывать свой гнев. - И считать себя самым умным — самая большая твоя глупость.

- Мы дроу, как я уже сказал. Разве ты не понял, что это значит?

- Ну так объясни мне, Джарлак, что это значит. Что мы должны ожидать обмана и предательства? Что доверять не стоит никому?

- Да, оба раза!

- Но ты просишь доверять тебе, - сказал Закнафейн, и Джарлак в кои-то веки не нашёл, что ответить.

Молодой мужчина за спиной у Джарлакса захихикал.

- А ты ещё кто? - гневно поинтересовался Закнафейн.

- Это Киммуриэль, - ответил Джарлак.

- *Никто не хочет тебя злить*, - услышал Закнафейн у себя в голове, и тогда всё понял. Он уже слышал имя Киммуриэль в связи с домом Облодра, известным своей магией разума.

Магией разума, как тот незримый удар, отправивший на землю Закнафейна и Аратиса.

Как та атака, которую Хьюн использовал против него в поединке с Дувонем.

Закнафейн снова устремил взгляд на Джарлакса, на этот раз уставившись на глазную повязку командира наёмников и размышляя, нет ли способа её позаимствовать — на достаточное для единственного удара время.

Даб'ней продолжала оглядываться на тёмные воды источника, выдавая свою нервозность. Она действительно устроила этот бой, чтобы оказать услугу матери Соулез, которая пыталась защитить Утегенталя. Огромный оружейник дома Баррисон Дель'Армго по слухам уже давно присматривался к Закнафейну. Даб'ней знала Утегенталя только издалека, но даже этого поверхностного знакомства ей хватило, чтобы понять, почему Соулез так хочет избавиться от Закнафейна. Это не только повредит честолюбивой матери Мэлис, замедлив её восхождение, но ещё и не позволит ценному Утегенталю сразиться с другим оружейником в бою, где Утегенталь скорее всего — но не гарантированно — победит.

Какой катастрофой станет для Соулез Армго поражение Утегенталя от рук Закнафейна!

Даб'ней посмотрела на верховную мать, которая тоже с недовольным видом вглядывалась в потемневшую воду.

- Как вы думаете, что случилось, мать? - осмелилась спросить Даб'ней.

Мать Соулез хлестнула своим взглядом по жрице. Даб'ней казалось, что Соулез, несмотря на её положение, не намного старше. Но вопросов о том, кто из них сильнее, не возникало. Самые элементарные основы религии давались Даб'ней с трудом, а Соулез была могущественной старшей жрицей и теперь стала верховной матерью. И Соулез играла в игру Мензоберранзана почти лучше всех — её дом был

не так нескрываемо амбициозен, как дом До'Урден, но Армго скорее всего посадят свою мать в Правящий Совет намного раньше, и наверняка Соулез назначено более высокое место в совете, чем когда-либо может надеяться занять мать Мэлис.

Если два дома однажды начнут войну, скорее всего Мэлис будет мертва уже через час.

Если из уравнения пропадёт Закнафейн.

Он может добавить лишний час.

Наконец, вода снова замерзала, и опять возникло изображение переулка.

Пустого переулка.

- Крови нет, - заметила Даб'ней.

- Ты отправишься туда и узнаешь, что произошло, - сказала ей Соулез. - Немедленно.

Даб'ней нервно переминалась с ноги на ногу. Она понятия не имела, кто из двух остался в живых, если не оба. Она понятия не имела, вмешался ли кто-нибудь в их драку — может быть, тот, кто узнал о её визитах в дом Баррисон Дель'Армго и вычислил её роль в организации этого поединка.

Аратис Хьюн наверняка убьёт её, если узнает об этом. Закнафейн может не убить, подумала она, но каким-то образом это будет даже больнее.

Потому что, поняла Даб'ней, она любит его.

И всё-таки устроила этот бой, в котором оружейник вполне мог погибнуть.

Даб'ней перевела взгляд с изображения в прорицательном источнике на мать Соулез. Верховная мать предложила ей так много — слишком много, чтобы можно было отказаться. Кто бы ни выиграл бой, Даб'ней поднимется в иерархии Бреган Д'эрт просто за счёт убийства вышестоящего, но Соулез также пообещала ей место в доме Баррисон Дель'Армго.

Она станет жрицей влиятельного дома, который Даб'ней не могла не уважать, в основном из-за того, как умело мать Соулез оберегала его от внимания, которое могло привести семью к краху.

Одна из причин, по которой этот дом так затаился — а ещё причина, стоящая за большей частью его влияния — заключалась в том, как Соулез использовала мужчин, черпая силу в волшебниках и воителях, а не в жрицах. Последних было мало и они не особенно впечатляли. Высокомерные матери других домов не могли осознать, или не готовы были признать силу Баррисон Дель'Армго без подходящего соотношения жриц.

И всё же, несмотря на как будто бы невысокое положение среди домов, другие матери не обращали внимание на угрожающий им дом Баррисон Дель'Армго.

Учитывая всё это, предложение было крайне заманчивым. Если бы её приняли в семью, предстоящее соперничество в алтарном зале напоминало бы то, что она уже знала в доме Тр'арах, ещё более незначительном доме. Кроме матери Соулез, и возможно её многообещающей юной дочери Мез'Баррис, здесь было не так много божественной силы, чтобы противостоять ей.

Да, Даб'ней могло бы это понравиться. И впервые после падения дома Тр'арах она будет в безопасности.

Она оглянулась на прорицательный источник. Какая-то часть её надеялась, что Закнафейн выиграл бой, а Аратис Хьюн погиб.

Но ещё большая часть надеялась, что эти двое убили друг друга.

Даб'ней не хотела этого признавать даже наедине с собой, но постоянно повторяла себе, что в Мензоберранзане нет места для любви и ещё меньше места для чести. Даже если бы Закнафейна не сгубило её вмешательство, сколько он смог бы прожить?

И сколько смогла бы прожить она, задумалась Даб'ней, покинув дом Баррисон Дель'Армго — вопрос, который скоро возник снова после того, как она зашла в «Сочащийся миконид» и узнала от бармена Харбондейра, что и Закнафейн, и Аратис Хьюн вышли из того переулочка живыми благодаря вмешательству самого Джарлакса.

Даб'ней немедленно ретировалась в одну из своих многочисленных комнат, разбросанных по городу, и оставалась там несколько дней, даже призывая пищу и питьё с помощью собственной магии, чтобы не оказаться рядом с потенциальными убийцами. Она проигрывала в голове каждый сценарий, который только могла вообразить, учитывая катастрофические последствия неудачи в переулке. Захочет ли Закнафейн убить её? Аратис Хьюн? Мать Соулес? Следует подготовиться к первым двум, но не к последней. А ещё оба покушения (или все три) не могли произойти одновременно. Это несколько успокоило её нервы, поскольку двое мужчин подходили к мести совершенно по-разному.

И кто знает, как вершила месть хитроумная верховная мать.

Однако сейчас мысли Даб'ней занимали эти двое мужчин, особенно когда она рассмотрела вероятность, что оба поймут её роль и догадаются, почему она так поступила, и таким образом придут за ней одновременно.

Немногие из обитателей города могли пережить покушение от этих двоих.

Не раз за следующие пять дней Даб'ней говорила себе, что она зря переживает, что её роль в поединке не так уж и велика, и скорее всего, вместо того, чтобы обвинять, Закнафейн и Аратис поблагодарят её за шанс убить друг друга.

Но когда на пятый день её самопровозглашённого домашнего ареста раздался тихий стук в дверь, бедная Даб'ней чуть не выскочила из штанов.

Она подкралась к двери и прислушалась.

- Можешь не открывать, - раздался голос у неё за спиной, и она резко обернулась, чтобы увидеть Джарлакса, усевшегося на край кровати. - Я постучал просто чтобы дать понять, что у тебя гости.

- В таком случае, добро пожаловать, - отозвалась Даб'ней, пытаясь сохранять спокойствие. - Я как раз собиралась поужинать — я неплохо наловчилась создавать не только сытную, но и приятную на вкус трапезу. Присоединишься?

- Как я могу отказать? - спросил всегда осмотнительный наёмник.

Даб'ней не солгала о своём растущем умении призывать еду и питьё, и наколдowała пир, достойный высокого гостя. Джарлакс внёс свою лепту, достав из бездонной сумки бутылку выдержанного фейского вина.

- В последнее время тебя не было видно, - заметил Джарлакс, как только они приступили к трапезе. - Я начал волноваться, что потерял могущественного союзника. В Бреган Д'эрт не так много носителей божественных сил.

- Конечно же, дело именно в этом, - ответила Даб'ней немного более скептически, чем намечалась. Когда она задумалась над своим произвольным

ответом и недоумением Джарлакса, то поняла, что её всё равно. Может быть, настала пора кому-то поставить этого самовлюблённого пройдоху на место.

- Ты хочешь заявления об общих интересах и выгоде? - спросил Джарлакс.

- Я даже не знаю, что это значит, - ответила она. Она знала, чего на самом деле хочет, но не собиралась этого говорить. Заявление, которого Даб'ней отчаянно хотела, было о дружбе и преданности.

Однако она знала, что не получит и не может его получить. Дроу в Мензоберранзане редко оставляли себя такими уязвимыми.

- Я рад, что ты в порядке, жрица Даб'ней. Правда, - он поднял бокал с вином в её сторону.

Она это приняла, даже чокнулась с ним, и сказала себе, что тем и удовлетворится, поскольку это уже было больше, чем стоило ожидать от любого тёмного эльфа. Кроме того, она поверила Джарлаксу и поверила бы ему, назови он её другом на самом деле — точно так же, как верила, что Закнафейн дорожит ею.

Пригубив вино, Даб'ней порадовалась, что бокал скрывает её лицо, поскольку осознала, что маленькая жестокая женщина, с которой она заключила договор, мать Соулес Армго, никогда не будет так к ней относиться.

Никогда.

- Как дела у двух твоих лейтенантов? - спросила она.

- Трёх.

Это удивило Даб'ней — на секунду у неё даже зачастило сердце. Неужели он предлагает ей занять такую же должность?

- Я нашёл третьего, - продолжал Джарлакс. - Нового товарища для всех нас, ценность которого невозможно переоценить.

Даб'ней тупо уставилась на него.

- Думаю, вы скоро с ним встретитесь.

- С кем?

Джарлакс поднял руку и покачал головой.

- Раз его здесь нет, не буду пока его представлять.

Даб'ней сделала ещё глоток вина, на этот раз — чтобы скрыть недовольную гримасу.

- Что же до Закнафейна и Аратиса Хьюна, - говорил Джарлакс, - у них всё хорошо. Закнафейн вернулся к матери Мэлис и пока что побудет дома, я думаю. Она не станет рисковать им в ближайшее время. Ходят слухи, что Мэли... мать Мэлис готовится занять очередную ступеньку в городской иерархии.

Даб'ней знала, что эта оговорка в отношении матери Мэлис была способом Джарлакса оценить её. Она была жрицей Ллос, и ни одна истинная жрица Ллос не допустит, чтобы подобное пренебрежение этикетом прошло незамеченным.

Но Даб'ней оставалась бесстрашна.

- Аратис Хьюн покинул город, - продолжал Джарлакс, очевидно удовлетворённый её молчанием. - Его миссия ведёт к самому Чед Насаду.

Даб'ней искала в красных глазах Джарлакса намёк на ложь. Эта история была слишком удобной, чтобы заставить жрицу расслабиться и позволить Аратису Хьюну легко прикончить её.

Он продолжал:

- Когда ты собираешься вернуться в «Сочащийся миконид»?

- Чтобы познакомиться с твоим новым лейтенантом? - холодно ответила она. - Ожидаешь, что я буду кланяться?

- Ни за что! - быстро ответил Джарлак. - Конечно же нет. О дорогая Даб'ней, я слышу гнев в твоих словах. И понимаю его. Но я удивлён, что приходится тебе объяснять: ты никогда не займёшь положение среди верхушки Бреган Д'эрт. По крайней мере, не в открытую. Думаешь, верховная мать Бэнр и другие из Правящего Совета позволят такое жрице Ллос? Насколько они знают, насколько они *должны* знать, ты просто внештатная сотрудница, которая иногда работает на Бреган Д'эрт и всегда получает достойную компенсацию.

- По моим роскошным апартаментам это особенно заметно, - саркастично заметила Даб'ней.

Джарлак встал, собираясь уходить. Он замер и окинул взглядом просторную и не так уж плохо обставленную комнату, которая, как они оба знали, была одной из нескольких, принадлежавших жрице.

- Лучше так, чем как в тот раз, когда Даб'ней обнаружила себя после катастрофической атаки дома Тр'арах на дом Симфрей.

- В той битве мой дом победил.

- Ту битву вы проиграли, - поправил её Джарлак. - Из-за смерти матери Хаузз.

- Только потому... - начала возражать она со вспыхнувшим жаром.

Джарлак остановил её поднятой рукой.

- Это была война домов дроу, - сказал он. - В таких делах не бывает «только потому...» Дом Тр'арах постигла катастрофа потому что против него объединились силы крупнее, чем дом Симфрей.

- Включая тебя.

- Включая меня. И это единственная причина, по которой ты выжила. Как и твой брат, раз уж на то пошло.

Двое ещё долго смотрели друг на друга, потом Джарлак коснулся лба в полусалюте и покинул комнату через дверь — закрытую, но отворившуюся в ответ на его устный приказ ещё прежде, чем наёмник коснулся её!

Даб'ней ещё долго сидела, не поднимаясь, чтобы закрыть дверь, обдумывая их разговор. Джарлак открыто поставил ограничение на её карьеру в его отряде, но как ни странно, она не злилась и даже не радовалась тому, что связала судьбу с матерью Соулес. Потребовалось какое-то время, чтобы она разобралась с этим кажущимся парадоксом. Если она не может подняться в рядах Бреган Д'эрт, разве не логично будет желать присоединиться к дому Баррисон Дель'Армго?

Но Даб'ней не могла отрицать аргументы Джарлакса. Если бы он повысил её или любую другую жрицу в отряде до командирской должности, особенно теперь, когда Бреган Д'эрт стал весьма силен, некоторые из верховных матерей могли бы увидеть в них угрозу — может быть, даже потенциальный новый дом, и тем более опасный, что он был мобилен, даже бесплотен, и обладал деловыми связями среди величайших домов города.

Она не смогла в этом разобраться. Сейчас не смогла.

Равно как и не была уверена в своих чувствах по поводу того, что Закнафейн оказался заперт в доме До'Урден. Она скучала по его ласкам и поцелуям, но может

быть, это к лучшему. По крайней мере, когда он рядом с Мэлис, жестокая Соулез нескоро сможет подстроить его гибель.

Даб'ней встала и подошла к двери, осторожно проверив коридор снаружи.

Она надеялась, что Аратис Хьюн действительно покинул город, а ещё надеялась, что его путешествие займёт много, очень много времени.

ГЛАВА 15

Каждый угол

Молодой воин-дроу выглянул за край балкона, стараясь не показываться на глаза. Он не хотел, чтобы мужчина в практически пустом помещении внизу знал о его присутствии. Для него это было всё равно, что подсматривать за раздевающейся женщиной или молящейся жрицей. Нельзя надеяться получить такое же удовольствие — или такие же сведения — если цель знает о твоём присутствии.

Дайнин До'Урден, второй сын, пошёл на большие усилия, обустроявая эту часть балкона, окружавшего тренировочный зал дома До'Урден, чтобы наблюдать за происходящим внизу, оставаясь незамеченным.

Наконец-то его усилия оправдались.

Внизу стоял Закнафейн, дроу, который пользовался немалой известностью среди петляющих улочек Мензоберранзана. Обнажённый по пояс, с блестящими от пота натянутыми мускулами, мужчина уже завершил более энергичную часть своих ежедневных тренировок.

Теперь он стоял спокойно, чуть в стороне от позиции Дайнина. Его руки свободно висели по бокам — он принял расслабленное положение, обычное в безопасной ситуации. Перед ним, правее, сидела на задних лапах крупная крыса, жующая какой-то огрызок.

Дайнин не понимал. В доме До'Урдена не должно быть крыс; как одна из них могла сюда проникнуть?

Грызун взвизгнул и поплёлся прочь, и тогда Дайнин понял, что это создание каким-то образом участвует в тренировке, поскольку Закнафейн взорвался действием.

Руки вылетели вперёд, по пути вытаскивая мечи из ножен. Его левый клинок перевернулся, поднимаясь прямо над плечом, чтобы уколоть остриём за спину и немедленно ударить наискосок через правое плечо.

В то же самое время оружейник уколол назад своим правым клинком. Вместе с этими ударами он разворачивался, и левый клинок оказался перед ним.

Воинские инстинкты сообщили Дайнину, что Закнафейн устремит этот клинок направо, завершая режущий круг, когда он развернулся и отступил, расходясь с воображаемым убийцей, который пытался заколоть его в спину.

Но нет!

Закнафейн остановил дугу клинка, перехватил рукоять и ударил мечом назад, как поступил с правым, и развернулся, возвратив правый клинок, который совершил широкий и свирепый рубящий удар сверху.

Дайнин видел Закнафейна сотни раз и даже тренировался с ним.

Но такого ему видеть не приходилось.

Закнафейн вернул мечи в ножны и бросил крысе пригоршню крошек.

Грызун снова уселся и начал есть, а Закнафейн снова принял расслабленное положение, в точности как раньше, только теперь Дайнин видел его больше спереди.

Крыса пискнула и шевельнулась, и клинки оружейника просто возникли в его руках — левый пошёл вверх и назад с пугающей и прекрасной плавностью. Взгляд Дайнина был прикован к левой руке Закнафейна, к сложной работе пальцев оружейника в этом великолепном и точном перехвате рукояти.

Ни одного лишнего движения. Ни одного.

Дайнин пытался уследить за последовательностью движений: перехват, укол; второй, неожиданный укол; и последний, сокрушительный рубящий удар. Каждое движение перетекало в следующее. Каждый поворот, скручивание или смещение центра тяжести при завершении одного движения помещало Закнафейна под верным углом и в верной позиции для выполнения следующего.

Ещё один кусок полетел к крысе. Закнафейн использовал живое существо, потому что его поведение нельзя было предсказать. Крыса, а не Закнафейн, заставляла оружейника начать свой яростный вихрь.

Дайнин считал, что это просто гениально. Вместо того, чтобы самому определять начало своего упражнения, что, разумеется, не вариант для бойца, защищающегося от настоящей засады, этот непревзойдённый оружейник позволил делать это существу — абсолютно хаотичному созданию. Ещё более выдающимся было то, что очерёдность приёмов перед Дайнином была разработана для единственной конкретной ситуации, для неожиданного удара под единственным углом.

Сколько сотен часов Закнафейн трудился, доводя до безупречности эти несколько движений? Сколько похожих комбинаций он разработал и отточил для реакции на другие угрозы?

Там, на балконе тренировочного зала, Дайнин До'Урден начал понимать, что на самом деле представляет из себя Закнафейн. Дайнин считал себя многообещающим воином-дроу и наблюдал в деле многих лучших фехтовальщиков Мензоберранзана, два раза даже становился свидетелем настоящего поединка между мастерами. Он понимал воинское искусство и красоту танца клинков.

Но это? Это было нечто большее. Это был такой уровень опасности и совершенства, которого Дайнин даже представить себе не мог.

Закнафейн снова повторил свой приём, а потом ещё раз.

Дайнин понял, что он будет делать его ещё дюжину раз. Может быть, две дюжины. Может быть, сотню раз!

Дайнин покачал головой и бесшумно ускользнул, покинув зал сквозь обустроенную им небольшую потайную дверь. В одиночестве пересекая коридоры дома, он мог лишь качать головой — потерявшись в мыслях где-то между чистой красотой увиденного и неожиданной и сильной неприязнью к оружейнику

Закнафейну. Один раз он остановился, закрыл глаза и повторил про себя последовательность движений: перехват меча, укол, укол, разворот, рубящий удар.

Сколько ему понадобится принести в жертву, чтобы хотя бы приблизиться к такому уровню точности и скорости? Сможет ли он вообще достичь подобного мастерства, даже если посвятит этому каждый час своей жизни?

Дайнин восхищался Закнафейном.

Дайнин благоговел перед Закнафейном.

Дайнин ненавидел Закнафейна.

Даб'ней чуть не охнула, когда Закнафейн вошёл в «Сочащийся миконид». Прошло больше семидесяти дней с того дня, когда он сражался с Аратисом Хьюном в переулке. Она не могла скрыть своего счастья при виде его, но не могла и не обращать внимания на свой страх.

Сердце тянуло её к оружейнику.

Голова говорила ей бежать.

С Даб'ней — да и с любым тёмным эльфом — сердце побеждало не так уж часто, но на этот раз она не прислушалась к предупреждению разума и не сбежала, вместо этого оказавшись перед усевшимся оружейником.

Закнафейн поднял взгляд и улыбнулся, тепло и гостеприимно, и она решила, что улыбка искренняя. Он жестом пригласил её сесть рядом, что она и сделала.

- Я надеялся встретить тебя здесь, - признался он.

- Разве ты пришёл не по просьбе Джарлакса?

Даб'ней подняла два пальца и показала Харбондейру.

- Я не видел Джарлакса и не получал от него вестей... с того дня в переулке, когда он украл у меня победу.

- Победу?

- О да, - заверил её оружейник. - Аратис Хьюн знает об этом. Мне сообщили, что он покинул Мензоберранзан.

Скорее всего, временно, подумала Даб'ней, но не стала говорить этого вслух.

Подошёл Харбондейр с парой стаканов, поставил их перед посетителями. Как только он отвернулся и направился обратно к барной стойке, Закнафейн отодвинул свой стакан.

Даб'ней недоумённо посмотрела на него.

- Ты ведь не думаешь...

Закнафейн потянулся, взял её стакан и заменил им свой. Он откинулся на спинку стула, скрестив руки в привычной для Закнафейна позе силы, подняв одну из них достаточно, чтобы жестом пригласить её угощаться.

Даб'ней посмотрела в клубящуюся янтарную жидкость в стакане, потом перевела взгляд на Харбондейра, который не смотрел в их сторону.

Она пожала плечами и пошевелила пальцами над выпивкой, прочитав мелкое заклинание, потом взяла стакан, подняла его в тосте, и поднесла к губам.

Как только жрица его опустила, Закнафейн толкнул к ней второй стакан и жестом попросил очистить и эту выпивку.

- Это был мой, - запротестовала она. - Думаешь, Харбондейр собирается отравить меня?

Закнафейн поднял брови и хитро усмехнулся, но не стал убирать руки с груди и забирать стакан.

Даб'ней чуть не засмеялась, но прикусила язык, осознав, что именно следует из опасений Закнафейна. Он знал, что Харбондейр не станет отравлять Даб'ней, но может быть бармен ожидал подмены стаканов, возможно даже при участии Даб'ней?

Женщина засмеялась и прочитала новое заклинание, обратив внимание, как пристально смотрит на неё Закнафейн, пока она совершает точные жесты и шепчет нужные формулы. Закончив, она толкнула стакан к нему, но к изумлению жрицы, Закнафейн встал.

- Давай уйдём отсюда.

Даб'ней потянулась к выпивке, но передумала, заметив полный ненависти взгляд, брошенный Закнафейном в сторону барной стойки. Она тоже встала и решила, что так даже лучше. Слишком давно Закнафейн не сжимал её в объятиях.

Какое-то время спустя они лежали рядом, и на их телах в мягком свете свечей блестели капли пота.

- Я скучала по тебе, - сказал Даб'ней.

- Надеюсь, ожидание того стоило.

- Ты того стоил, - поправила она и игриво провела пальцем по его носу.

- Я трижды в день покидал дом До'Урден после того боя. Но увы, ты куда-то запропастилась.

- Я не знала — до сих пор не знаю! — что случилось в переулке, - ответила она. - И когда ты сразу же не вернулся, я испугалась. Я решила, что лучше будет заняться другими делами.

- Меня кое-что интересует, - сказал Закнафейн. - Скажи, как ты заманила туда Аратиса Хьюна?

- Так же, как и тебя, - ответила Даб'ней, почти не задумавшись над ответом, хотя это была не совсем правда. Закнафейн пришёл, ожидая поединка с Аратисом, но Аратис рассчитывал встретиться там с Даб'ней и другим оружейником, которого многие считали величайшим воином в городе.

Она заметила след сомнения в устремлённом на неё взгляде Закнафейна. Всего лишь мимолётную искру, которая исчезла сразу же, как только появилась — или была погашена, прежде чем выдать владельца.

Много дней спустя поздней ночью Даб'ней сидела в одиночестве в своих покоях, читая историю Мензоберранзана, которую дал ей Джарлак. Ей было одиноко, и более того — ей было скучно.

Она надеялась, что Закнафейн вскоре возвратится. Она надеялась, что Джарлак затеет какую-нибудь новую проказу — что угодно, чтобы привнести немного волнения в её жизнь.

Но больше всего она хотела, чтобы мать Соулес признала её заслуги и старания, приложенные, чтобы заставить сойтись в битве Закнафейна и Аратиса Хьюна, и выполнила своё обещание, приняв Даб'ней в свой перспективный дом. Да, это было

бы прекрасно, подумала жрица. В доме Баррисон Дель'Армго было полно мужчин, и обладание столькими мужчинами, которые могли бы выполнять каждую её прихоть, казалось куда более приятным, чем это одинокое существование, в котором она всегда должна была оглядываться через плечо.

Резкий и настойчивый стук в дверь испугал её. Жрица знала, что Закнафейн стучит не так.

Даб'ней бесшумно положила книгу рядом, потом встала и оглядела комнату, проверив пути к отступлению. С огромной осторожностью она подкралась к двери и прислушалась.

- Не заставляй меня ждать, жрица, - раздался голос снаружи, женский голос, который был знаком Даб'ней.

Она втянула в себя воздух, чуть не поддавшись панике, мысли наполнились надеждой и страхом. Что мать Соулез делает за её дверью в такой час? Откуда она вообще знала, где искать Даб'ней?

Разум говорил ей бежать, покинуть помещение через один из тайных выходов, сквозь узкие стены тоннеля и прочь из здания. Она едва не поступила так, даже сделала шаг к очагу, рядом с которым стоял фальшивый шкаф.

Однако сдержалась и покачала головой, удивляясь собственной глупости. Здесь была верховная мать, причём весьма могущественная. Соулез не стала бы стучать в дверь, если бы вся местность вокруг небольшой гостиницы не кишела её агентами. Бегство — не вариант.

И даже если бы у неё как-то получилось сбежать, было не так уж много мест, где мать Соулез не смогла бы её найти — стук в дверь её тайных апартаментов служил тому достаточным доказательством.

Ещё один резкий стук, как будто по расписанию, практически заставил её выпрыгнуть из мягких тапок. На этот раз Даб'ней не стала медлить и широко отворила дверь.

- Прошу прощения, верховная мать, - сказала она и принялась расправлять смявшуюся ткань своего платья.

Мать Соулез прошла мимо неё в комнату. Даб'ней успела посмотреть в оба конца коридора и с облегчением заметила, что верховная мать по крайней мере на первый взгляд казалась одна.

- Что ты узнала? - нетерпеливо спросила Соулез. Она быстро оглядела комнату, затем уселась в самое большое и удобное кресло.

- Джарлакс вмешался, - ответила Даб'ней, затворяя дверь.

- Да, конечно. Но что ты узнала? Ты видела Закнафейна До'Урдена, да?

Даб'ней кивнула.

- Да, и сохранила его доверие.

Взгляд Соулез был скорее хмурым, чем заинтригованным.

- Если бы кто-то, пользующийся доверием Закнафейна, нашел способ воспользоваться этим, чтобы избавиться от него, - сказала она. - Что за подарок это был бы!

Даб'ней попыталась это переварить.

- Завтра Аратис Хьюн возвращается в Мензоберранзан, - сказала Соулез.

- Вы хотите, чтобы я устроила новую... встречу между ними?

- Ты думаешь, что Аратис Хьюн тоже продолжает тебе доверять?

- Я... я... - Даб'ней не знала, как расценивать этот вопрос.

- Ты просто дала Закнафейну то, чего он желал, глупая девчонка, - упрекнула её Соулез. - Аратис Хьюн не мог победить его в том переулке, учитывая, как ты организовала встречу. Закнафейн пришёл, зная о предстоящем бое, а его противник — нет.

- Но Закнафейн не воспользовался этим преимуществом.

- Потому что не нуждался в нём, - отрезала Соулез. - Аратис Хьюн лучше работает за спиной у врага. Он не мог победить Закнафейна в устроенном тобой бою. Он это знает, Закнафейн это знает, и ты тоже это знаешь.

И тогда Даб'ней вспомнила взгляд Закнафейна, когда она ответила на его вопрос о том, как убедила Аратиса Хьюна прийти тем вечером в переулок, этот миг удивления пронизательного оружейника.

- Если и так, то по крайней мере Джарлакс потерял бы своего самого опытного лейтенанта, которому доверял ещё со времён войны между Тр'арах и Симфрей, - сказала Даб'ней.

- Меня радуют потери Джарлакса, да. Но Аратис Хьюн меня не волнует. Я хочу задушить амбиции матери Мэлис До'Урден. Её действия затрудняют мой собственный подъём.

- Что вы хотите сказать, верховная мать?

- Твоя задача — избавить меня от Закнафейна любым способом. Новый поединок с Аратисом Хьюном? Да, было бы неплохо, если на этот раз бой не будет честным. Я бы не рассчитывала на то, что клинок Аратиса Хьюна способен победить великого Закнафейна.

Даб'ней с трудом сглотнула. Ответить ей было нечего.

- Закнафейн снова вертится в округе, а Аратис Хьюн скоро вернётся в город. Я наделена огромным терпением, дитя, но прошло уже много месяцев. Когда ты будешь готова, я предоставлю необходимые для выполнения твоей задачи ресурсы.

- Да, верховная мать, - сказала Даб'ней, поскольку, в конце концов, что ещё она могла ответить?

- Что ж, вот и мы, - сказал Джарлакс Закнафейну и Аратису Хьюну. Они втроем сидели в его покоях в Клорифте под домом Облодра. - Надеюсь, прошло достаточно времени, чтобы сгладить края вашей общей ненависти.

- Ты недооцениваешь мою решительность, - сказал Закнафейн, покосившись на врага.

- Ты переоцениваешь количество времени, - добавил Аратис, встретив его взгляд.

- И вы оба не думаете о стоимости вашей вражды, - сказал Джарлакс. Он сделал жест в сторону коридора, и в помещение вошёл четвёртый дроу, невысокий мужчина, одетый с достойным благородного дома изяществом. Его лицо было чисто выбритым, волосы — коротко подстриженными и плотно уложенными.

- Из-за вашей... упрямости я счёл необходимым пригласить ещё одного участника, - пояснил Джарлакс. - Того, кто — я уверен — быстро обойдёт в иерархии отряда вас обоих.

- Рад за него. По требованию Джарлакса я теперь принадлежу дому До'Урден, - сказал Закнафейн, как будто это объясняло, а значит оправдывало, его невнимание к разговору.

- Может быть, это временно, и может быть, ты снова будешь нуждаться во мне, Закнафейн.

Оружейник пожал плечами.

- Ты хочешь полностью покинуть Бреган Д'эрт?

Закнафейн уставился на Джарлакса, но не ответил.

- Если да, и если я это позволю, тогда ты будешь преследовать Аратиса Хьюна исключительно как агент дома До'Урден, - объяснил Джарлакс. - Последствия будут серьёзнее, чем кажется, так что я дам тебе время всё как следует обдумать.

- Чего ты хочешь от меня, Джарлакс? - потребовал Закнафейн.

- И от меня? - добавил Аратис.

- Вы друг друга не любите, - сказал Джарлакс. - Я понимаю. Просто не надо друг друга убивать! Вот и всё. Никаких ссор.

- Так держи нас порознь, - потребовал Аратис Хьюн. - Твои многочисленные замыслы наверняка простираются достаточно далеко, чтобы мне больше не пришлось встречаться с такими, как Закнафейн.

- А мне — с такими, как он, - согласился оружейник.

- Невыносимо, - заметил Джарлакс, взглянув на Киммуриэля, которому, похоже, происходящее казалось невероятно скучным.

Командир наёмников тяжело вздохнул и взмахом отослал всех прочь.

Даб'ней знала, что ей необходимо быть очень аккуратной. Дела приобрели опасный оборот. Она боялась, что вышла далеко за пределы своих способностей с матерью Соулез, не говоря уже о Закнафейне и Аратисе Хьюне.

Сложно было игнорировать эту мысль, лёжа рядом с Закнафейном. Она посмотрела в основание кровати, где Закнафейн повесил свой пояс с оружием, и на свету блестели прекрасные рукояти мечей.

Она наклонилась, прислушиваясь к дыханию Закнафейна. Такое ровное и ритмичное. Он наверняка спит. Даб'ней могла легко со всем покончить. В конце концов, мать Соулез хотела его смерти.

И теперь Даб'ней могла с лёгкостью исполнить это желание и избавиться от оружейника. Даб'ней примут в дом Баррисон Дель'Армго как полноправную жрицу, и может быть, однажды ей даже откроется путь к должности старшей жрицы. Кроме того, она снова станет знатной дамой, а не бездомной бродяжкой. Учитывая бесконечную ненависть Закнафейна к Паучьей Королеве, Даб'ней решила, что госпожа Ллос тоже наверняка одобрит такой поступок!

Нужно только взять один из этих мечей и вонзить его в сердце спящему.

Она смотрела на оружие.

Она ненавидела оружие и то, что оно могло совершить.

Если она возьмёт меч, то нанесёт удар в сердце не только Закнафейну, но и самой себе.

Но какой у неё выбор? Она оказалась в безвыходной ситуации и скорее всего погибнет, если дела пойдут наперекосяк.

Даб'ней зарылась лицом в волосы Закнафейна.

Меч звал её.

Она не оглянулась на оружие. Не могла.

ГЛАВА 16

Смерти заслуженные и незаслуженные

Трое воинов-дроу выскочили за угол с арбалетами в руках. Оружие поднялось, и двое нажали на спуск, хотя третий дроу крикнул им не стрелять, увидев приближающуюся фигуру.

Эта одинокая фигура исполнила великолепный и быстрый танец, развернувшись кругом, его плащ-пивафви взметнулся, чтобы безопасно поймать болты. Он вышел из этого вращения, бросившись в атаку на троицу, одинокий храбрец против трёх противников сразу.

Навстречу ему взметнулись четыре меча двоих, а третий, всё ещё отстающий на несколько шагов, закричал: «Нет! Нет! Закнафейн!»

Двое впереди в унисон нанесли удар своими клинками, и в безупречной гармонии каждый сделал косой взмах другим мечом — устрашающая отработанная защита, которая могла убить или по крайней мере остановить практически любого воина-дроу.

Но их противник не подходил под это описание.

Он скользнул вниз на колени, приняв их удары поднятыми клинками, которые увели мечи этих двоих достаточно высоко, чтобы перехватить их собственные взмахи.

И атакующий вскочил на ноги, безупречно ударив своими клинками, каждый из которых замер под подбородком цели, выдавив кровь и заставляя дроу подняться на цыпочки.

- Ваше оружие или ваша кровь, - сказал нападающий. - Мне всё равно.

Четыре меча упали на камни.

- Идиоты, - выругался дроу позади них, благородный второй сын дома До'Урден. Потом он добавил, обращаясь к нападающему: - Закончил свои игры, оружейник?

Закнафейн посмотрел на Дайнина промеж двух пойманных солдат. С довольной усмешкой он повернул запястья, заставляя эту парочку отступить на шаг, расширяя поверхностные раны, а когда он их отпустил, то поднял свой пивафви, показывая повисшие в нём дротики.

- Ты мог просто остановиться в том конце зала, - сухо заметил Дайнин До'Урден.

- Я не полагаюсь в жизни на неопределённости вроде «мог бы», - ответил Закнафейн.

- Ты не узнал нас?

- Разумеется, узнал. Но это не значит, что я вам доверяю.

Дайнин тяжело вздохнул.

- Дом почти чист, - сказал он, чтобы сменить тему. Четверо До'Урденов в сопровождении целого войска напали на дом Бен'Зарафез, слабый дом, чьё высокое положение было основано на памяти о давно минувших днях славы, а также на том, что его верховная мать мудро пропускала наверх любые восходящие дома, которые того желали. Это отчаянное положение подошло к концу, когда эта верховная мать, Деклиз Бен'Зарафез, втайне решила заручиться услугами войска наёмников — жалкая попытка вырвать настоящую власть её слишком переоценённому дому.

Итог был суров и быстр — дом Бен'Зарафез остался без наёмников и с уничтоженной внешней шпионской сетью.

И стал лёгкой мишенью для матери Мэлис.

Возможно, в войне и не было необходимости, поскольку и без того пострадавшая мать Деклиз наверняка позволила бы дому До'Урден подняться выше собственного, но подобная возможность показать свою силу была слишком соблазнительной для Мэлис, чтобы та могла принять такие условия.

Кроме того, как она сказала войску дома До'Урден, это станет хорошей тренировкой перед войной с более грозными домами, вроде дома Де Вир, который должен был стать одной из будущих жертв.

И так они оказались здесь, зачищая средние ярусы центрального и самого крупного сталагмита из тех троих, что составляли главные здания дома Бен'Зарафез, встречая минимальное сопротивление и пока что обходясь без единой потери.

- Дом был практически чист ещё до нашего прихода, - едко заметил в ответ Закнафейн, и он действительно думал, что их ожидало бы большее сопротивление даже при нападении на «Сочащийся миконид».

- Мы рядом с покоями матери Деклиз, - заметил Дайнин.

Закнафейн вряд ли услышал его, поскольку сосредоточился на войне справа, который прижимал ладонь к горлу, чтобы остановить кровь, и тарасился на Закнафейна с открытой ненавистью.

- Бей, если хочешь, - сказал ему Закнафейн.

Полный ненависти взгляд стал испуганным.

- Нет, оружейник, конечно нет, - пробормотал воин, отступив на шаг и покорно подняв руки.

- Если ты ещё хоть раз посмеешь взглянуть на меня так, тогда бей — и бей на смерть, - предупредил его Закнафейн. - Потому что если ты не убьёшь меня, я убью тебя.

Испуганный солдат выглядел так, будто готов упасть в обморок.

Когда Закнафейн перевёл взгляд обратно на Дайнина, тот смотрел на него недоверчиво, даже изумлённо. Как и второй солдат слева. Задумавшись, Закнафейн понял причину их удивления, поскольку слова, сказанные им несчастному дроу, были грубыми и чересчур резкими.

Ему это было несвойственно.

Пускай будет так, решил оружейник. Это неприятное дело оставило у него мерзкий привкус во рту.

- Мать Деклиз серьёзно ослабела, - сказал он Дайнину. - Её защита наверняка будет минимальной.

Он хотел приказать Дайнину взять двоих солдат и заняться ею, и едва так не поступил. Но потом подумал, что мать Мэлис не слишком обрадуется. Конечно же, она не хотела, чтобы её младший сын вступал в битву с любой верховной матерью. Она специально поручила эту роль Закнафейну — отчасти поэтому она так дорого заплатила за него, а кроме того, мать Мэлис желала, чтобы слухи о подобных событиях просочились на улицы города, создавая репутацию Закнафейна и увеличивая статус дома До'Урден.

Кроме того, сам Закнафейн не имел ничего против такой задачи. Убийство жриц Ллос осталось одной из редких радостей в его жизни.

Но увы, он знал, что мать Деклиз будет не одна.

- Идите за мной, досчитав до двух сотен, - приказал он Дайнину и вернулся обратно к ступеням, которые должны были привести его на верхний ярус полого сталагмита.

Он уже нашёл и обезвредил две ловушки на винтовой лестнице, так что теперь Закнафейн взбежал наверх, перескакивая через три ступеньки за раз. Он оказался на лестничном пролёте с тяжёлой дверью.

Он поднёс к глазу монокль, который вручила ему Мэлис, и осторожно изучил края и замок. Не обнаружив ловушек, он поднял руку и прошептал командное слово в кольцо из оникса.

Он услышал, как щёлкают механизмы, но дверь не отворилась. Закнафейн покачал головой и фыркнул, подумав, что мать Деклиз просто пытается отсрочить неизбежное.

Он прошептал новую команду кольцу, на этот раз выбросив волну развеивающей энергии, чтобы победить заклинание, удерживающее дверь. Затем он снова повторил первую команду, израсходовав последнее из трёх заклинаний, которые Мэлис вложила в кольцо — ещё один двеомер, открывающий двери. На этот раз дверь распахнулась, обнажая изгибающийся коридор.

Закнафейн не мешкал; бросившись вперёд, он взлетел на стену за поворотом, закрутив себя, вернулся на пол, сделал кувырок и бросил тело вперёд, прямо на двух стражников, что стояли перед покоями матери.

Он видел страх на их лицах, видел промедление, с которыми они подняли мечи в последние, как они знали, мгновения своих жизней.

Поскольку знали и то, что даже если победят этого противника, за ним последует целое войско.

Закнафейн метнулся влево, чтобы вступить в бой с врагом с этой стороны, бросив правый меч в другую сторону, чтобы принять укол второго. Стражник перед ним использовал комбинацию укола и рубящего удара, которую оружейник легко блокировал, пригнулся, потом блокировал снова. Перехватив второй укол, Закнафейн обернул свой клинок вокруг клинка солдата Бен'Зарафез, затём ещё раз, и ещё, каждое движение выворачивало руку солдата ещё сильнее, пока несчастный дроу пытался освободиться.

Ведь клинок Закнафейна двигался слишком быстро, чтобы стражник мог опередить его, так что, предсказуемо, солдат просто попытался попятиться.

Но правая рука Закнафейна перехватила укол другого солдата, поднялась на перехват и остановила рубящий удар вниз и хлестнула под этим клинком, чтобы противник отлетел к стене, позволяя оружейнику продолжить преследование первого врага.

Мужчина упёрся спиной в дверь верховной матери, и место для отхода закончилось. Он попытался сманеврировать, когда Закнафейн налетел на него с неожиданной свирепостью, но оружейник загнал его в угол, и каждое движение меча стражника встречало звенящий отпор.

Закнафейн неустанно атаковал его, заставляя руки врага онеметь под весом его ударов. В эти первые яростные мгновения оружейник увидел по меньшей мере три возможности провести клинок мимо неуклюжей отчаянной защиты и убить солдата Бен'Зарафез, но не воспользовался ими.

Другой солдат оттолкнулся от стены, выставив мечи перед собой.

Закнафейн видел каждое его движение.

Оружейник бросился вниз и наискосок, на колени, прямо под колющие мечи стражника справа. Он мог вскрыть живот и ему, но вместо этого вскочил вплотную, продолжая разворачиваться и завершив разворот резким ударом рукоятью меча в лицо, отбросившим назад голову бедолаги. Тот ничком рухнул на пол.

Закнафейн бросился в другую сторону ещё прежде, чем потерявший сознание стражник ударился о камни.

Его клинки превратились во вспышку, отражая каждый удар и в каждом блоке ударяя мечи противника дважды или трижды, ошеломя его просто за счёт невероятной быстроты.

Бедный стражник просто отшвырнул своё оружие и поднял руки. Он упал на колени, умоляя о пощаде.

Закнафейн исполнил его просьбу... по-своему. Он пнул его ногой в лицо, голова стражника ударилась о стену, и этот солдат тоже скользнул на пол. В отличие от товарища, он не потерял сознания, но в ближайшее время им обоим будет не до прогулок.

Закнафейн пинком распахнул дверь.

Это был тронный зал, внутреннее святилище, место величайшей силы дома Бен'Зарафез. Но силы дома настолько истощились, что здесь в полном одиночестве сидела только мать Деклиз, которая явно была испугана. Её не окружали другие жрицы или знать. Она была совсем одна.

И верховная мать не стала пытаться поразить его заклинаниями или змееголовой плетью, которая безжизненно валялась на столе перед нею.

Закнафейн осмотрелся по сторонам, бросил взгляд назад, убеждаясь, что два стражника в ближайшее время не вернуться в бой. Удовлетворённый, он осторожно ступил в комнату и подошёл к столу.

- Ты, без всяких сомнений, то существо, которое зовут Закнафейном, - сказала она.

Он не отвечал, двигаясь с осторожностью и выискивая ловушки или потайные двери, пытаясь почувствовать присутствие в комнате существ, которые могли оставаться невидимыми, ожидая, пока он утратит бдительность.

- Давным-давно я просила правящий совет лишить мой дом своего положения, - сказала мать Деклиз и пожала плечами, когда Закнафейн снова обратился к ней внимание. - В конце концов, каждый восходящий дом и так быстро понимал правду.

- Какую ещё правду, верховная мать?

- Что дом Бен'Зарафез — немногим больше, чем просто иллюзия.

- И поэтому ты позволяла им обойти себя, принимая понижение в иерархии.

Она кивнула.

- Я знала, что это лишь вопрос времени, пока кто-нибудь, слишком сильно жаждущий победы, не отбросит этот обман и не положит конец дому Бен'Зарафез. Я даже предсказала, что это будет мать Мэлис — она вечно голодна, судя по всему, что я о ней знаю.

Закнафейн оставался бесстрастным. Он не собирался выдавать себя.

- Где твои дети, мать Деклиз? - спросил он.

- Я убрала их из дома. Я забрала их фамилию, - она слабо и жалко пожала плечами, но Закнафейна это тронуло. Она заботилась о детях достаточно, чтобы отправить их в безопасное место? Такой поступок в Мензоберранзане был в диковинку.

- А твои жрицы?

- Никого не осталось. Только я.

- И ты думаешь, я в это поверю?

Она фыркнула.

- Я думаю, что ты убьёшь меня. Для этого ты здесь, не так ли?

- Бери своё оружие. Собирай свои заклинания.

Верховная мать встала и посмотрела на плеть, но оставила её лежать, вместо этого выйдя из-за стола.

Закнафейн задумался. Он вспомнил про Даб'ней — может быть, Джарлакс захочет приобрести ещё одну жрицу вместе с несколькими солдатами?

- Поднимай мечи, оружейник, - сказала ему мать Деклиз.

- Ты просишь о быстрой смерти?

Она засмеялась, резко и издевательски.

- Мне пора отправляться к госпоже Ллос, - сказала она, и Закнафейн обнаружил, что его сочувствие куда-то улетучилось. - Я с нетерпением жду этого путешествия. Если хочешь пытать меня перед убийством, тогда можешь заняться этим, грязный мужлан. Паучья Королева любит меня. Я молилась.

- Тогда почему твой дом так жалок и слаб?

- Ллос восхищается тем, как долго смог выживать дом Бен'Зарафез, - пояснила верховная мать. - Она одобряет мою хитрость. Она передала мне это через своих прислужниц.

- Какая преданность, - саркастично отозвался Закнафейн.

- Разве есть что-нибудь другое?

- Но ты же прогнала своих детей, - парировал оружейник в попытке опровергнуть её смехотворные заявления.

Но мать Деклиз рассмеялась ещё громче.

- Я отдала их Ллос, дубина, - сказала она.

Это стало последним словом матери Деклиз Бен'Зарафез, ведь прежде чем новое успело сорваться с её уст, прежде чем она успела хотя бы охнуть, Закнафейн оказался рядом, прямо перед ней, и его меч умело рассёк её горло.

Когда женщина осела на пол, он уставился на свой окровавленный клинок. Она даже не использовала защитные заклинания. Удар был так прост!

Он покачал головой, пытаясь найти во всём этом какой-нибудь смысл. Что за бог может ожидать таких поступков от преданной паствы? Какой бог будет требовать принесения детей в жертву? А ведь Закнафейн знал, что сыну матери Деклиз было всего десять.

Звуки в коридоре заставили его обернуться и обнаружить ужасную Бризу, которая игралась с двумя оставленными им стражниками. Она прижала одного к стене, и несчастный пытался укрыться, пока её плётка, живые, ядовитые змеи, шипели и кусали его. Другой стражник снова и снова пытался встать, но Бриза сбивала его обратно и смеялась, впечатывая мужчину в пол.

Закнафейн знал, что весь остальной дом почти наверняка очистили, и знал, что Бриза будет мучить этих двоих всю ночь. А потом она убьёт их — не будет пощады для дроу из дома Бен'Зарафез. Их не обменяют на рабов и не продадут Джарлаксу в Бреган Д'эрт. Во имя Ллос никто из дома Бен'Зарафез не переживёт эту ночь.

Таковы были правила Мензоберранзана, когда один дом вступал в войну с другим: свидетелей быть не должно, поскольку отсутствие свидетелей означает, что не было никакой войны.

Но Закнафейн не мог стерпеть издевательских змей Бризы. Стоны боли несчастной жертвы проникли в сердце оружейника. Причиной этой предсказуемой ситуации стало милосердие, которое он проявил к этим двоим.

Закнафейн подошёл к дверям.

- Кажется, мать Деклиз ещё не совсем мертва, - сказал он Бризе. Её красные глаза сверкнули, и она бросилась мимо оружейника, желая как можно быстрее заполучить главный приз.

Как только она шагнула в комнату, Закнафейн занял её место в коридоре. Он посмотрел на трёх жриц, сопровождавших Бризу, при помощи своей гримасы предупредив их не приближаться, затем неожиданно и свирепо заработал мечами с умелой точностью, оборвав мучения обречённых стражников Бен'Зарафез.

Жрицы охнули, одна взвизгнула, и Бриза позади него в комнате резко обернулась, чтобы уставиться на него практически со звериным оскалом. Закнафейн медленно развернулся и встретил этот взгляд, не моргая.

Бриза повернулась обратно и бросилась вперёд — разгадала его замысел, понял оружейник. Лужа крови под телом матери Деклиз широко растеклась по залу, и было очевидно, что женщина погибла ещё до того, как Бриза устремилась к ней. Первая жрица дома До'Урден метнулась обратно к двери с плёткой в руках.

- Она мертва, - заявила Бриза.

- Мне показалось, что в ней ещё теплится жизнь, - ответил Закнафейн, пожав плечами с рассчитанной неуверенностью.

Бриза свирепо уставилась на него, затем посмотрела на лежащего у стены стражника, потом — на стражника на полу. Оба покинули эту жизнь.

- Ты играешь в опасные игры, оружейник, - прошептала она, как будто верила, что понизив голос, сможет подействовать ему на нервы.

Закнафейн постарался сдержать улыбку. Он надеялся, что в этом приступе ярости она нападет на него, и решил, что если так и будет, он убьет Бризу и покончит с этим, а затем для ровного счёта убьет всех трёх жриц из её свиты. Потому что это сделали они — они все. Все жрицы, что слушали кровожадный зов Паучьей Королевы, самой ужасной богини. Стражники не заслуживали смерти, а тем более пыток — это была не война.

Нет, это было убийство, и теперь он стал убийцей, наёмником, сражающимся не из благородных побуждений, не ради высшей цели, и не из необходимости защищать себя и любимых.

Закнафейн всю свою жизнь учился быть воином, великим воином.

Но в этот мрачный момент он не чувствовал себя таковым.

Через два часа Закнафейн сидел за столиком в «Сочащемся микониде», баюкая стакан с очень крепкой выпивкой. Он знал, что после возвращения в дом До'Урден Мэлис накажет его — следовало сделать это сразу же, после того как Бриза объявила дом Бен'Зарафез уничтоженным.

Ну и пусть.

Ему нужна была передышка, которую предлагало это место — грязная маленькая таверна с ужасной едой и ещё худшими напитками, зато лишённая правил злобных матерей и их омерзительной богини. Правда, оказавшись здесь, он обнаружил, что облегчение было недолгим, поскольку его встретили новостями о грядущем возвращении некоего агента Бреган Д'эрт.

Он задержался дольше, чем рассчитывал, до раннего утра, когда наконец в таверну вошёл Джарлакс.

- Мать Мэлис будет довольна, - заявил командир наёмников, усаживаясь напротив. - Я слышал, что победа досталась вам без потерь.

Закнафейн едва ли мог согласиться с этим утверждением, но не стал утруждать себя ответом.

- Почему ты здесь? - надавил Джарлакс. - Разве она не захочет собрать свой дом полностью, опасаясь возможной расплаты после такого налёта?

Закнафейн поднял стакан в тосте.

- Будем надеяться, что многих из них перебьют, - сказал он и выпил до дна.

Лицо Джарлакса выражало искреннюю обеспокоенность, но Закнафейн подумал, как же здорово будет ему врезать.

- Что? - переспросил наёмник.

- Ты вернул его.

- Кого?

Лицо Закнафейна превратилось в камень.

- Да, - признался Джарлакс, пожимая плечами.

- И, полагаю, убить его я не могу.

- Я бы очень хотел, чтобы ты этого не делал. Я не так уж мало монет потратил, чтобы вернуть Дувона Тр'араха. Верховная мать Биртин Фей торгуется без всякой пощады.

- Тогда почему ты не позволил ей оставить этого придурка?

- Она закончила с Дувонем, и я опасался, что она принесёт его в жертву Ллос. А это, по моему мнению, напрасная трата материала. Он не лишён таланта.

Закнафейн фыркнул.

- Он сражался с тобой лучше, чем ожидал ты сам! Признай это, друг мой.

- В Мензоберранзане второй по мастерству фехтовальщик обычно погибает так же, как и самый худший среди своры, - сухо отозвался Закнафейн.

- Я не хочу, чтобы он погиб, - признался Джарлакс.

- И поэтому ты вернул его, чтобы он снова попытался убить меня?

- Он не будет этого делать, - настаивал Джарлакс.

- Ах, ну да. Джарлакс из Бреган Д'эрт. Дергает за ниточки, не зная сомнений.

Он жестом попросил налить ещё выпивки, затем развернулся назад, чтобы скрестить взгляды с Джарлаксом.

- До тех пор, пока танец марионеток не испортится и не прольётся кровь.

- Дувон не будет искать мести, - повторил Джарлакс.

- Если будет, плакали твои денежки, даже не сомневайся.

- Не сомневаюсь.

Закнафейн рассмеялся, и вовсе не для того, чтобы успокоить товарища напротив.

- А что насчёт тебя? - спросил Джарлакс.

- Я хочу, чтобы ты заплатил за мою сегодняшнюю выпивку.

- Справедливо. Но что насчёт тебя, Закнафейн? - повторил он.

- А что насчёт меня?

- Дувон возвращается. Может быть, это Закнафейн пожелает закончить то, что начал Дувон в тот далёкий день.

- Не такой уж далёкий.

- Закнафейн?

Разговор замер, когда подошёл Харбондейр и поставил перед ними стаканы, бросив быстрый и не особенно дружелюбный взгляд на Закнафейна.

- Я не буду убивать Дувона, - пообещал Закнафейн, и Джарлакс поднял свой напиток, чтобы выпить за это.

Но Закнафейн не договорил.

- Мне будет достаточно второго, - добавил он.

Неожиданная просьба заставила Джарлакса медленно опустить стакан и перестать улыбаться.

- Второго?

Закнафейн оглянулся через плечо на уходящего бармена, который пытался отравить его той ночью, когда Дувон напал на оружейника.

- Харбондейра?

- Харбондейра Тр'араха, - напомнил ему Закнафейн.

- Он хороший бармен.

- Когда не пытаются отравить посетителей, ты имеешь в виду. А кроме того, неужели подавать это пойло настолько сложно?

- Но ты доверяешь ему достаточно, чтобы приходить сюда и пить то, что дают, - заметил Джарлак.

- Потому что он боится меня, и если я разозлюсь — никто его не поддержит. Возможно, это изменится, когда вернётся Дувон.

- Нет, не изменится. Я не...

- Я даю тебе выбор, - вмешался Закнафейн и поднял стакан к губам. После небольшого глотка он сухо продолжил: - Если не выберешь ты — выберу я. А может быть, я просто убью обоих.

- Ты забыл своё место в Бреган Д'эрт.

- Я ничего не забываю. Ты мне *должен*.

Джарлак перевёл взгляд с Закнафейна на Харбондейра и обратно. Он покачал головой, но потом тяжело вздохнул. Его лицо выражало чудовищное разочарование.

- Это по-прежнему кажется напрасной тратой.

- После победы над домом Бен'Зарафез мать Мэлис затаится, и я буду чаще бывать рядом с тобой.

- Если я разрешу, тебе придётся научиться готовить коктейли, - предупредил Джарлак.

Закнафейн не улыбнулся этой слабой попытке пошутить.

- Не убивай Дувона, - сухо приказал Джарлак, резко встал и покинул помещение.

Закнафейн кивнул, глядя, как за командиром наёмников закрывается дверь. Потом он вернулся к выпивке, которая — он знал — не была отравлена.

Он оставался в «Микониде» всю ночь, и сидел, просто сидел спиной к стене. Когда все посетители ушли, он нацелил взгляд на Харбондейра, который начинал заметно нервничать.

- Хочешь ещё выпивки?

- Нет.

- Перекусить?

- Нет.

- Уже утро, - сказал Харбондейр. - Мне нужно уходить.

- Кто тебя останавливает?

- Мне нужно запереть...

- Ты знаешь, кто я такой; ты знаешь, кому я, кому мы служим.

- Да, но...

- Уходи.

Мужчина двинулся решительно, не отрывая взгляда от Закнафейна, пока не оказался за дверью.

Закнафейн поднял и осушил стакан — тот же самый, из которого пил вместе с Джарлаком несколько часов назад. Он встал и набросил пивафви, затем подошёл к двери.

Взгляд налево, взгляд направо — и он бросился бегом, вверх по склону сталагмита, прыгая, вращаясь, делая сальто, чтобы коснуться земли в безупречном равновесии и уже на бегу. На следующем повороте он взлетел по склону другого

сталагмита, затем оттолкнулся, разворачиваясь, чтобы приземлиться на крыше более низкого здания. Три шага привели его на соседнюю улицу, и там, даже не глядя, он прыгнул и снова скрутился, легко приземлившись на землю лицом в сторону «Сочащегося миконида».

Лицом к Харбондейру.

- Доставай оружие, - сказал ему Закнафейн.

- Я...

Мечи Закнафейна вылетели наружу.

- Сейчас же! Или я развлекусь с твоей тушей.

Харбондейр трясущимися руками достал меч и длинный кинжал.

- Я не хочу с тобой драться, - сказал он.

- Правда? - насмешливо поинтересовался Закнафейн и широко развёл свои мечи в стороны.

Как он и ожидал, Харбондейр клюнул на наживу и бросился в атаку. Он нанёс сильный укол, причём с удивительной точностью, но Закнафейн каким-то образом смог утечь в сторону, завалившись на бок, опираясь на странно изогнутую ногу. Он выпрямился, сделав прыжок и переворот, приземлился лицом к противнику, припав к земле, а оттуда бросился вверх и вперёд, его левый клинок яростно заработал, ударив плашмя по мечу Харбондейра и закрутив его, вырывая из хватки бармена и отбрасывая прочь, а правый клинок нырнул под руку с кинжалом и поднял её вверх.

Закнафейн развернулся под ней, бросил свой правый меч и ударил освободившейся рукой по кулаку Харбондейра. Оружейник с огромной силой согнул руку бармена у запястья, выворачивая её вниз — и это было так больно, что кинжал выпал из хватки.

И в это мгновение Закнафейн рванул руку противника выше, нырнул под неё и оказался лицом к лицу с испуганным дроу, его меч прижался к шее Харбондейра, разрывая нежную кожу. Этим клинком и свободной рукой Закнафейн направил Харбондейра через дорогу и с силой ударил его о стену здания.

- Прошу, прошу, - задыхался Харбондейр.

- Не умоляй, - сказал ему Закнафейн.

Харбондейр закрыл глаза.

- Ты отравил меня той ночью, когда Дувон впервые вернулся в таверну, - сказал Закнафейн.

Глаза Харбондейра широко распахнулись.

- Нет, нет!

- Признайся, - спокойно, слишком спокойно сказал Закнафейн, и бармен начал оседать, и даже упал бы, если бы оружейник не держал его так крепко.

Закнафейн знал, что Харбондейр пытается сдержать слёзы. Бармен смотрел на Закнафейна, пытаясь покачать головой, только осторожно, чтобы его собственные движения не сделали за клинок всю работу.

- Я терпелив, - прошептал Закнафейн.

- Отравил, - выпалил бармен. - Просто чтобы замедлить тебя. Я боялся за Дув...

Закнафейн оторвал его от стены и снова ударил о неё — сильно.

- И отравил меня снова этой ночью, - сказал он.

- Нет! - выдохнул бармен.

- Почему? Разве ты не хочешь меня убить? Или боялся, что не сработает?

- Я не стал бы. Не было повода, - промямлил бармен.

- Сегодня ночью я убил двух дроу, которые не заслуживали смерти, - объяснил Закнафейн, его голос неожиданно протрезвел, и оружейнику на самом деле было больно даже говорить об этом. - И поэтому...

Он шагнул назад, убирая меч и отпуская Харбондейра.

- Они этого не заслуживали, а ты — заслуживаешь, - сказал Закнафейн. Харбондейр просто смотрел на него, замерев от неопределённости.

Закнафейн покачал головой.

- Но нет. Я не могу их вернуть. Так что я дарю тебе пощаду, и больше не стану тебе угрожать... если ты меня не заставишь.

Харбондейр не шевелился, как будто даже не дышал, и было очевидно, что он не верит своим ушам.

Однако Закнафейн просто наклонился, поднял брошенный меч, а затем вложил его и второй клинок в ножны.

- До свидания, Харбондейр Тр'арах, - сказал он и пошёл прочь.

Призраки мёртвых солдат Бен'Зарафез следовали за ним по практически пустынным улочкам Мензоберранзана. Вскоре свет Нарбондель позади него возвестил о наступлении нового дня, а впереди нависла Западная стена и дворец Дармон Н'а'шезбернон, дома До'Урден.

Преодолевая последние шаги к логову матери Мэлис, он задумался о разнице между Джарлаксом и остальными, между Бреган Д'эрт и теми, кто следовал эдиктам злобной Ллос. Он вспомнил судьбоносную битву с домом Тр'арах сто лет назад. Он пытался оставить жизнь как можно большему числу врагов. Одним из них был Харбондейр!

На сей раз, тем не менее — и во всех этих новых битвах, в которых оказывался Закнафейн — он не мог себе позволить проявлять милосердие. Поступить так — значило оставить свидетелей агрессии матери Мэлис. В приключениях с убийством врагов и нейтрализации высших домов, дом До'Урден не мог брать пленников.

Закнафейн никогда не чувствовал себя настолько застрывшим в паутине отчаянья Ллос.

Он подумал, что может быть поэтому не убил сегодня ночью Харбондейра. Может быть, ему просто нужно было проявить милосердие к кому-нибудь, кому угодно, и знать, что рядом нет никого, кто испортил бы этот поступок.

Даже если это означало пощадить того, кто однажды пытался его убить.

ГЛАВА 17

В ловушке

- Моё терпение тает, - сказала мать Соулез, обращаясь к Даб'ней почти через год после того дня, как дом До'Урден уничтожил дом Бен'Зарафез. - Мать Мэлис

затаилась уже достаточно давно, чтобы снова начать мутить воду, а я предпочитаю, чтобы этого не произошло.

Даб'ней кивнула, но ничего не ответила. Дом До'Урден приближался к верхним местам иерархии — скоро он станет пятнадцатым, по её расчётам. Впечатляющий подъём наступил после пополнения рядов дома Закнафейном сто и один год тому назад. Даб'ней знала, что эта позиция обладает особым значением, поскольку в этом промежутке мать Мэлис станет привлекательной союзницей для правящих домов, в первую очередь для того, чтобы она выбирала свои завоевания для восхождения среди врагов. Когда дом До'Урден войдёт в число первых пятнадцати домов города, планы матери Соулес касательно него станут куда более запутанными.

- От смертей этих двоих ты получишь немалую выгоду — как в моём доме, так и в маленькой банде Джарлакса.

- Это непростая задача, - отозвалась Даб'ней.

- Только не сейчас, - возразила Соулес. - Сделай свою часть, жрица, а я исполню свою. Тебе посчастливится называть Соулес Армго своей верховной матерью.

- Я буду счастлива как никогда, мать, - ответила Даб'ней, и это был искренний ответ.

Но она удивилась, насколько тяжёлым оказалось её задание с эмоциональной точки зрения. Поскольку здесь было замешано нечто — некто — другой, кого она желала, желала более, чем сама считала возможным.

Однако выбор был сделан за неё. Даб'ней знала, что не переживёт следующий год, если не выполнит приказ матери Соулес.

- Вы будете следить за ними, - сказала трём своим детям сморщенная, древняя верховная мать Бэнр. - Пристально.

- За Армго? - спросила Триль, старшая дочь матери Бэнр и вторая по старшинству среди отпрысков великой женщины, уступавшая лишь Громфу. Сегодня она стояла рядом с матерью — редкий случай. - Разве это имя принадлежит им? Считаются ли они вообще единой семьёй?

- Считаются, - коротко ответила мать Бэнр, и её морщинистые губы изогнулись, обнажая старые, стёршиеся зубы. Когда она была моложе — Ивоннель Вечная, верховная мать дома Бэнр и всего Мензоберранзана со времён, которых не помнили самые старые среди дроу, — она считалась красавицей, не меньше чем Квентл, её третья дочь, которая сегодня также стояла рядом. Другие старшие матери и жрицы часто замечали, что Квентл очень похожа на Ивоннель в молодости.

Триль часто жалела, что Квентл не может быть такой уже умной, как Ивоннель, однако ни с кем, кроме Громфа, не делилась своими мыслями. Квентл была главной советницей Триль, в основном потому, что хитрая Триль легко ею манипулировала. Квентл служила отличной посредницей между Триль и двумя другими сёстрами, Бладен'Кёрст и Вендес — парой жестоких и самых опасных жриц в городе.

- А эти Армго вообще обладают каким-то положением среди домов?

- Сорок третьи, - ответил Громф. - Хотя многие считают их сорок седьмыми.

- И всё же в городе не наберётся пятнадцати домов, которые выстояли бы перед легионами дома Баррисон Дель'Армго, - добавила мать Бэнр. - Возможно, не наберётся и десяти.

- И вы хотите, чтобы я следила за ними?

- Я хочу чтобы вы — все трое, с любой необходимой поддержкой — следили за ними, - поправила её старая верховная мать.

- Что мы ищем?

- Мать Соулез Армго скоро выступит против кого-то из могущественных домов — не с полноценной войной, а просто чтобы показать, что она может, - ответил Громф.

- Для мужчины ты весьма умён, - с нескрываемым одобрением похвалила мать Бэнр своего сына. - Да, так и есть.

- Она выступит против матери Мэлис До'Урден, - добавил Громф.

- Я тоже так считаю.

- А кроме слезки, что ещё вы от нас хотите? - наредила Триль.

- Войны не будет, - ответила её мать. - Не будет ничего столь монументального или привлекающего внимание. Мать Соулез скорее всего попытается помешать планам матери Мэлис. Она недовольна тем, что дом До'Урден добил дом Бен'Зарафез. Мать Соулез рассчитывала на мать Деклиз в своих интригах. Ходили даже слухи, что мать Деклиз Бен'Зарафез пригласит дом Баррисон Дель'Армго объединиться с ней вместо того, чтобы просто позволить им подняться выше места матери Деклиз, как поступили многие. И если всё на самом деле было так, может ли какой-то дом, уступающий дому Бен'Зарафез, представлять угрозу матери Соулез?

Слева от Триль Квентл закивала, а справа Громф изо всех сил пытался показать свою скуку, как будто он уже давно сам всё это понял.

- Она наверняка нацелилась на ручного оружейника Мэлис, - заметила Триль. - Того, что путается с Бреган Д'эрт.

Верховная мать Бэнр пожала плечами — интересный для неё жест, от которого старые суставы громко затрещали.

- Уверенность ослепляет. Никогда не будь такой уверенной.

- Да, моя верховная мать, - сказала Триль с глубоким уважительным поклоном. - Хотите ли вы, чтобы мы помешали планам матери Соулез, если раскроем их?

- Пускай ей будет сложнее их исполнить. Пускай успех дорого ей обойдётся.

Ивоннель Вечная взмахом отпустила трёх своих детей, и они отправились в великий дворец Бэнров, прочь от любых любопытных ушей.

- Это будет оружейник, - сказал Громф, когда они оказались наедине.

- Ты мне льстишь! - ответила Триль, хватаясь за сердце, как будто готова упасть без чувств. - Сам великий архимаг?

Громф бросил хмурый взгляд сначала на неё, потом на Квентл, когда та захихикала в ответ на саркастичную насмешку сестры.

- Самая дорогая игрушка матери Соулез Армго не слишком отличается от игрушки матери Мэлис, - объяснил Громф.

- Утегенталь, - кивнув, согласилась Триль. - Это чудовище.

- Разве что, по слухам, Соулез не играет с ним так, как Мэлис со своим, - добавила Квентл.

- Когда говоришь о верховных матерях, не смей опускать титул, - приказала ей Триль. - Если тебя услышит Сос'Ампту, она потребует сурового наказания.

- Но Сос'Ампту здесь нет, не так ли? - отозвалась Квентл. Они говорили о другой сестре, самой преданной последовательнице Ллос среди них, которой скорее всего однажды суждено было возглавить Арах-Тинилит, академию жриц дроу. По меньшей мере. Из всех дочерей верховной матери Ивоннель Бэнр Сос'Ампту реже всего видели дома. Она лучше всего знала учение Ллос и обладала наибольшей духовной силой. Она была одной из самых младших дочерей, но многие шептались, что именно она, а не Триль, станет наследницей верховной матери.

- Зато ей могу сказать я, - предупредил Громф, и выражение его лица, обычно скучающее и злобное, предупредило, что он не разбрасывается пустыми угрозами.

Предмет их разговора недвусмысленно напомнил Триль, что ей не следует относиться к этой задаче легкомысленно. Верховная мать Бэнр испытывает её, а значит последствия неудачи будут суровыми.

- Я разошлю наблюдателей по всему городу, - сказала она своим сообщникам. - Я разужнаю всё об этом оружейнике и обо всём, что касается Армго. Нам следует совещаться ежедневно.

- Мои дни заняты выполнением обязанностей архимага — важных для города, а не для дома, - напомнил Громф.

Две сестры нахмурились.

- Да, я знаю, - с тяжёлым вздохом отозвался он на эти гримасы. - Когда случится ожидаемый инцидент, его исход определять буду я.

Он снова вздохнул.

Триль хотела возразить ему, но на самом деле подозревала, что архимаг прав. Однако она была первой жрицей дома Бэнр и старшей дочерью. Конечно, в отношении Громфа это было неважно, поскольку даже младшая из дочерей превосходила его по положению, каким бы званием он не обладал. Действия архимага действительно могут оказаться решающими, но ими будет руководить Триль, и она не собиралась позволить брату забыть об этом.

- Ты не можешь отличить ложь от правды, - перегнувшись через стол тихо-тихо прошептала Даб'ней, но Закнафейн услышал каждое слово.

Оружейник покатал стакан в ладонях, переваривая новости. Джарлакс заверил его, что Аратис Хьюн выучил урок и похоронил любые прежние чувства, и хотя он доверял Джарлаксу — насколько наёмнику вообще можно было доверять — сведения Даб'ней не вызвали у него сомнений. Её брат Дувон теперь покинул дом Фей-Бранч и вернулся в Бреган Д'эрт. И он, оставаясь упрямым глупцом, скорее всего не забыл взбучку, которую устроил ему Закнафейн в переулке за этой самой таверной.

Дувон наверняка пытался нашёптывать в ухо Даб'ней и обнаружил, что она вовсе не горит желанием прислушиваться к нему. С его стороны было крайне разумно обратиться к Аратису Хьюну за поддержкой.

- Они неожиданно подстерегут тебя, и когда всё будет готово, ты встретишь врага там, где ожидал друга, - сказала ему Даб'ней.

- А потом? - спросил он, когда Даб'ней опустилась обратно на стул.

- Оставайся в живых, мой единственный друг, - попросила она. - Я хочу, чтобы ты был жив.

Закнафейн устался в стакан и ничего не ответил — даже не поднял взгляд, когда Даб'ней встала и покинула «Сочащийся миконид». Он просто сидел там, погружившись в безмолвную горечь.

Его наконец выпустили из дома До'Урден после нескольких месяцев того, что оружейник посчитал заточением, и он пришёл в таверну в поисках компании — лишь затем, чтобы обнаружить, что интриги с его участием на улицах Мензоберранзана стали ещё более опасными.

Как он устал от всего этого, как хотел просто достать клинки и сразиться со всеми и каждым, пока его милосердно не прикончат.

Он закрыл глаза и позволил приступу гнева — этого первобытного внутреннего вопля, который, хоть и на мгновение, мог погасить любую радость — миновать.

С успокаивающим вздохом он откинулся назад на стуле, прихлёбывая выпивку. Он подумал, что не рискнёт пить слишком много, и эта мысль заставила его взглянуть туда, где протирал стойку Харбондейр. Мужчина заметил взгляд Закнафейна и ответил кивком, поднимая бутылку.

Закнафейн покачал головой, и Харбондейр кивнул, изобразив щелчок пальцами, чтобы дать знать, что оружейнику стоит только намекнуть — и ему сразу же нальют.

Закнафейн был рад, что не убил его, и не только из-за превосходного обслуживания, которое с тех пор обеспечил ему Харбондейр. Нет, чувство облегчения Закнафейна было намного глубже. Он поднялся со стула и уселся за барную стойку, которая была почти пуста.

- Ещё что-нибудь? - спросил Харбондейр.

Закнафейн поднял ладонь.

- Мне нужно возвращаться в дом До'Урден. Будет плохо, если я взлечу на балкон, шатаясь.

- Или в спальню матери Мэлис, ага? - с хитрой усмешкой отозвался бармен, и Закнафейн с радостью ответил собственной ухмылкой.

- За мать Мэлис, - сказал он, поднимая стакан. - Необузданную.

Харбондейр чокнулся с ним бутылкой.

- Она действительно такая, как рассказывают?

- И даже больше, - ответил Закнафейн. - Она оставляет больше ран, чем зверь-обманщик.

- Царапины или засосы?

- Всё! - ответил Закнафейн, и оба рассмеялись.

Когда смех затих, два бывших врага посмотрели друг на друга через барную стойку — очень близко.

Закнафейну нравились эти новые отношения, которые у него появились. Он удивился, когда понял, что доверяет Харбондейру, но это было действительно так. Оружейник был уверен, что в том заговоре, о котором предупреждала его Даб'ней, Харбондейр не участвует.

- Как поживает Дувон Тр'арах? - рискнул спросить Закнафейн.

Вопрос удивил бармена.

- Он во всех отношениях стал лучшим дроу, чем был тогда, когда попал в дом Фей-Бранч, - наконец ответил тот.

- Почему ты так считаешь?

Харбондейр пожал плечами.

- Он увидел благородный дом, с постоянными интригами, ударами в лицо и в спину, изнутри — но без катастрофы, что настигла его собственный старый дом. Думаю, этот опыт заставил его взглянуть на вещи по-новому и оценить Бреган Д'эрт по достоинству.

Закнафейн кивнул. Он понимал, о чём идёт речь. Как он хотел, чтобы Мэлис освободила его, как мать Биртин освободила Дувона!

- А что насчёт Харбондейра? - спросил Закнафейн.

- Ты всё ещё сомневаешься?

- Я этого не говорил.

- Но подразумевал, - ответил бармен. - Что насчёт меня? Я доволен — может, даже больше, чем когда-либо за те века, что я трудился в доме матери Хаузз.

- Жрицы назвали бы это богохульством.

- Жрицам хорошо знакомо богохульство, тут я с тобой согласен.

Ответ был прост, но многозначителен. Закнафейн узнал, что Харбондейр хорошо это умеет. Этот мужчина мог вложить целую пропасть раздражения и угнетения и огромную грудку презрения вдобавок всего в четыре слова: «Жрицам хорошо знакомо богохульство».

Закнафейну нравился этот талант.

Он был по-настоящему рад, что решил пощадить этого дроу.

Вскоре Закнафейн оказался на улицах города, направляясь обратно в дом До'Урден к матери Мэлис, и оставался там, пока дни скользили мимо.

Каждый день он вставал с постели и думал, что стал на ещё один день ближе к смерти.

По крайней мере это было хорошо.

- Где твой друг? - несколько месяцев спустя спросила его мать Мэлис.

Вопрос был внезапным и загадочным, но Закнафейн сразу понял, что Мэлис имеет в виду Джарлакса, который не появлялся в доме До'Урден уже много месяцев, возможно больше года.

- Последнее, что я слышал — он не в Мензоберранзане.

- Он вернулся двадцать дней назад, если верить слухам, но не вернулся к Закнафейну, - заметила Мэлис с заинтригованным видом.

- Он знает, что ты меня не выпустишь, и поэтому я для него бесполезен.

- Часть твоей ценности для меня состоит в том, чтобы ты оставался ему полезен. Я хочу, чтобы Бреган Д'эрт по-дружески относились к дому До'Урден.

Закнафейн беспомощно пожал плечами.

- Закончишь свои уроки с Дайнином и ночь можешь быть свободен, - согласилась Мэлис. - Одну ночь.

- Одну ночь и больше, если у Джарлакса будет для меня работа?

Мать Мэлис нахмурилась, и Закнафейн скрыл ухмылку, зная, что она уступит.

Къйорли казался очень похож на обычную крысу, но его шерсть была намного чище, чем следовало ожидать от грызуна, бегающего по сточным канавам, грязи и свалкам Мензоберранзана. Однако для Громфа Бэнра Къйорли представлял собой нечто куда более важное. Он был его фамильяром, можно даже сказать — его спутником. Он служил архимагу глазами там, куда сам Громф не мог попасть, или там, где тот не хотел быть замеченным.

Во втором переулке за Нарбондель, неподалёку от собственного особняка Громфа, Къйорли в очередной раз доказал архимагу свою полезность. Как только крыса заметила приближающихся дроу, она телепатически связалась с великим волшебником, который затем немедленно телепортировался на место. Громф молча кивнул в знак одобрения Триль, которой здесь не было. Его сестра многое разузнала за время, прошедшее с момента их аудиенции с верховной матерью Бэнр, включая — самое важное — это конкретное место.

Наедине верховная мать Бэнр сообщила Громфу, что если он собирается помешать планам Армго, как они обсуждали, ему не следует забывать о своём звании архимага Мензоберранзана. Громф будет недвусмысленным напоминанием от матери Бэнр дому Баррисон Дель'Армго и этой выскочке, матери Соулез, что для великих Бэнров они не представляют угрозы.

Узнав об этом месте, Громф запомнил каждый проход, каждое укрытие, каждый выступ на стенах трёх зданий, что образовывали этот переулок. У любого нападающего было четыре способа попасть в широкий конец переулка; один с улицы и ещё три — из каждого здания сквозь потайные двери.

Вот только Громф знал об этих дверях и уже начертил на них свои глифы и руны.

Теперь, скрытый невидимостью, он ходил по переулку, активируя магию. Раз, два, три — это всё, что он мог сделать, чтобы не рассмеяться от того, какими дьявольски коварными и оскорбительными могут быть его маленькие надизмеренческие тоннели.

Закончив с третьей дверью, он услышал движение ниже по переулку и обернулся, чтобы увидеть приближавшегося мужчину, незаметно и осторожно крадущегося в тених. Громф знал его, хотя и не по имени.

Он видел его с Джарлаксом.

Наживка, догадался он, и когда убийца вошёл в тупик, Громф скользнул мимо него и направился в противоположную сторону, по практически естественному изгибающемуся проходу с открытым верхом, и дальше на улицу, неподалёку от Нарбондель и рядом с его домом.

Он телепатически приказал Къйорли оставаться поблизости, чтобы архимаг смог наблюдать за развлечением глазами крысы.

Несколько дней спустя после неожиданного и удивительно удачного разговора с матерью Мэлис Закнафейн получил свой шанс и отправился в город, в Браэрин и в «Сочащийся миконид». Но он разочаровался, обойдя таверну и узнав, что ни Джарлакса, ни его лейтенантов, ни даже Дувона Тр'араха нет поблизости. Оружейник

подошёл к барной стойке и дождался спокойного мгновения, когда можно было поговорить с Харбондейром наедине.

- Я слышал, что Джарлакс вернулся в город, - сказал он.

- Да, - тихо ответил бармен. - Я тоже это слышал, а ещё слышал, что он ждёт тебя. Незадолго до твоего появления здесь ко мне пришёл тайный посланник и сообщил, что ты покинул дом До'Урден и скорее всего направляешься сюда.

- Джарлакс искал меня?

Харбондейр пожал плечами.

- Он сообщил мне, что Джарлакс ждёт тебя во втором переулке за Нарбондель, - объяснил бармен. - Знаешь это место?

- Это он сказал тебе?

- Не сам Джарлакс, - уточнил Харбондейр. - Посланник. Я не видел Джарлакса и этого странного парня-Облодру, который часто его сопровождает, да и Аратиса Хьюна тоже, уже несколько месяцев.

- Тогда кто сказал тебе? Кто это посланник?

- Наёмник, думаю.

У Закнафейна встали дыбом волосы на затылке. Джарлакс редко назначал тайные встречи и обычно просто ждал в таверне, приглашая Закнафейна присоединиться к ним за столиком.

- А где Даб'ней?

- Она почти всё время проводит в доме матери Соулес Армго. Её я тоже не видел по меньшей мере дней десять.

- Когда вернулся Джарлакс?

Очередное пожатие плеч.

- Я слышал, что он в городе уже двадцать дней.

- И ты до сих пор его не видел?

- Джарлакс вечно занят. Может быть, в постели у какой-то матери. А то и у десятка.

Закнафейн кивнул и благодарно улыбнулся Харбондейру. Тот отошёл, чтобы обслужить другого посетителя. Оружейник ещё долго сидел за барной стойкой, медленно потягивая выпивку и переваривая информацию. Что-то казалось ему неправильным — что-то на самой границе сознания. Почти всё того, что ему сообщили, было просто... странным.

Он следил за Харбондейром, пока тот занимался своими делами, и решил, что бармен ничего не скрывает.

Но он всего лишь передавал то, что ему сказали, а правда за этим стоит или обман — было неясно.

- Второй переулок за Нарбондель, - прошептал себе под нос Закнафейн, используя устную подсказку, чтобы лучше запомнить это место, в котором давным-давно уже встречался с Джарлаксом и другими солдатами Бреган Д'эрт.

Он вышел из таверны, ведомый скорее подозрениями, чем чувством долга.

Приблизившись к назначенному месту, он обошёл местность кругом, высматривая агентов. Он знал их укрытия, особенно в таких местах, где Бреган Д'эрт часто устраивал встречи. Он никого не нашёл. Волосы на затылке снова вздыбились.

Он вспомнил свой последний разговор с Даб'ней, в котором она предупредила его о ловушке, хотя и довольно расплывчато.

Но Закнафейн всё равно направился в переулок. Проход был заставлен ящиками и большими мешками по сторонам, обеспечивая прекрасное укрытие для засады. Закнафейн молча пообещал убить Харбондейра, если это окажется ловушкой, но сразу же передумал. Он был уверен, что бармен говорил искренне и просто передал то, что ему сообщили.

Он не станет убивать посланника. Но определённо обдумает убийство посланного к посланнику.

Оружейник помнил, что переулок продолжается дюжину шагов, изгибается налево, потом направо. Но так и не достал оружие.

Он был Закнафейном — мечи в его ножнах были всё равно, что мечи в его руках.

Он прошёл изгиб, затем резко бросился за последний поворот, чтобы наконец обнаружить конец тупикового переуллка пустым.

Только вот тупик не был пуст.

- Я знал, что это будешь ты! - раздался знакомый голос, и сверху спрыгнул Аратис Хьюн с оружием наголо, приземлившись всего в нескольких шагах от Закнафейна, который легко развернулся и блокировал — клинки возникли в его руках, как будто находились там всё это время.

Закнафейн мог бы двинуться направо, наступая на убийцу, поскольку защита оставила его в более выгодном положении. С его навыками он мог бы загнать Аратиса Хьюна в глухую оборону и держать там до самого конца.

Но... что-то здесь было не так.

Он не стал нападать.

Это была ещё не ловушка.

ГЛАВА 18

Знакомые слова

Жрица Мез'Баррис Армго смотрела на запад с балкона обширного семейного дворца. Не считая надпространственных карманов в некоторых других могущественных домах, в основном — Ксорларрин и Бэнр, дом Баррисон Дель'Армго обладал самым крупным дворцом в городе, намного большим, чем можно было предположить по рангу дома в городской иерархии.

Однако несмотря на весь этот простор, Мез'Баррис продолжала сидеть в том самом кресле, из которого наблюдала, как отправляются на задание боевые отряды Армго. Сейчас она с нетерпением разглядывала Нарбондель, свет которой угасал за тем самым бульваром, на котором исчез из виду Утегенталь.

Ей больно было видеть, как он уходит туда, нацелившись на опасного Закнафейна До'Урдена, а рядом — эта неумеха Даб'ней. Как могла мать отправить её с оружейником? Почему не Мез'Баррис?

Конечно, Парснальви, придворный волшебник, тоже сопровождал Утегенталя, причём с зачарованным предметом, у которого была лишь одна конкретная цель, но всё-таки...

Иногда молодая и перспективная Мез'Баррис просто не понимала поступки матери.

Поразмышлять об этом не вышло — мысли продолжали возвращаться к Утегенталю, оружейнику дома. Он не был Армго по рождению. Мез'Баррис могла лишь догадываться о его предках, хотя была уверена, что он не полностью дроу. Наверняка нет! Рост этого мужчины превосходил шесть футов — а ведь редкая женщина-дроу могла достичь такой отметки. Кроме того, он был сильнее женщин — ещё одна аномалия — и скорее всего был самым сильным тёмным эльфом в городе. Другие мужчины не могли одолеть его даже при поддержке магии и даже при помощи благословлённых заклятий Ллос, увеличивающих силу. Другие женщины не могли одолеть его тоже.

И в нём было что-то ещё помимо размеров и силы. Мез'Баррис дрожала от одной лишь мысли о нём в красивых чёрных доспехах и с этим могучим чёрным трезубцем — облачении, подобающем оружейнику благородного дома.

Даже дома Бэнр, поскольку мать Соулез ожидала, что Баррисон Дель'Армго вскоре достигнут сравнимого положения.

Все знали, что Утегенталь, такой быстрый, красивый и непобедимый, должен стать важной частью этого восхождения. Присутствовало в нём нечто особенное, и даже растущая репутация Закнафейна До'Урдена блекла перед реальностью Утегенталя. Утегенталь обладал слишком большой энергией для его смертного тела, и Мез'Баррис казалось, что при движении он рассыпает вокруг себя искры самой жизни — маленькие молнии, которые дразнят и щипают кожу. Несмотря на большую грудь и плечи, толстые руки, бугрящиеся мышцами, этот мужчина двигался с грацией танцора и всегда оставался очень текучим.

Да, он был не просто мужчиной, не просто смертным, и Мез'Баррис была крайне рада, что мать приняла его в семью. Рада и потрясена, ведь мать Соулез потребовала, чтобы никто в доме Армго не седлал этого жеребца, кроме Мез'Баррис. Да, разумеется, иногда она сдавала его внаём для оказания услуги продолжения рода, как было с матерью Мэлис До'Урден, родившей в результате это чудовище Бризу, но Мез'Баррис не беспокоилась по этому поводу. Она не чувствовала ревность к тем, кто платил золотом за эту великолепную особь.

Мез'Баррис относилась к этому спокойно, как и к подколам от остальных жриц, которые она получала дома и в городе.

- Как ты можешь быть с мужчиной, который сильнее тебя? - спрашивали большинство женщин, искренне ужасаясь подобными мыслями. - Это неестественно! Ты уверена, что не предпочитаешь в постели компанию женщин?

Мез'Баррис была уверена. Да, это необычно, практически неслыханно, чтобы женщину-дроу привлекал мужчина, который настолько превосходит её физически, но Мез'Баррис не могла игнорировать дрожь, которую испытывала, когда

Утегенталь так легко подбрасывал её на своих бёдрах, держа на весу, пока брал её, и никогда не утомляясь. Он подбрасывал, её, как ребёнка, но уж что-что, а подбрасывать он умел!

Она принимала их уколы и просто улыбалась, никогда не позволяя другим узнать силу её любовника и наслаждение, которое он даровал ей и которое превосходило всё, что они когда-либо знали — в этом Мез'Баррис была уверена.

Прежде чем Аратис Хьюн надел маску ярости, Закнафейну показалось, что он заметил промелькнувшее изумление.

Двое погрузились в боевой ритм. Зазвенели клинки, каждый воин быстро скользнул в сторону, чтобы осмотреть поле боя в поисках преимущества.

- Они неожиданно подстерегут тебя, и когда всё будет готово, ты встретишь врага там, где ожидал друга, - крикнул ему Закнафейн, разворачивая левую руку внутрь, чтобы резко опустить клинок, блокируя выпад Аратиса Хьюна.

Его противник резко отскочил, как будто ожидая контратаки, но её не последовало. Закнафейн подумал, что это может объяснить странное выражение на лице Аратиса, но может быть и нет — и поэтому повторил:

- Они неожиданно подстерегут тебя, и когда всё будет готово, ты встретишь врага там, где ожидал друга.

- Оставайся в живых, мой единственный друг, - ответил Аратис Хьюн, в красных глазах которого блеснуло узнавание.

Закнафейн кивнул, и вместе они продолжили:

- Я хочу, чтобы ты был жив.

Они всё поняли.

Движение сбоку заставило бойцов неожиданно броситься друг на друга, затем резко остановиться и пройти мимо, совсем близко. Они сцепились руками, инерция заставила их развернуться, и Закнафейн прыгнул на правую сторону переулка, напрягшись и сделав сальто, в результате которого приземлился на ноги прямо напротив тайной двери, которая внезапно отворилась перед ним.

Закнафейн услышал характерные щелчки и ушёл разворотом в сторону, широко взметнув свой плащ, чтобы поймать арбалетные болты. Он успел бросить взгляд через плечо и увидеть, как возле другой потайной двери, расположенной прямо напротив той, что открылась перед ним, точно так же увернулся Аратис Хьюн. Оттуда высыпал отряд воинов-дроу.

Из обеих дверей, понял оружейник, возвращаясь к собственному проходу.

Но нет...

Закнафейн замер с отвисшей челюстью, поскольку отряд, бросившийся ему наперехват, просто исчез, растворился, как будто простая иллюзия. Он снова развернулся на месте, собираясь броситься на подмогу своему временному союзнику, но увидел, как открывается третья дверь — в стене в конце переулка — и оттуда появляется ещё один отряд. Или тот же самый? Он не мог понять!

Но потом и эти нападавшие исчезли, растворились, и более того — Аратис Хьюн тоже неожиданно оказался в одиночестве.

- Покончи с этим жалким До'Урденом и возвращайся ко мне, - прошептала в ночь Мез'Баррис. Жрица неуютно поёжилась и покачала головой, всё ещё удивляясь тому, что мать Соулез позволила Утегенталю принять участие в этой миссии. Конечно, задание было не таким опасным — даже близко не таким опасным — как многие другие битвы, которые вёл в последнее время дом Баррисон Дель'Армго. Сегодня ночью все шансы были на их стороне. Но Мез'Баррис знала, что в этой игре всё иначе.

В этом бою участвовал Закнафейн До'Урден, мужчина, за которым Утегенталь следил более века, намереваясь сразиться с ним — ещё с того времени, как Закнафейн был единственным примечательным членом младшего дома по имени Симфрей. Мез'Баррис хорошо понимала любовника. Если у него и было какое-то слабое место, то этим слабым местом была гордость. Он ни за что не станет держаться в стороне, позволив остальному отряду убить Закнафейна — не было ни малейшего шанса, что он вообще позволит кому-то принять участие в битве с оружейником До'Урденов.

Утегенталь желал совершить это убийство сам, в присутствии свидетелей, чтобы весь мир мог узнать о его собственной славной победе.

После того, как с Закнафейном будет покончено, между Утегенталем и его желанием зваться неоспоримым чемпионом Мензоберранзана останется только сам Дантраг Бэнр.

- Покончи с этим жалким До'Урденом и возвращайся ко мне, - снова прошептала она, и как будто в ответ появился воин-дроу, затем второй, третий, четвёртый и пятый, возникнув на полушаге из воздуха прямо перед дворцом Армго. Она напряглась, решив, что на них напали, когда два воина упали на землю с арбалетами, а остальные трое с безупречной точностью бросились вслед за двумя выстрелами в битву.

Именно так, как их и обучали... в доме Баррисон Дель'Армго.

Все пятеро резко остановились и огляделись в смятении, которое полностью повторяло её собственное.

Вскочившая с кресла Мез'Баррис узнала их, воинов собственного дома, одну из трёх команд поддержки, которые отправились с отрядом Утегенталю из семерых воинов.

- Что такое? - спросил рядом голос, и она оглянулась, увидев жрицу Альм'виэлль, её кузину.

- Что? - отозвалась она.

- Ты охнула. Громко, - ответила Альм'виэлль.

Мез'Баррис указала вниз на ударный отряд, все солдаты которого встали и возвращались во дворец, качая головами.

- Что-то не так.

- Один из отрядов вернулся? - недоверчиво спросила Альм'виэлль, но быстро отбросила любое беспокойство.

- Их по-прежнему семнадцать против двух, - сказала Мез'Баррис, чтобы успокоить себя.

Альм'визэль погрозила пальцем и покачала головой, поправив сестру:

- Восемнадцать против одного.

Мез'Баррис хотела согласиться, но замолчала, когда краем глаза увидела, как появляется второй боевой отряд Армго — и снова точно так же, как будто они вступили в битву, но выбрали неправильный измеренческий поворот.

Затем к двум другим присоединился третий отряд, всего пятнадцать воинов Армго, растерянных и оказавшихся вдали от поля боя.

Мез'Баррис перегнулась через перила, высматривая четвёртую команду, команду Утегенталя.

- Восемь против одного, - прошептала она, пытаясь успокоить настоящий поднимающийся страх.

Прозвучало не очень убедительно.

- Обман! - крикнул Закнафейн, завершив разворот и увидев нескольких воинов, наступающих по переулку. Закнафейн узнал одного из них, огромного дроу с торчащими белыми волосами и золотыми булавками в щеках. Да, он знал Утегенталя — в Мензоберранзане все знали о чудовищном оружейнике дома Баррисон Дель'Армго — и это всё ему объяснило.

Ведь он догадался, что Даб'ней сыграла во всём этом не последнюю роль... а может, использовала свои связи с домом Баррисон Дель'Армго, чтобы предупредить его и Аратиса Хьюна.

Но зачем? Какой смысл предупреждать их обоих таким способом, чтобы они едва не убили друг друга ещё до начала засады?

У него не было времени думать об этом, поскольку четверо воинов бросились в атаку, пока Утегенталя ждал сзади. Двое налетели прямо на Закнафейна и Аратиса Хьюна, другие двое зашли слева и справа, чтобы взять предполагаемых жертв в клещи.

Закнафейн и Аратис Хьюн стали спиной к спине — они много раз отработывали эту технику, как все в отряде Джарлакса — забыв о вражде... на время, во всяком случае.

В результате разворота Закнафейну пришлось перехватить двух противников сзади, тех, что зашли с флангов, поскольку двумя своими длинными клинками он мог лучше парировать атаки врагов с обеих сторон. Он услышал за спиной лязг металла, прежде чем блокировал — Аратис Хьюн орудовал мечом и кинжалом, чтобы остановить натиск пары посередине.

Меч оружейника пошёл наружу, направо. Пошёл наружу налево его второй меч, и он продолжил парирование быстрым шагом и разворотом, толкнув Аратиса Хьюна, подавая ему сигнал.

Аратис Хьюн тоже пошёл налево, и пара закружила, так что воин, преследующий Закнафейна справа, должен был остановиться и нарушить темп, чтобы поднять клинки навстречу новому врагу. Точно так же воин Армго, преследовавший Аратиса Хьюна справа, был вынужден встретиться с Закнафейном. Сначала оружейник сделал глубокий укол, чтобы заставить отступить первого нападающего, затем со всех сил обрушился на нового оппонента. Закнафейн бешено орудовал клинками, направляя

уколы вниз, чтобы ещё сильнее вывести врага из равновесия. Он почти достал его, но вынужден был чуть развернуться в другую сторону, чтобы принять атаку предыдущего противника.

Их пара кружилась дальше и дальше, создавая ритм, замкнув круг и вернувшись в изначальное положение спиной к спине — почти, но не совсем, потому что они неожиданно поменялись местами, и на этот раз резкий сдвиг Закнафейна застал его первого противника врасплох. Оружейник был уверен, что нанесёт смертельный удар.

Но услышал за спиной шум и вскрик Аратиса Хьюна, и был вынужден прервать атаку, чтобы помочь союзнику. Закнафейн отвёл вражеский клинок как раз вовремя, чтобы убийца Бреган Д'эрт кувырком вышел из рукопашной. Аратис Хьюн вскочил обратно на ноги с оружием наготове, но никто из четырёх противников его не преследовал.

Закнафейн сразу же это понял — и хорошо. Он оттолкнулся и прыгнул прямо в воздух, высоко-высоко, подбирая ноги, чтобы избежать двух уколов и опасного рубящего удара. Высоко над клинками троих противников — четвёртый по-прежнему не пришёл в себя после резкой смены ситуации — Закнафейн выбросил ноги влево и вправо. Одна из его целей быстро подняла меч, оставив царапину на голени оружейника, но тот с готовностью принял эту рану, поскольку оба его сапога ударили в лицо двум противникам.

Один из них полетел на землю, где его голова громко треснула, ударившись о камни, и немедленно потекла кровь. Другой отшатнулся, оглушённый. На его мече осталась кровь Закнафейна, но из носа текла его собственная.

Третий из группы остался один против Закнафейна, его друг быстро возвращался. Но недостаточно быстро. Закнафейн сделал обманное движение вправо — очевидный поступок, когда другой противник так быстро приближается слева, но уверенный в своих силах Закнафейн с ошеломительной храбростью пошёл вместо этого налево, яростно размахивая клинками, отбивая удары и выпады изумлённого врага, подавляя его с неожиданной и бешеной свирепостью.

Он глубоко ранил врага грудь, пока другой, его первоначальный противник, напал на него со спины.

Не останавливаясь, Закнафейн отпустил свои клинки, схватил их снова обратным хватом и начал быстро и яростно колоть себе за спину.

Несчастный противник у него за спиной никогда не видел подобной техники или подобного натиска, и был вынужден парировать и уклоняться так же тщательно, как если бы оружейник стоял к нему лицом.

Так сильна была хватка Закнафейна, такими быстрыми и отточенными его удары за спину, что ни один блок не мог отвести клинки достаточно далеко, чтобы замедлить его ритм. И наконец, дроу Армго неизбежно пропустил удар и поймал меч в живот.

Закнафейн резко обернулся. Парень с разбитым носом быстро приближался, чтобы присоединиться к раненому в живот товарищу. Но прежде чем он успел оказаться рядом, дроу Армго оказался в одиночестве, поскольку Закнафейн повёл правый клинок наружу и вниз, уводя оружие пострадавшего дроу. Над этим

опускающимся клинком мелькнула правая рука Закнафейна, оружейник шагнул вперёд и полностью вложил свой вес в тяжёлый удар эфесом в лицо.

Минус три.

Закнафейн прыгнул вперёд и перекатился, развернувшись лицом к последнему оппоненту, когда вскочил обратно на ноги. Он заметил, что Аратис Хьюн сошёл в схватке с Утегенталем — убийца изогнулся, припав к земле и потащив за собой вниз этот могучий чёрный трезубец.

Поэтому Утегенталь ударил его задним концом оружия. Закнафейну удар показался не таким уж мощным, но Аратис Хьюн отлетел назад и рухнул на землю. Он попытался встать, задрожал и просто упал обратно.

Закнафейн сосредоточился на дроу рядом, не желая сражаться одновременно с ним и этим грозным оружейником. Однако воин Армго, из носа которого всё ещё текла кровь, отступил, опасаясь иметь дело с Закнафейном.

Он отступал к выходу из переулка. Закнафейн заметил там ещё двух врагов и понял, что обречён. Ему следовало сосредоточиться на стоящем там мужчине, понял он, но не мог — потому что знал вторую дроу.

Даб'ней Тр'арах.

Она действительно его предала.

Разберусь с ней позже, подумал Закнафейн, но всё равно вздрогнул — мало того, что к нему приближался Утегенталь, ещё один воин-Армго мог встать и присоединиться к битве, и что самое худшее — мужчина рядом с Даб'ней определённо был магом, судя по его роскошной мантии, и практически наверняка — волшебником высокого уровня из дома, известного своими заклинателями.

Жриц Ллос Закнафейн ненавидел всеми фибрами души, зато любил с ними сражаться.

Сражаться с волшебниками он ненавидел.

Волшебники жульничали. Они могли расплавить его, поджарить до смерти молниями, заморозить или отправить на какой-то далёкий и жуткий план бытия прежде, чем он сумел бы подойти для удара.

Совсем плохо — он не мог напасть на этого противника, получив (и — в лучшем случае — избежав) одно заклинание, прежде чем окажется достаточно близко для рукопашной.

Нет, у Закнафейна была проблема посерьёзнее в виде самого крупного дроу, которого он когда-либо встречал.

Закнафейн удивился тому, как приближался Утегенталь, поскольку это был совсем не бездумный натиск. Великан подошёл к Закнафейну тщательно отмеренными шагами, в правой руке, как короткое копьё, сжимая трезубец, широко отведя левую в сторону, чтобы сохранить равновесие в низкой стойке. Закнафейн вскоре понял, почему могучий дроу держит вторую руку свободной, поскольку Утегенталь провёл серию вращений и перехватов трезубца. Длинное оружие превратилось во вспышку, создавая защитную стену перед ним.

За несколько мгновений, которые потребовались Закнафейну, чтобы разобрать этот неортодоксальный приём, здоровяк чуть не достал его, резко прервав вспышку в идеальном положении, чтобы быстро ударить этим трёхзубым оружием прямо в середину торса.

Не было времени уклоняться, Закнафейн не мог отступить достаточно быстро, чтобы избежать длинного оружия, и был просто недостаточно силён, чтобы надёжно заблокировать трезубец. Опытный оружейник, всю жизнь изучавший боевые искусства, осознал всё это, даже не задумываясь. Его мышцы понимали это; каждая его частичка понимала ситуацию. Его мечи — оружие, украденное из оружейной именно того дома, к которому принадлежал Утегенталь — взлетели перед ним вертикально в идеальной позиции, чтобы попасть трезубцу между зубцов, и пока невероятно сильный Утегенталь нажал на древко, пробивая блок, Закнафейн остался стоять, но согнул ноги в коленях, прогибаясь назад.

Он опускался ниже и ниже — так низко, что его лопатки почти касались земли. Утегенталь отвёл оружие, очевидно для того, чтобы перенацелить трезубец вниз на согнувшегося оружейника, но прежде чем он успел, Закнафейн резко выпрямился, сделал быстрый шаг, и с помощью идеального контроля над своими мускулами перевёл инерцию полностью в ноги, отскочив назад.

И, наклонившись вперёд, он вернулся в бой с ослепительной скоростью, подпрыгнув вверх и наступив на трезубец, чтобы пригнуть его к земле. Его левая нога поднялась и нанесла удар Утегенталю в лицо.

Массивный оружейник Армго отшатнулся на шаг, но выдержал удар. Судя по виду, он больше удивился, чем пострадал, и с невероятной ловкостью и проворством Утегенталь поднял трезубец как раз вовремя, чтобы отразить последовавший вихрь мечей Закнафейна.

Но у Закнафейна теперь было преимущество, и он начал беспощадно давить на противника. Вынужденный отступать Утегенталь провёл могучее парирование двумя руками, затем оставил трезубец в правой, а левой рукой схватил висящую на поясе сеть.

Закнафейн слышал об этом втором оружии. Сеть укрепили с помощью магии и зачаровали так, чтобы она самостоятельно атаковала цель.

Утегенталь хлестнул наискось левой рукой, и Закнафейн почувствовал сеть, как будто она была одушевлённым животным, кусающим его. Но он не поддался — он не мог уступить. Оружейник продолжил атаковать, мечи звенели о трезубец, и Закнафейн надвигался на Утегенталю.

Тот снова хлестнул сетью и на этот раз отпустил её.

Закнафейн ударил её дюжину раз, его клинки были нацелены идеально, чтобы помешать волшебной сети запутать его. Сеть пролетела мимо, не нанеся урона, и Закнафейн набросился снова на великанского дроу, продолжая бешено рубить и колоть — всё что угодно, лишь бы держать противника в глухой обороне.

Но потом... он промахнулся, Утегенталь хитро бросил трезубец вниз и завёл его под левую руку Закнафейна, чтобы нанести сильный укол.

Правый меч Закнафейна метнулся к трезубцу, чтобы отразить выпад, а он сам отчаянно развернулся, отставив левую ногу назад, и снова, сохраняя безупречное равновесие, возвратил себе преимущество.

- Довольно! - услышал он из переулка, от волшебника.

Ожидая смертоносное заклинание, Закнафейн бросился в сторону, подобно щиту взметнув вокруг себя плащ-пивафви.

Но волшебник не бросил молнию или снаряд магической энергии — он даже не целился в Закнафейна. В он поднял перед собой небольшой жезл, сжав в обеих руках, а затем переломил его напополам, высвобождая заключённый там двеомер.

Утегенталь протестующе взревел, но его голос исказился, а тело задрожало, затрепетало, как сохнущее бельё на сильном ветру.

Волшебника тоже скрутило, как пустую ткань, и они оба исчезли — пух! — оставляя Закнафейна, четверых раненых солдат Армго, Аратиса Хьюна (по-прежнему распростёртого на земле), а также потрясённую и заметно испуганную Даб'ней, стоящую на выходе из переулка.

Жрица медленно покачала головой, глядя на него и произнося какие-то слова, которые он не слышал — но Закнафейн был уверен, что она не пытается прочесть заклинание. Её плечи слабо дрожали — возможно, от всхлипов.

- Что ж, мы победили, а тебя бросили, - сказал ей Закнафейн, перехватив свои окровавленные мечи, ловко вытерев их об одежду на ближайшем трупe, а затем проворно вернув в ножны. Он покосился на одного из раненных Армго, ползущего к одному из выходов. - Ты правда считала, что добьёшься успеха, жрица?

- Да, Даб'ней Неразумная, - заговорил Аратис Хьюн. Закнафейн скрыл улыбку, но не удивился. - Ты ожидала иного исхода? Думаешь, Джарлакс берёт себе в помощники дураков? Мы знали. Конечно мы знали! И если ты надеялась возвыситься в Бреган Д'эрт, следовало предвидеть, что мы с Закнафейном всегда будем на три шага впереди любых твоих замыслов.

- Во-первых, - продолжал он, - я знал, что ты давно занимаешься любовью с Закнафейном, но только ради собственной выгоды. Во-вторых, эта выгода — результат уничтожения, удаления нас обоих у тебя с пути. Как удобно, что Джарлакса здесь нет! Будь он поблизости, мы бы не могли вступить в бой. А где сегодня ночью Джарлакс?

Даб'ней не отрывала взгляда от Закнафейна, глядя ему прямо в глаза.

- В-третьих, - довольно уверенно продолжал Аратис, - ты пользовалась благосклонностью особенно жестокой Соулес Армго. Какую выгоду может получить Даб'ней от убийства одного из нас, если убийство обоих сделает её помощницей самого Джарлакса в Бреган Д'эрт? Джарлакса, который, кстати, покинул город по заданию от самих Армго!

Закнафейн увидел слабое движение головой Даб'ней, но было ясно, что женщину победили — эмоционально, целиком и полностью. Проницательный Закнафейн видел, что у неё не осталось сил даже возразить.

- На три шага впереди, - насмешливо повторил Аратис Хьюн. - А теперь твоя жертва сама предаст тебя мечу.

Закнафейн заметил вспышку смятения в красных глазах Даб'ней.

Его это не удивило.

Её главным чувством была вина, а не страх. Даб'ней ожидала, что может погибнуть — слабый репертуар заклинаний жрицы никоим образом не смог бы защитить от любого из этих умелых убийц, а тем более — от двух сразу.

Но она была почти рада. Всё это так долго отравляло ей душу, разрывало на части изнутри. Она не хотела, чтобы Закнафейн погиб! Она даже не хотела убивать Аратиса Хьюна. Но положение было безвыходным.

Так что она сделала выбор. Единственный выбор, который у неё был.

Но выбор оказался неправильным, и настала пора платить.

Она увидела, как дальше по переулку, за спиной у Закнафейна поднимается на ноги Аратис Хьюн. Она заметила, как он приближается, стараясь остаться незамеченным, и нашла это занятным — и ещё более занятным, когда он устремился не на неё, а к спине Закнафейна — с обнажённым кинжалом в руке!

А Закнафейн смотрел на жицу.

- Шесть шагов, - поправил оружейник Аратиса Хьюна. Даб'ней охнула, когда руки Закнафейна с невероятной скоростью поднялись, сжимая обратным хватом меч. Сначала она подумала, что он подбросил левый клинок, но потом поняла, что оружейник просто перехватил его во время подъёма за плечо, в то время как правый меч с силой нанёс укол за спину.

Она увидела, как Аратис Хьюн ушёл чуть в сторону, но всё-таки бросился на оружейника.

Но этот левый клинок Закнафейна! Каким-то образом он перехватил его, опустил за плечо и теперь взмахнул позади себя, чтобы перехватить кинжал убийцы.

Даб'ней едва могла уследить за движениями Закнафейна. Его меч поднялся обратно над правым плечом, высоко над головой и по кругу, пока сам дроу начал разворачиваться влево. Она ожидала, что этот клинок сверху проделает полный круг — Аратис Хьюн тоже этого ожидал, судя по его движениям — но нет! Вместо этого Закнафейн перехватил его снова, когда клинок проходил перед ним, и ловко развернул, чтобы сделать выпад назад обратным хватом, как сделал ранее другим клинком.

И продолжал разворот, и на этот раз поднялся меч в правой руке, а затем обрушился с ударом вниз, когда оружейник завершил движение, великолепное движение, которое должно было опоздать на два действия, но было исполнено так точно, так быстро, что даже необычайно умелая жертва казалась загипнотизированной.

Аратис Хьюн сумел отпрянуть назад, направо и вниз, спасая себя от обезглавливания.

Но он покачнулся под ударом клинка и схватился за шею, из которой уже ударил фонтан крови.

- На шесть шагов впереди, - повторил Закнафейн. - Ты забыл назвать первый: что это Аратис Хьюн использовал магию Облодра, пытаясь позволить Дувону Тр'араху победить и прикончить меня. Поступок Джарлакса, вручившего мне свою глазную повязку, позволил мне различить правду.

- Пятый шаг — ты хотел убедить меня, что это последнее запланированное покушение — дело рук только Даб'ней.

Оружейник засмеялся, как будто само предположение было абсурдным.

- Ты знал о попытках Даб'ней сойтись с домом Армго, потому что она не единственный участник Бреган Д'эрт, который недавно имел с ними дело. Ведь ради чего им убивать Аратиса Хьюна? Что они получают? И если ты, по твоим собственным

словам, знал, что это они, это Армго устроили так, чтобы Джарлакса не было в городе — значит ты знал, что Джарлакс не сможет вмешаться. Тогда зачем ты сюда пришёл?

- И наконец, этим ты полностью выдал себя, убийца. В нашем бою с четвёркой противников. Потому что Аратис Хьюн не ошибается.

Аратис Хьюн таращился на него широко распахнутыми глазами. Он опустился на одно колено, затем вынужден был упереться рукой в землю, ведь как сильно он ни сжимал рану, полностью остановить кровь не получалось.

Даб'ней могла спасти его. Она нервно потёрла большие пальцы об остальную ладонь, задумавшись об исцеляющем заклятии. Но она продолжала смотреть на Закнафейна, пытаясь оценить его настрой.

Она начала заклинание, но остановилась, когда Закнафейн подошёл, нацелив клинок в её горло.

Она готова была умереть.

- Сети в сетях, а те в других сетях, - сказал он, прижимая кончик меч к нежной коже её шеи.

Даб'ней с трудом вздохнула. За спиной у Закнафейна Аратис Хьюн скользнул на землю. Кровь начала скапливаться в лужу.

Закнафейн убрал меч и крутанул его, бросив оба клинка в ножны.

- Я не могу заплатить цену за твою голову, - сказал он. - Джарлакс продаст тебя Армго — скорее всего, он занимается этим прямо сейчас во время других его дел с матерью Соулез. Мне интересно, не выкупит ли она тебя лишь для того, чтобы обвинить в понесённых этой ночью потерях.

- Тогда убей меня, - прошептала жрица.

Закнафейн хотел ответить, но промолчал и просто покачал головой с ничего не выражающим лицом.

- Прости, - прошептала она едва слышно. - У меня нет твоей храбрости.

Жрица увидела, как вздрогнул Закнафейн, но не знала, что за этим стоит.

Оружейник бросился мимо неё, вниз по переулку и наружу в мензоберранзанскую ночь.

Даб'ней сделала глубокий успокаивающий вдох, затем потёрла пальцы, собираясь исцелить Аратиса Хьюна.

Но было уже слишком поздно.

ГЛАВА 19

Когда высохла кровь

- Он умер, - упрекнула мать Соулез Даб'ней, которая теперь официально стала Даб'ней Армго, жрицей дома Баррисон Дель'Армго, и больше не работала на Бреган Д'эрт, формально или как-то иначе.

Легче ей от этого не стало.

Даб'ней облизала губы, но ничего не ответила вслух, не зная, что хочет услышать мать Соулез. Один из четырёх воинов в отряде, к которому она была приписана, действительно погиб от ран, поскольку когда Даб'ней проверила умирающего Аратиса Хьюна, оказалось, что для воина Армго тоже было слишком поздно.

Однако Даб'ней дали явные и недвусмысленные инструкции: она должна была лечить только Утегенталю. Мать Соулез несколько раз повторила жрице, что её ограниченный набор заклинаний предназначен только для драгоценного оружейника. Другие воины были расходным материалом, и теперь одного из них израсходовали.

- Наш великий оружейник смог оценить Закнафейна, а один из лейтенантов Джарлакса погиб, - слабо ответила Даб'ней на упреки недовольной матери Соулез.

- Никогда не говори про этой бой, - приказала ей мать Соулез тоном, не подразумевающим возражений и обещавшим суровое наказание в случаеслушания.

Даб'ней опустила глаза в пол и кивнула. Она, конечно же, понимала. По всем показаниям Закнафейн начал одолевать Утегенталю. Если бы не произошло какой-то драматичной перемены, Закнафейн До'Урден выиграл бы тот поединок. Мать Соулез, разумеется, не хотела, чтобы все об этом узнали.

- Оставь нас, - сказала она Даб'ней, когда в помещение вошла другая жрица, Мез'Баррис.

- Он злится из-за отступления, - сообщила Мез'Баррис матери, как только Даб'ней ушла.

- Ну разумеется. Тебе следует позаботиться о твоём партнёре и проследить, чтобы он не погиб из-за собственной гордости. Если верить пяти свидетелям поединка, он легко мог проиграть. Мы недооценили этого оружейника До'Урдену. Надеюсь, это не касается и матери Мэлис.

- Утегенталь молод, - возразила Мез'Баррис. - Закнафейн закончил Мили-Магтир ещё до его рождения. У него нет такого же опыта в настоящем бою.

Мать Соулез рассмеялась и взмахом заставила её замолчать.

- Однажды мой прекрасный Утегенталь разделается с Закнафейном, - согласилась она. Она заметила, что дочь хочет ответить, но что-то мешает высказать ей свои мысли.

- Ты считаешь, что мы должны избавиться от Закнафейна сейчас — любым способом, который только подвернётся, - предположила мать Соулез.

- Он превращает семью матери Мэлис в грозного противника, - ответила Мез'Баррис.

- Перспектива, дочь моя. Мы не готовы к войне с домом До'Урден.

- Но ведь мы бы могли их уничтожить!

- Разумеется, но поступив так, мы раскроем верховной матери Бэнр и другим из правящего совета нашу настоящую силу. Многие считают, что напугают врага, показав свою истинную мощь. Но они ошибаются. Не забывай об этом, дочь моя. Показав огромную силу своего войска ты также показываешь границы этой силы, позволяя другим выяснить, как можно навредить тебе. Пока что мы позволим

матери Мэлис сохранить свою игрушку, но дадим понять Закнафейну, что его друг Джарлакс ничего не сделал, чтобы помешать западне, хотя и знал о ней.

- Джарлакс узнал, когда всё уже закончилось, - ответила Мез'Баррис, но вздох и недовольная гримаса матери Соулез напомнили ей, что правда состоит в том, во что они заставят поверить остальных, а не в том, что произошло в действительности.

В этом прежде всего и заключался путь дроу.

- Джарлакс и его банда бродяг слишком хорошо устроились с верховной матерью Бэнр, а личная дружба Джарлакса с Закнафейном... может стать проблемой. Я не хочу, чтобы мать Бэнр вмешалась в любое возможное противостояние между нами и домом До'Урден.

Она замолчала и фыркнула, стиснув губы и сощутив глаза.

- И мы обе понимаем, как сильно мать Бэнр, мать этого жалкого Дантрага, хочет, чтобы Утегенталя убрали из уравнения.

- Тебя давно предупреждали, что будет цена, - сказал Закнафейну недовольный Джарлакс несколько десятков дней спустя, когда вернулся в город, чтобы узнать, что его самый давний спутник и доверенный лейтенант мёртв.

- Его тоже, но он не отвёл свой клинок, - ответил Закнафейн, баюкая в руках кружку с элем. - Только мой собственный меч сделал это. А ещё он напал со спины, как настоящий трус.

- Думаешь, твоё чувство чести сослужит тебе здесь хорошую службу? Я удивлён, что ты до сих пор жив.

- Чувство чести и тщательная подготовка против тех, кто его не разделяет, - прояснил Закнафейн.

Джарлакс сдержал отповедь и вспомнил тот раз, когда стал свидетелем поразительной тренировки Закнафейна, во время которой оружейник безудержно трудился над единственной, слишком длинной на первый взгляд комбинацией, включающей в себя блок через плечо, за которым следовало несколько уколов за спину, прикрывающих убийственный рубящий удар.

- Однако я предупреждал вас, вас обоих, что такой поединок обойдётся победителю недёшево, - настаивал Джарлакс.

- Вычти это из золота, которое ты получил за Даб'ней Тр'арах, - был саркастичный ответ. - Прошу прощения, я имел в виду жрицу Даб'ней Армго.

Джарлакс не нашёл, что сказать. Но Закнафейну знать об этом было необязательно.

- Мы не можем вступить в войну с домом Баррисон Дель'Армго, - наконец произнёс он. - Они намного сильнее...

- Мы? - просто оборвал его Закнафейн, и вопрос прозвучал обречённо для них обоих.

Оружейник осушил свой стакан одним огромным глотком, затем оторвался от стула и покинул «Сочащийся миконид», чтобы никогда больше не вернуться.

ЧАСТЬ 4

Одержимые

За такой короткий период времени я столь многому научился у верховного магистра Кейна. Я научился контролировать своё тело и даже изучать его такими способами, которых раньше даже представить себе не мог. Это сосуд моего сознания, который я могу исследовать глубже, чем когда-либо прежде. Я могу управлять мускулами, чтобы превратить руки в кинжалы или выстоять против ураганного ветра — даже могу активировать индивидуальные мышцы и выдавить яд змеи или кинжала из раны, в которую его занесли.

Я изучил углы атаки и обороны, превосходящие те, которым научили меня в академии дроу или даже те, которым научил отец. Пожалуй, ещё важнее то, что я научился предвидеть точный рикошет от угла блокирования, и теперь простой поворот бёдер позволяет жалящему мечу пройти мимо, будучи направленным точной защитой моей сабли или даже моей руки.

Время, проведённое с магистром цветов, было полным чудесных открытий — как внутри, так и снаружи. Я стал совсем иначе относиться к миру вокруг, к друзьям поблизости, к моей жене, к моему будущему ребёнку — с намного большим большим восхищением, как будто негативные импульсы ревности, страха и инстинктивного гнева больше не могут пробиться сквозь нарастающий стыд, который я испытываю, даже думая о них. Жизненное путешествие стало одновременно более прекрасным, лёгким и проникновенным.

Это — более широкая картина мира и мультивселенной вокруг нас — и есть тайна вечной невозмутимости магистра Кейна, его неизменной доброжелательности и скромности. Он знает своё место, и совсем не в уничижительном смысле. Напротив!

Так что, вспоминая проведённое с магистром Кейном время и долговременные эффекты полученного опыта, я могу с уверенностью заявить, что самый важный и дорогой урок который я выучил — это благодарность.

Я благодарен каждый день. Стремиться к этому каждое мгновение означает искать совершенства души, подобно тому, как всю свою жизнь я искал воинского совершенства, совершенства тела. Теперь я научился объединять эти две вещи... нет, четыре вещи — разум, тело, сердце и душу — в едином порыве. Чтобы поднять руку для отражения удара копьём, необходимо понимать движение и обладать достаточной скоростью и реакцией мышц, но подобная тренировка без дисциплины и понимания моральных последствий такой битвы, даже духовного итога подобного поединка, превращает воина в... Артемиса Энтрери — и хуже того, в старого Артемиса Энтрери.

Должна существовать причина, превосходящая простые оправдания — и когда ты понимаешь, что всё вокруг едино, эти причины проступают более ясно и придают в битве сил, одновременно физических, интеллектуальных и философских.

Чтобы стать настоящим воином, недостаточно научиться выполнять приёмы точно и без ошибок. Я давно это знал. Однажды я сказал Энтрери, что он не сможет меня победить, никогда, потому что сражается, не вкладывая душу. Теперь, познакомившись с Кейном, будучи смирён этим мужчиной, который превзошёл обычные человеческие границы, я лучше понимаю собственные слова, обращённые к Артемису Энтрери в тот далёкий день. Совсем недавно тот же аргумент привёл мне Кейн, не оставив места для возражений.

Да, я благодарен Кейну, верховному магистру цветов монастыря Жёлтой Розы, и моя величайшая признательность вызвана тем, как расширилась моя перспектива, касающаяся всего вокруг той сущности, которую я зову «собой», касающаяся самой жизни, касающаяся самой причины, напоминающей мне о том, чтобы быть благодарным и учиться — всегда учиться.

Таков наш путь.

Такова наша цель.

Таково наше счастье.

Наше вечное счастье.

— Дзирт До'Урден

ГЛАВА 20

Обломки в воде

*Год Возрождения Дварфийского Рода
1488 по Летосчислению Долин*

- Вставай! - услышал он где-то очень, очень далеко. - Просыпайся, акулий корм! Вставай!

Холодная вода плеснула в лицо и затекла в ноздри, и он смутно осознал, что задыхается, что просто не получает достаточно воздуха.

К нему вернулась частичка сознания, и он ощутил, как покачивается, колышется вместе с холодной водой вокруг. Он с силой во что-то врезался, головой и плечом, но это был приглушённый толчок, как будто случился где-то вдали. Он испытал чувство медленного, невероятно медленного падения.

Что-то — кто-то — грубо схватил его за волосы и дёрнул обратно вверх, и снова он почувствовал, как вода потекла по лицу, затекла в нос и рот, и снова услышал просьбы, и теперь понял, что голос был женским.

Затем он начал подниматься, и уже отчётливее ощутил, как стекает с него вода, как изменяется давление вокруг, когда он вырвался из объятий жидкости и волны

начали захлёстывать его всё ниже и ниже. Он почувствовал, что поднялся в воздух — неужели он умер?

Эта мысль вернула Вульфгара в сознание, и он открыл глаза, чтобы обнаружить, что парит над океаном, прямо у борта небольшой шлюпки, а женщина в шлюпке, Милашка Чарли, схватила его за ноги, чтобы стащить в лодку. Как только он оказался над лодкой, он упал, и упал сильно, рухнув на небольшое судёнышко. Он каким-то образом понял, что должен испытывать более сильную боль, но тело онемело, и все чувства казались далёкими. Он перевернулся, едва обратив внимание на собственный стон, и увидел в лодке ещё одного: Киммуриэля.

- Ты не мог опустить этого тупицу полегче? - буркнула Милашка Чарли.

- Я мог оставить тебя висеть, перегнувшись через борт, чтобы ты держала его за волосы, пока он не утонет, - ответил Киммуриэль, и Вульфгар подумал, как типичны подобные слова и безразличный тон для дроу.

Вульфгар попробовал сесть, но руки едва отозвались на его приказ, и как только он пошевелился, обжигающая боль в спине снова заставила его рухнуть на палубу, лицом вниз, содрогаясь в агонии.

- Эй, он же истечёт кровью до смерти! - воскликнула Милашка Чарли. - Быстрее, дай мне тот горшок.

Лёжа, Вульфгар видел Киммуриэля, и псионик негромко фыркнул и даже не пошевелился. Он услышал раздражённый возглас Милашки Чарли, когда та переступила через него, чтобы взять горшок с целебной мазью, которое держали на небольших шлюпках.

- Тебе придётся его разогреть, - сказала она, оглядываясь вокруг.

- Проверь, - ответил Киммуриэль. Она послушалась, замерла, потом оглянулась на странного дроу. - Это не так уж и сложно, - добавил Киммуриэль.

Милашка Чарли опустила руку в горшок и зачерпнула мазь, которую растёрла по спине Вульфгара.

- Останется хорошенький шрам, Вульфгар из Долины Ледяного Ветра, - сказала она, - но по крайней мере ты не измажешь кровью всю мою лодку.

- Ему придётся грести, как только он очнётся, - услышал Вульфгар слова Киммуриэля, но не видел дроу, поскольку его веки были тесно сжаты — варвар терпел боль от тёплой мази, покрывшей его глубокую открытую рану и стягивающей края разорванной кожи.

- Грести? Повезёт, если он стоять сможет, - ответила Милашка Чарли.

- Я... могу стоять, - простонал сквозь сжатые зубы Вульфгар и с усилием поднялся на колени. Ему показалось, что в спине со сих пор торчит меч, причиняя боль с каждым движением. Он знал, что его отравили — чувствовал, как болезненная субстанция по-прежнему течёт внутри, но с невероятной решительностью упёрся одной ступнёй и подался вверх, встав на дрожащие ноги посередине тесной шлюпки. Затем он заметил вереницу парусов, ускользающих прочь и движущихся на восток, к Лускану.

- Его смоем за борт первой же волной, - сказала Милашка Чарли, качая головой. - Он не будет грести.

- Что произошло? - спросил Вульфгар, который весьма смутно помнил, как оказался в море.

- Тебя не хватало, - сухо отозвался Киммуриэль.

- Зато потопили их корабль, - сказала Милашка Чарли. - Думаю, это был корабль Маргастеров — и неплохой. Так что это хорошо. Но теперь...

Она пожала плечами и указала подбородком в сторону, и там во мраке Вульфгар различил длинный корпус перевернувшегося корабля.

- В ответ они захватили «Реликвию», так что может быть тебе не стоило топить их корабль.

- Где Калико Гримм?

Милашка Чарли покачала головой.

- Он не наша забота, - вмешался Киммуриэль. - Мы как можно быстрее направляемся в Лускан. Садись за вёсла, Вульфгар.

- Он не может! - возразила Милашка Чарли.

Вульфгар практически упал на скамью и снова вздрогнул от боли, опустив руки по сторонам, чтобы взять вёсла. Он замер, чувствуя нечто крайне неприятное, как будто Киммуриэль пытался вторгнуться в его разум и завладеть им. Чисто инстинктивно он начал изо всех сил сопротивляться.

- *Впусти меня, идиот*, - сказали ему мысли Киммуриэля. - *Ты не сможешь грести с такой болью.*

Вульфгар не знал, что и думать, хотя несмотря на упрямство и гордость, вынужден был признать правоту последнего замечания. В этот миг Киммуриэль проскользнул в его разум, и прежде чем Вульфгар сумел его изгнать, великан испытал внезапное облегчение, как будто боль просто растворилась.

- Что? - спросил он вслух.

- Боль в твоём разуме, - ответил Киммуриэль.

- В моей спине! - поправил варвар.

- Твоя рана по-прежнему там, - сказал дроу. - Чувствуешь её?

Это заставило Вульфгара задуматься.

- Отрава Бездны всё ещё там, и она прикончит тебя, если мы не найдём помощь. Ты её чувствуешь?

Он не чувствовал. Как и пылающую боль в спине, как и тяжесть в руках — отрава как будто исчезла. Каким-то образом Киммуриэль отсек всё это.

- Гребь! - приказал дроу.

Вульфгар взялся за вёсла и потянул, и шлюпка полетела по тёмной воде.

Милашка Чарли перебралась через скамью и села напротив.

- Жаль твой молот, - сказала она. - Мы видели, что ты запутался в снастях со сломанной мачты, но твое оружие утонуло.

Вульфгар ответил на её беспокойство утешительной улыбкой, и, чтобы успокоить женщину окончательно, поднял одну из своих крупных рук и прошептал имя божества воинов. Милашка Чарли отёрнулась и чуть не упала, когда в его руке возник Клык Защитника.

- Вот это трюк! - охнула она.

- Говорит о мастерстве создателя, - заметил Киммуриэль.

Вульфгар с любопытством взглянул на дроу — это было самое близкое к комплименту, что он когда-либо слышал от псионика, причём в адрес дварфа, Бренора, который давным-давно выковал оружие для Вульфгара.

- Теперь, пожалуйста, убери молот и возьми весло, и тогда, может быть, мы переживём эту ночь, - добавил Киммуриэль. - И будь осторожен, не разбей нам лодку своей игрушкой.

Вульфгар бросил кислый взгляд на саркастичного дроу, затем налёг на вёсла, рыча с каждым могучим взмахом. Небольшая шлюпка летела мимо многочисленных потопленных кораблей, мимо мужчин и женщин в воде, хватающихся за доски, чтобы удержаться.

- Если остановимся ради одного, нас просто задавят, - сказал Киммуриэль Вульфгару и Милашке Чарли. - Вода не так уж холодна, ночь они переживут. Если мы доберёмся до Лускана и отправим корабли на помощь — у них будет шанс.

Вульфгар знал, что дроу прав, но ему больно было грести мимо несчастных моряков (пускай даже он не знал, на чьей стороне они сражались). Однако вскоре варвар перестал беспокоиться, когда Милашка Чарли, которая сидела лицом к нему и смотрела вперёд, ему за спину, охнула, он замедлил ход и оглянулся через плечо.

На восточном горизонте горело оранжевое зарево, и это был не рассвет.

- Похоже, наши враги не тратят зря времени, - сказал Киммуриэль.

Вульфгар пригнулся и начал грести сильнее, с каждым гребком поднимая нос шлюпки над водой. Начался прилив, и они следовали за течением. Однако им предстоял долгий путь, и через какое-то время даже могучему Вульфгару потребовался отдых. Он поднял вёсла и развернулся на скамье, чтобы посмотреть на город. Они находились достаточно близко, чтобы различить общие очертания самых высоких зданий.

Немалая часть Лускана была охвачена пламенем, а рядом в гавани стояла армада вражеских кораблей. Их катапульты и волшебники метали в город горючую смесь и огненные шары.

- Что мы будем делать? - спросил Вульфгар.

- Город хотя бы сопротивляется? - подала голос Милашка Чарли.

- Кто-то да, кто-то нет, - ответил Вульфгар. - Это же Лускан.

Он посмотрел прямо на Киммуриэля и добавил:

- Хотя я сомневаюсь, что предполагаемые лидеры города рискуют собой в битве.

Киммуриэль не ответил — даже не поднял тонкую белую бровь.

Вульфгар ненавидел его.

Но несколько мгновений спустя он получил другой ответ — огромный взрыв у северного края города. Большой огненный шар озарил ночь, поднялся вверх, как оживший гриб, источая дым и клубы пламени. Затем последовали яркие вспышки молнии, пронзавшие небо, как будто взметнувшийся гриб был какой-то странной волшебной бурей.

Когда шар поднялся выше, освещая приметное здание внизу, все трое в лодке увидели их источник — разрушительные молнии летели из боковых отростков Главной башни Волшебства, обрушиваясь на поле внизу и уничтожая силы вторжения.

- Твой молот может убить демона или гнолла, - заметил Киммуриэль. - Сколько врагов, по твоему, Громф и его коллеги испепеляют прямо у нас на глазах?

Вульфгар не стал отворачиваться от этого зрелища и даже не потрудился взглянуть на странного дроу.

- Греби к устью реки Мирар, - сказал Киммуриэль.
- К Главной башне? - спросила Милашка Чарли.
- Нет. К Драконьему проливу и Охранному острову.
- Туда наверняка вторглись, - заметила женщина.
Киммуриэль покачал головой.
- Сомневаюсь. В Корабль Курт пробраться не так-то просто. Не сейчас.
- Проще, чем в Главную башню, - возразил Вульфгар.
- Теперь наши враги об этом знают, - ответил Киммуриэль. - Но не знали раньше, и наверняка будут продолжать пробиваться через мост ко второму острову и величественной Главной башне — очевидному главному зданию города.
- Слишком много предположений, - сказал Вульфгар. - И если ты ошибся...
- Есть способ проникнуть в Корабль Курт, - вот и всё, что ответил ему Киммуриэль. - Делай, что говорю.
Милашка Чарли начала спорить с псиоником, но Вульфгар быстро поднял руку, чтобы её остановить. Варвар знал, что они не нужны Киммуриэлю. Тот мог покинуть лодку с помощью магии и потопить её напоследок. Или, ещё хуже, мог проникнуть в разум Милашки Чарли, убедить её прыгнуть за борт и погрузиться как можно глубже, после чего сделать глубокий вдох.
Вульфгар знал Киммуриэля не очень хорошо, но достаточно, чтобы считать, что дроу запросто может поступить именно так — с Милашкой Чарли, по крайней мере, хотя варвар решил, что его собственная дружба с Дзиртом, а значит — и с Джарлаксом, может сберечь его от дьявольского коварства псионика.
Правда, его это не успокоило. Только не в случае с Киммуриэлем.
Вульфгар покорно опустил вёсла в воду и направился к месту справа от Главной башни, где был расположен канал Драконья протока.

Громф Бэнр сделал глубокий вздох, выпуская усталость после заклинания, которое могло быть самым большим огненным шаром за всю его жизнь. Он размышлял об этом, оглядывая поле вокруг Главной башни, усеянное дымящимися останками пиратской орды — демонами, гноллами, людьми, гоблинами и даже ограми. Впечатляющее войско, только глупое и с плохим командованием. Они прошли мимо Корабля Курта, средоточия власти в Лускане, чтобы атаковать Главную башню.

И погибли — по крайней мере, скоро погибнут, все до единого.

Громф подумал о своём огненном шаре, усиленном его растущим опытом в магии разума. Киммуриэль и пожиратели разума открыли ему доступ к более глубокой концентрации, и этот незамутнённый фокус привёл к появлению крайне впечатляющих заклинаний. Великий Громф и представить себе не мог, что его волшебные силы могут возрасти ещё больше!

Однако с него сбили спесь. Не так давно он ощутил могущество иллидидского улья, текущее сквозь него — силу столь прекрасную, что она поборола объединённые воинские и магические усилия всего Мензоберранзана. Затем он позволил вложить её в единый удар через тело Дзирта До'Урдена, чтобы разрушить физическое воплощение Демогоргона, Владыки Демонов.

Какая власть! Истинная и чистая! Громф хотел ощутить её снова, и на сей раз хотел создать её сам.

Сверху ударила молния, созданная его любимым не-дровским магом из Главной башни, облачной великаншей Сесилией. Эта милая исполинша с самого создания нового ордена магов неоднократно удивляла Громфа — и теперь удивила снова. Она утверждала, что её магия целиком состоит из прорицаний, иллюзий и безвредного призыва. Но когда Громф посмотрел на новую дыру в поле, оставленную её разрядом — глубокий шрам с тремя телами младших демонов, которые почти добрались до основания огромного древоподобного здания — он убедился, что великанша намного сильнее, чем говорит.

Сверху посыпались новые молнии — многие из волшебников Главной башни соревновались, кто убьёт последних оставшихся на поле битвы врагов. Громф покосился на юго-восток, в другой конец города, увидев там пожары и продолжающиеся сражения. Он подошёл к хрустальному шару на пьедестале. Магия прорицательного устройства действовала в каждом помещении Главной башни, позволяя Громфу связаться с любым из подчинённых или, как сейчас, со всеми сразу.

- Довольно, - приказал он. - Думаю, скоро к нам пожалуют новые враги. Берегите силы. Сесилия, я хочу с тобой поговорить.

Он прекратил действие магии, не дожидаясь ответов. В дверь постучали, и он открыл, ожидая облачную великаншу. Но вместо этого за дверью оказался мужчина-нетерез с крайне озабоченным выражением лица.

- Я не вызывал тебя, - сказал Громф лорду Парису, одному из магов Главной башни.

- Вызывали? - недоумённо переспросил бывший правитель анклава Шейдов в Нетерезской империи. - Нет... я должен с вами поговорить.

- Вы закончили свои исследования касательно врат? - спросил его Громф, надеясь, что дело в этом. По соглашению с Джарлаксом и королём Бренором у архимага и его волшебников была ещё одна обязанность: завершить магические порталы, что связывают Гонтлгрим с тремя дварфийскими крепостями в Серебряных Кордонах.

- Мне помешали, - ответил лорд Парис, но когда он попытался объяснить, ему помешали снова — по лестнице в центральном стволе башни спустилась Сесилия и направилась ко входу в личное крыло Громфа.

Громф улыбнулся, разглядывая её. Она использовала заклинания, чтобы сохранять достаточно мелкий размер для перемещения по коридорам Главной башни, но хотя двеомеры и уменьшили её рост, они сделали это странным образом, уменьшив только рост, а не весь объём, так что она казалась похожей на синекожую полурослицу в кривом зеркале, которое делает все черты толще. Однако эффект кажется не таким уж отталкивающим, подумал Громф, да и кроме того, среди всех волшебников Главной башни Сесилия лучшая — исключая самого Громфа, разумеется.

Кроме того, она знала своё место и не стала подходить, когда увидела, что Громф занят беседой с нетерезским лордом.

- Что вы хотели? - напомнил ему Громф.

- Я рассказывал вам, что обнаружил на верхней части портала руны, крохотные, но различные, - объяснил лорд Парис. - Я был внизу, снова пытаюсь в них разобраться — теперь я знаю, что это не древний дварфийский — но прежде чем я успел их расшифровать, я обнаружил посетителя.

- Посетителя?

- В портале.

- Из Гонтлгрима, - предположил архимаг, поскольку у портала под Главной башней больше не было других связанных точек.

Но Парис покачал головой.

- Не оттуда, нет.

Громф поднял бровь. Никому нельзя было подходить к portalу Главной башни без разрешения самого архимага, а он такого разрешения не давал. Дроу обдумал возможности, затем спросил:

- Кэтти-бри?

Парис снова покачал головой.

- Вам стоит пойти со мной, архимаг. Она настаивает, что должна говорить с вами и только с вами.

- Она?

- Я уверен, что она с вашей родины.

Громф вздохнул. Сначала архимаг подумал, что это его дочь, Ивоннель, но Парис знал Ивоннель, так почему он так нервничает? Неужели одна из сестёр Громфа пришла поговорить с братом? И зачем это было делать через портал?

Он протиснулся мимо Париса, направляясь к винтовой лестнице.

- За мной, - приказал он нетерезу и облачной великанше и повёл их вниз, разозлённый, а не заинтригованный.

Злость превратилась в нечто иное, когда он миновал последние двери в небольшое боковое помещение, содержащее волшебное устройство телепортации.

- Тебе следует ходить быстрее, - поприветствовала его мать Жиндия Меларн.

От Громфа потребовалась вся его сила воли, чтобы сдержаться от нападения — словесного и, возможно, даже волшебного. Что эта тварь здесь забыла? И она была не одна, окружённая троицей других женщин-дроу. Громф решил, что это её старшая жрица, которая в прошлом была матерью собственного дома, Кенафин, а остальные две — Ханцрины, включая первую жрицу Черри. Внушительная свита.

- Ты могла заметить, что я и мои подчинённые немного заняты.

- Действительно, - отозвалась Жиндия. - И я прощаю тебя за уничтожение моих войск. Демоны вскоре призовут новых.

- Твоих войск?

- Ну конечно.

- Ты играешь в опасные игры. С благословения верховной матери Бэнр этот город принадлежит Бреган Д'эрт.

Мать Жиндия вздохнула и щёлкнула пальцами, и рядом с ней внезапно возникли две другие женщины-дроу, обнажённые и прекрасные. Слишком прекрасные, что вместе с отсутствием одежды позволило Громфу догадаться, что они представляют собой на самом деле: Эсквидне и Йиккардария, прислужницы Ллос.

- Видишь ли, архимаг, я бы сказала, что это Бреган Д'эрт играет в опасные игры — вместе с твоей сестрой, верховной матерью. Джарлакс и его пройдохи — надеюсь, ты не присоединился к их шутовскому отряду — получили благословение верховной матери Бэнр, но я заручилась одобрением ещё более высокого покровителя.

- Чего ты хочешь? - резко спросил Громф, используя гнев, чтобы прикрыть свою нервозность — а он действительно чувствовал себя неудобно. Он презирал мать Жиндию больше всех остальных, в основном потому, что она всегда отличалась дурным нравом. Но теперь, с грозной силой перед ним, архимаг видел, что она здесь с благословения Паучьей Королевы, и его неприязнь быстро сменилась страхом.

- Я не считаю тебя ответственным за ошибки твоей сестры или Джарлакса, - заявила мать Жиндия.

Страх, в свою очередь, сменился презрением. Но Громф придержал язык, хотя едва мог поверить, что эта дура упоминает верховную мать всего Мензоберранзана с подобным пренебрежением. Даже для Жиндии это было необычно.

Она продолжала:

- Я не позволю своим слугам снова пересечь второй мост, чтобы взять штурмом твою... чем бы ни было это уродливое сооружение.

- Потому что ты видела, что произойдёт с ними в таком случае.

Мать Жиндия рассмеялась.

- Потому что это не твой бой, - поправила она. - Теперь ты даже не из Мензоберранзана. Считай, что тебе повезло. Я позволяю тебе не принимать в этом участия. Пускай Ллос решит, кто должен править — нынешняя верховная мать, или та, кто доставит ей Дзирта До'Урдена и Закнафейна.

Громф громко хмыкнул.

- Всё это из-за каких-то двух насекомых? Безумие.

- Но не твоё безумие, - отрезала Жиндия, ткнув в сторону Громфа пальцем, - до тех пор, пока ты сам не решишь иначе.

- Какое...

- Заглуши порталы, - потребовала мать Жиндия. - Закрой этот и не позволяй дварфам связаться с остальными их крепостями.

Громф колебался.

- Ты можешь сделать это отсюда, из Главной башни, которая связана с предтечей, питающим волшебные врата, - настаивала Жиндия.

- Он может, - подтвердила Йиккардария, прежде чем Громф успел возразить.

- Таково моё предложение, и повторять его я не буду, - сказала ему Жиндия. - Закрой порталы, возвращайся в свою башню, и позволь всему идти своим чередом. Когда я одержу победу — а так и будет — мы обойдёмся без последствий для тебя и... - она оглянулась на серокожего человека и облачную великаншу, - твоего ордена.

Громф сощурил глаза и пристально уставился на неё.

- Решай, архимаг, - потребовала мать Жиндия.

Громф оглянулся на своих коллег-волшебников. Он лихорадочно размышлял, пытаясь разобраться в происходящем. Однако он понял, что его не просят выбирать между верховной матерью Бэнр и матерью Жиндией. Пока нет. Не в этом конкретном случае.

Если он поступит так, как хочет Жиндия, тогда Джарлакс наверняка будет недоволен, а король Бренор будет просто в ярости, но даже если они одержат победу — какая Громфу разница? Они не станут воевать с архимагом, отчасти потому, что ключ к темнице огненного предтечи по-прежнему останется у него.

Но если он не подчинится, а мать Жиндия окажется победительницей...

Громф повернулся к Жиндии, затем посмотрел на прислужниц Ллос.

- Ллос будет требовать, чтобы она сдержала слово?

Обе рассмеялись, поскольку вопрос был весьма абсурден, учитывая привычки Госпожи Хаоса.

- Она точно не будет зла на тебя, - ответила за них мать Жиндия.

Громф размышлял ещё какое-то время, затем согласно кивнул.

ГЛАВА 21

Плохие паучата

Хватило одного взгляда, чтобы Дзирт понял — он не может победить это паучье чудовище. Он промедлил с отступлением, убеждённый, что его лук, который прежде никогда не подводил следопыта, остановит или хотя бы замедлит врага. Однако стрелы не возымели вообще никакого действия, и от изумления дроу ошибся, недооценив скорость огромного арахнида. Теперь чудовище настигло его.

Но... нет.

Вместо этого оно промчалось мимо, над ним, точнее, по потолку тоннеля, как будто даже не заметило Дзирта или его волшебных стрел.

Дзирт что-то пробормотал, тщетно пытаясь разобраться в происходящем. Затем ударил пятками Андахара, бросая его в галоп, чтобы последовать за пауком вниз — вниз, обратно во входную пещеру. Периодически ему навстречу попадались демоны, но стрелы из Тулмарила убивали или ранили их достаточно, чтобы Андахар мог добить тварей, выбив копытами остатки жизненной силы.

В основной пещере Дзирт увидел, что паук не сбавляет ход, двигаясь высоко в тенях, петляя между сталактитами. Дзирт подумал, что нужно обогнать его и предупредить дварфов, но нечестивый вопль, высокий визг — не сверху, а сбоку — заставил его натянуть поводья.

В поле зрения показался второй огромный арахнид, который быстро полз по полу, направляясь напрямик к Дзирту. Во время жизни в Мензоберранзане Дзирт встречал тысячи и тысячи пауков, но никогда не слышал от них подобного вопля. Иногда шипение, но ничего похожего — крик не из этого мира, скорее демонический, чем паучий.

И паук бежал прямо на него.

А может быть, мимо, — подумал Дзирт. По крайней мере, ему хотелось в это верить, учитывая предыдущее столкновение.

Он повёл Андахара в сторону, вокруг сталагмита, но так, чтобы видеть проход, по которому мчался паук.

Тварь повернула, продолжая бежать прямо на Дзирта.

Дзирт подался в противоположную сторону, и чудовище снова изменило курс, как будто нацеленное на следопыта-дроу.

И он почувствовал — именно так и есть. Затем ему пришло в голову, что предыдущая тварь была нацелена на что-то — или кого-то — другого. Когда этот паук испустил свой жуткий вопль, Дзирт убедился — это из-за того, что он узнал свою жертву.

Он хотел галопом помчаться в дварфийский комплекс, но сомневался, что дварфы справятся хотя бы тем пауком, что направляется сейчас к ним. Нет, что-то было здесь не так — учитывая грубую силу этих созданий и их очевидную сосредоточенность на единственной цели, ведь прошлый монстр не атаковал Дзирта в тоннеле.

Он поднял лук и сделал выстрел. По пути молния озарила каменные наросты странным и прекрасным светом. Она попала пауку прямо в лицо, но чудовище, как и прошлое, не замедлило бег.

- Что ты такое? - прошептал Дзирт и охнул, когда паук ответил на выстрел собственным лучом — пылающей линией, устремившейся прямым в дроу.

Андахар среагировал раньше самого Дзирта, прыгнув в сторону — назад к тоннелям. Дзирт даже не попытался остановить единорога или развернуть после этого прыжка — наоборот, даже подстегнул его бежать быстрее, спасаясь от погони.

- Бренор, отступай! - закричал Дзирт во весь голос. - Беги!

Сам Дзирт с Андахаром поступили точно так же, во весь опор помчавшись прочь из Гонтлгрима. Приблизившись к дальней стене пещеры, Дзирт инстинктивно повернул налево, решив, что выходной тоннель трамвая будет лучшим вариантом. Из-за этого он оказался в опасной близости от паука и приготовился к новому огненному лучу.

Андахар влетел в тоннель на полном ходу, мчась вдоль трамвайных рельс. Вскоре эти рельсы резко поднимались с пола на потолок. Дзирт ловко провёл скакуна внутрь поля обратной гравитации, но услышал сзади шипящий звук и оглянувшись, увидев совсем рядом преследующего их паука. Между огромными мандибулами чудовища дугой плясала молния.

- Скачи, Андахар, - прошептал следопыт, низко пригнувшись к шее волшебного зверя.

- Мы обратили их в бегство, парни! - взревел Бренор, возглавивший атаку через внешнюю стену и вдоль прохода, ведущего вглубь пещеры. Демоны бежали перед ними — те, у кого это получалось. Остальных давили знаменитые соковыжималки Боевых Молотов, а если тварям удавалось избежать этой судьбы, их разрывала на куски орда разгневанных дварфийских воителей-Кишкодёров в острых и шипастых доспехах.

Вскоре область вокруг стены была чиста, демоны на полном ходу отступали, а Бренор и его войска преследовали их.

Вспышка на естественной каменной колонне показалась дварфийскому королю старой знакомой. Он тысячу раз видел такие молнии.

- Дзирт о них позаботится, парни! - прокричал Бренор и получил за это замечание подзатыльник.

- Девки! - поправила его королева Маллабритчес.

- Тьфу! Все вы для меня парни! - сказал Бренор, и не нашёлся, что ответить, когда Маллабритчес и Таннабритчес захихикали в ответ.

Наконец, он вскинул руки, признавая, что уступает своим игривым, пускай и назойливым, жёнам, и обернулся назад как раз вовремя, чтобы увидеть самую жуткую стену бурлящего пламени в своей жизни, огненные языки которого взметнулись до самого свода.

- Что за Девять Адов? - охнула Таннабритчес.

Бренор боялся, что старое дварфийское ругательство на сей раз может оказаться истинным. Он никогда не видел такой ослепительной мощи, не считая настоящей грозовой бури.

- Бвуна! Бвуна! - услышал он, придя в себя, и решил, что слышит ещё кое-что, крик друга, призыв бежать.

- Что, Пайкел? - спросил он, обернувшись, чтобы увидеть, как в его сторону несётся зеленобородый дварф, выкликая его имя так, как произносил его только он.

- Брательник те сказать чё-т хочет, - заявил пыхтящий, задыхающийся и старающийся не отставать от энергичного Пайкела Айвен.

- Плохие, плохие, плохие! - воскликнул Пайкел.

- Стоять! - прокричал Бренор приказ своим войскам, который подхватили его королевы, а солдаты передали по рядам.

- Плохие паучата, - объяснил Пайкел.

Бренор недоумённо глянул на Айвена, но старый желтобород только пожал плечами и покачал головой.

Ответ возник в следующее мгновение — не очень далеко, наверху, в виде крика одного из дварфов, оставшихся на артиллерийских позициях в сталактитах. За ним последовал ещё один чудовищный взрыв. Бренор и другие в ужасе смотрели, как сталактит трескается и падает на пятьдесят футов, а вместе с ним падают четверо дварфов, баллиста и что-то другое.

Что-то огромное и излучающее зло.

- Плохой паучонок, - снова сказал Пайкел. - Ууу.

Теперь-то Бренор и остальные поняли, о чём он. Огромный арахнидский конструктор отбросил прочь каменные обломки и поднялся из развалин, стряхнув с тебя огромные булыжники, как кучку сухих листьев.

- Бежим! - проревели в унисон Бренор и почти каждый дварф в этом коридоре, и все как один развернулись и бросились бежать — кроме команды соковыжималки.

- Нет! - закричала им Маллабритчес, когда соковыжималка помчалась на огромного паука, но команда из Кишкодёров знала свою задачу. Этой задачей было удержать врага, чтобы их король и королевы могли отступить. Кишкодёры рычали, соковыжималка подпрыгивала на камнях — отчасти таран, отчасти каток. Тела демонов разлетались в стороны или исчезали под тяжёлым механизмом, а Кишкодёры вопили и распевали песни.

Бренор, которого тащила его королевская гвардия, оглянулся, чтобы увидеть их последнюю атаку на паука. Глаза чудовища начали мерцать.

- Нет! - крикнул он, догадавшись, что произойдёт нечто чудовищное, но его голос не мог перекрыть громогласного веселья Кишкодёров.

Чудовище выстрелило лучом — длинным и узким разноцветным конусом, который расширялся как раз достаточно, чтобы охватить соковыжималку и толкавшую её команду.

Несколько мгновений Бренор не знал, что произошло — соковыжималка продолжала движение, хотя неловко, а Кишкодёры продолжали петь, хотя их голоса стали едва слышны.

Устройство прыгало и рыскало из стороны в сторону, а затем покатилося прямо, и к своему ужасу Бренор всё понял.

Из десяти Кишкодёров четверо остались позади, превратившись в камень. По крайней мере один из них потерял руку, которая сомкнулась на рукояти соковыжималки!

- О боги, где же ты, Морадин? - выдохнул Бренор и вздрогнул, когда соковыжималка и паук столкнулись.

Угловатый отвал поднял чудовище на задние лапы, и на секунду Бренору показалось, что команда может просто переехать паука — он чуть не крикнул приказ поднажать!

Но нет, огромный паук поднялся высоко над передней частью боевой машины и оттуда выстрелил снова — на сей раз фонтаном липкой паутины, опутавшей уцелевших Кишкодёров. Они бились и вырывались из пут, но не успели освободиться, прежде чем паучьи глаза замерцали снова.

Бренор не видел, что произошло дальше, поскольку они с эскортом повернули за угол, направляясь теперь вдоль стены, к пересекавшему пещеру разлому. Он ничего не слышал: ни молнии, ни рёва пламени.

Но сердцем чувствовал, что никто из этих Кишкодёров не вернётся домой.

Он пересёк мост через пруд и был уже у входа, когда пещера озарилась внезапной и поразительно яркой вспышкой. Секунду спустя донёсся звук, раскат грома, который был похож скорее на извергающийся вулкан, который он видел с этой самой горы, чем на треск молнии.

- Что за Девять Адов? - снова спросила Таннабритчес.

- Действительно, - всё, что смог ответить Бренор Боевой Топор, убегая в свою нору.

Дзирт мчался по потолку вверх тормашками. Он услышал грохот молнии и сжался, готовясь к удару. Но ему повезло — паук не ожидал подъёма и разворота гравитации, и выстрел — самая оглушительная и жуткая молния, которую дроу только видел в своей жизни — промахнулся.

Андахар мчался дальше, вверх по тоннелю. Дзирт слышал паука у себя за спиной, но постепенно звук становился всё тише и тише — Андахар обгонял арахнидского исполина. Дзирт оглянулся в последний раз, пытаясь составить какой-то план. Может быть, он выберется наружу и сразу же спустится во второй тоннель,

хотя следопыту не хотелось приводить эту штуку к друзьям, пока он не сможет лучше оценить способности чудовища.

Когда он снова посмотрел вперёд, то придержал скакуна, несмотря на преследователя, и едва не закричал «Бегите», поскольку перед ним стояло войско dwarфов в боевом построении и с поднятым оружием.

Он сдержал крик, когда понял правду, но всё равно провёл Андахара рысью сквозь лес неподвижных dwarфов. Их превратили в камень. Прямо здесь, в тоннеле, на потолке, который волшебство сделало полом, одна из бригад Бренора встретила внезапный конец.

У Дзирта едва получалось сохранять ровное дыхание, чтобы сосредоточиться на текущей задаче и необходимых действиях.

Вскоре он покинул тоннель. Андахар пробежал по изгибающимся штопором рельсам, затем прыгнул с них на твёрдую почву прямо перед разрушенной трамвайной остановкой Кровавоточащих Лоз. Дзирт не увидел рядом врагов, но знал, что он не один — слышал их за деревьями.

Не останавливаясь, он миновал левый тоннель, продолжая двигаться на запад. Он слышал какое-то движение, даже щелчок арбалета, но выстрел не смог попасть во всадника, движущегося с огромной скоростью

Позади него появился паук-исполин, почти догоняя их с единорогом. Много раз за эту ночь Дзирт оглядывался назад и видел, как трясутся перед чудовищем стволы деревьев, некоторые даже падают, когда паук прокладывает себе путь.

Андахар не уставал, и пока монстр преследовал его, Дзирт не собирался останавливаться.

- Мы удержим стену! - зарычал Бренор на Джарлакса, когда наёмник принёс дурные вести.

- Не удержите, - предупредил дроу.

- Дай мне твоего коня, - уже в третий раз сказал ему Закнафейн. - Я уведу чудовище.

- Ты даже не знаешь, что восьминогая тварь пришла за тобой! - буркнул Бренор.

- Разве? - поинтересовался Джарлакс.

- Кажется, мать Бэнр не шибко меня любит, - напомнил Бренор. - Так что, мне залезть на адского скакуна с тобой? Может быть, нам всем сбежать?

- Если получится, - сказал Джарлакс, но Бренор только нахмурился.

- Ты не очень-то понимаешь Боевых Молотов, да, хитрец?

Джарлакс пожал плечами.

- Чтобы остановить этих монстров, понадобится бог или повелитель демонов, - сказал он.

В этот миг просторный холл и тронный зал Гонтлгрима содрогнулись от взрыва, и по ту сторону дверей раздались крики «Пробой!», за которыми вскоре последовали убегающие Боевые Молоты.

Но Бренор этого не видел. Когда Джарлакс упомянул божественных существ, он бросился к величественному трону, Престолу Дварфийских Богов, и вскочил на него,

молясь, чтобы ему дали знак. В прошлом боги однажды даровали ему огромную силу и мощь. Может быть, теперь это случится снова.

Однако он сразу же понял, что нет. И даже огромная сила не смогла бы спасти его от жуткого создания Бездны. Смертные жители Гонтлгрима не могли с ним бороться.

Бренор открыл глаза и кивнул.

- Нам нужен план, - сказал ему Джарлак, стоя прямо перед троном.

Стены комнаты вздрогнули.

- И быстро, - добавил наёмник.

- Дай мне твоего коня, - настаивал Закнафейн, стоявший рядом с мечами в руках.

Бренор соскочил с трона, продолжая кивать.

- Бренор? - окликнул его Джарлак.

- Что ты знаешь, любимый? - спросила королева Маллабритчес.

- Да, что ты увидел? - добавила королева Таннабритчес.

- Повтори ещё раз, кто нужен, чтобы победить эту штуку?

- Владыка демонов. Бог, - ответил Джарлак.

- Дайте мне пять соковыжималок и пять команд, - сказал своим королевам Бренор.

-Здесь? - скептически отозвались обе, поскольку стены снова затряслись. Казалось, что времени у них уже не осталось.

- Не-а, внизу, - ответил Бренор и посмотрел прямо на Джарлака: - У меня есть план.

- Дай мне своего коня, - опять сказал Закнафейн Джарлаку, когда они немного отстали от остальных. - Если я хочу жить правильно, следуя примеру сына, я должен избавить его друзей от угрозы.

- Ты думаешь, будто можешь обогнать эту тварь?

Закнафейн пожал плечами.

- Я могу попытаться. Наверное, лучше спастись на открытом пространстве, чем позволить ему загнать меня в угол в этих тесных тоннелях.

- Бренор сказал, что у него есть план, - напомнил Джарлак.

- Похоже, ты возлагаешь на него большие надежды.

По тому, как Джарлак взглянул на Бренора, бывший оружейник понял, что эти надежды не так уж велики. На лице Джарлака был написан страх.

- В прошлый раз мы просили его довериться нам, - сказал наёмник.

- В прошлый раз наибольшей опасности мы подвергали самих себя.

- Дзирт бы поверил Бренору, - напрямик заявил Джарлак. - А Закнафейн?

- А Джарлак? Я тебя знаю. Я знаю тебя дольше всех из присутствующих, и думаю, что у тебя есть способ сбежать, если дварф потерпит поражение.

- Правда? Я уязвлён.

- Как тебе угодно, - сказал Закнафейн. - Держи коня наготове, и если будешь уходить и не сможешь забрать меня с собой — лучше оставь его мне, чтобы у меня тоже был шанс выбраться.

- Разве не лучше удостовериться, что ты не сможешь сбежать? Учитывая твоё отношение, я хочу сказать.

- Хороший аргумент, - отозвался Закнафейн. - Но ты знаешь меня достаточно хорошо, чтобы понимать — я всё равно отыщу способ спастись, и в таком случае, ты также знаешь меня достаточно хорошо, чтобы понимать — я до тебя доберусь.

Джарлакс испустил долгий преувеличенный вздох.

- Как же хорошо, что ты снова рядом, Закнафейн.

- Ты даже не представляешь, Джарлакс. Если бы не я, этот паук скорее всего гнался бы за тобой.

В этот момент к ним развернулся Бренор, и Джарлакс закончил разговор простым «Хммм».

ГЛАВА 22

...учительмучитель...

- **Я** не вижу её глаз! - кричала Альвидла Маргастер на свою кузину Инкери. - Её прекрасных серых глаз, таких красивых и блестящих!

- Нашла, о чём сейчас думать, - отозвалась запыхавшаяся Инкери. - Весь север открыт перед нами.

- Она моя маленькая девочка.

- Заткнись! - крикнула на неё Инкери.

- *Заткнись!* - приказал другой голос в собственной голове Альвидлы, похожий на рык злобного великана с полным ртом жалящих ос.

- Возьми меня, - услышала собственные слова Альвидла, но произнёс их голос демона, а не её собственный.

- Да, - отозвалась Инкери, быстро стащила с себя собственное ожерелье, золотую цепь с крупным опалом, и вытянула его в одной руке, поманив Альвидлу другой.

- Дай мне твоё ожерелье, - потребовала Инкери.

- Я ничего тебе не дам, - возразила Альвидла, по крайней мере хотела, поскольку её слова превратились в странный шум. Они уже не раз менялись ожерельями, и всегда по требованию Инкери. Она не знала, в какую игру играет кузина, но демоны внутри филактерий различались, и тот, который сейчас находился внутри Альвидлы, был намного могущественнее.

- Отдай ожерелье или ты погибнешь, - предупредила Инкери.

Альвидла неожиданно обнаружила, что не может ясно мыслить — боль подобно острию копья пронзила её между глаз. Она даже не услышала приказ. Но это было неважно, поскольку она всё равно потеряла власть над собственным телом. Чудовище подняло руки женщины вместо неё, и сняло через голову ожерелье — золотую цепь с крупным рубином.

Альвидла ощутила, как разрывается связь, но прежде чем успела это понять, её собственное тело уже бросило ожерелье Инкери. Теперь та держала оба предмета и по-прежнему протягивала опаловую цепь ей.

Альвидла отпрянула.

Инкери надела рубиновое ожерелье.

- По-твоему, разумно будет предавать нас, сестра? - предупредила она, используя ласковое прозвище, чтобы напомнить об их особой связи. Альвидла приходилась Инкери кузиной, а не сестрой, хотя растили их вместе.

- Ты дала ей браслет, - обвинила Альвидла, не желая отступать.

- И существо внутри защитит твою девочку Шерон в эти беспокойные времена.

- Нет! - закричала Альвидла. - Нет, тысячу раз нет! Оно забрало её глаза.

- Я не забирал их, - сказала Инкери.

- Кто тогда? Какой демон? - спросила Альвидла.

- Я не знаю, - призналась Инкери, но другим голосом, голосом великана, который был в голове Альвидлы, пока она носила ожерелье. - Это неважно.

- Как ты можешь так говорить?

- Надень ожерелье, - предупредил демон внутри Инкери, и чтобы подкрепить свой приказ, Инкери начала увеличиваться, её руки стали толстыми и сильными, её волосы выросли во все стороны и стали оранжевыми, а лицо превратилась в морду орангутанга.

- А если нет? - дрожащим голосом возразила Альвидла.

Слова едва успели сорваться с её уст, а тварь уже стояла рядом — больше не Инкери, а старший демон барлгура. Он ринулся вперёд с ужасающей скоростью и схватил её, как тряпичную куклу, одной крупной и очень сильной рукой. Он поднял ожерелье, чтобы надеть на голову Альвидлы, и женщина инстинктивно попыталась ему помешать.

Барлгура сжал кулак. Альвидла задохнулась, упала на колени и согнулась, пытаясь облегчить боль. Она ощутила, как треснуло ребро. Она почувствовала, как стиснуло сердце.

Ожерелье надели ей на шею, и Инкери — неожиданно это снова была Инкери — отпустила её.

- Это тебе не игрушки, сестра, - сказала Инкери, когда Альвидла упала на четвереньки, задыхаясь от приступов боли. - Сейчас не время для слабости. Мы начали войну против могущественных врагов, и на нашей стороне могущественные союзники, не более милосердные, чем те, с кем мы сражаемся. Передумать не получится.

Альвидла жалобно взглянула на неё.

- Но Шерон моя девочка, - прошептала она, и каждое слово причиняло боль.

- *Заткнись!* - потребовал голос в её голове, тот, что был похож на рычание голодающей дикой собаки.

Альвидла закрыла глаза. Она знала этого демона, глабрезу с четырьмя руками, две из которых заканчивались клешнями, способными перерезать человека надвое. Она не раз видела, как Инкери превращается в этого изверга, и последствия всегда были неприятными. На самом деле, Инкери сама призналась, что каждый раз, когда

выпускала глабрезу наружу, она не могла загнать его назад в филактерию, пока демон не разрывал кого-нибудь на куски.

- Браслет Шерон защитит её, - спокойно сказала Инкери. - А ожерелье на твоей шее защитит тебя. Не заставляй меня повторять этот урок.

Альвидла смотрела, как Инкери покидает гостиную дома Маргастеров. Несмотря на все остальные проблемы, она не обиделась на то, что Инкери поменялась с ней ожерельями. Ожерелье, которое сейчас было у кузины, содержало куда более хитрого и сильного демона.

Может быть, Альвидла сумеет как-то контролировать своего.

В ответ на эту абсурдную мысль она услышала внутри смех собакомордого глабрезу, и голос в голове пообещал:

- Я могу заставить тебя убить твою девочку.

Альвидла заплакала, и её всхлипы заглушал демонический хохот.

- Передайте госпоже Донноле, что взамен я рассчитываю на сотню бутылок вашего лучшего, - буркнул сидящий фермер Ясгур Реджису и Далии, сидевшим за старым обеденным столом в повидавшей виды гостиной его старого хутора. Это место впечатляло — по крайней мере, должно было впечатлять в свои лучшие годы, как и сам Ясгур всего несколько лет назад. Даже сейчас, когда его здоровье ослабло, хотя долговязый фермер едва достиг среднего возраста, соседи считали Ясгура человеком с характером — и не всегда в хорошем смысле. Его отношения с Доннолой Тополино подтверждали это, и более того — по слухам, он был в дурных отношениях с текущими правителями Лускана.

Всякий раз, когда кто-нибудь спрашивал о таких вещах, Ясгур неизменно отвечал следующее:

- Соседи — это клиенты.

Далия посмотрела на Реджиса. Тот пожал плечами, не зная, что делать дальше.

- Я уверена, что госпожа Тополино щедро расплатится с вами, как только сможет, - сказала Далия, и Реджис вынужден был признать, что это, по крайней мере, не ложь.

-Сто бутылок, - настаивал худой, большеносый мужчина. - Закачу вечеринку, про которую будут говорить ещё век после того, как меня похоронят. Приглашу каждого барда на побережье Меча, чтоб играли, и да, как же они будут играть!

- Две сотни бутылок, если пригласите нас! - сказала Далия, и Ясгур засопел и захрипел так сильно, что гости испугались, не упадёт ли он замертво.

Фермер подмигнул женщине.

- Даже не нужно лучшего. С таким количеством всё равно никто не заметит разницы.

- Тогда оставим лучшее для нас с вами, - пообещала Далия, подмигнув в ответ.

Ясгур засмеялся или захрипел опять, и оставил их наедине.

Далия улыбнулась ему вслед, затем повернулась и обнаружила, что Реджис таращится на неё с отвисшей челюстью.

- Когда мы вернём Энтрери, у Ясгура будут проблемы, - легкомысленно заметил полурослик.

Но Далия нахмурилась — похоже, она была не в настроении для шуток. От одного её взгляда у полурослика встали дыбом волоски на шее. Он задумался, как быстро у эльфийки меняется настроение — от заигрываний с Ясгуром до леденящей мрачности (и это пугало!).

- Мы вернём его, - сказал ей Реджис просто потому, что должен был что-то сказать. - Если он по-прежнему у них...

Он замолчал, когда глаза Далии расширились, а затем опасно прищурились.

- Он у них, - залопотал Реджис. - Я уверен. Мы будем торговаться...

- Что им предложить?

- Это мы и должны выяснить! - сказал полурослик, пожалуй, слишком оживлённо, учитывая ответный мрачный взгляд.

Затем Далия проглотила последнюю ложку жаркого, которым угостил их Ясгур, и резко встала из-за стола.

- Переговоры! - фыркнула она.

- Такие типы больше всего любят деньги, - пробормотал Реджис.

- Мы заберём его, когда они все погибнут, - сказала ему Далия. - Так проще.

Реджис просто кивнул. Что ещё он мог ответить? Далия была уже в дверях.

Той же ночью, только много позднее, Альвидла Маргастер тихонько прокралась по огромному особняку, замерев у двери комнаты, где спала её дочь Шерон. Женщина опасливо приложила ухо к двери, надеясь услышать глубокое ровное дыхание спящего ребёнка.

Она нахмурилась, не удивившись, когда услышала детский голосок, непрерывно бормочущий «...учительмучительмучитель...»

Альвидла втянула воздух, стараясь не заплакать. Она представила свою милую Шерон с рыжими кучеряшками и сверкающими серыми глазами, которые улыбались, когда она смеялась, и как будто всегда искали причину для танца.

Когда-то они были серыми, напомнила себе Альвидла.

- *Иди и убей её*, - сказал голос в голове Альвидлы. Женщина схватилась за камень, висящий на цепи вокруг её шеи, желая лишь сорвать его и выбросить прочь.

Но не могла.

- *Её тельце такое нежное. Это будет легко, и тебе больше не придётся беспокоиться*, - сказал ей демон. Его она ненавидела даже больше, чем другого — о, как же она его ненавидела! — ведь чудовище-глабрезу постоянно желало убивать и калечить. Каждая его реплика предлагала Альвидле убивать.

- *Такое нежное...* - сказал голос.

Альвидла представила свою доченьку, лежащую на перинах.

Да, подумала женщина, её будет так легко убить...

Вздвогнув, женщина бросилась прочь от двери, вниз по главной лестнице и в большую гостиную внизу, где сидела перед очагом Инкери, прихлёбывая какой-то крепкий алкогольный напиток.

- Я хочу это ожерелье обратно! - потребовала Альвидла.

Инкери, которая уже указала на небольшой столик рядом с баром, убрала руку и с любопытством взглянула на кузину.

- И тебе добрый вечер, дорогая сестра.

- Я хочу твоё ожерелье обратно, - заявила Альвидла, протянув руку. - И я тебе не сестра.

- Уродливую обезьяну? - скептически поинтересовалась Инкери, играясь с рубином на цепочке.

- Если ты считаешь её такой уродливой, зачем было забирать? - спросила Альвидла.

- Если ты не считала её уродливой, зачем было так легко отдавать? - парировала Инкери.

Альвидла гневно уставилась на неё, и Инкери вздохнула.

- Я забрала его, потому что это не барлгура с маленькой буквы, - сказала она. - Это не просто любой барлгура. Нет, это сам Барлгура, изверг, по имени которого назвали всю разновидность демонов. Он пользуется доверием самого Демогоргона, которого уничтожили дроу Мензоберранзана.

Альвидла непонимающе смотрела на неё.

- То была не мать Жиндия Меларн, - объяснила Инкери. - Другие дроу. Те, что противостояли Жиндии, но вскоре поймут свою ошибку. Необходимость делить своё тело с Барлгурой требует максимальной деликатности, которую я только могу собрать, дорогая сес... дорогая кузина, и куда большей деликатности, чем способна проявить ты.

- Ты разозлилась, когда другой демон — этот демон — подвёл тебя, когда ты решила, что поймала вора-полурослика в Невервинтере, - обвинила её Альвидла.

- Ты считаешь своего демона-фамильяра слишком слабым, дорогая кузина?

Альвидла вздрогнула — и испугалась ещё сильнее, когда глабрезу в её голове добавил:

- Да, дорогая кузина, ты действительно так считаешь? Скажи мне, прошу.

Альвидла почувствовала себя в безвыходном положении — настолько безвыходном, что даже представить себе не могла. И поскольку это почувствовала она, демон тоже узнал об этом чувстве, и женщина услышала в голове его смех.

- Этот мне не нравится, - сказала Альвидла.

- Сомневаюсь, что ему нравишься ты, - без колебаний отозвалась Инкери. - Это же демон, в конце концов. Ты думаешь, будто произвела впечатление на Барлгуру? Думаешь, великий изверг вообще беспокоится о тебе или обо мне? Его интересует только польза, которую мы можем принести.

- Этот хочет убить мою девочку, - умоляла Альвидла.

- Потому что он тупой, - ответила Инкери, но не своим голосом. Голосом великана, раскатистым и грохочущим и одновременно шипящим, с каждым слогом угрожавшим сорваться на пронзительный вопль. Инкери начала смеяться — над ней, знала Альвидла.

- Он подчиняет меня! - зарыдала Альвидла.

- Так иди, - сказала Инкери снова собственным голосом. - Иди и убей свою беспомощную маленькую дочку.

Альвидла охнула — демон внутри требовал от неё подчиниться, и она даже сделала шаг к лестнице. Но остановилась, увидев, что Шерон, её милая маленькая Шерон, спускается вниз.

Не шагает по ступеням, заметила женщина.

Слетает вниз по воздуху.

- Ты не сможешь, но будет весело наблюдать, как ты пытаешься, - насмехалась из кресла Инкери. - Она сильнее тебя, дурашка Альвидла.

Женщина едва слышала Инкери, застыв на месте при виде своей крохотной белоглазой дочери, слетающей по лестнице, как вампир или призрак.

- Ты не можешь, мама, - сказала своим тонким голоском девочка. - Не тревожься.

- Не могу? - выдохнула Альвидла.

- Убей меня, мама.

Инкери расхохоталась за спиной у Альвидлы. Рассмеялся демон внутри Альвидлы. Шерон застыла в дверях и посмотрела на тётю Инкери, и тоже начала смеяться — невинным детским смехом, казавшимся чудовищно неуместным у маленькой рыжеволосой девочки с лицом херувима, единственной белизной на лице которой были некогда прекрасные серые глаза. Она кивнула Инкери и продолжила лететь дальше, прочь из комнаты в фойе особняка.

Альвидла преградила ей путь, прижавшись спиной к дверям.

- Куда ты направляешься?

- Я уже там, разумеется.

- Что? Тебе нельзя уйти.

- Нет, - сказала девочка, но потянулась к дверной ручке.

Альвидла отчаянно схватилась за руку дочери.

- Осторожно, кухня, - предупредила Инкери. По голосу и выражению лица Альвидла поняла, что она наслаждается происходящим.

Предупреждение было разумным, но Альвидла всё равно крепко сжала руку Шерон.

Белоглазая девочка взглянула на неё с улыбкой, но улыбка показалась Альвидле поистине злобной.

- Сделать тебе кокон, мама? - тонким и невинным голосом поинтересовалась Шерон.

Альвидла вздрогнула. Кокон. Как те вечные муки, на которые Шерон обрекла человека-убийцу, Артемиса Энтрери.

- Не уходи, - взмолилась Альвидла. Но в её руке осталась лишь пустота — совсем неожиданно, ведь Шерон стала бестелесной и просто прошла сквозь Альвидлу, а потом и сквозь запертую парадную дверь.

Женщина застонала и рухнула на пол, содрогаясь от рыданий. Чувство вины поглотило её, более глубокое, чем могла представить себе Альвидла, такое сильное, что волны этого ощущения действовали не хуже, чем сама вина!

И в этот отчаянный миг она услышала диссонирующий и прекрасный звук: смех её дочери.

- Какая нам разница? - спросил у неё в голове жестокий глабрезу. - Существо не пострадает и вернётся к тебе, дура. Если ты впадёшь в отчаяние, я поглощу тебя целиком и буду использовать твоё смертное тело, пока кожа не слезет с костей. А потом я найду другого носителя. Достаточно сильного, чтобы убить ребёнка.

Альвидла Маргастер едва услышала последнюю угрозу, поскольку её поразило одно слово: «существо». *Существо*. Омерзительный демон назвал *существом* её прекрасную Шерон.

- Соберись, сестра, - предупредил Инкери. - Наша битва только началась, и у меня нет места для слабаков.

Эту угрозу Альвидла Маргастер расслышала хорошо.

- Твоя шляпа, - сказала Далия. - Она создаёт ложный облик?

Реджис похлопал по берету и практически немедленно превратился в человеческого ребёнка. Ещё один хлопок — и он стал дварфом с бородой.

Далия сделала жест рукой.

Реджис с сомнением посмотрел на неё.

- Дай её мне.

- Это вряд ли, дамочка, - ответил полурослик.

Далия стряхнула чёрные волосы с красной полосой с лица и сощурилась, вперив в Реджиса гневный взгляд. Она указала своим взглядом на дом в конце улицы и показала на него пальцем.

- Артемис, мужчина, которого я люблю, скорее всего там, - сказала она. - При помощи твоей шляпы я могу пробраться туда и спасти его. Ты уверен, что хочешь мне отказать?

- Я уверен, что иду туда с тобой вместе, - сказал Реджис. - И что я знаю лучше, как использовать мой берет, и что я — не обуза, когда обнажают мечи.

Далия повернулась обратно к нему всё с той же недовольной гримасой.

- Ты мне не веришь? - сказал этому угрожающему обличью Реджис, не собираясь уступать. - Ты бы погибла в переулке. Тебя спасли мои клинки и находчивость, а мои зелья вылечили твои раны на ферме Ясгура. Я больше ничего не должен тебе доказывать, леди Далия.

- В этом доме полно демонов, - предупредила она.

- Тем больше причин, чтобы взять меня с собой.

Лицо Далии смягчилось, она даже кивнула и слегка усмехнулась.

- Как нам лучше попасть внутрь?

Улыбка Далии стала шире, и она немедленно двинулась с места, бросившись по переулку как можно быстрее.

- Ой, - охнул Реджис и его ноги пришли в движение, не успел он и задуматься.

Маленькая Шерон шла по тёмным улицам Глубоководья в ночи. Этим городом управляли великие и могущественные лорды, среди которых хватало паладинов, поклявшихся поддерживать правосудие и порядок. Но это по-прежнему был город, место, где встречаются мужчины и женщины самых разных народов. И, как в любом городе, ночь не принадлежала лордам-паладинам.

Не одна пара глаз следила за рыжеволосой девочкой. Большинство из них просто удивлялись необычности подобного зрелища — это явно была не женщина-полурослик, а человеческое дитя.

А для других самым важным словом было *беспомощное* человеческое дитя.

Внешне казалось, что Шерон не обращает никакого внимания на скалящихся негодяев, но ей не нужно было смотреть на их жирные пальцы, чумазные лица и

рваную одежду, чтобы знать их намерения и даже знать, кто из них готов действовать, подчиняясь таким намерениям. Она видела куда глубже, слышала их внутренние голоса так отчётливо, как они слышали свой настоящий голос.

Все эти голоса — каждый импульс, каждое желание, каждое сомнение, каждое намерение.

Таким образом, она знала об опасности, когда человеческая пара — мужчина и женщина — двинулись по переулку, когда она проходила мимо, знала, что они повернут следом, знала, что мужчина потянулся к ней сзади.

Шерон обернулась, чтобы улыбнуться ему.

- Её глаза! - воскликнула женщина, средних лет и худосочная. - Ослепительные!

- Тогда можем оставить её в живых, - сказал мужчина, с силой схватив Шерон за воротник. - Если она будет вести себя хорошо.

- О, я вас вижу, - сказала им Шерон.

Он поднял её с земли, поднёс прямо к лицу, окутал облаком своего зловонного дыхания.

- Видишь? Тогда мы убьём тебя, когда закончим, да.

В ответ Шерон выдохнула собственное облако. Она закашлялась, и из её рта вырвалось облако насекомых — похожих на ос, но с крохотными человеческими головами. Большинство из них облепили лицом мужчины, а остальные устремились к женщине и начали жестоко жалить и кусаться. Мужчина немедленно уронил Шерон и начал хлопать себя по лицу, потом упал на землю, извиваясь, колотя руками и ногами, завывая от боли.

Шерон наблюдала за ним с огромным удовлетворением. Она заметила, что женщина бросилась прочь, получая укусы и жала на каждом шагу. Шерон знала, что она не настолько плоха, как напарник, поскольку на её душе висел груз вины, и только страх мог пересилить эту вину, а не страсть.

Нет, это грязное чудовище на земле было намного хуже, и Шерон сообщила об этом своим слугам.

- Заканчивайте быстрее, мои маленькие друзья, - прошептала она, и магия донесла приказ до каждого насекомого.

Шерон кивнула, удовлетворённая ночной работой, и направилась обратно к дому Маргастеров. Бьющийся мужчина ещё оставался в её поле зрения, когда осоподобные существа оставили его, залетев под карниз ближайшего здания, чтобы приступить к постройке гнезда и выполнить свою задачу.

ГЛАВА 23

Тонущий корабль Курт

- Мы обещали королю Бренору, что откроем эти порталы, - сказал лорд Парис, когда остался наедине с Громфом и великаншей Сесилией. Мать Жиндия и её свита

уже отбыли по подземным путям на юг, где продолжалась осада Гонтлгрима. - Похоже, теперь мы вдвойне обязаны выполнить это обещание.

Громф опустил взгляд и негромко хмыкнул.

- Две обнажённые женщины, возникшие рядом с матерью Жиндией, были не дроу — даже не простыми смертными, - сказал он, когда снова поднял взгляд и стал переводить его с нетереза на великаншу. - Наверное даже не женщинами, поскольку я сомневаюсь, что к этим существам применимо понятие пола.

Лорд Парис слегка вздрогнул — Громф подумал, что вид прекрасных существ наверняка взволновал его, — а Сесилия просто наморщила своё толстое лицо от омерзения.

- Это были йоклол, прислужницы самой Ллос, - объяснил архимаг. - Существа огромной силы — огромной тем более, что они служат голосом самой Паучьей Королевы, когда являются моему народу. Не мать Жинди...

- В первый раз слышу, как вы называете её титул в её отсутствие, - вмешалась Сесилия, и важность этого замечания заставила Громфа согласно кивнуть, когда он продолжил: - Не мать Жиндия приказала мне держать порталы закрытыми. На самом деле нет. Если рядом с ней были йоклол, значит она знает, чем мы здесь занимаемся, как это относится к предтече и как может отразиться на битве в Гонтлгриме. И она точно знает, что с этим делать.

- Значит, мы примем сторону тех, кто принесёт хаос на север? - спросила Сесилия, которую не очень-то радовала подобная перспектива.

- Мы не принимаем сторон.

- Но разве наше бездействие не является формой союза? - заметил лорд Парис.

- Это самосохранение, - поправил его Громф. - Это заявление, что работа Главной башни для нас важнее всего. Разве не поэтому мы все собрались здесь? Какая нам разница, кто сидит на троне Гонтлгрима — король Бренор или мать Жиндия?

- Король Бренор служит прочным барьером между Лусканом и Глубоководьем, - возразила Сесилия. - Останутся ли лорды Глубоководья безразличны к Лускану и его правителям-дроу, когда этого барьера не станет?

- И снова: какое нам до этого дело? Пускай лорды Глубоководья плывут в лусканскую гавань и сражаются с тем, кто объявил себя правителем города. Главная башня стоит отдельно — с крепкой защитой и без политических пристрастий.

- И с архимагом Мензоберранзана в роли её архимага, - сказал лорд Парис.

- Бывшим, - поправил Громф. - И поскольку вы не заметили: я единственный тёмный эльф здесь — к тому же, заключивший союз со многими любимчиками лордов Глубоководья. Повторяю, пускай политическая борьба и прочие глупости идут своим чередом.

- Мать Жиндия захватит Лускан, - сказал Парис.

- И скорее всего Гонтлгрим, - добавила Сесилия.

Громф пожал плечами — ему было всё равно.

- Возможно, но не стоит недооценивать Джарлакса и сомневаться, что он откажется от союза с матерью Жиндией, если это сыграет ему на руку. Он всегда оказывается в самом удобном положении. Может быть, клан Боевой Молот выгонят из их нового дома, но не без усилий, после которых — уверен — силы вторжения серьёзно уменьшатся, и взгляд Глубоководья может обратиться на демоническую

армию, которая возглавляла штурм. Хотите, чтобы нас затянуло и в эту, ещё более страшную войну, если она случится?

Нетерезский лорд и женщина-великанша растеряно переглянулись.

- Мне больно подводить короля Бренора и тех, кто были Главной башне прекрасными друзьями, - признал лорд Парис.

- Мне тоже, - согласилась Сесилия. - Хотя я сомневаюсь, что кто-то ожидал услышать от меня такие вещи — и о ком, о дварфах!

- Ворота останутся бездействовать, - заявил Громф.

- Пока что? - скорее вопросительно, чем утвердительно произнёс Парис.

Громф задумался на минуту, затем согласно кивнул. В конце концов, кто знает, куда подуют ветры войны?

- Держись рядом, и мы о тебе позаботимся, - прошептал Вульфгар Милашке Чарли. Они вытащили лодку на берег на островке неподалёку от Главной башни и обнаружили, что поля усеяны следами битвы и останками врагов — телами смертных и дымящимися оболочками демонических существ, возвращавшихся на нижние планы.

- Беги и прячься, человек, - сказал ей Киммуриэль. - Если мы встретим врагов, ты погибнешь первой.

- Не слушай этого дурака, - немедленно возразил Вульфгар. - Держись рядом. Ты вытащила меня из холодной воды. Я этого не забуду.

Когда он закончил, боль в спине стала неожиданно сильной, и варвар едва не упал на колени. Он оглянулся на Киммуриэля. Дроу просто пожал плечами, и боль утихла.

Урок был ясен.

Киммуриэль усмехнулся и пошёл прочь. Два человека последовали за ним. Они зашли на мост к Караульному острову — ступеньке к материку. Миновав высшую точку сооружения, они увидели, что на острове продолжается битва — перед единственным большим зданием.

- Дом Курт в осаде, - сказала Милашка Чарли.

Киммуриэль подошёл к Вульфгару.

- Беги, женщина, - приказал он и потянулся к варвару.

Вульфгар отступил и упрямо покачал головой.

- Она идёт с нами.

Киммуриэль молча смотрел на него.

- Она идёт, - повторил Вульфгар.

Тогда псионик покачал головой.

- Джарлакс просил защитить тебя. Он ничего не говорил про пиратский мусор.

- Мусор, вот как? - сказала Милашка.

- Матроса без корабля, значит. Это неважно, - сказал Киммуриэль и раздражённо махнул рукой, после чего снова потянулся к Вульфгару.

- Ты хочешь оставить её здесь? Как она пересечёт этот кишасший противниками мост, чтобы попасть на материк?

- Главная башня вон там, - заметил Киммуриэль, указывая за спину Вульфгару на массивное древовидное здание. - Она может пойти туда и умолять Громфа о помощи. Или назад к лодке и грести к безопасному берегу. Я не буду нянькой для потерявшейся пиратки.

Он снова протянул руку к Вульфгару.

- Пошли, посмотрим, что нам скажет старший капитан Курт.

Но Вульфгар сделал шаг назад и решительно покачал головой.

- Я её не оставляю.

- Тогда я оставляю тебя.

- Как хочешь, - сказал варвар.

- Ты понимаешь, что это будет значить?

- Понимаю.

Пожав плечами, Киммуриэль закрыл глаза и стал прозрачным. Его призрачное тело проплыло остаток пути по мосту к острову, а затем двинулось дальше, незамеченное теми, кто собрался перед большим домом — прямо сквозь стену Корабля Курта.

- Идиот, - буркнула Милашка Чарли.

- Про него можно многое сказать, но только не это, - проворчал Вульфгар сквозь стиснутые зубы, поскольку боль в спине уже возвратилась.

- Не он. Ты!

Вульфгар взглянул на неё с любопытством.

- Ты выбрался из битвы и добрался к Кораблю Курту, и кроме самой Главной башни, в охваченном войной Лускане нет лучшего места, - объяснила женщина. - Ты меня даже не знаешь.

- Я не собираюсь бросать тебя здесь. Ты вытащила меня из холодной воды. Я не забуду...

- Это дроу заставил меня так поступить, и не сомневайся, что я бы тебя бросила, дай мне такую возможность этот тощий эльф!

Вульфгар замолчал и пристально посмотрел на женщину.

- Куда ты пойдёшь? - спросил он.

- Ха. Куда мы пойдём! - поправила она, доставая длинный нож из-за пояса. - Думаешь, мы сможем пробраться на Корабль Курт? Хотелось бы мне смачно плюнуть на этого дроу.

Она прошла мимо Вульфгара, пересекая мост решительным шагом. На Караульном острове продолжалось сражение — по всей улице перед фасадом большого здания, известного как Корабль Курт.

Вульфгар догнал женщину, прежде чем она спустилась с моста, и потянул её в сторону, в укрытие за фургоном. Но их всё равно заметил крупный гнолл. Большое создание — наполовину человек, наполовину собака — высоко поднялось на задних лапах и завыло, а затем бросилось в атаку.

Через два шага оно было мертво, из груди торчал боевой молот.

Несколько других гноллов видели это, заметил Вульфгар, но никто к ним не приблизился — все вернулись к битве на улице.

- Храбрые твари, а? - хмыкнула Милашка Чарли.

- Свирепые, да, - ответил Вульфгар. - Я не очень хорошо знаком с их повадками, но мне рассказывали, что дерутся они как гиены.

- Гиены?

- Похожи на собак, - объяснил варвар. - Стайные охотники пустыни. Сильные и свирепые, но слишком хитрые, чтобы вступать в проигрышный бой.

- Они наверняка набросятся толпой, когда мы будем у дверей, - заметила Милашка Чарли.

- А я даже не уверен, что нам откроют, - добавил Вульфгар.

- Ну, тогда назад к лодке! - Милашка Чарли встала и двинулась к мосту, но Вульфгар схватил её за руку и потянул назад к себе.

- Присмотрись немного, - сказал он ей. - Ты даже не представляешь, что такое Корабль Курт.

- Это дом старшего капитана, - ответила женщина. - Беньяго Курт — правитель Лускана. Что ещё?

- Беньяго работает на правителя, - поправил Вульфгар и скептически посмотрел на спутницу. Разве она не знает самый знаменитый секрет всего Лускана? - Как и Киммуриэль. И этот правитель в бою опаснее любого старшего капитана.

Впереди них в Дом Курт полетели пылающие бутылки, разбиваясь о стены и разбрызгивая масло, которое подожгло облицовку.

Ответный град стрел и даже несколько молний обратили многих гноллов в бегство и прикончили нескольких, сбив с визгами на мостовую, но не было никаких сомнений, что последний обмен был в пользу гноллов.

- Похоже на то, - саркастично отозвалась женщина.

Её слова были прерваны ударом грома, неожиданной и сильной вспышкой у них за спиной — на внешнем острове, или, точнее, над ним.

Они обернулись, равно как и гноллы, чтобы увидеть чёрное и бурлящее грозное облако над Главной башней.

- Ну что ж, - сказала Милашка Чарли, когда облако понеслось в их сторону.

- Я упоминал, что настоящий правитель Лускана дружит с архимагом Главной башни?

- Наверное, стоило, - сказала женщина и нырнула под фургон, когда над головами неожиданно нависла тьма с грохочущими в тучах молниями. Разряд метнулся вниз, разбив груды ящиков и открывая отряд спрятавшихся гноллов. Лучники из Дома Курт быстро расправились с ними.

Поднялся ветер и как будто сильнее раздул лижущее бока здания пламя. Но затем начался дождь, неожиданный и сильный ливень.

- Сейчас! - сказал Вульфгар, схватил Милашку Чарли за руку, вытащил её из-за фургона, и он бросились к Дому Курт. С каждым шагом Вульфгар стонал и дёргался.

- Вульфгар из Гонлгрима! - кричал великан, махая руками и надеясь, что лучники расслышат его среди воя ветра и не пристрелят прямо на улице.

Но спасли его в первую очередь не слова, а действия, поскольку когда несколько гноллов на другой стороне улицы завывали и завизжали, а ещё несколько выскочили из-за естественной насыпи, поднимая копья, Вульфгар проревел «Темпус!» и метнул в них Клык Защитника.

Гноллы залаляли и бросились врассыпную. Слишком поздно для одного из них — молот задел его бедро и подбросил в воздух, искалечив ещё до удара о землю.

В Доме Курт высыпали на балконы лучники, отчаянно стреляя — но куда можно было попасть, когда ветер был так силен, что они сами едва могли устоять на ногах?

- Вульфгар из Гонтлгрима! - снова закричал великан.

Лучники на балконе начали кричать ему в ответ, торопя его и Милашку Чарли.

Они легко достигли дверей, погони не было. Их встретили солдаты Курта и быстро втянули внутрь. Они вошли в фойе, роняя капли дождя, промокшие до нитки.

- Я рад, что вы слышали, - сказал Вульфгар.

- Услышали? - спросил ближайший солдат. - Мы искали тебя. Лорд Беньяго сказал, что ты придёшь.

Вульфгар хотел ответить, но просто вздохнул и решил промолчать.

- Может быть, тощий эльф не так уж и плох, - негромко признала Милашка.

Их проводили в личные покои лорда Беньяго и дали обернуться в полотенца, чтобы они могли снять свою промокшую одежду.

Беньяго вышел из-за своего огромного стола и полуприсел-полуопёрся о него.

- Оставьте нас, - сказал он солдатам, которые быстро подчинились — у дверей один оставил накидку Вульфгара из волчьих шкур, а второй одежду.

Как только солдаты закрыли за собой дверь, из теней в углу комнаты вышел Киммуриэль, и варвару стало ясно, что не только сумрак скрывал волшебника разума.

Почти что немедленно боль в его спине отступила.

- Было бы намного проще, если бы ты просто пошёл со мной.

- А Милашка Чарли была бы мертва, - ответил Вульфгар. - Или бежала, спасая жизнь.

Киммуриэль пожал плечами.

- Потребовалось немало монет, чтобы уговорить облачную великаншу Сесилию насладиться бурей, - сказал он. - Монет, которые ты вернёшь.

- Монет из сундуков Корабля Курта, - напомнил ему Беньяго.

Киммуриэль наконец обратил внимание на этого мужчину, высокого и рыжеволосого, скосив глаза, высказывая своё недовольство.

- Король Бренор с радостью вернёт деньги Кораблю Курту, - ответил Вульфгар, глядя прямо на Беньяго. Он знал правду об Беньяго — тот был вовсе не человеком, а ещё одним дроу из Бреган Д'эрт, которого с помощью магии замаскировали под марионеточного лидера Лускана.

- Куда их доставить: в Корабль Курт или Иллуск?

- Иллуск? - шёпотом спросила Милашка Чарли, и не зря — Вульфгар только что многое выдал.

- Похоже, Корабль Курта вскоре не станет, - ответил Беньяго.

- Вовсе нет. Вы побеждаете на улицах, а второй остров чист от врагов.

- В городе полно нападающих. За ними стоит такая сила, что ты и представить себе не можешь, - сказал Киммуриэль.

- Мы неплохо сражаемся, но всё это показуха, - признал Беньяго. - Нам не устоять — и мы даже пытаться не будем. Путь к бегству открыт и ждёт нас.

Он смотрел прямо на Милашку Чарли, пока говорил, и от его взгляда у Вульфгара волосы на шее встали дыбом.

- Я же сказал тебе не приводить её сюда, - произнёс Киммуриэль. - Теперь она знает.

- Знаю что? - невинно спросила Милашка Чарли.

- Разве это важно? - поинтересовался Вульфгар.

- Да, - одновременно ответили Киммуриэль и Беньяго.

Вульфгар оглянулся, увидев, как женщина нервно облизывает губы и смотрит на него. При ней не было оружия, только полотенце, обёрнутое вокруг дрожащего тела — наверное, она подумала, что это плохо, но зная двух мужчин напротив неё, Вульфгар решил, что неспособность Милашки Чарли совершить нечто резкое и угрожающее может спасти ей жизнь.

- Она со мной. Под моей защитой, - сказал он.

Тогда Вульфгар впервые услышал от Киммуриэля звук, настолько похожий на смех. Вульфгар сосредоточился на Беньяго, который, несмотря на интригантскую натуру его правления и личности, делал важное и доброе дело для жителей Лускана. Однако он не нашёл у ложного правителя сострадания.

- Я сын короля Гонтлгрима, - заявил Вульфгар.

- Ты не наследуешь трон, - поправил его Беньяго.

- Мне и не нужно, - парировал великан. - Бренор мой друг, как и Дзирт. Когда я говорю, что Милашка Чарли под моей защитой — я говорю от их имени в том числе.

- Вряд ли это важно, - заявил Беньяго. - Король Бренор знает, что некоторые вещи необходимо держать в тайне. Любой ценой.

- Тогда дайте меч и сразитесь со мной честно! - зарычала на них женщина.

- Твои вещи у двери, - сказал Киммуриэль.

- Не надо, - сказал ей Вульфгар, но Милашка Чарли зарычала и подошла к вещам, дерзко сбросив полотенце и натянув штаны и рубаху, затем подняла нож и резко обернулась.

Беньяго по-прежнему полусидел на столе, Киммуриэль безразлично стоял рядом.

- Я прошу ещё раз, - обратился к ним Вульфгар. - Всё произошедшее — не её вина.

- Тебя предупреждали, - сказал Беньяго.

В руке Вульфгара возник Клык Защитника.

Беньяго вздрогнул, но быстро расслабился и указал подбородком в сторону.

Вульфгар осторожно обернулся и увидел Милашку Чарли, которая сама прижала нож себе к горлу. Пот, смешанный с каплями дождя, стекал с её растрёпанных волос. Рука дрожала, как будто она пыталась сразиться с натиском — или, знал Вульфгар, пыталась бороться с вторжением в разум тихого голоса, который приказывал ей убить себя.

Вульфгар бросил Клык Защитника на пол.

- Ты можешь призвать его обратно, сказав лишь слово, - заметил Беньяго.

- Я не стану, - пообещал великан. - Милашка Чарли под моей защитой и под защитой Гонтлгрима.

Беньяго вздохнул. Женщина пискнула, и показалась капля крови.

- Когда всё закончится, Гонтлгрим отстроит «Реликвию Джоэна», - выпалил Вульфгар. - Король Бренор не пожалеет средств, поскольку в команде буду я, его сын. Это будет самый лучший, самый быстрый и самый дерзкий корабль на всём побережье Меча, а в его команде будут дварфы-берсерки, а может, и сам Дзирт.

- Впечатляет, - сказал Беньяго, казавшийся совершенно не впечатлённым.

- Милашка Чарли станет капитаном, - закончил Вульфгар.

- Плавая под флагом Корабля Курта, полагаю, - сказал Беньяго.

Вульфгар покачал головой.

- Нет, но и не выступая против интересов Корабля Курта. Отпустите её. Это в ваших же интересах. Она станет заметной силой на море, корабль которой никогда не будет для вас врагом.

Беньяго посмотрел на Киммуриэля.

- Как думаешь, она понимает?

Киммуриэль опять издал этот странный почти-смех.

- Она понимает больше, чем когда-либо хотела понимать, - ответил он, спокойный и подавляющий. - Так быстро узнать, что собственное тело другие могут обернуть против тебя — пугающий, даже сводящий с ума опыт.

Псионик махнул рукой, и Милашка Чарли неожиданно подалась вперёд, освободившись из-под его контроля. Рука с кинжалом упала. Несколько раз она громко всхлипнула, втягивая воздух. Вульфгар видел, что женщина изо всех сил сдерживается, чтобы не заплакать. Он понимал. Существует ли ситуация более насильственная и травмирующая, чем похищение твоего собственного тела?

Он покачал головой. Он мог лишь представлять её мучения. Однажды он оплатит Киммуриэлю Облодре за всё, подумал варвар.

- Это вряд ли, - вслух ответил Киммуриэль, глядя прямо на него.

Беньяго прыгнул со стола.

- Высушите свою одежду и отдохните, - сказал он двум людям. - В любой момент нам будет пора уходить. Когда мы уйдём, можете последовать за нами.

- Мы оба, - заявил Вульфгар, и Беньяго согласно кивнул.

- Но когда настанет пора уходить, мы уйдём — и если вы не будете готовы к путешествию, вас оставят.

Сесилия верхом на своей чёрной туче вернулась обратно в Главную башню и встретила Громфа, ожидающего её у дверей собственных покоев великанши.

- Надвигается орда, - сообщила она. - Ваших друзей в Корабле Курте задавят.

- Конечно, - согласился архимаг. - Трое из старших капитанов города присоединились к врагам ещё до их прибытия. Флотилия, которая выступила против Лускана, после морского сражения стала крупнее, чем была до него.

Сесилия недоумевала.

- Они же разбойники, - объяснил Громф. - Нападавшие наверняка предложили им позицию получше.

- А может, им просто не очень нравится служить тёмным эльфам?

- И это тоже, - признал Громф. - Скажу непредвзято, что под тайным правлением Джарлакса город процветал, но иногда этого недостаточно. И не у всех капитанов

дела шли хорошо, поскольку старший капитан Курт наложил большие ограничения на их грабежи.

- Потому что благодаря простой торговле они могли зарабатывать куда больше, если я верно понимаю.

- Иногда этого недостаточно, - повторил Громф.

- Мне устроить новую бурю, чтобы помешать тем, кто наступает на Корабль Курт?

Громф задумался, потом покачал головой.

- Не знаю, как далеко они зайдут. Если мы вмешаемся слишком сильно, они могут снова атаковать нас.

- Поле перед башней усеяно мертвецами.

- Но они знают, что волшебники тоже устают. Нет, пускай город сам с этим разбирается, даже ценой поражения.

- А твой друг на Корабле Курте?

- Всем, кто для нас важен, опасность не угрожает, - заверил её архимаг.

Сесилия фыркнула, но попыталась притвориться, что ничего не было, когда увидела, как морщится Громф, и поняла, что смеётся над ним.

- Это так по-дровски, - призналась великанша. - Вы хоть что-то почувствуете, архимаг, если весь Лускан, кроме тех, кто «важен для вас», будет убит?

- А я должен?

Сесилия тяжело вздохнула и решила не продолжать. Однако когда она прошла сквозь дверь, ведущую в её надизмеренческий особняк, то поняла, что на самом деле не верит Громфу.

Неужели извращённая культура Мензоберранзана настолько искалечила его, что он считает выражение сочувствия признаком слабости?

Сколько ещё, задумалась облачная великанша. Сколько ещё тёмных эльфов были так же искалечены?

- Любопытный выдался денёк, - сказал Вульфгар Милашке Чарли, когда они остались одни в гостиной Корабля Курта. Они сидели друг напротив друга за небольшим столом, по-прежнему завернутые в одеяла, пока одежда сушилась у пылающего очага.

- Да, подходящее слово, - ответила женщина. - Может, я использовала бы другое, но *любопытный* тоже сойдёт.

- Калико Гримм? - спросил Вульфгар, прокручивая в голове события последних безумных часов. - Как он умер?

Милашка Чарли покачала головой.

- Рыжий эльф с мечом достал его. Перерезал напополам.

- Вы с ним давно плавали вместе?

- Достаточно, чтобы не лить над ним слёзы.

Какое-то время Вульфгар это переваривал.

- И чем теперь займёшься?

- Я скажу тебе, когда у меня будет хоть какой-нибудь выбор, - ответила женщина, затем добавила с нескрываемой заинтересованностью: - Ты говорил правду?

- Правду?

- Про «Реликвию»?

- Ну, видишь ли...

- Может быть, её даже не разрушили, - сказала Милашка Чарли. - Когда ты повредил их корабль, они захватили наш — другого не было. Наверняка он прямо сейчас стоит в лусканской гавани.

- Тогда мы можем захватить её обратно.

- И я буду капитаном, а ты запишешься в команду?

Вульфгар пожал плечами.

- Я толком не знаю, куда заведёт меня дорога, леди... ээм, капитан Чарли. Или мне звать тебя капитаном Милашкой?

Милашка Чарли ухмыльнулась и пожала плечами.

- Я говорил правду, - добавил Вульфгар. - Когда мы с этим разберёмся, уверен, ты станешь прекрасным капитаном и достойным союзником, и да, я буду рад ходить с тобой на одном корабле — по крайней мере, однажды.

Это вызвало улыбку на губах измотанной женщины.

- Нам следует отдохнуть, - сказал Вульфгар, указывая на подушки, разбросанные перед очагом.

- Да, - согласилась женщина и быстро добавила: - Отдохнуть.

Прежде чем любой из них успел хотя бы встать с кресла, дверь отворилась и вошла высокая женщина-дроу.

- Пора, - сообщила она.

Вспомнив предупреждение Беньяго, Милашка Чарли бросилась за одеждой, Вульфгар сразу же последовал её примеру.

Великан застыл, когда почувствовал руку женщины дроу у себя на спине, и прежде чем он успел спросить о её намерениях, ощутил, как по телу растекается тепло магического исцеления.

- Поторапливайтесь, - сказала она. - Ты получишь новое исцеление, когда мы окажемся в безопасности.

Они вышли в зал и присоединились к торопливой процессии, и позади, со стороны улицы, они слышали удары тарана в главную дверь и треск, как будто пламя снова охватило стены Корабля Курта. Они прошли сквозь тайную дверь в стене и спустились по длинной винтовой лестницы в сырую и тёмную — очень тёмную — пропахшую морем пещеру.

- Закрывайте! - прокричал Беньяго из какого-то уголка пещеры, и высоко наверху они слышали стук большого камня, земля вздрогнула под ногами. Тайный проход перестал быть проходом.

На большим расстоянии друг от друга горели несколько факелов — ещё одно напоминание, что команда Корабля Курта состояла из дроу, практически не нуждающихся в свете.

Они спустились по ведущему вниз коридору и вошли в тоннель, оказавшийся слишком тесным для крупного варвара.

- Мы под заливом, - прошептала Милашка Чарли за спиной у Вульфгара. Факелы погасили, и процессия двигалась в полной темноте, наощупь, длинной шеренгой по одному. Вульфгар решил, что она права, и они направляются на материк.

Нет, не на материк, а под материк, вскоре поправился он, когда они вышли на более просторную область, озарённую волшебным огнём, область с вырезанными комнатами и коридорами, аккуратная каменная кладка которой была покрыта древними надписями и узорами.

Милашка Чарли охнула и чуть не прыгнула Вульфгару на руки, поскольку больше двух третей их спутников сбросили свои человеческие личины.

К ним подошёл Беньяго, по-прежнему в обличье рыжеволосого человека.

- Иллуск, - пояснил он. - Проклятый город под Лусканом — старый Лускан, если хотите.

- Проклятый из-за дроу? - спросил Вульфгар.

- Не только из-за нас, хотя здешние духи, видимо, предпочитают нас не трогать.

- Значит, вот истинная сила Лускана. Тайный дом Бреган Д'эрт.

- Один из них. Теперь он вам известен, - сказал Беньяго. Он посмотрел прямо на Милашку Чарли с нескрываемой угрозой и добавил: - Вам обоим.

- И нам придётся хранить тайну, - сказала она.

- Разве нужно снова предупреждать тебя о последствиях?

- Этот секрет и так знают все лусканцы, - ответила женщина, вернув себе некоторое самообладание — и это произвело немалое впечатление на Вульфгара, учитывая, что они окажутся абсолютно беспомощными, если дроу решат от них избавиться. Никто никогда не узнает.

- Но это по-прежнему секрет, который мы предпочитаем сохранить, - сказал Беньяго.

Затем к ним подошёл Киммуриэль и уставился на женщину.

- Ты проговоришься? - спросил её Беньяго, и она охнула, не успев ответить.

Вульфгар перевёл взгляд с неё на Киммуриэля и увидел, как дроу сосредоточен. Великан понял, что псионик снова проник в её мысли, слушая произнесённый ответ, честный ответ, прежде чем она смогла его подавить.

- Жаль, - сказал Киммуриэль и ушёл.

- Что это значит? - спросил Вульфгар, решив, что его подруга обречена.

- Что он не убьёт её, полагаю, - сказал Беньяго. Неожиданно он отвесил Милашке поклон. - Добро пожаловать в Иллуск, Милашка Чарли. Быть может, однажды ты действительно станешь капитаном «Реликвии Джоэна».

Женщина, конечно, выглядела полностью растерянной. Она умоляюще взглянула на Вульфгара.

- Дроу никогда не верят тем, кто не является дроу, - начал объяснять тот.

- Как и тем, кто является, - быстро добавил Беньяго. Он просто пожал плечами, когда оба посмотрели на него. - Итак, Киммуриэль с вами закончил, а жрица Даб'ней ждёт. Эта рана просто чудовища и без её помощи загноится и скорее всего убьёт тебя.

ГЛАВА 24

Глаза мира

Прекрасная тёмная женщина держала фигурку птицы высоко в сложенных чашечкой ладонях. Хрусталь фигурки сверкал в лучах полуденного солнца. Ивоннель прошептала что-то своему последнему созданию и подбросила фигурку в воздух, где птица замахала крыльями и полетела прочь.

- Раз эти штуки живые, они чего, будут откладывать яйца? - спросил Атрогейт, сидевший на крупном булыжнике на краю небольшого луга. Дварф, которому стало намного лучше, перекачивал в сильных руках Крушитель Черепов, двуручную булаву, принадлежавшую его возлюбленной Амбергрис.

- Они бы сделали мир красивее, не правда ли? - спросила Ивоннель.

- Тьфу. Они сверкают на солнце и слепят глаза.

Ивоннель засмеялась при мысли о том, что дварф — любой дварф — может жаловаться тёмному эльфу на яркий свет.

- Сколько ты успела выпустить? - спросил Атрогейт. - Первые мертвы или чё? Или ещё живы?

- Всех. Дюжины, хотя я потеряла счёт.

- И ты видишь сквозь них? Сквозь всех? Похоже, твоя башка должна кружиться.

- Они сообщают мне, когда я должна увидеть что-то их глазами, - ответила дроу.

- Я не хочу, чтобы меня застали врасплох, а в окрестностях много такого, что может нас убить. Как только что-то приблизится — мы будем знать.

- И все прячутся, - согласился Атрогейт и повернулся в сторону, привлекая взгляд Ивоннель к ближайшему холму, с которого только что спустился. - Мы заманим их всех, и убьём тех, кого надо убить!

Он продолжил разглагольствовать, но замолчал, когда заметил, что женщина не слушает. Ивоннель стояла с закрытыми глазами — понятный Атрогейту знак. Он спрыгнул с камня и хлопнул Крушителем Черепов по открытой ладони.

Фиолетовые глаза Ивоннель резко распахнулись, и она обернулась, улыбаясь дварфу.

- Демон, - сказала она. - Демон в теле дварфа.

- Значит, мёртвый демон, - отозвался Атрогейт.

- Но живой дварф, - предупредила его Ивоннель.

Двое усталились друг на друга. Она явно говорила про их последнюю битву, в которой Атрогейт не успел вовремя остановиться и убил дварфа с безделушкой, одержимого демоном.

- Больше так не ошибайся, - сказала ему Ивоннель.

- Ошибаться?

- Дварф, я могу отослать тебя прочь. А ещё я могла позволить тебе умереть. Окажи мне взамен одну лишь эту услугу.

- Не, я тебе нужен, - сказал Атрогейт, и среди густых чёрных зарослей его бороды сверкнула зубастая улыбка. - А ещё ты меня любишь, но стараешься этого не показывать.

- Сложно подавить такие сильные чувства, но раз уж я должна, - с не меньшим сарказмом отозвалась женщина, вызвав довольный хохот Атрогейта, который снова шлёпнул булавой по руке.

- Если хочешь посмотреть, получится ли спасти дварфа, тогда ладно, - сказал он уже более серьёзно и мрачно. - Я могу подождать пару мгновений, прежде чем превратить его башку в пыль.

- Атрогейт...

- Делай то, что должна, - сказал он, - и я тоже сделаю, что мне нужно. - Он поднял булаву выше и поцеловал оружие. - Я ничего не забыл.

- Быть разумным — не значит нанести оскорбление твоей утраченной любви.

- Я ничего не забыл, - повторил Атрогейт, лицо которого превратилось в застывшую гримасу. - Ничего.

Ивоннель тяжело вздохнула.

- Пойдём же, дварф, если желаешь меня сопровождать.

Атрогейт спрыгнул с камня.

- Скажу нашим гостям.

- Мы скажем, - поправила Ивоннель. - Путь к нашей добыче лежит как раз мимо пещеры.

Атрогейт смягчил свою гримасу, когда они вошли в пещеру. Внутри находилась дюжина человек, включая троих детей. Люди сбились в кучку и беседовали шёпотом — волновались об оставленных фермах или о том, что произойдёт, если их отыщут демоны. Ивоннель и Атрогейт спасли их, привели в это место и защищали. Ивоннель кормила их при помощи своей магии.

Взглянув на людей, Атрогейт перестал злиться из-за спора о судьбе одержимого дварфа. Женщина-дроу не получала никакой выгоды от спасения этих людей, на самом деле даже подвергала себя опасности, спасая их с ферм, которые затем разоряли враги. Даже несмотря на то, что Атрогейт был знаком с дроу в основном благодаря обществу Дзирта и Джарлакса, эти неожиданные откровения о целом народе, тем более исходящие от предположительной жрицы Ллос, заставляли его качать головой.

- Поставьте часовых у входа, - сказала им Ивоннель. - Если приблизится нечто опасное, вы узнаете, как и я, и я отправлю вам весточку, куда нужно бежать.

Многие закивали, но Атрогейт заметил, что некоторые нахмурились, поморщились или побормотали себе под нос что-то наверняка нелестное. Фермеры толком не знали, что происходит вокруг, и не все доверяли Ивоннель, хотя по всем признакам она спасла им жизнь.

Такова проблема с репутацией дроу, размышлял Атрогейт. Они известны тем, что плетут сети вокруг сетей вокруг других сетей, а те — вокруг ещё одних сетей, и ты никогда не знаешь их настоящую цель, пока не становится слишком поздно. Конечно, Атрогейт иногда испытывал сомнения по поводу Ивоннель, но он знал её по рассказам людей, которым доверял, так что эти сомнения никогда не задерживались надолго. Беженцы в пещере почти наверняка не встречались с дроу

прежде, а если и встречались — не с таким дроу, который стал бы помогать им, если, конечно, это был не Дзирт.

Дварф взглянул на свою спутницу, когда та покинула пещеру, направляясь навстречу очередному демону. Он напомнил себе, что обязан ей жизнью, и хотя после утраты возлюбленной Амбергрис смерть полностью устроила бы Атрогейта, помощь в спасении этих фермеров была важным делом — и в нём нуждались множество других. Кроме того, теперь он получил шанс отплатить тем, кто причинил такое зло ему и его любимой.

Так что когда он догнал Ивоннель и она снова попросила его об этой услуге, вместо того, чтоб немедленно зарычать, Атрогейт ответил:

- Посмотрим.

При свете зари Дзирт понял, что не оторвался от преследователя; на самом деле его попытка сбросить огромного паука с хвоста только позволила огромному созданию сократить немалое расстояние, которое Дзирт выиграл за ночь благодаря тому, что тварь не могла догнать Андахара.

Однако Андахар не мог вечно оставаться на этом плане бытия. Единорог был волшебной вещью, чарами с ограниченным сроком действия. Без него Дзирт не сможет обогнать паука, и после стрельбы по чудовищу и его двойнику в пещерах Гонтлгрима он был практически уверен, что не сможет его победить — если не сумеет найти какую-то слабость.

А для этого требовалось время. Чтобы выиграть время, ему нужно оказаться очень, очень далеко.

Но как?

Крупное дерево за ближайшим гребнем неожиданно вздрогнуло и с шумом обрушилось, и Дзирту не потребовалось ждать, чтобы понять причину. Он резко развернул своего скакуна и помчался на полной скорости прочь, пытаясь как можно сильнее разорвать дистанцию, пока не закончилась магия, забрав единорога на долгие часы.

Но куда ему направиться? Не в Длинную Седловину, не в Лускан. Даже не в Глубоководье — скольких людей прикончит преследующий его монстр, даже если город найдёт способ расправиться с ним?

Когда дроу пересёк следующий холм, он всего на миг остановился, чтобы оглядеть местность и понять, где находится.

За ночь он проделал большой путь, и теперь видел вдалеке океан.

Атрогейт скрестил взгляды с пони, которого они с Ивоннель позаимствовали у Реджиса. Ему была ненавистна мысль о том, чтобы использовать животное как приманку, но эффективность подобного приёма была несомненна.

Пони заржал, затопал копытами.

Атрогейт крепче стиснул Крушитель Черепов.

Осторожный взгляд дварфа привлекла тень сбоку — тёмная фигура среди деревьев, которая пыталась обойти пони сзади.

Демон — уродливое чёрно-зелёное создание, похожее на человека, одна рука которого была вдвое длиннее другой, и обе конечности заканчивались тремя длинными когтями вместо пальцев — вылетел из кустов, нацелившись на животное.

Атрогейт уже был в воздухе, прыгнув наперерез.

Демон не сбавил скорость, решив вместо этого обогнуть дварфа. Его непропорциональное лицо казалось двумя огромными глазами и одной сплошной пастью, тянувшейся через половину головы. Из пасти летели брызги зелёной слюны, из каждой поры на коже твари сочилась слизь — каждая его часть смердела заразой.

Боец послабее отпрянул бы в ужасе. Менее храбрая личность просто застыла бы от страха перед смердящим ужасом.

Менее разгневанный дварф, даже Атрогейт, мог бы дрогнуть.

Столкнулись не дварф с демоном, на что, похоже, рассчитывало заразное создание Бездны. Столкнулись демон и Крушитель Черепов. Атрогейт хлестнул перед собой огромной булавой, поймав монстра в прыжке и отшвырнув его в сторону. Едкая зелёная сукровица полетела с чудовища, оставив след на земле и забрызгав оружие и руки Атрогейта.

Но магия булавы не позволила едкой субстанции повредить оружие, а гнев Атрогейта не позволил ему испугаться нескольких мелких ожогов. Он бросился следом за демоном, обрушив на него град ударов ещё прежде, чем чудовище успело встать.

Оно отчаянно сопротивлялось, мечась из стороны в сторону, царапаясь своими жуткими лапами, даже плюнув кислотой дварфу в лицо.

Это лишь вызвало яростный вопль, и дварф принялся крушить врага ещё более неистово и беспощадно, сначала ударяя по поднятой лапе демона, а потом — и по голове. Атрогейт терпел когти второй лапы, глубоко вонзающиеся в его тело. Он просто громче кричал, как будто используя голос, чтобы заглушить боль.

Голос и воспоминания.

Сейчас он сражался за Амбер, и никакая рана не могла замедлить его ударов.

Демон рухнул на колени и упал вперёд.

Атрогейт изменил угол атаки, обрушив на морду врага размашистый удар, от которого голова твари дёрнулась на бок, и демон, перевернувшись, упал наземь.

Атрогейт снова замахнулся, но слишком высоко — чудовище упало, и по инерции дварф споткнулся о распростёртого монстра, рухнув в куст за ним. Он вырвался назад, бурля от убийственной ярости.

Но там, где раньше был демон, теперь стояла на четвереньках дварфийка, оглушённо качая головой.

- Ну уж нет, - прошептал Атрогейт и стал надвигаться, утробно зарывав и воздев Крушитель Черепов над головой для последнего удара.

Однако прямо перед тем, как добить дварфийку, он споткнулся, когда золотистый свет ударил его в грудь и отбросил на шаг. Второй такой же луч ударил одержимую дварфийку, и она распростёрлась на земле.

Это было не нападение, понял Атрогейт, осознав природу заклятия. На него подействовала какая-то странная исцеляющая магия, обладавшая физической силой и теплом, гасившим боль и смывающим жгучую кислоту.

Он окинул лужок взглядом и увидел рядом с пони Ивоннель.

- Ожерелье! - воскликнула она. - Забери ожерелье!

Первой мыслью Атрогейта было разбить голову дварфийки из клана Каменная Шахта, и он уже готов был это сделать, но приказ Ивоннель был не просто словами. Её приказ был волшебным, обладал огромным весом, и сразу после могучего исцеляющего заклинания он застал дварфа врасплох. Не успев осознать, что делает, Атрогейт обнаружил у себя в руках серебряную цепь с крупным молочно-голубым камнем.

Он услышал в голове голос, низкий и зловещий, жидкий голос, полный флегмы и заразы, который требовал впустить его.

Но там был и второй голос: властный голос Ивоннель, который говорил Атрогейту бросить филактерию.

Атрогейт, слишком упрямый и злой, чтобы поддаться хоть демону, хоть жрице, поступил по-своему. Он подбросил ожерелье в воздух, схватил булаву и ударил по нему. Ожерелье полетело в ближайшее дерево, захрустело в ветвях и повисло там, недоступное взгляду.

Стоявшая на четвереньках дварфийка застонала. Атрогейт повернулся к ней, всё ещё полный гнева, но обнаружил между собой и своей жертвой Ивоннель.

- Отойди, - сказал он женщине-дрону.

- Дварфийка больше не одержима, - возразила Ивоннель.

- Тогда у неё больше шансов увидеть Морадина после смерти.

- Не надо, умоляю.

- Умоляешь?

- Ради тебя самого, Атрогейт.

Ивоннель чуть-чуть отступила в сторону, открывая Атрогейту лучший обзор на пострадавшую дварфийку, светлые волосы которой были пропитаны кровью, а дыхание раздавалось с хриплым присвистом.

- Ты ничего о ней не знаешь, о...

- Я знаю, что она — одна из них.

- Из кого? Из клана Каменная Шахта? Да, но было ли у неё право голоса? А когда на неё надели ожерелье, знала ли она, что внутри? Откуда тебе знать, как она приняла одержимость. Откуда тебе знать, что она не сражалась с ней всеми фибрами своей души?

- Ты, значит, думаешь, что я должен просто притвориться, что она — все они — ничего не сделали, чтоб убить Амбер, так? - прорычал дварф, не в силах даже расцепить стиснутые зубы. - Они отрезали ей голову.

- Я знаю, - отозвалась Ивоннель полным сочувствия голосом. - Я знаю и понимаю твою боль и твою ярость. Но здесь на кону нечто большее, чем просто жизнь единственной женщины.

Позади Атрогейта хрустнула и упала ветка. Атрогейт и Ивоннель посмотрели на неё, на гнилое дерево и мёртвые листья, и обернувшись вокруг серебряную цепочку с камнем, от которой исходило шипение.

- Поступай, как знаешь, - сказала Ивоннель и шагнула мимо Атрогейта к филактерии. Она начала напевать на старом, грубом наречии, которое Атрогейт слышал достаточно, чтобы понимать — дрон изгоняет демона, обитавшего в камне,

отправляет его назад в родную Бездну. Он уже видел это прежде, с существами намного могущественнее, и не сомневался в исходе.

Он развернулся обратно. Костяшки пальцев на булаве побелели, зубы скрежетали. Он поднял оружие, но опустил обратно, затем сгрёб окровавленные волосы дварфийки в пригоршню и запрокинул ей голову, чтобы посмотреть в глаза.

Атрогейт вздрогнул. Он увидел там страх и нечто более глубокое, как будто сквозь израненные глаза текла какая-то боль.

- Дварф? - спросила Ивоннель.

Атрогейт оглянулся через плечо.

- Если она хоть шевельнётся, скажет хоть слово, которое мне не понравится — башку расколю.

Он отпустил пленницу и пошёл прочь, обратно к беженцам, бормоча ругательства на каждом шагу.

Дзирт знал, что время на исходе, а он не сумел достаточно оторваться от арахнида-преследователя, чтобы оставаться впереди него без Андахара. С высокого холма он увидел монстра — точнее, увидел полосу разрушения, оставленную чудовищем, подобно реке разрушения петляющую сквозь леса на востоке.

Он перевёл взгляд налево, к небольшой деревушке с фермами, и задумался, следует ли спуститься и предупредить их.

- Остались ли там вообще крестьяне? - прошептал он. В конце концов, леса и поля кишели демонами.

Эта мысль едва не заставила его направить Андахара туда, но он сдержался. Паук скорее всего не обратит внимания на деревню, если Дзирта не будет рядом, поскольку второй арахнид никак не отреагировал на следопыта, пока тот не преградил ему путь.

Дзирт развернул скакуна в другую сторону и повёл его галопом, пытаясь сосредоточиться на дороге впереди. Единорог — волшебный предмет, а не живое существо, повторял он себе. Дзирт мог заставить работать своё тело за пределами сил, но с магией это не сработает — двенадцать часов, не больше, и когда это время будет исчерпано, за один раз или за несколько небольших отрезков, Андахар будет недоступен практически сутки.

Поэтому он мчался на полной скорости, зная, что единорог не устает, а ещё зная, что каждый ярд расстояния между ним и пауком даёт ему лучшие шансы пережить день без Андахара.

Несмотря на собственное ужасное положение, Дзирт продолжал думать о другом пауке, который полностью его проигнорировал, и который, очевидно, был нацелен на другую цель.

Он был уверен, что знает, кто может быть этой целью.

- Так это пони или полурослик? - спросила Ивоннель. Она была в хорошем настроении, убеждённая, что дварфийка, которая находилась сейчас с другими беженцами в пещере, не была соучастницей заполнившей Утёсы тьмы. Дроу

использовала могучие заклинания прорицания на дварфийке, Лири, так её звали, чтобы раскрыть любую ложь во время допроса, и хотя дварфов по природе сложно было читать и заколдовывать, Ивоннель была достаточно уверена в результате, чтобы пустить её в пещеру без дополнительного присмотра.

Впрочем, после взбучки, которую задал ей Атрогейт, пленница всё равно была не в состоянии причинить кому-то из крепких фермеров вред.

- Да, - отозвался Атрогейт, который тоже как будто посветлел.

Потому что не разбил Лири голову, знала Ивоннель.

- Да? - переспросила она. - Так кто из двух?

- Оба, - объяснил Атрогейт. - Бренор давным-давно дал Реджису эту кличку — тот постоянно был голоден и у него вечно урчал живот. А Реджис назвал так пони.

Ивоннель вздохнула, наконец-то разобрав слово на незнакомом ей языке.

- А я-то думала, самые нелепые имена встречаются у дварфов, - пробормотала она.

- Ага, - засмеялся Атрогейт. - Знавал я жреца, которого звали Кордио Кексоголовый...

Он начал рассказывать, но замолчал, когда на ветку рядом уселась хрустальная птица, предупреждающе прочирикав.

- Ха, я готов поколотить ещё одного! - заявил дварф и вскочил на ноги, хватая Крушитель Черепов.

Но Ивоннель, прислушавшись к своему заклинанию, покачала головой.

- Это не демон, - сказала она и подбросила хрустальную птицу в воздух. Женщина дала знак Атрогейту следовать за ней и побежала за своим волшебным созданием.

Им не пришлось бежать далеко. Стоило только выйти на истоптанную тропинку, когда в поле зрения появился хорошо знакомый обоим всадник.

Дзирт тоже узнал их. Он подвёл Андахара прямо к ним, резко остановил и спрыгнул на землю. Долгие мгновения он недоверчиво разглядывал Атрогейта, прежде чем заключить дварфа в крепкие объятия.

- Как ты выжи..? - хотел спросить он, но остановился и заметил спутницу дварфа — самую могущественную среди знакомых ему жрецов и жриц. - Друг мой, - сказал он вместо этого, - мое сердце теплеет, увидев тебя живым.

Атрогейт не стал возражать, но лицо у него было кислым.

- Мы поднимем кружки за Амбергрис, - тихо сказал Дзирт. Не желая напрасно тратить оставшиеся мгновения драгоценного времени Андахара, Дзирт развеял единорога.

- Да, за мою Амбер, - согласился дварф.

Ивоннель хотела присоединиться к разговору, но воитель-дроу оборвал её.

- Но сначала вам нужно уходить. Обоим. Бегите и не оглядывайтесь.

- Мы убивали демонов, - ответил Атрогейт.

- И собирали беженцев, - добавила Ивоннель. - Включая дварфийку, которая была одержимой, но теперь свободна и раскаялась. Я верю, что мы можем помочь...

Дзирт замотал головой.

- Меня преследует тварь, с которой мне не совладать — с которой не совладать всем нам. Преследуя меня, она оставляет за собой полосу разрушений. Если повезёт, она не обратит на вас внимания, но если нет — вы наверняка погибнете.

- Ха! - фыркнул дварф.

Но Ивоннель не испытывала такого пренебрежения. Она знала Дзирта и его друзей — и знала, каких врагов приходилось им побеждать. Она сама устроила взрывной прыжок Дзирта в лицо Демогоргона! И видеть его таким встревоженным...

- Где? - спросила она.

Дзирт оглянулся.

- Рядом. Но у вас ещё есть время уйти с его пути, если меня не будет поблизости. Оно поворачивает, когда поворачиваю я. Оно охотится за мной и только за мной.

- Что это? - продолжала расспрашивать Ивоннель.

- Нет времени на...

Но потом Дзирт вспомнил, с кем разговаривает. Женщина обладала полными личными воспоминаниями её тезки, Ивоннель Вечной, которая два века прожила в качестве голоса дроу Паучьей Королевы и которая знала о созданиях нижних планов больше любого из ныне живущих дроу. И может быть — только может быть — знала способ победить это чудовище.

- Думаю, это демон.

- Паук?

- Да, их двое, - Дзирт замолчал, когда Ивоннель охнула. - Один для меня, а второй мчался к Гонтлгриму, когда я его в последний раз видел. Я решил, что будет лучше увести этого в сторону, поскольку боялся, что Бренор и остальные не смогут победить двоих. Его глаза метают огонь и молнии, превращают людей в камень. Я стрелял в пауков из собственного лука, видел, как на них падают тонны камня, но монстры не получали ни царапины.

- Захватчики, - объяснила Ивоннель. - Это захватчики.

- Значит, ты знаешь о них, - сказал Дзирт.

- Значит, ты знаешь, как их победить, - добавил Атрогейт.

- Да, - ответила она Дзирту, - и нет, - ответила Атрогейту. - Боюсь, что Гонтлгрим не сможет победить даже одного. Ограничение захватчика — также главная его сила. Это голем, предназначенный лишь для одного; и он будет преследовать свою цель, пока не захватит или не убьёт. Другие существа материального плана едва могут коснуться захватчика — они просто зрители в чужой пьесе. Магия голема отчасти заключается в том, что только он и его цель полностью существуют в одном измерении.

- Но я сам стрелял в преследующего меня монстра.

- Из лука, который метает молнии. Ты не можешь его ранить. Тебе это не по силам.

- Что тогда? - спросил Атрогейт, начиная злиться.

- Беги, Дзирт До'Урден, - сказала ему Ивоннель. - Не останавливайся. Беги, сколько сможешь. Я буду искать решение, но обещать ничего не могу.

- Тьфу! Я не собираюсь стоять в сторонке, пока какой-то жирный паук убивает моего друга! - запротестовал Атрогейт, хлопнув Крушителем Черепов по ладони, чтобы подчеркнуть свои слова.

- Тогда твой друг увидит, как ты погибнешь, - спокойно ответила Ивоннель.

- Какие у него слабости? - спросил женщину Дзирт.

- У него нет слабостей. Каждый участок бронирован. Он силён и быстр. Магией его точно не убьёшь.

- Один из моих клинков заряжен холодом. Он питается существами огня. Ивоннель пожала плечами, не зная, важно ли это.

- Я узнаю, что смогу, - ответила она. - И тогда отыщу тебя и помогу, как смогу. Некто или нечто очень могущественное хочет заполучить тебя, Дзирт До'Урден — тебя и того, кто стал целью второго паука.

- Демогоргон? - спросил Дзирт.

- Ллос? - отозвалась Ивоннель.

- Но я был в руках у Ллос, в тоннеле, и она меня не тронула, - сказал Дзирт. - А если другой голем для Закнафейна... мы подозревали, что это Ллос воскресила его.

- Это была не Ллос, - сухо заметила Ивоннель.

Дзирт хотел ответить, но промолчал, с любопытством рассматривая могущественную жрицу.

- Это была не Ллос, - повторила Ивоннель. - А сохранить тебя живым только затем, чтобы теперь открыть на тебя охоту — вполне в духе Госпожи Хаоса. Беги, Дзирт До'Урден. Не позволяй чудовищу тебя догнать. Я узнаю, что смогу.

Заявление женщины ошеломило Дзирта. У него голова шла кругом.

- Время Андахара подходит к концу. Его магия скоро иссякнет. Без своего скакуна мне не обогнать захватчика.

- Тогда прячься. Найди узкий тоннель, в который тварь не сможет пролезть. В погоне за тобой оно разроет проход, но это будет непросто.

Дзирт попытался прикинуть, сколько времени у него осталось, в то же время пытаясь узнать своё точное местоположение и ближайшие места, которых он успеет достичь верхом на Андахаре. Только вот... зачем? Если он не может сражаться с чудовищем, если оно действительно настолько его превосходит, есть ли какая-то разница?

Разница есть, понял он и быстро принял решение. Некоторые вещи имеют значение даже для обречённых. Он расстегнул пояс с оружием.

- Нам тоже бежать и прятаться? - спрашивал Атрогейт Ивоннель.

Ивоннель на миг задумалась, потом сказала:

- Да. Мои волшебные шпионы будут тщательно следить за происходящим.

- Паук настолько силён?

С каменным лицом Ивоннель кивнула.

- Они не знают усталости. Они не останавливаются. Их практически невозможно победить — если вообще возможно. Они — самые надёжные охотники среди всех планов бытия, и Ллос, или Демогоргон, а может — оба, не пожалели средств на свою охоту.

- Тьфу! Мы же на это не купимся, а эльфёнок? - спросил дварф, оборачиваясь в Дзирту.

Дзирт встал под раскидистым вязом и бросил своё оружие на землю.

- А? - снова произнёс Атрогейт. - Надевай обратно пояс, эльфёнок, и давай прикончим этого пауچارу на обед. Правда, сомневаюсь, что он съедобен.

Дзирт положил свой ранец сверху на пояс с оружием. Он поднял взгляд на дварфа и улыбнулся. Он был действительно рад, что к другу вернулся типичный для него юмор.

- Только не этого паука, Атрогейт.

Он снял свой плащ и наручи, и колчан, в котором не заканчивались стрелы к Тулмарилу, и тоже бросил их в кучу.

- Ты не хочешь убить эту тварь?

- Ох, друг мой... хочу.... - ответил Дзирт. - Но мы не можем. Когда я увидел вас двоих, то понадеялся, что мы сможем победить чудовище, поскольку никогда не видел кого-то сильнее Ивоннель. Но ей лучше знать, и она только что сказала, что даже мы втроём не сможем одолеть этого голема из Бездны.

- Тогда драпай, - угрюмо сказал дварф. - Чё ты раздеваешься? Думаешь, твоя лошадка быстрее поскачет?

- Я поскачу, - сказал Дзирт, не ответив на самом деле на вопрос. Он поднёс свисток к губам и подул, вызывая Андахара.

- У единорога осталось мало времени, но этого хватит, надеюсь, чтобы добраться до нужного места. Вы с Ивоннель держитесь подальше от чудовища. Оно последует за мной.

- Эльфёнок...

- Ради тебя, ради меня и ради беженцев, которых вы укрыли. Не знаю, заметит ли оно вас. Я уже видел случаи, когда эти существа нападали на преградивших им путь, и видел, как они просто пробежали мимо. Если оно нападёт на вас, оно убьёт тебя, Ивоннель и всех, кого вы защищаете.

- Ну так чё ты хочешь сделать? Есть план?

- Сохрани мои вещи, - вот и всё, что ответил Дзирт. Он стянул сапоги и мифриловую рубаху и бросил их в кучу, оставшись в одних штанах с со свистком на серебряной цепочке вокруг шеи. - Отдай всё это Бренору и Кэтти-бри, если я не вернусь. Я надеюсь на победу, но даже если нет — чудовище не сможет доставить меня своему хозяину, и навлекать погибель на тех, кого я люблю, я тоже не собираюсь.

Появился большой единорог, подбежал к Дзирту. Тот схватил скакуна за гриву и грациозно взлетел ему на спину.

- Верь мне, - сказал он Атрогейту, улыбнулся и подмигнул, а потом помчался прочь.

Атрогейт смотрел вслед единорогу и всаднику.

- Дзирт найдёт способ, - прошептал он.

Ивоннель могла только надеяться на это. Он задумалась, принадлежит ли ещё трон Гонтлгрима Бренору, и остался ли вообще в Гонтлгриме трон.

ГЛАВА 25

Она — мой друг

Они с Далией крались по тёмной, безлюдной гостиной на нижнем этаже особняка Маргастеров, и Реджис подумал, что с тем же успехом можно было просто войти через парадную дверь. Здание не слишком хорошо охраняли — да и зачем, ведь оно находилось в городе, где правил закон и преобладали такие дома. Впрочем, стражники здесь, разумеется, были. Реджис с Далией видели нескольких, отдыхавших у кареты под навесом, сбоку от полукруглой подъездной дороги.

Реджис пересёк комнату и приложил ухо к двери, потом приоткрыл её. Он отступил назад, бесшумно затворив дверь и знаками показав Далии, что снаружи находятся ещё двое стражников — дальше по коридору между этой и второй дверью.

Далия указала на него и дала знак шевелиться, затем направилась ко другой двери.

Сделав глубокий вдох, Реджис взял свой ручной арбалет и выскользнул из комнаты, пытаясь представить самое оптимальное развитие событий.

Два стражника оказались перед ним; худой мужчина, оживлённо болтающий, размахивая руками и приплясывая на месте, и плотная женщина, прислонившаяся к стене и старавшаяся изобразить интерес — довольно неудачно, по мнению Реджиса.

Он прокрался ещё один шаг, надеясь подобраться поближе, но мужчина заметил его и резко повернулся к нарушителю.

Выстрелил ручной арбалет, дротик попал стражнику в грудь. Тот схватился за рану и попятился на подкашивающихся ногах. Он хотел закричать, но сумел исторгнуть лишь одно неразборчивое слово — сонное зелье уже делало своё дело.

Реджис не остановился, чтобы полюбоваться выстрелом или его результатом. Он бросился вниз по коридору, и как только женщина осознала, что происходит, она обернулась и прямо у своего горла обнаружила кончик рапиры. Полурослик прижал к губам указательный палец второй руки.

Женщина подняла руки, показывая, что сдаётся, но это было неважно — Далия тоже пришла в движение.

Реджис взвизгнул и отскочил назад, когда его спутница неожиданно нанесла удар. Её нунчаки ударили череп стражницы, окатив Реджиса кровью, осколками кости и кусками мозга. Женщина рухнула на пол, как будто на неё наступила тарраска.

- Зачем ты это сделала? - пролепетал Реджис.

- Шшш!

- Она сдалась! - прошептал Реджис.

- И?

- У неё могли быть полезные сведения, - сказал полурослик, хотя в действительности дело было в другом. Были у неё сведения или нет, он не хотел

вредить стражникам. Он посмотрел на рухнувшую женщину, которая ещё стонала, и подумал, что её может спасти плотная перевязка.

- Даже не думай, - предупредила Далия, как будто прочитав его мысли, что на самом деле было не так уж сложно, понял Реджис.

- Мы не можем дать ей...

- Можем. Мы здесь не просто так.

Реджис попытался взять себя в руки.

- Думаешь, она бы тебя пощадила, поменяйся вы ролями?

- Это неважно. Мы должны быть лучше, иначе в чём смысл?

- Смысл в том, что мы пришли спасти Артемиса Энтрери, которого забрали у нас эти люди. Ты забыл, что ли?

- Ничего я не забыл!

- Ну так заткнись, - посоветовала Далия. - И забудь про милосердие, иначе погибнешь.

Она зашагала прочь.

- Мы погибнем, - слабо поправил Реджис, и Далия резко обернулась к нему с огнём в сощуренных глазах.

- Нет, - сказала она спокойным тоном, от которого у полурослика побежали мурашки. - Ты погибнешь.

Реджис тяжело сглотнул и последовал за Далией по коридору, пытаясь перезарядить арбалет, который, по крайней мере, не был смертельным.

Далия прижалась к стене, прежде чем войти в следующую открытую комнату, и Реджис последовал её примеру. Они оба смотрели, как ещё один член семьи, маленькая девочка с вьющимися рыжими волосами, пересекает помещение.

Они задержали дыхание, и ещё сильнее — когда ребёнок взглянул прямо на них и сверкнул странной нервнующей улыбкой. Реджис охнул, заметив глаза девочки; белизна, только чистая белизна.

Девочка продолжала ходить по комнате, пропала из виду, и Реджис перевёл дыхание и повернулся к Далии, опасаясь, что та не пощадит даже ребёнка.

Он обнаружил её прижавшейся к стене, дрожащей, испуганной.

- Далия?

Женщина начала задыхаться. Она встряхнула головой — чтобы прийти в себя, решил полурослик — и дала знак двигаться дальше, быстро.

Реджис сунул голову в комнату, увидел, как девочка выходит через вторую дверь, и что более важно — заметил пару стражников, замерших по стойке смирно, когда та проходила мимо.

И эти стражники тоже задержали дыхание. Реджис явно видел ужас на их лицах, пока один не протянул руку и не прикрыл осторожно дверь.

- У меня идея, - сказал Реджис Далии. Он закрыл глаза и сосредоточился, затем хлопнул по берету и на глазах Далии стал точным подобием девочки, которую только что видел.

Далия выглядела так, как будто готова рухнуть в обморок.

- Я очищу путь, - радостно сообщил ей Реджис.

- Просто иди, - сказала она, махнув рукой, пытаясь заставить его поскорее убраться. Реджис недоверчиво уставился на спутницу. Он никогда не видел, чтобы Далия была так напугана.

- Это всего лишь ребёнок, - сказал он, но Далия энергично помотала головой.

- Просто иди. Просто иди. Просто иди.

Реджис попытался понять, что её так напугало. Маленькая девочка заметила их, если она вообще что-то видела этими глазами без зрачков. Действительно, казалось, что она видела их. Но Реджис чувствовал лишь тепло и уют, глядя на ребёнка, и её образ настолько поглотил его мысли, что он использовал свой берет в большей степени, чем когда-либо прежде.

Как это произошло?

И почему два стражника, а теперь и Далия, были так явно встревожены и обеспокоены, даже напуганы, видом девочки?

Подобная реакция поставила полурослика, ощутившего только хорошее, в тупик — что, конечно, заставило его задуматься, почему он вообще испытал нечто позитивное по отношению к человеку в доме, полном врагов и демонов.

Но сейчас у него не было времени прокручивать это в своих мыслях, так что Реджис двинулся вперёд, пересекая комнаты и коридоры, и к счастью, углубившись в здание, он всё реже и реже слышал людей — и вообще никого не видел.

Распутный пьянчуга, пошатываясь, вышел из подворотни. Жена следовала за ним. Почёсывая многочисленные следы на лице от этих жутких ос, мужчина кивнул на таверну в конце улицы. Он пошарил в единственном оставшемся кармане и достал серебряную монету, потом воспользовался ею, чтобы поскрести лицо, и зашагал к таверне.

- Мне на выпивку не хватит, - пожаловалась женщина.

Мужчина обернулся и замахнулся на неё, и она присела, заслоняясь. Пьяница кивнул и снова хотел повернуться к таверне, но лицо его жены неожиданно приняло до крайности изумлённый вид. Он проследил за её взглядом вверх, к карнизу здания и крупному шару из землистого материала — и что более тревожно, к похожим на ос существам, жужжащим вокруг.

- Пошли отсюда быстрее! - сказал он жене.

Но оказался недостаточно быстр.

Крупный шар упал с карниза на мостовую прямо перед ним и начал оборачиваться вокруг него, заглушив крики, когда сомкнулся на мужчине полностью — кокон из жалящих насекомых, беспощадных и свирепых.

Женщина заплакала и закричала. Подошли зеваки.

Но никто не осмелился дотронуться до кокона, и старый распутник лежал там, извиваясь под живым, пульсирующим покрывалом, вопя от боли, пока не скончался просто от шока, оставшись вечно вопить в нижних царствах карающего правосудия маленькой девочки.

Реджис немного приоткрыл дверь, ведущую в гостиную на втором этаже — просторную, хорошо меблированную комнату. Слева от него ярко горел очаг, и на странном предмете, свисающем с потолка, плясали отблески.

Кокон Энтрери.

Полурослик-в-обличье-девочки охнул и обернулся, сделав Далии знак скорее идти сюда. Он вошёл в комнату, осторожно направившись к кокону. Тот больше не казался живым, по крайней мере снаружи, и обзавёлся корочкой, больше похожей на гнездо огромных ос, чем на газон, каким был изначально.

- Это может быть он, - прошептал Реджис, когда подошла Далия.

- Это он, - решительно сказала эльфийка. - Помоги мне его срезать.

Реджис вернулся к нормальному облику и достал свой кинжал. Он замер на мгновение, изучая оружие, заметив, что боковые зубцы, мечеломы в форме змей, не успели полностью отрасти. Если случится бой, ему придётся обойтись без своих призрачных союзников-удушителей.

Но прежде, чем он успел что-то сказать, Далия сгребла его и подняла. Реджис пытался избежать прикосновения к демоническому кокону, но ему пришлось на него опереться, чтобы и наконец срезать верёвку, на которой тот висел.

Кокон рухнул на пол, перевернулся, но не раскрылся — и ни Далия, ни Реджис не смогли найти ни единой щели.

- Режь его, - сказала женщина.

Реджис осторожно прижал острие кинжала к странной субстанции. Пытаясь тщательно отмерять свои движения — он не хотел порезать мужчину внутри — он нажал и повёл кинжал вниз.

Заточенное острие не оставило и следа на странном материале.

Реджис посмотрел на Далию и беспомощно пожал плечами.

Она взяла у него кинжал и склонилась над коконом, пытаясь разрезать поверхность, а потерпев неудачу — принялась яростно колоть странную штуку, отчаянно стараясь освободить любимого мужчину.

Она не смогла даже поцарапать поверхность.

- Как удобно, - услышал в дверях Реджис. Они с Далией резко обернулись и увидели женщин Маргастеров, Инкери и Альвидлу.

Падаю? Кувыркаюсь.

Почему укусы продолжаются? Так много нога не немеет!

Боль стихает... почему нет?

Не могу пошевелиться... не могу. Почему ещё жив?

Жив?

Осывносу... ползают кусают... Рот... Не могу закрыть рот.

Ни звука, ни движения, ничего, ничего ничего. Боль. Просто боль. Жалая укусы. Маленькие ползающие ножки и жала.

Спокойно спокойно спокойно... спокойно... расслабься.

Почему укусы продолжаются?

Боль!

Правосудие смерть?

Шерон подошла к упавшему кокону на мостовой у переулка и кивнула. Работа не обрадовала и не разочаровала её.

Поскольку на самом деле это было не её рук делом.

Это было виной самого мужчины, и теперь он столкнулся с правдой о самом себе самым жестоким и болезненным образом.

Шерон услышала рыдания женщины рядом, у входа в переулок, повернулась, улыбнулась ей, и пошла прочь, обратно в дом Маргастер.

- Люблю, когда не нужно просить, чтобы подали ужин, - промурлыкала Инкери Маргастер.

- Вытащи его! - приказала Далия, ударив посохом по полу, ловко управившись с его механически-магическим управлением, чтобы разбить на три части. Она схватила центральную часть и подняла перед собой.

Инкери рассмеялась.

Реджис нервно облизал губы. Он думал, что знает, чего ждать от Инкери, поскольку видел, как она превращается в глабрезу в пещерах под дворцом лорда Неверэмбера в Невервинтере. Он достал ручной арбалет, висевший на цепочке на его жилете, и нацелил его — сначала на Инкери.

Однако махнул рукой, сомневаясь, что сможет навредить глабрезу, надеясь, что они с Далией смогут победить демона, и вместо этого выстрелил в Альвидлу, женщину, которую он уже усыпил однажды.

Та охнула от удара дротика и упала. В то же самое время Далия заставила вращаться крайние секции своего посоха и завертела центральной частью туда-сюда так, чтобы крайние периодически ударялись друг о друга, поскольку так Игла Коза наращивала свою электрическую энергию.

Но Инкери неожиданно превратилась — и не в четырёхрукого глабрезу, как ожидал Реджис. Вместо этого женщина покрупнела, её тело покрылось ковром оранжевой шерсти, а лицо стало обезьяньим. Прежде чем Реджис с Далией успели переварить эту трансформацию, демон-Инкери прыгнула, легко преодолев двадцать футов, и с грохотом приземлилась между двумя нарушителями, отбросив обоих.

- Добей вторую! - крикнула Далия Реджису. Умелая воительница приземлилась управляемым кувырком, вскочив сразу же на ноги, и её посох заработал в обороне, когда огромный Барлгура налетел на эльфийку. Её руки яростно мелькали, вверх и вниз, и концы жезла с треском били по жадным когтям демона, с каждым ударом вызывая у него вой боли.

Но Реджис сомневался, что она сможет победить чудовище, и бросился на Альвидлу, в отчаянии глянув на свой кинжал, чтобы проверить, не отросли ли змеи.

Реджис не хотел убивать Альвидлу. Он был с ней знаком, обедал с ней, пил с ней, беседовал с ней, и хотя у него не было намерений действительно ней переспать, а их встречи были только с целью сбора информации, остроумная и обаятельная женщина искренне ему нравилась.

Так что он надеялся, что сонное зелье дроу уложит женщину раньше, чем его рапира.

Но нет, вместо этого произошло два других события. Дверь в комнату отворилась и вошла маленькая белоглазая девочка, по-прежнему улыбавшаяся.

А Альвидла перестала быть человеком. Её кости трещали и тело плавилось. Плечи увеличились и поднялись выше, нос и рот вытянулись в звериное рыло, выросли клыки, огромные клешни вырвались из одежды вместе с двумя дополнительными руками.

Реджис чуть не рухнул в обморок. Он пытался позвать Далию, но смог издать только писк. Он посмотрел на свою рапиру, казавшуюся теперь такой жалкой, понимая, что не сможет победить это огромное чудовище.

Далия наступала, её тройной посох жалил огромного Барлгуру, электрические дуги опаляли его оранжевые волосы, не давая передышки. Этот урон был незначительным, но она продолжала наступать, пытаясь найти какую-нибудь брешь, какой-нибудь способ победить.

Демон подпрыгнул в воздух, перелетая через неё, и Далия, разворачиваясь следом, схватила Иглу Коза за один конец и хлестнула ею, как кнутом — другой конец обрушил на врага новый электрический разряд.

Барлгура исчез, так внезапно став невидимкой, что Далия на секунду забыла, чем она занята. Однако она быстро восстановила самообладание и поспешила проследить за прыжком, пытаясь угадать, где приземлится противник. Она услышала удар в нескольких шагах впереди, но потом услышала, как враг прыгнул снова. И на этот раз увидеть направление прыжка она не могла.

Она развернулась кругом, размахивая посохом, чтобы удержать противника на расстоянии, и даже попала в невидимку — но слишком близко! Демон возник рядом с ней, и один огромный кулак уже летел в Далию.

Она подняла руку для защиты, почувствовала, как треснула кость на запястье, и обнаружила, что летит спиной вперёд. Каким-то образом эльфийка смогла сгруппироваться, чтобы поглотить удар, но всё равно перекатилась, морщась от боли, пытаясь встать и сражаться.

Поскольку демон приближался.

Альвидла, которой туманило мозги сонное зелье, почувствовала, как внутри поднимается демон, захватывает над ней власть. На сей раз ощущение было иным — она как будто попала в странную фугу. Казалось, что она сама совершает действия, но на самом деле нет — странная двойственность, зародившая в ней мысль, что демон не является отдельным существом.

Что демон — это она.

Она посмотрела на наступающего полурослика, которого знала под именем Реджиса Тополино из Кровоточащих Лоз. Что за жалкое создание! Но вдруг отворилась дверь, и Альвидла не могла проигнорировать вошедшего ребёнка.

Её дитя.

Её любимую маленькую Шерон.

Шерон взглянула на полурослика и улыбнулась, и несмотря на всю отчаянность его положения, Альвидла почувствовала, что после демонстрации отношения девочки Реджис сразу же успокоился.

Благосклонного отношения девочки.

Альвидла не понимала, но внезапно ей пришлось сражаться за власть над убийственными клешнями демона.

Она услышала рёв глабрезу. Он дрожью отразился в каждом закоулочке её тела и разума. Чистая ярость, убийственная, злобная, требовательная.

- Всё хорошо, мама, - сказала Шерон, и эти слова молнией пронзили Альвидлу.

И она очнулась, как ото сна.

Глабрезу зарычал.

Альвидла Маргастер, мать девочки в дверях, которая была так испорчена, зарычала ещё громче.

Огромный глабрезу прыгнул.

Кровь отхлынула от лица полурослика.

Но демон перелетел через Реджиса, приземлился, бросившись в атаку, и сомкнул клешни на груди и шее Барлгуры!

Комната задрожала и весь дом содрогнулся, когда грозные демоны начали бороться. Клешни глабрезу оставляли глубокие раны, кулаки Барлгуры молотили по собачьей морде изверга.

Не собираясь упускать эту возможность, Далия хлестнула своим посохом по лицу Барлгуры и даже выбила длинный клык. Когда демоны отступили в сторону, продолжая бороться, она отдернула посох и снова начала вращательные движения, чтобы набрать заряд молнии, а затем сложила посох опять воедино. Её сломанная левая рука гудела от боли, но Далия не могла позволить этому замедлить её. Не сейчас.

Барлгура поднялся и потащил за собой глабрезу. Обе массивных лапы были сомкнуты на клешне, обхватившей его за горло. Барлгура со вздыбленными от натуги мышцами разомкнул эту клешню и продолжил давить, оторвав коготь у основания. Глабрезу вскрикнул от боли.

Драка скоро должна была закончиться, так что Далия вложила все силы в один точный удар, вонзив основание посоха прямо в лицо Барлгуры, затем великолепно вывернув посох вниз, чтобы подцепить тяжёлое ожерелье противника, и выпустила всю накопленную энергию с разрядом молнии, от силы которого голова демона запрокинулась, а железная цепь с рубиновой филактерией лопнула, оставив Барлгуру оглушённым.

Рубин полетел в сторону, и Инкери Маргастер рефлекторно перехватила контроль у оглушённого демона. Огромная туша неожиданно сменилась на тело человеческой женщины, но только на миг.

Тем не менее, этого оказалось достаточно, чтобы слабеющий глабрезу ударил своей покалеченной клешней вверх наискосок, рассекая и без того раненое горло женщины.

Инкери и Барлгура начали превращаться обратно в демона, но было слишком поздно, и чудовище с практически оторванной головой завалилась набок, застыв посередине между человеком и демоном.

Глабрезу в прыжке развернулся к Далии, но оба, и эльфийка и демон, отскочили назад и застыли, когда между ними встала маленькая рыжеволосая девочка.

- Мама, отдай мне ожерелье, - мило сказала она.

Глабрезу задрожал. Внутри него сражались два существа.

Девочка вскарабкалась по его телу и сняла серебряную цепь с молочно-синим камнем своими удивительно ловкими пальцами.

Глабрезу содрогнулся, девочка рухнула на пол, затем встала рядом с Далией, которая отпрянула от страха — но потом заметила вторую девочку, что стояла в дверном проёме и улыбалась.

Девочка перед ней подняла филактерию.

- Мама, убей его, - прошептала она.

Тело демона сжалось, снова стало Альвидлой, потом снова глабрезу, потом опять Альвидлой, и тогда камень на серебряной цепочке неожиданно сверкнул, когда в него вернулся демонический дух.

Альвидла Маргастер рухнула на пол.

Девочка рядом с Далией снова стала Реджисом. Он немедленно сунул руку в магический кошель, достав горшок с какой-то тёмной жидкостью. Полурослик вытащил пробку и бросил внутрь филактерию, затем быстро закупорил и запечатал сосуд.

Далия подошла к Альвидле, чтобы добить её, но Реджис схватил эльфийку за руку.

- Нет!

- Ты не можешь...

- Нет, прошу тебя, - сказал полурослик. - Она не представляет угрозы.

Он изо всех сил потянул Далию за руку, удерживая её.

Далия зарычала.

- А с ней что? - спросила она, кивнув на дверь и девочку. В коридоре раздался шум — наверняка это были стражники.

- Они все боятся ребёнка, но это не надолго, - заметил Реджис. - Нам надо бежать!

Реджис подскочил к кокону. Он был напуган, но варианты закончились. Он низко пригнулся и взвалил кокон на плечо, затем на подкашивающихся ногах подошёл к большому окну, выходившему во двор прямо над парадной дверью этажом ниже.

Далия помогла ему, насколько позволял перелом, и когда они добрались к окну, она не стала ждать, пока он отыщет защёлку, просто ткнула в стекло Иглой Коза и высвободила оставшиеся молнии, которых хватило, чтобы разбить окно. Стекло посыпалось на мостовую вниз.

Это вызвало вой в коридоре.

- Парадная дверь! - закричали несколько голосов.

Реджис быстро шагнул к подоконнику и продолжил толкать.

- Прости меня, - прошептал он и вывалил кокон наружу, а потом перемахнул через подоконник за ним, вздрогнув, когда услышал тошнотворный всплеск.

Взбешённая Далия спрыгнула рядом, проклиная полурослика и обещая ему адские муки, но кокон остался цел.

- Карета! Быстро! - сказал ей Реджис.

Он снова начал поднимать кокон.

- Ох, ты мне за это заплатишь, - прошептал он, думая об опасном мужчине внутри. - Если ты ещё жив.

Как ни странно, он на самом деле надеялся, что Артемис Энтрери *был* жив — надеялся сильнее, чем считал себя способным.

Подъехала Далия, соскочила с кареты и распахнула дверцу внутрь, затем помогла Реджису запихнуть Энтрери внутрь. Реджис опередил её и уселся на место кучера, а затем хлестнул поводьями. Упряжка помчалась по мощёной дороге как раз в тот момент, когда парадная дверь распахнулась и позади них раздались крики.

Падение... падение... падениепадениепадени!

Ни звука, ни движения, ничего, ничегоничегоничего. Боль. Просто боль. Но толькоукусытолькоукусы. Почемутолькоукусы? Укусыижала. Ползающие ножки и жала.

Спокойноспокойноспокойно... спокойно... расслабься.

Почемуукусыпродолжаются?

Спокойноспокойно... спокойно. Думай.

Боль!

Альвидла Маргастер сидела на полу, прислонившись к перевернутому креслу. Женщина дрожала и плакала.

- Мама, не бойся, - сказала Шерон, и Альвидла взглянула на неё, а потом охнула.

У её малышки опять были серые глаза!

Но позади Шерон стоял очередной двойник, та же маленькая девочка с кудрявыми рыжими локонами, выглядывающая из-за двери.

- Не бойся, мама, - успокоила её Шерон. - Она мой друг.

- Она чудовище, - ответила потрясённая Альвидла.

- Нет, мама. Она учит меня. Показывает мне. Она мой друг.

Альвидла смотрела на неё, оглушённая и напуганная.

- Она как дядя Бревиндон.

- Дядя Бревиндон?

- Да, мама.

- Что он твой... - Альвидла замолчала от шока, размышляя о том, что слышала у дверей спальни Шерон. - Что она твой *учитель*? - спросила Альвидла, вспомнив бормотание.

- Да! - объявила Шерон. - Она показывает мне, что такое хорошо и что такое плохо. Я хочу быть хорошей.

- Учитель... мучитель, - прошептала Альвидла, ошеломлённая и растерянная. С отвисшей челюстью она уставилась на дверь.

Реджис медленнее повёл карету по улицам Глубоководья, пытаясь не привлекать внимания. Маргастеры остались далеко позади.

Куда направиться, размышлял полурослик. Отвезти заточённого в кокон Энтрери лордам Глубоководья? Каким лордам? Кому в городе можно было доверять?

- Ясгур? - спросил Реджис, когда они свернули на главный бульвар и в поле зрения показались городские ворота.

- Я с вами, - услышали они оба детский голос, дрожащий на ночном ветру. Реджис встал, Далия повернулась и поднялась, и они оба оглянулись назад через крышу кареты. Вдалеке они заметили маленькую девочку с кудряшками в развевающемся белом платье, летящую вдоль дороги.

Далия рухнула, задыхаясь, хватаясь за раненую руку, но было очевидно, что она её больше беспокоит страх, а не боль.

- Гони, гони, - умоляла она спутника.

- Она нам не навредит, - сказал Реджис, но его самого даже больше Далии изумила уверенность в собственных словах. Но он в это верил и потому медлил.

В ярости от его колебаний, зарывав от боли, Далия вырвала поводья из его рук, сжала их рукой с переломом, затем выхватила у полурослика кнут и начала хлестать им двух вороных коней, запряжённых в карету.

Они помчались прочь, вон из Глубоководья по северной дороге.

- Дай сюда, - попросил Реджис. - Тебе с переломом нельзя.

Далия недоверчиво и угрожающе посмотрела на него, но на самом деле она была не в состоянии спорить. Эльфийка, мучимая болью и страхом, отдала поводья, затем опустилась назад на сидение и с трудом выровняла дыхание. Она стиснула свою сломанную руку другой рукой, пытаясь держать её ровно на скачущей карете.

И всё равно смогла ругать Реджиса каждый раз, когда он позволял упряжке замедлить бег.

Боль... кусают жала жала.

Ползают. По мне во мне.

Боль! Спокойно.

Боль. Спокойно.

Спокойно спокойно спокойно спокойно спокойно. Укрытие местовнутри... спокойно.

Падай, прочь, уходи... иди...

ГЛАВА 26

Внизу

- Мать Жиндия Меларн одержит победу, - сказала Сос'Ампу Бэнр сестре, верховной матери Квентл Бэнр утром того дня, когда должен был собраться правящий совет.

- Догадка или уверенность?

- Громф так считает, - доложила Сос'Ампу. - Он обезвредил волшебные порталы Гонтлгрима потому, что знает. Войска, собранные против короля Бренора и Лускана, слишком велики, а мать Жиндию сопровождает пара прислужниц Ллос и *вдобавок* пара захватчиков.

Верховная мать кивнула и вздохнула. Последнее уже было ей известно.

- Мать Жиндия победит, дом Меларн заберёт всю славу, и они вернутся сюда во главе армии демонов.

- Думаешь, она осмелится угрожать дому Бэнр? - Квентл пыталась говорить уверенно, пыталась показать скептицизм при одном лишь намёке на подобную мысль. Однако она почувствовала, что потерпела неудачу, и взглянув на Сос'Ампу, увидела, что сестра разделяет её сомнения. Она была старшей жрицей Рощи Богини, созданного ей общественного собора, который получал всё больше и больше влияния среди простолюдинов и младших домов города. Она оставалась госпожой Арах-Тинилита, академии дроу для жриц, и по-прежнему была первой жрицей дома Бэнр — по крайней мере до тех пор, пока Квентл не закончит воспитывать свою дочь Миринейл для занятия этой должности. А ещё Сос'Ампу занимала девятое место в правящем совете — беспрецедентный поступок со стороны верховной матери, призванный обеспечить ей поддержку большинства.

- Не думаю, что ей это потребуется, - ответила Сос'Ампу. - Её подвиги на поверхности и в Гонтлгриме возвысят её дом над всеми нашими союзниками, а очевидная поддержка госпожи Ллос может заставить их передумать по поводу союза. Порядок в Мензоберранзане содрогнётся до основания, и тем более, что еретикам Дзирту и Закнафейну позволено было выйти свободными из твоих темниц.

- Их освободили по велению Ивоннель, - напомнила ей мать Квентл. Она сразу же пожалела о своих словах, поскольку они заставляли её казаться незначительной, жалкой. В конце концов, как пленники могли покинуть темницы дома Бэнр без приказа Квентл?

- И где она теперь? - пожав плечами, спросила Сос'Ампу. - Вряд ли это имеет значение.

- Так что ты предлагаешь?

- Присоединиться к кампании матери Жиндии, - сказала Сос'Ампу.

Неожиданно верховная мать Бэнр ощутила себя совсем незначительной. Как быстро меняется расклад в Городе Пауков! Всего несколько месяцев назад, после поражения Демогоргона у городских ворот, главенствующее положение дома Бэнр

казалось надёжным, как никогда. Дом Меларн, вечная угроза, пострадал и упал в городской иерархии. Квентл манипулировала правящим советом так, чтобы её доверенные лица занимали самые важные посты, и даже восстановила дом Ксорларрин под правлением матери Зирит, наделив её союзником, не уступавшим второму дому города, Баррисон Дель'Армго, и матери Мез'Баррис, возможно, единственной истинной сопернице Зирит.

Однако несмотря на всё это верховная мать Квентл Бэнр понимала, как сейчас уязвима. Этот великий дом, веками правивший Мензоберранзаном, претерпевал опасную смену поколений. Из дочерей верховной матери Ивоннель Бэнр остались только Квентл и Сос'Амπτу. А из двух оставшихся сыновей великой Ивоннель Громф, хоть и потенциальный союзник, больше даже не находился в городе, а Джарлак вообще никогда не был частью семьи Бэнр.

Взглянув в другой конец комнаты на единственную постороннюю персону, Квентл особенно остро ощутила этот факт, ведь там стояла Минолин Фей Бэнр, жалкая жрица, которая была участницей этого двора лишь потому, что выносила ребёнка Громфа.

Уже несколько лет мать Квентл знала, что ей нужно выгадывать время, пока многообещающие молодые дети семьи Бэнр не смогут занять свои позиции. Поэтому она ослабила фаэрцресс, чтобы привести демонические орды в Мензоберранзан, исключив любой возможный захват власти со стороны соперничающих домов. Она основала Рощу Богини и наделила Сос'Амπτу огромной властью. Она передала дом До'Урден возрождённому дому Ксорларрин, вернув дому Бэнр самую важную союзницу, мать Зирит, которая до глубины души ненавидела мать Мез'Баррис.

Но уцелеет ли это соперничество, если Жиндия Меларн возвратится в Мензоберранзан после такой громкой победы на поверхности, вручит еретиков госпоже Ллос, завоюет Гонтлгрим (причём после того, как король Бренор отнял его у Зирит Ксорларрин в неудачной попытке матери Квентл заставить Ксорларринов захватить комплекс, чтобы использовать его в роли придатка к Мензоберранзану), и вдобавок её будет сопровождать орда демонических союзников?

- Вызвать Громфа? - предложила Сос'Амπτу.

- Нет, - без колебаний ответила верховная мать. - Если он подчинился матери Жиндии, значит доверять ему нельзя.

Госпожа Сос'Амπτу покорно кивнула, и несмотря на её легендарное самообладание, заметно вздрогнула, когда Квентл добавила:

- Впрочем, я и так никогда не доверяла нашему кровожадному братцу.

В конце концов, Громф не раз пытался устроить покушение на Квентл, когда трон дома Бэнр занимала их сестра Триль.

- Нет, - снова сказала Квентл, кивая, поскольку ей многое стало ясно. - Нет, ты, - она указала на Минолин Фей, - отправляйся в дом Баррисон Дель'Армго и сообщи матери Мез'Баррис, что я хочу поговорить с ней сегодня наедине перед заседанием совета.

Сос'Амπτу и Минолин Фей обменялись скептическими взглядами.

- Мы отправимся на войну, - сказала им верховная мать Квентл. - Мы все отправимся на войну.

Минолин Фей она грубо приказала «Иди!», и женщина выбежала из комнаты.

- О чём вы думаете, верховная мать? - осмелилась поинтересоваться Сос'Амπτу, когда сёстры остались наедине.

- Давным-давно наша мать, великая Ивоннель Вечная, первая и величайшая верховная мать Бэнр, вмешалась в относительно мелкое дело, включавшее покушение на оружейника относительно слабого дома, совершённое верховной матерью другого относительно слабого дома.

Сос'Амπτу не показала признаков узнавания.

- Ты не участвовала в обсуждении или планировании, - сказала ей Квентл. - Всё поручили Громфу, Триль и мне. Оружейником, которого мы спасли, был Знафейн До'Урден. А покушалась на него никто иная, как мать Соулез Армго, которая родила мать Мез'Баррис.

- Я по-прежнему не понимаю.

- Странное совпадение, учитывая нынешнее положение дел, как думаешь?

- По-вашему, это не просто совпадение? - отозвалась Сос'Амπτу, испытывая явные сомнения. - Считаете, что всё это было предрешиено? Всё? Верховная мать предвидела, что Знафейн станет отцом еретика Дзирта? Что...

- Нет, - оборвала её мать Квентл. - Но возможно это было сделано благодаря знанию об искре, которую перед Дзиртом носил в себе Знафейн.

Сос'Амπτу покачала головой.

- Молитвы верховной матери Ивоннель, адресованные Ллос, привели нас в то место, чтобы мы помешали планам Армго. Мне хорошо об этом известно.

Тогда Сос'Амπτу с уважением склонила голову, уловив напоминание, что Квентл были дарованы воспоминания верховной матери Ивоннель Бэнр. Ей не рассказали и даже не показали их — иллитид вложил их в разум Квентл и теперь эта память принадлежала ей так же, как принадлежала Ивоннель.

- А может быть, это действительно совпадение, - признала мать Квентл. - Но всё же, просто поразительно, куда завело нас то дело с Знафейном и матерью Мез'Баррис.

- Наш народ немногочислен, а город невелик, - напомнила ей Сос'Амπτу. - То, что кажется совпадением, может быть результатом простой близости.

- Твой совет, как всегда, мудр, - сказала верховная мать. - И всё-таки мы здесь. Мы не можем позволить матери Жиндии победить, вернуться триумфатором и забрать всю славу себе.

- Значит, дом Бэнр выступит на войну?

- Мензоберранзан выступит на войну, - поправила верховная мать. - Полной силой.

Барвар прикусил обёрнутую тканью полоску железа, не издав ни звука, кроме низкого рычания, когда тёмноэльфийская жрица с силой сжала полосу его шрама, и капли белого гноя проступили между её стиснутых пальцев. Мускулы плеч, шеи и рук Вульфгара напряглись до предела.

Даб'ней быстро прочитала заклинание, посылая очищающее лечение в открытую рану. Потом она отступила, одной рукой держась за плечо Вульфгара и

помогая ему нагнуться вперёд, чтобы его вырвало в ведро, поставленное перед варваром.

Несмотря на весь свой размер и силу, Вульфгар неожиданно показался очень хрупким, и его густая после рвоты слюна брызнула наружу с рёвом, полным злости.

- Я делаю, что могу, - буркнула Даб'ней.

Он кивнул, потом его снова вырвало.

- И только потому, что так приказал Киммуриэль, - добавила она.

Вульфгар выждал мгновение, чтобы собраться с силами, прочистить рот и убедиться, что рвоты больше не будет.

- Я прошу, отведи меня в Главную башню, к порталу, чтобы я присоединился к друзьям в Гонтлгриме...

- Ты не можешь, - ответила Даб'ней.

Отворилась дверь и вошёл Беньяго.

- Порталы закрыты, - сообщил он, и стало ясно, что дроу подслушивал. Он сделал знак Даб'ней, которая с радостью ушла.

- Тогда меня отправит Громф.

- Не отправит. Это он закрыл порталы. Он заявил о нейтралитете Главной башни в этом сражении.

- Тогда другой волшебник! - сказал Вульфгар как можно более настойчиво.

- Никто тебя не слушает, - ответил Беньяго. - Главная башня нейтральна.

- Тогда Киммуриэль!

Беньяго пожал плечами.

- Неужели нет никакого способа попасть в Гонтлгрим?

Дроу, оставшийся в облике рыжеволосого человеческого мужчины, снова пожал плечами.

- Ты хотя бы стоять можешь? - хмыкнув, спросил он.

- Скоро смогу, - пообещал Вульфгар.

- Тогда ты можешь пройти по тоннелям Подземья или по поверхности, но так или иначе, тебя почти наверняка прикончат. И даже если нет, как ты попадёшь в Гонтлгрим? Его окружает армия демонов и враждебных дроу.

- Киммуриэль проведёт меня внутрь!

Беньяго снова пожал плечами и отступил в сторону, чтобы впустить в комнату Киммуриэля.

- Ты жив благодаря мне, - заявил тот.

Вульфгар пристально уставился на него, но возразить было нечего.

- Я сохранил тебе жизнь не потому, что меня это волнует, - добавил дроу.

- Джарлакс приказал тебе защищать меня.

Киммуриэль фыркнул.

- Это неважно. Ты останешься здесь. Я поручил жрице позаботиться о тебе, потому что нуждаюсь в твоей помощи.

- Тогда обещай устроить мне путешествие в Гонтлгрим.

- Нет. Но ты поможешь мне.

Вульфгар прищурился ещё сильнее.

- Подозреваю, что ты хочешь убить Бревиндона Маргастера и овладевшего им демона ещё больше, чем я сам, - добавил Киммуриэль.

Это заставило Вульфгара откинуться назад и удивлённо раскрыть глаза.

- Тебя окружают могучие союзники, могучие воины.

- Сомневаюсь, что хоть один из них сможет нанести удар такой силы, как я желаю.

Вульфгар задумался, потом кивнул.

- Веди.

Но Киммуриэль покачал головой.

- Нам многое нужно уладить в Лускане, - пояснил он. - Когда всё решится, как я предвижу, я тебя позову. До тех пор — выздоравливай. Сомневаюсь, что ты переживёшь наше нападение.

Это заставило Вульфгара взглянуть на дроу с любопытством.

- Смерть этого демона, возглавившего нападение на Лускан, будет стоять твоей жертвы, если так произойдёт, - сказал Киммуриэль. - Ты согласен с этим, я не сомневаюсь.

После мгновенных раздумий, Вульфгар признал:

- Согласен.

- О! Настоящий воин, как я и думал. Смерть тебя не пугает...

- Я уже умирал, - оборвал его варвар.

Киммуриэль изумлённо уставился на него — всего на мгновение, и Вульфгар улыбнулся, когда дроу продолжил разговор, ведь такие подробности просто не имели для достаточного значения, чтобы псионик стал о них расспрашивать.

- Твоя честь намного важнее, и потерять честь — хуже, чем погибнуть, - сказал Киммуриэль. - Поэтому я предлагаю тебе шанс нанести могучий удар за твоих друзей на юге, и да, за Джарлакса и тех дроу, что правят Лусканом. Но риск огромен. Ты уже ощутил укус клинка Бревиндона.

- Дай мне один удар, - отозвался Вульфгар. - Второй раз я не промахнусь.

- По крайней мере, это будет не на корабле, который ты по глупости утопил прямо под нами, - сухо бросил Киммуриэль, выходя из комнаты.

Вульфгар остался один и уселся, пытаясь найти свой центр, пытаясь прогнать жар, гной, боль. Когда дверь снова открылась, он поднял взгляд и увидел Милашку Чарли.

- Я убью Бревиндона Маргастера и краснокожего эльфа-демона, которого он хранит внутри, - решительно заявил ей Вульфгар, прежде чем женщина успела задать хотя бы один из многочисленных вопросов, очевидно, тревожащих её.

- Ты кажешься уверенным, - отозвалась она.

Вульфгар кивнул, и это движение вызвало очередной приступ рвоты.

Мать Мез'Баррис находилась в собственном тронном зале, но не могла не поёжиться при виде огромной силы, которая явилась к ней после отказа встретиться с верховной матерью на территории дома Бэнр.

Перед ней стояли пять верховных матерей, включая саму Квентл, и их свита из могущественных жриц, волшебников и воинов — точнее, в случае матери Зирит Ксорларрин, сидели перед ней на узорчатом фиолетово-чёрном троне, переносном сидении, более впечатляющем, чем трон дома Баррисон Дель'Армго.

Мез'Баррис облизала губы, обдумывая выдвинутое ей предложение.

- Если я погибну, кто-то заменит меня, - сказала она верховной матери Бэнр.

- Если я погибну, ты знаешь, кто заменит меня, - ответила Квентл.

Мез'Баррис задумалась, покосившись на Сос'Амπτу, которая с решительным видом стояла рядом с сестрой. Но нет, поняла она, Сос'Амπτу не хочет получить мантию верховной матери.

- Ивоннель, - ответила Мез'Баррис, едва сумев выдавить из себя имя могущественной и необычной дочери Громфа, по-прежнему девочки, но в теле молодой женщины и с властью, интеллектом, мудростью и опытом своей тётки.

- Ивоннель, - подтвердила верховная мать.

- Она хотя бы в Мензоберранзане?

- Она будет твоим тысячекратным кошмаром, - продолжала Квентл, игнорируя вопрос. - Поскольку она тоже в этом участвует и запомнит твой отказ. Она не станет терпеть ни тебя, мать Мез'Баррис, ни продолжающиеся игры твоего дома.

- Угрожаете войной, верховная мать?

- Нет. У меня нет такого желания. Но я не сомневаюсь в том, какой путь выберет верховная мать Ивоннель.

Мез'Баррис оглянулась на знатных членов своего дома.

- Твой тысячекратный кошмар, - повторила верховная мать. - И, быть может, я могу предложить ещё кое-что.

Вскоре после этого из Мензоберранзана выдвинулась огромная армия, которой магия помогала ускорить марш к нижним вратам Гонтлгрима. Больше века подобное войско не покидало города — в последний раз это был марш Ивоннель Вечной, верховной матери Бэнр, в её попытке завоевать Мифрил-Халл.

Академии дроу остались безмолвны; безмолвны были дома дроу, знатных и простолюдинов.

Тоннели Подземья пустели перед ними, ведь никто из обитателей этого мрачного места не желал столкнуться с полной силой Мензоберранзана в одиночку.

ГЛАВА 27

Конец

Вампир Тибблдорф Пвент сидел на Престоле Дварфийских богов в пустом парадном зале Гонтлгрима. Дварфы отступили в нижние палаты, закрыв за собой проход стеной из каменной глыбы. Теперь эта стена дрожала, куски камня сыпались с неё из-за ударов с другой стороны.

- Что у вас для меня, боги? - спросил дварф. - Отведи меня домой, Морадин. Ты поразил меня в самое сердце, и я голоден. Да, голод. Он всегда рядом — или лучше назвать это жаждой. Сладкая кровь.

Справа от него стена обрушилась, и огромный паучий голем прорвался внутрь, пробежал по полу, свернув на стену, чтобы пролезть в дверь, ведущую к нижним ярусам.

Тибблдорф Пвент покачал головой, не понимая, что происходит. Что это за чудовище?

Он увидел, как следом внутрь текут демоны. Наверняка Бренор и остальные знали, что это случится, что стена не выстоит против такой орды. Почему они сбежали?

К его удивлению, в помещениях сразу за парадным залом раздались звуки отчаянной битвы.

Пвент соскочил с трона, его материальная форма начала рассеиваться в простой туман. Вампир полетел на разведку. Вскоре он понял, что дварфы теперь яростно бьются с демонами в коридорах и палатах, но не мешают чудовищному пауку.

Но почему?

Пвент полетел вниз, быстро догнав огромного голема-арахнида, спускавшегося по нисходящим тоннелям Гонтлгрима, с паучьей ловкостью ползая по стенам в высоких нижних пещерах, иногда выпуская нить паутины, чтобы ускорить спуск. Ни один дварф не преградил ему путь, ни один арбалетный болт или снаряд катапульты не прервали паучий бег.

По мере того, как они спускались в нижние залы и тоннели, шум битвы стихал, и Пвент осознал, куда направляется чудовище. В своей туманной форме он опередил монстра и полетел в самый важный зал, где располагалась великая кузня Гонтлгрима.

Дварфов там не было.

«Клянусь густой бородой Морадина, что же ты делаешь, мой король?» - подумал Пвент.

Он заметил, что дверь в палату предтечи не просто открыта; на самом деле, её убрали, обнажив короткий проход из помещения кузницы в огромную яму, удерживающую богоподобного зверя.

Пвент промедлил, но паук медлить не стал — он пробежал по этому коридору, громко визжа, как будто неожиданно кого-то преследуя.

Пвент направился следом, но не успел он войти в зал, как услышал чудовищный грохот, крики дварфов и вопль паука, и когда вошёл — его поприветствовала ослепительная вспышка чудовищной молнии.

- Это безумие, просигналили пальцы Закнафейна сложным кодом дроу Джарлаксу, стоявшему рядом, в дальнем конце невероятного зала, длинной пещеры, купавшейся в оранжевом свете от бурлящего пламени и лавы предтечи, что питала кузницы Гонтлгрима. Помещение постоянно дрожало от движений чудовища, пойманного в глубокую пропасть вдоль задней части зала. Водяные элементарии бурлили прямо за краем этого ущелья, постоянно оживляемые струями воды, стекавшими с потолка.

- Как мы просили короля Бренора довериться нам, так и мы сами должны довериться ему, - засверкали пальцы Джарлакса в ответ. - Он это заслужил — и не раз.

Закнафейн оглянулся на дварфа в однорогом шлеме, с баклером в одной руке и топором со множеством зарубок — в другой. Он попытался отбросить сомнения — как можно доверять дварфу? Да ещё дварфу с поверхности!

Для бедного Закнафейна всё перемешалось. Всю свою жизнь он провёл, познавая правду о мире, но оружейник начал понимать, что то была правда только о мире дроу. Искажённая со злым умыслом, к тому же. Всё, чему он научился — нет, не просто научился, *уверовал* — стало узлом, который начал распускаться, как будто его мир был готов полностью расплестись.

Грохот за дверью в дальнем конце помещения потребовал его внимания.

- Да будет так, - прошептал оружейник и приготовился умереть.

Бренор заманил паука сюда и установил вдоль правой стены линию странных, массивных приспособлений на колёсах — соковыжималок, как он их называл.

Замысел казался Закнафейну нелепым. Даже смехотворным, если не считать того, что на кону стояла его жизнь.

В зал вломился паук вместе с обломками двери и стены. Он немного заскользил, разворачиваясь, и Закнафейн испытал мимолётную надежду, что паук рухнет в огненную пропасть.

Но нет, голем побежал дальше — прямо на него, смотрел на него, знал оружейник.

Один из глаз чудовища вспыхнул и в оружейника полетел зелёный луч, и на мгновение сердце Закнафейна остановилось.

Однако лишь от потрясения — ведь незримая стена силы, которую установил перед ним Джарлакс, всё-таки сделала своё дело и остановила луч.

Но паук мчался дальше, полностью сосредоточившись на Закнафейне.

Тогда в движение пришли команды дварфов вдоль стены, взявшись за шесты соковыжималок и толкая устройства вперёд, во фланг массивному демоническому голему. С рёвом и криками дварфы наступали, приподняв паука косыми передними листами боевых машин. Четыре паучьих ноги замахали над передней частью этих устройств, пытаясь найти опору. Могучий захватчик застыл на самом краю пропасти!

Но дварфы вынуждены были остановиться. Паук упёрся в пол, восстановил равновесие и принялся сражаться. Ещё один из его глаз засверкал искрами. Палата содрогнулась от оглушительного взрыва.

Дальняя соковыжималка раскололась и задымилась, её команда извивалась на полу, попав под молнию, и чудовище из Бездны быстро воспользовалось преимуществом, разворачиваясь, чтобы его глаза оказались над верхним краем стены соковыжималок. Несколько глаз уже светились волшебной силой.

- За моего сына! - закричал Закнафейн, бросаясь бегом, на ощупь находя путь вокруг силовой стены.

Он бросился на захватчика, который полностью отвлёкся, и чудовище неожиданно развернулось к оружейнику. Его глаза сверкали голодом и силой.

Из одного выстрелил комок паутины, но Закнафейн упал на колени и прогнулся назад, проскользнув прямо под липкой западнёй. Оружейник вскочил, не останавливаясь, полный решимости преодолеть последние несколько шагов.

- Мой король! - раздался рёв впереди и слева, и несмотря на свою сосредоточенность, Закнафейн всего на миг посмотрел туда, увидев самого странного дварфа, которого мог себе представить — настоящий шар из шипов и острых кромок, который бежал, прыгал, даже летел — летел? — мимо команд соковыжималок и над ними, подняв себя в воздух с помощью какой-то непонятной Закнафейну магии, прямо к голове захватчика, и с силой вонзил в неё шипастые кулаки.

- Куда ты собираешься направиться? - спросил Реджис. Карета продолжала трястись. Он только что проснулся после короткого сна от особенно мощного толчка. - Я сомневаюсь, что мы сможем пробраться в Гонтлгри...

Карету дёрнуло в сторону. Далия взвизгнула и ударила себя по щеке.

- Что? - спросил Реджис, пытаясь помочь ей придержать упряжку. Он глянул вниз, схватив поводья, и заметил тёмное пятно на сидении, насекомое, которого прихлопнула Далия, теперь вертящееся на месте, как будто пытаясь взлететь.

- Ой! - снова вскрикнула Далия, и снова, и Реджису пришлось потянуть изо всех сил, чтобы упряжка не съехала в канаву на обочине.

Он посмотрел на Далию, как только смог, и увидел, что она пытается прихлопнуть — даже сломанной рукой — нескольких похожих на ос созданий, жужжащих у её лица. На мгновение он решил, что они переехали гнездо ос на земле, но когда рассмотрел одно из насекомых с лицом, похожим на человеческое, то понял, что они в беде.

Затем он услышал гудение роя позади, сразу за спиной, и испугался, что они обречены.

Он безуспешно боролся с поводьями — фургон свернул в грязь с краю дороги.

- Бежим! - крикнул он и прыгнул с переднего сидения.

Далия прыгнула с другой стороны и быстро разделила свой посох на пару нунчаков, вращая ими, как конским хвостом, отгоняющим мух, ударяя их друг о друга, чтобы набрать волшебный заряд молнии. Она морщилась от боли с каждым столкновением — ныла сломанная рука.

Жужжание неожиданно стало громче, когда дверца кареты со стороны Реджиса распахнулась, и наружу вырвалось облако крохотных созданий.

Кровь отхлынула от лица полурослика, но они пролетели прямо сквозь него, перемахнули через лошадей без единого укуса и полетели к Далии.

Она кричала и вертелась, ударяя нунчаками друг о друга, выпуская молнии. Её жалили, кусали, и то и другое сразу. Наконец женщина упала и принялась кататься по земле, отчаянно молотя руками. Она сумела выпустить сильный разрыв молнии, удар, разошедшийся от неё и поразивший саму женщину, как и насекомых, осыпав Далию дождём мертвых ос и оставив её бешено трястись. С её одежды поднимался дым.

Оставшиеся чудовища-осы улетели.

Реджис подбежал к ней и помог подняться на колени. Она просидела так долгое время, всхлипывая от боли. Её лицо распухло, глаза затекли.

- Нам нужно идти, - поторопил её полурослик.

Она кивнула, поморщившись от боли, и с трудом поднялась на ноги, баюкая свою сломанную руку.

- Они вылетели из кареты, - объяснил Реджис и подошёл вместе с ней к открытой дверце.

Внутри неподвижно лежал кокон с Энтрери. Он наполовину слез на пол тем концом, которым свисал с потолка.

Далия взывала, поскольку с этого конца странного саркофага продолжали вылетать осоподобные твари. Её укусили или ужалили дюжину раз и мучительная боль ещё не прошла, но было ясно, что эти маленькие монстры пировали на её возлюбленном несколько дней!

Она обрушила нунчаки на конец кокона, сначала одни, потом вторые, выпуская последние заряды молний, сжигая мелких тварей прежде, чем они могли улететь, опалив кончик кокона. Её ярость превысила боль, Далия схватила кокон и вытащила его из кареты, швырнув на землю, а затем принялась разрывать обожжённую верхушку. Она достала с пояса нож и несколько раз ударила по нему — отчаянно, свирепо.

- Нет! Нет! - кричала она каждый раз, останавливаясь проверить результат и видя, что не нанесла никакого урона.

- Далия, - тихо позвал её Реджис. - Надо уходить.

- Помоги мне! - закричала она.

- Далия, не сейчас. Нам надо уходить.

Она посмотрела на него и оскалилась, но её гнев ослаб, когда она заметила, что Реджис даже не смотрит на неё, а смотрит обратно, на путь, который они преодолели. Далия резко повернула голову.

Маленькая белоглазая девочка, улыбаясь, летела к ним вдоль дороги.

Так жутко улыбаясь.

- Помоги мне, - всхлипнула Далия, цепляясь за кокон и пытаясь затолкать его назад в карету.

- Он мёртв, Дали...

- Помоги мне! - в её голосе слышалось убийство, и это была не пустая угроза.

Они снова запихали кокон в карету и вскарабкались на переднее сиденье, где Далия схватила поводья и хлестала упряжку, пока лошади не вытащили её из грязи и не помчались снова по дороге.

Вскоре после этого истощённая и измученная женщина потеряла сознание.

Они уже оставили Глубоководье далеко позади, лошади устали, но Реджис продолжал гнать их на север.

Что за чокнутый дварф, задумался Закнафейн. Этот глупец — прекрасный, храбрый глупец — бросился прямо в на морду захватчика, огромные мандибулы сомкнулись вокруг него, и он принял на себя полную мощь следующего выстрела демонического голема — разряда, который начал превращать его в камень.

Закнафейн мог только надеяться, что теперь статуя дварфа будет блокировать новые магические лучи.

Но нет! Закнафейн преодолел последние шаги, его мечи с силой рубанули по ближайшей паучьей ноге, и в этот момент странный дварф превратился в облако газа.

Затем стал снова дварфом — из плоти, а не из камня.

- Мой Пвент! - услышал Закнафейн крик короля Бренора у себя за спиной.

- Мой король! - дварф, Пвент, закричал в ответ, колотя по глазам голема своими шипастыми перчатками, вызывая вопли протеста от паука, который яростно пытался оттолкнуть его, и вызывая радостные вопли и возгласы «Поднажми!» от дюжины дварфов, управляющих соковыжималками.

Пвент полностью погрузился в свою боевую ярость, самозабвенно избивая врага, не обращая внимания на мандибулы, которые снова сомкнулись на его теле. Закнафейн яростно обрушился на ближайшую ногу, пытаясь заставить тварь ослабить хватку.

- Ах ты пёс! - проревел дварф.

Закнафейн поднял взгляд. Молния плясала между паучьих глаз, и оружейник чувствовал, как копится новый взрывной заряд. Он увидел это по лицу дварфа и понял, что безумец обречён.

Однако за секунду до того, как ударил разряд, зелёный и упругий пузырь слизи пролетел между дварфом и паучьей мордой, приковав дварфа к чудовищному арахниду и прижав обе его руки к туловищу.

Закнафейн повернул голову, чтобы увидеть источник слизи, Джарлакса, рядом с которым мчались король Бренор и две его королевы.

Король бежал на верную смерть ради своих друзей.

Эта мысль поразила Закнафейна. Какая верховная мать пошла бы на такое?

И к ещё большему изумлению оружейника, король Бренор перестал быть дварфом, а превратился в великана, и продолжал расти с каждым новым шагом.

Закнафейну пришлось отскочить в сторону с пути этого огромного тарана. Бренор врезался в первую соковыжималку, выставив перед собой щит, ударив её с огромной силой — большей, чем сила всех толкавших её дварфов.

Захватчик задрался ещё выше, и дварфы нажали со всех сторон, переворачивая чудовище на бок, а затем — и на спину.

Паук рухнул вниз с приклеенным к нему Пвентом, несколько соковыжималок упали следом. Одна ударила чудовище, когда то попыталось схватиться за стену, другая по удачному совпадению приняла на себя нить паутины, которую сумел выпустить голем.

Закнафейн вывернулся, его мечи полетели вниз, и оружейник остался висеть, цепляясь пальцами за край пропасти.

Значит, это смерть?

Значит, это смерть-тайна-исчезновение-разрушение, последнее падение, хоровод, треск шеи в петле, голова, отсечённая клинкомпалача, последний вздох раздавленных лёгких, последние вывалившиеся кишки. Омерзительней, чем жизнь,

охбутьпроклятбутьтепроклятывечно! Влекущий конец сна, не лучший, полный шёпота проклятий.

Мерзкомерзкомерзкопроклинаювасвсех!

Проклятая жизнь! Короткая, слишком короткая, такая короткая! Радость Калихи, тепло Далии, объятья Джарлакса, уважение Дзирта! Проклятье, я не знал, Охбутьтевывсеевечнопрокляты!

Жизнь, сон — пффт, пропали... и полнополнополно вони, забиты ноздри. Только вонь, одна лишь вонь. Я отрицаю вонь, но нет, и теперь я виновен? Как? Что за кара?

Безопасный мир бледной боли, чернобелый в свете луны, солнечные дни — слишком коротки. Мелькание света. Короткая икорка. Щёлк! Образ, мгновение. Украдены!

Охбутьтевывсеевечнопрокляты!

Слишком долго... слишком! Мгновения искр, часы вины и ненависти.

Слишком много крови, теплота на запястье, на руках, запеклась на веках.

Так много яда, так много боли.

Одна надежда, один вопрос, только один, но нет, я не могу умереть, чтобы спастись от боли — нет! Нет, теперь я знаю, нет спасения, есть лишь безнажѣдность-глубокая-пустота-тьма-тьма-вечная. За границами укусов тысячи-миллоинов-тысяч ос, маленькие огни, непрекращающаяся боль...

Укусы, ожоги, образы, вспышкавспышкавспышка. Калихи! Жертва, жертва, жертва. Далия! Жертва, жертва, жертва. Джарлакс! Жертва, жертва, жертва. Так много жертв. Моих жертв так много!

Ты знал! Дзирт, ты знал.

Охбутьтевывсеевечнопрокляты!

Но нет.

Нет.

Нет!

Я не могу!

Если бы я использовал свой кинжал на себе! Небытие... небытие... я слишком поздно понял, что это мой единственный рай.

Охбутьтевывсеевечнопрокляты...

...

Повиснув над бездной, Закнафейн посмотрел вниз сквозь густой туман на оранжевое сияние похожего на лаву предтечи. Одна из соковыжималок, развалившаяся на части от удара о стену, рухнула в лаву и немедленно вспыхнула пламенем. Он увидел, как падает на спину паучий голем, как вопит, молотит лапами и пытается выпустить паутину.

Поднялась какая-то темнота, которую он принял за клуб дыма, но потом она сложилась в большую летучую мышь и взлетела над пропастью.

Паук почти сумел выровняться, но рядом с ним поднялось щупальце лавы — достаточно близко, чтобы Закнафейн почувствовал резкий скачок жара — а затем волной разбилось о чудовище из Бездны, задев брызгами летучую мышь.

Визги немедленно прекратились, заглушённые тяжёлой расплавленной субстанцией, и лава выровнялась, как будто проглотив голема.

Закнафейн пытался держаться, пытался найти сапогом опору, чтобы вылезти наверх.

Он почувствовал, что его левую руку схватили, потом схватили правую, а когда оружейник поднял взгляд, то увидел не одну, а двух спасительниц — королев Гонтлгрима, которые взяли его и потащили наверх.

Встав ногами на твёрдую землю, Закнафейн окинул взглядом открывшуюся перед ним сцену. Повсюду сновали dwarфы, помогая раненым — а раненых было много. Слева к нему кинулся Джарлакс, но резко остановился и отступил на шаг.

Закнафейн понял, в чём дело, когда услышал за спиной вопль, а потом обернулся и сразу же пригнулся, когда мимо промчалась огромная летучая мышь с объатым пламенем крылом. Мышь полетела вниз направо и прочь из зала.

- Тибблдорф, - услышал он королеву Маллабритчес.

- Пвент, - добавила её сестра, Таннабритчес.

Закнафейн ничего не понял, но на него произвела впечатление взаимовыручка dwarфов и отчаянное стремление помогать пострадавшим.

- Оно целилось в тебя, - сказал Джарлакс, подходя к оружейнику, когда тот обернулся обратно.

- Летучая мышь?

- Паук, - пояснил Джарлакс. - Не сомневаюсь. Я пристально следил за големом, когда он ворвался в зал, и его реакция была весьма красноречива, когда многочисленные глаза уставились на Закнафейна.

Закнафейн оглянулся на оранжевое сияние внизу.

- Ну, теперь его больше нет.

- Похоже на то.

Закнафейн наклонился и снова взгляделся в пропасть, затем закрыл глаза и сделал глубокий вдох. Он начал кивать, не открывая глаз, потом сказал Джарлаксу:

- Оно пришло за мной, а теперь его нет. Я чувствую внутри лёгкость, хотя раньше не замечал там никакой тяжести.

Джарлакс похлопал друга по плечу.

- Нам стоит пойти наверх и убить парочку демонов. Dwarфы выдавливают их из Гонтлгрима.

Закнафейн кивнул, но огляделся вокруг.

- Сначала поможем раненым, - сказал он.

Он получил от Андахара больше, чем рассчитывал, но когда единорог неожиданно замедлил бег, показывая, что Дзирту пора спешиться, до места назначения оставалось ещё далеко. Несмотря на его долгое бегство от Ивоннель и Атрогейта, последняя возвышенность показала Дзирту, что демонический голем по-прежнему рядом. Он решил, что это хорошо, поскольку означает, что захватчик не обратил внимания на его друзей, но теперь, когда магия Андахара подошла к концу, следопыт знал, что его планы под угрозой.

Он соскользнул с единорога и развеял Андахара, не зная, увидит ли прекрасного зверя снова. Потом Дзирт собрался с духом и оценил своё местонахождение. Ему предстояло пробежать много миль.

И он побежал. Он сделал первый шаг, набирая скорость, пытаясь оценить, как быстро может бежать, не уставая.

Он подумал о монастыре Жёлтой Розы, о магистре Кейне, о его науке, позволявшей объединять тело и разум.

Сейчас Дзирт делал это на каждом шагу, сосредоточившись на движении мышц, а не просто ног. Нет, он отправился на более глубокий уровень, сокращений и растяжений, и ощущал взаимодействие своих бедёр, сухожилий, лодыжек, стоп — всё, даже движения рук.

И с каждым шагом его бег улучшался. Вскоре он прикладывал меньшие усилия и бежал быстрее, его дыхание было прекрасно рассчитано, его руки работали ради максимальной инерции в нужном направлении.

Он погрузился внутрь себя, в мантру. Пролетела миля, три мили, пять, десять, дюжина. Если бы он потерял концентрацию, то удивился бы, как долго и быстро бежит, ведь в этом трансе Дзирт просто заблокировал боль и усталость. Для дроу их не существовало — по крайней мере, он их не чувствовал.

Он остановился только раз, на верхушке ближайшего холма, чтобы осмотреть предстоящий путь (и обрадоваться, ведь отсюда уже виднелось место назначения) и оглянуться, увидев, что упрямый паук серьёзно сократил расстояние и теперь был совсем рядом.

Дзирт посмотрел на свою цель, потом на паука. Да, он был уверен, что успеет прийти туда первым.

Теперь он хотел убедиться, что опередит паука *всего на волосок*.

Он сделал глубокий вдох, снова пытаясь отсечь усталость — следопыту пришло в голову, что в таком трансе он может бежать, бежать и бежать, пока не упадёт замертво.

Неважно. В большом мире, мире его друзей и любимых, в мире добрых людей северного побережья Меча, это было неважно.

Он пересёк знакомую дорогу, перейдя в каменистую местность, сопровождаемый волнами океана. Он снизил скорость, глядя назад чаще, чем вперёд, позволяя захватчику приблизиться, и осторожно выбирал путь среди камней, чтобы не показываться тем, кто мог находиться впереди.

Голем приближался. Дзирт наконец увидел его, а паук заметил Дзирта. Чудовище громко завизжало и зашипело, бросившись к дроу.

Дзирт как можно быстрее преодолел последний отрезок, внешнюю стену разрушенной крепости, известной под названием Терновый Оплот. Паук быстро догонял. Дроу взлетел по стене, безупречно и быстро, несмотря на крики оставшихся дварфов Каменной Шахты. Не задерживаясь, он перевалил через стену.

- А ну стоять! - крикнул один из часовых, бросаясь на полуголого и вроде бы безоружного дроу с опущенным копьём, чтобы пронзить его насквозь.

Удар наотмашь поднятой рукой и лёгкий разворот, правое плечо опущено вниз — и атака прошла стороной, не нанеся вреда. Дварф не остановился, пытаясь протаранить худощавого дроу плечом, но этот его разворот усилил собственный

удар Дзирта, укол напряжённой рукой, угодивший бедняге прямо в горло и остановивший его так же верно, как каменная стена. Он выронил копье и отшатнулся назад, прежде чем упасть на колени, отчаянно задыхаясь.

Дзирт надеялся, что не прикончил несчастного, но у него не было времени проверять — паук был уже на стене, а с другой стороны по парапету неслись на него новые дварфы. От оттолкнулся от парапета и сделал сальто, вытянулся ногами вниз и полуразвернулся, прежде чем приземлиться в двадцати футах внизу, затем присел с ногами, развернутыми так, чтобы превратить энергию приземления в косой кувырок, который стал кувырком назад, который стал вторым кувырком назад и третьим, где Дзирт оттолкнулся, перекатившись через плечи, выпрямляясь и взмывая в воздух, чтобы грациозно приземлиться на ноги, глядя обратно на стену.

Парапет рассыпался, дварфы полетели в стороны, через стену перелез паук-захватчик.

Дзирт развернулся и помчался в крепость, пробежав мимо двери, которая начала отворяться прямо перед чудовищной молнией, выпущенной приближавшимся арахнидом.

Дзирт резко остановился и бросился на землю прямо перед молнией, так близко, что почувствовал, как его длинные волосы встают дыбом и пляшут, как сумасшедшие. Молния сорвала дверь с петель, поэтому он вскочил и бросился внутрь, промчавшись мимо троицы дварфов, распростёршихся внутри — их одежда дымилась от взрыва.

Вдалеке на северной дороге, откуда уже была видна крепость, две пары глаз следили за тем, как паук преодолевает стену.

- Ага, он заберёт с собой грязных дварфов, - буркнул Атрогейт. Ивоннель при помощи своей магии отправила его в погоню за пауком — они оба хотели увидеть последнюю охоту Дзирта До'Урдена. Держась позади паука, они были уверены, что целеустремлённый голем не станет разворачиваться и покинет этот план бытия, выполнив свою задачу, как завершила Ивоннель Атрогейта.

Оба вздрогнули, Атрогейт резко втянул в себя воздух, увидев неожиданную вспышку и услышав оглушительный гром. Они решили, что всё могло уже кончиться.

Вдалеке на южной дороге другая пара глаз наблюдала, как паук пересекает каменистую землю, затем карабкается по стене Тернового Оплота.

- Мир сошёл с ума, - сказала Далия Реджису. Из-за распухших губ каждое её слово выходило смазанным.

- Он сломался, - согласился Реджис. - Всё сломалось.

- Мы будем вечно жить в зловонии и тени демонов, - сказала Далия, разговаривая больше сама с собой, и, судя по повороту головы, с мешком демонического отчаяния в карете. - Столько разных чудовищ мы даже в кошмарах не видели.

После долгой паузы Реджис выпрямился на сидении и заявил, громко и чётко, без присвиста или дрожи в голосе:

- Нет. Я не стану сдаваться.

Как только двое дроу вышли из зала и бок о бок вошли в помещение кузницы, они узнали, что вовсе не отправятся в залы на высших ярусах. Бренор вышел из зала предтечи раньше них и теперь стоял у Великой Кузни, которая была закрыта. Король дварфов казался крайне обеспокоенным.

Он поднял взгляд на Джарлакса и Закнафейна и сразу же стал давать им знаки подойти, и как будто чтобы подкрепить его просьбу, всё помещение неожиданно содрогнулось, и глубоко, глубоко внизу раздался рокот.

- Что тебе известно, король Бренор? - спросил Джарлакс.

- Вам нужно отправляться в Лускан, и быстро, - ответил Бренор.

- Отведи меня к волшебным вратам.

- Не работают, - ответил Бренор. - Совсем. И мы закрыли кузни, чтобы проклятый паук не разбил их и не выпустил на волю конечности огненного зверя — я уже видел это раньше и не хочу повторять. Но теперь мы не можем снова привести их в действие.

- Какие есть предположения?

- Предтечу удерживает в пропасти магия, берущая начало в Лускане, под башней, которой нынче правит Громф, - пояснил Бренор. - Эта башня не даёт нам необходимое волшебство. Если так пойдёт дальше, неважно, прорвутся демоны или нет — всё место взлетит на воздух, можешь не сомневаться.

Джарлакс посмотрел на Закнафейна, чтобы показать другу, как он встревожен — ведь он знал о связи между Главной башней Волшебства и огненным предтечей.

Ещё один дварф подбежал к Бренору и оттащил его в сторонку для разговора шёпотом. Через какое-то время дварф побежал дальше, просигналив остальным направляться за ним.

- Что тебе известно, Джарлакс? - напрямик спросил Бренор.

- Я не понимаю...

- Почему Главная башня нас отрезала?

- Я не знал об этом, но я отправлюсь туда, если хочешь...

- И почему они здесь? - добавил Бренор.

- Демоны?

- Дроу.

- Какие дроу?

- Армия дроу, - сказал Бренор. - Большое войско со знамёнами многих домов приближается к нашим нижним вратам.

У Джарлакса отвисла челюсть — поистине редкое зрелище. Бренор дал ему знак идти следом и повёл их с Закнафейном в ближайшую комнату, укреплённую и охраняемую. Внутри они обнаружили дварфийских клириков, многие из которых стояли перед хрустальными шарами. Они подошли к ближайшему, и жрец, творивший магию прорицания, указал Бренору заглянуть в шар.

Король отвёл взгляд, наполовину вздохнув, наполовину зарывчав, затем глянул на Джарлакса и указал на волшебный предмет.

И Джарлакс понял, что они обречены, поскольку в хрустальном шаре увидел марширующий Мензоберранзан, знамёна дома Бэнр, процессию дома Баррисон Дель'Армго. Присутствие двух этих давних врагов, выступающих вместе, сказало Джарлаксу, что по тоннелям прошла большая часть войск города.

А это, в свою очередь, заставило наёмника решить, что он прекрасно знает, почему Главная башня Волшебства и в особенности её не слишком надёжный архимаг теперь подорвали позиции Бренора.

- Ну? - спросил король Бренор.

- Что ну? - невинно отозвался Джарлакс.

- Почему они здесь, эльф?

- Я не знаю.

- Когда ты попросил меня верить королю Бренору, я не догадался, что эта вера останется односторонней, - вмешался Закнафейн прежде, чем Бренор успел ответить.

Бренор замялся с ответом и уставился на Закнафейна, который просто пожал плечами.

- Может быть нам всем отправиться в Лускан, - предложил Джарлакс. - *Хотя бы в Лускан.*

- А может нам стоит пойти поохотиться на жриц, - заявил Закнафейн. - Ты же не думал, что наши милые сестрички в Мензоберранзане могли упустить такую возможность? Войско демонов, готовое к боевым действиям, ослабленная дварфийская крепость...

В ответ на бесконечный, и, к сожалению, обычно оправданный цинизм друга Джарлакс мог только вздохнуть.

Дзирт устроил пауку погоню по коридорам и комнатам крепости, тоннелям и залам в катакомбах внизу, и снова по крепости. Чудовище оставляло за собой след из разрушения и обращённых в камень дварфов.

Когда они приблизились к выходу, Дзирт нашёл небольшое местечко, трещину в камне, и сунул внутрь своё ожерелье и свисток, в последний раз улыбнувшись Андахару с надеждой, что ни одно злое существо не найдёт прекрасного единорога.

Он выбежал обратно во двор, но там остановился и не стал взбираться по стене.

Наружу вырвался паук, в спешке выломав дверной проём и камни вокруг, нацелился на Дзирта, который стоял спокойно, сосредоточено, опустив руки по бокам.

Захватчик встал на дыбы, замахал передними лапами, чтобы отразить любой удар. Его глаза засверкали и выпустили ярко-фиолетовую молнию.

Дзирт не шевельнулся — он знал, что это бессмысленно, и радовался, что достаточно разозлил голема. Теперь чудовищу было мало просто схватить свою цель.

Луч ударил...

И исчез, рассыпавшись осколками света, похожими на тысячу крохотных лепестков, вьющихся на ветру. Хлопнули и затрепетали штаны Дзирта, затем тоже исчезли, рассеянные последним и самым мощным лучом голема-захватчика.

Демон-арахнид забежал кругами, его чувства, так прочно связанные с жизненной силой жертвы, говорили правду; существо по имени Дзирт более не существует.

Тварь победно завизжала. Цель его жизни была исполнена. Паук начал вертеться на том месте, где растворилась его жертва, восемь ног плясали от самого схожего с счастьем чувства, которое только мог испытывать изверг. И он тоже растворился прямо на этом самом месте. Его огромная материальная форма быстро растаяла струйками дыма, пересекая планы бытия.

Она сделала своё злое дело.